http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. Ѳ. ГОРБУНОВА

Подъ редакціею и съ предисловіемъ

А. Ѳ. Кони.

INSTYTUT BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-53

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

3-е изданіе.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

http://rcin.org.pl

Fundacji Im. J. J. Michalskich
Ze zbiorów

Артистич. заведенiе А. Ф. МАРКСА. Измайл. пр., № 29.

24.107

http://rcin.org.pl

Отъ издателя.

Послѣднее изданіе «сцень и разсказовъ» Ивана Ѳеодоровича Горбунова, вышедшее въ 1881 году, далеко не обнимаетъ собою всего, что было написано высокоталантливымъ художникомъ, и онъ самъ, предъ смертью, началъ подготовлять матеріалы для новаго, болѣе полнаго, изданія. Осуществляя его намѣреніе, мы предлагаемъ читателямъ настоящее собраніе сочиненій И. Ѳ. Горбунова, въ которое вошли оригинальныя его произведенія, появившіяся въ печати до конца 1900 года. Изъ нихъ устранены лишь тѣ, коимъ онъ самъ не придавалъ никакого значенія, даже не подписывая ихъ своимъ именемъ. Нѣкоторые его разсказы сохранились лишь въ изустной передачѣ. Желая собрать ихъ, семья покойнаго просила, черезъ посредство газетъ, лицъ, запомнившихъ эти разсказы, о письменномъ сообщеніи ихъ. Къ сожалѣнію, на этотъ призывъ откликнулось лишь одно лицо — и такимъ образомъ не представляется возможности сличить и взаимно провѣрить содержаніе нѣсколькихъ записей, возстановивъ одинъ общій, *приблизительный* текстъ. Въ раздѣленіи книги на отдѣлы—принята терминологія автора. Значительная часть «отрывковъ изъ воспоминаній» и нѣкоторыя изъ «подражаній старинной письменности»

http://rcin.org.pl

появляются въ печати въ первый разъ. Къ составленному А. Ѳ. Кони очерку жизни и дѣятельности Горбунова присоединенъ его некрологъ, написанный нынѣ покойнымъ глубокимъ знатокомъ народной жизни и русскаго языка—Тертіемъ Ивановичемъ Филипповымъ, печатаемый съ любезнаго разрѣшенія его сына, С. Т. Филиппова.

Изданіе посвящается памяти одного изъ знаменитѣйшихъ артистовъ московской драматической труппы — Прова Михайловича Садовскаго. Благоговѣйныя воспоминанія Горбунова о Садовскомъ и сильное вліяніе послѣдняго на его художественное развитіе и судьбу — достаточно объясняютъ это посвященіе.

http://rcin.org.pl

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПАМЯТИ

ПРОВА МИХАЙЛОВИЧА

САДОВСКАГО.

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

ИВАНЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ ГОРБУНОВЪ.

ОЧЕРКЪ.

I.

Немного лѣтъ прошло со смерти И. Ѳ. Горбунова, а столь обычное у насъ забвеніе начинаетъ уже вступать и по отношенію къ нему въ свои права. Образъ его тускнѣетъ, расплывается въ отрывочныхъ воспоминаніяхъ, рисуется въ невѣрныхъ очертаніяхъ. Имя его почти ничего уже не говоритъ тѣмъ, кто не зналъ или не слышалъ его лично. Рѣдко кто имѣетъ возможность прочесть собраніе его, ставшихъ библіографическою рѣдкостью, разсказовъ. Едва ли найдется и много желающихъ пожертвовать кропотливымъ трудомъ и временемъ на розысканіе въ старыхъ повременныхъ изданіяхъ его произведеній, напечатанныхъ послѣ 1881 года,—года послѣдняго изданія его разсказовъ. И уходитъ, такимъ образомъ, изъ памяти общества замѣчательный по своему дарованію русскій человѣкъ, умѣвшій воплощать въ сжатыхъ и яркихъ формахъ типическія черты нашей бытовой жизни. Уходитъ—не оставивъ, въ виду своеобразности своего творчества, и преемника. Пока еще не изсякли личныя о немъ воспоминанія, пока еще помнятся, болѣе или менѣе «съ подлиннымъ вѣрно», нѣкоторые его нигдѣ не напечатанные разсказы,—необходимо постараться задержать его, не дать ему уйти совсѣмъ, необходимо попробовать отдать себѣ отчетъ въ томъ, что такое былъ въ своей художественной дѣятельности Горбуновъ. Это тѣмъ болѣе нужно, что въ представленіе о немъ закралось много ложнаго, что обобщеніе отдѣль-

http://rcin.org.pl

ныхъ случаевъ и мимолетныхъ, иногда совсѣмъ непродуманныхъ, выводовъ и непровѣренныхъ впечатлѣній создало такой образъ Горбунова, который не соотвѣтствуетъ ни его душевному складу, ни дѣйствительному, внутреннему содержанію его произведеній. Многіе думаютъ и говорятъ о немъ, судя по единичнымъ встрѣчамъ, какъ о веселомъ собесѣдникѣ, о застольномъ увеселителѣ, о *забавникѣ*. Взрывы смѣха зрительной залы въ театрѣ, когда, въ чей-нибудь бенефисъ, добрый и обязательный Горбуновъ выступалъ съ новою «сценою изъ народнаго быта»,—хохотъ сотрапезниковъ, которымъ, «entre poire et fromage», кажется очень смѣшнымъ то, что разсказалъ имъ Горбуновъ,—веселое настроеніе какого-нибудь интеллигентнаго кружка, восхищеннаго тѣмъ, «какъ *это* тонко подмѣчено!» или «какъ *оно* мѣтко схвачено!»—представляются многимъ правильною оцѣнкою и опредѣленіемъ всего смысла творчества Горбунова. Но тѣ, кто думаетъ такъ, не знаютъ и не понимаютъ его. Они видятъ во внѣшнемъ, бьющемъ въ глаза, результатѣ—выраженіе сокровенной душевной работы художника,—и глубиною пониманія слушателей опредѣляютъ глубину проникновенія его въ свойство и значеніе изображаемыхъ имъ явленій.

Этотъ близорукій и поверхностный взглядъ особенно неправиленъ относительно Горбунова. Извѣстность выдающагося актера, разсказчика и вообще воплотителя житейскихъ и поэтическихъ образовъ—имѣетъ одну завидную особенность. Она не сопряжена съ нравственною отвѣтственностью. Она не влечетъ за собою ни строгаго осужденія прозрѣвшаго человѣчества, ни суда исторіи, ни угрызеній совѣсти, напоминающей о средствахъ, которыми иногда куплена слава полководца, политика, властителя. Но она, вмѣстѣ съ тѣмъ, временна и непрочна. За извѣстнаго дѣятеля на поприщѣ другихъ искусствъ или въ области государственной говорятъ—неприкосновенная цѣлость ихъ трудовъ, безчисленныя историческія и житейскія послѣдствія ихъ дѣлъ. Лютеръ, Наполеонъ и Петръ, тотъ Петръ, «чей каждый слѣдъ,—по словамъ кн. Вяземскаго—для сердца русскаго есть памятникъ священный»,—постоянно напоминаютъ о себѣ; Рембрандтъ будетъ вѣчно говорить со своихъ удивительныхъ холстовъ, — Пушкинъ — со своихъ вдохновенныхъ страницъ. Не такова судьба сценическаго дѣятеля. Его извѣстность поддерживается почти исключительно живыми свидѣтелями того, какъ прочно и глубоко вліялъ онъ на зрителей или слушателей; совокупность ихъ однородныхъ впечатлѣній и воспоминаній — создастъ конкретный обликъ артиста. Но когда они уходятъ, а за ними слѣдуютъ и тѣ, кому они передали свои непосредственныя ощущенія,—живое пред-

http://rcin.org.pl

ставленіе объ артистѣ начинаетъ быстро сглаживаться, теряя свою яркость, и громкія имена людей, потрясавшихъ сердца,— имена Кина, Гаррика, Тальмы—ничего яснаго и опредѣленнаго не говорятъ послѣдующимъ поколѣніямъ. Извѣстность носителей этихъ именъ принимается на вѣру,—такъ сказать, въ кредитъ. Ссылаясь на нее, приходится, по большей части, jurare in verba magistri, не обращаясь къ критикѣ источниковъ и оставляя въ сторонѣ *современныя* требованія, предъявляемыя и къ сценическимъ произведеніямъ, и къ пріемамъ и способамъ ихъ исполненія. Имя артиста переживаетъ его дѣла; въ другихъ областяхъ нерѣдко дѣла переживаютъ имя. Хотя значительная часть разсказовъ Горбунова и была напечатана, но существовали, однако, многіе варіанты и дополненія къ нимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлый рядъ сценъ, никогда не видѣвшихъ печати и не записанныхъ даже самимъ авторомъ. Все это, вмѣстѣ съ оригинальною формою, въ которую они были облечены, и со свойственными Горбунову средствами исполненія, грозитъ кануть въ «пропасть забвенія». Наконецъ, и то, что было когда-то напечатано—въ виду своей отрывочности и обособленности, только тогда можетъ дать вѣрное понятіе о Горбуновѣ, когда будетъ подвергнуто нѣкоторому анализу и группировкѣ по своему содержанію. Для этого надо попытаться изъ отдѣльныхъ эпизодовъ разныхъ разсказовъ, изъ сверкающихъ въ нихъ вспышекъ юмора и изъ звучащаго въ нихъ грустнаго раздумья составить нѣчто по возможности цѣльное, нѣчто въ родѣ мозаическихъ изображеній изъ различныхъ цвѣтныхъ кусочковъ. Такая работа была бы достойна памяти народнаго русскаго художника, какимъ былъ Горбуновъ.

Далекій отъ мысли представить, въ настоящемъ очеркѣ, подобную работу, я хотѣлъ бы лишь намѣтить нѣкоторыя ея стороны и пріемы, необходимые, по моему мнѣнію, для выясненія личности и творческой дѣятельности Горбунова. Fecì quod potui, faciant meliora potentes...

Какъ бы сложны, разнообразны и даже противорѣчивы ни были требованія, предъявляемыя къ художнику, между ними есть, однако, такія, на которыхъ сходится большинство. Наличность ихъ выполненія служитъ доказательствомъ сознательной творческой дѣятельности. Эта наличность существовала, и притомъ въ высшей степени—у Горбунова. Онъ вносилъ въ свои произведенія самого себя, онъ чувствовался въ нихъ. Изображая избранный имъ предметъ тѣмъ или другимъ способомъ, въ той или другой формѣ, истинный художникъ невольно вкладываетъ въ это изображеніе и свое отношеніе къ

http://rcin.org.pl

тому, что онъ изображаетъ. Это отношеніе выражается въ настроеніи, почвою для котораго часто служитъ сужденіе художника о предметѣ своего труда. Безстрастное воспроизведеніе видѣннаго и слышаннаго, безъ внутренняго смысла, безъ вкладыванія въ него своей души, а лишь съ заботою, иногда доходящею до болѣзненности, о технической отдѣлкѣ, никогда не оставитъ глубокаго впечатлѣнія, не произведетъ сильнаго дѣйствія. Объективная безсодержательность произведенія можетъ вызвать лишь мимолетный эффектъ, но не создастъ въ зрителѣ или слушателѣ прочнаго воспоминанія о прочувствованномъ, какъ бы силенъ ни былъ холодный блескъ техническаго исполненія. Во всѣхъ родахъ искусства—умѣнье проникнуться извѣстнымъ настроеніемъ и передать его, путемъ творчества, другимъ—составляетъ главную задачу и проявленіе дѣятельности художника. Знатокъ въ дѣлѣ пониманія искусства, И. А. Гончаровъ, не разъ высказывалъ эту мысль. Между прочимъ, въ «Литературномъ вечерѣ» онъ говоритъ, устами одного изъ выводимыхъ имъ лицъ: «духъ, фантазія, мысль, чувство художника должны быть разлиты въ произведеніи, чтобы оно было созданное живымъ духомъ тѣло, а не вѣрный очеркъ трупа, созданіе какого-то безличнаго чародѣя. Живая связь между художникомъ и его произведеніемъ должна чувствоваться зрителемъ и читателемъ; они, такъ сказать, съ помощью чувствъ автора получаютъ возможность наслаждаться сами...» Исходя изъ такого же взгляда, Шербюлье («L'art et la nature») проводитъ мысль, что произведеніе искусства является проводникомъ или посредникомъ между душевнымъ настроеніемъ художника и его слушателей, зрителей или читателей.

Несмотря на поразительную жизненность изображеній въ сценахъ и разсказахъ Горбунова, дающую имъ вполнѣ объективный характеръ, онъ постоянно чувствуется въ нихъ, не равнодушный и спокойный, а съ чутко настроенною душою, умѣющею переживать то, что онъ изображаетъ. Поэтому за житейскою правдоподобностью, за тѣмъ, что французскіе критики называютъ crédibilité, у него вездѣ видно его отношеніе къ описываемому. Оттого его разсказы—кромѣ самыхъ первоначальныхъ, не нашедшихъ себѣ даже и мѣста въ его изданіяхъ, возбуждаютъ не одинъ смѣхъ, не одно удивленіе предъ его наблюдательностью. Они приводятъ, въ своей совокупности, къ невольному, но неизбѣжному выводу нравственнаго или общественнаго характера. Изъ интереснѣйшаго въ бытовомъ отношеніи содержанія ихъ звучитъ отношеніе автора къ добрымъ и темнымъ, печальнымъ и примирительнымъ сторонамъ нашего народнаго

http://rcin.org.pl

быта и къ отдѣльнымъ явленіямъ нашей общественной жизни. Съ точки зрѣнія тѣхъ, кто утверждаетъ, что чистая художественность должна отличаться совершеннымъ отсутствіемъ нравственнаго или утилитарнаго началъ, Горбуновъ, конечно, не былъ служителемъ чистаго искусства, но тѣмъ ближе и понятнѣе онъ намъ, тѣмъ глубже западали въ память создаваемые имъ образы. Онъ былъ вполнѣ народнымъ художникомъ. Умѣвъ стать въ своихъ изображеніяхъ въ тѣсную связь съ народомъ и отразить въ нихъ міросозерцаніе послѣдняго, онъ осуществлялъ завѣтъ Эмерсона, требующаго, чтобы истинный художникъ былъ «le délégué intellectuel du peuple», т. е., чтобы онъ былъ «un homme, dont les éléments constituants existent à l'état diffus dans tous les membres de la société, au milieu de laquelle il a pris naissance». Онъ бралъ содержаніе для своихъ сценъ преимущественно изъ жизни крестьянъ, мастеровыхъ, купцовъ, духовенства и мелкаго чиновничества и рѣдко касался другихъ слоевъ общества,— но вѣдь эти-то люди и составляютъ громадное, подавляющее большинство русскаго народа. При этомъ надо замѣтить, что Горбуновъ всегда умѣлъ схватить общенародные типы и мотивы, придавая имъ лишь бытовую или сословную окраску. Если въ его разсказахъ почти не встрѣчается представителей свѣтскаго общества, то это потому, что, по условіямъ и обстановкѣ своей жизни, по ея, такъ сказать, космополитическому складу, это общество утратило, въ обыденныхъ обстоятельствахъ, свой народный характеръ и въ этомъ отношеніи все болѣе и болѣе обезцвѣчивается. Русскаго человѣка, имъ описываемаго и выводимаго, Горбуновъ глубоко понималъ и любилъ горячо, безъ фразъ и подчеркиваній, любилъ потому, что жалѣлъ. Жалость эта сквозитъ во всѣхъ его сценахъ, гдѣ чувствуется, какъ различныя условія народной жизни или свойства характера не даютъ богатой природѣ этого человѣка пробиться къ свѣту и широко расправить крылья своихъ способностей или толкаютъ ее на ложный и темный путь. У простого русскаго человѣка *жалѣть*—синонимъ *любви*, и на вопросъ: «любишь ли?»—простая женщина не рѣдко отвѣчаетъ: «извѣстно, жалѣю!» Такъ любилъ народъ и Горбуновъ, не идеализируя его и не замалчивая его недостатковъ.

Дѣлясь съ публикою своимъ творчествомъ, Горбуновъ никогда, какъ и подобаетъ истинному художнику, не поддѣлывался подъ ея подчасъ низменные вкусы. Онъ былъ правописатель, но не льстецъ своихъ слушателей, не слуга ихъ преходящихъ и измѣнчивыхъ вкусовъ, не соискатель дешеваго успѣха дешевыми и не всегда опрятными средствами. Его свое-

http://rcin.org.pl

образные, подчасъ возбуждавшіе неудержимый смѣхъ, разсказы чужды пошлости и низменнаго характера. Въ нихъ нѣтъ ничего банальнаго, подражательнаго, избитаго. Чуткій художникъ, онъ не изображалъ лицъ и положеній, смѣшныхъ лишь съ внѣшней стороны, по формѣ, а не по существу. Поэтому въ его разсказахъ нѣтъ дѣйствующихъ лицъ чужой національности, съ ихъ неправильнымъ и комическимъ выговоромъ русскихъ словъ, съ особенностями ихъ произношенія, съ ихъ жаргономъ,—нѣтъ нѣмцевъ, чухонъ, евреевъ, армянъ, нѣтъ, однимъ словомъ, попытки вызвать грубою насмѣшкою надъ человѣкомъ другого племени смѣхъ, котораго потомъ нерѣдко стыдится человѣкъ развитый, и который ничего свѣтлаго не вноситъ въ нравственное настроеніе и пониманіе человѣка неразвитаго. Нѣтъ сомнѣнія, что при талантѣ Горбунова, при его умѣньѣ овладѣвать вниманіемъ аудиторіи, такія изображенія могли бы ему очень удаваться. При несомнѣнномъ пониженіи уровня вкусовъ общества за послѣдніе годы, этимъ изображеніямъ всегда обезпеченъ успѣхъ, а при средствахъ Горбунова онъ былъ бы громадный. Но онъ ни разу имъ не соблазнился, и если «нѣмецъ» два раза и мелькаетъ у него въ разсказахъ («Воздушный шаръ» и «Блонденъ»), то лишь для того, чтобы двумя-тремя рѣзкими штрихами обрисовать отношеніе къ нему *русскаго* человѣка.

Господствующій тонъ произведеній Горбунова есть юморъ, безъ оскорбительной насмѣшки и безъ ядовитой иронiи. Когда онъ попробовалъ однажды писать въ лично-насмѣшливомъ и ироническомъ родѣ — это ему мало удалось («Записная книжка»). Лишь роль, взгляды и иногда цѣлое міровоззрѣніе дѣйствующихъ лицъ служатъ содержаніемъ его разсказовъ, но никогда не личность, въ осмѣяніи ея бытовыхъ или племенныхъ особенностей. Поэтому въ томъ, что онъ повѣствуетъ и что онъ такъ неподражаемо разсказывалъ—полное отсутствіе анекдотичности. Улыбку и раздумье, видимый смѣхъ и подчасъ невидимую скорбь возбуждаетъ въ немъ, а черезъ него и въ слушателяхъ, не *смѣшной случай*, не искусственное сплетеніе комическихъ положеній и неожиданныхъ обстоятельствъ, а, если можно такъ выразиться, *кусокъ жизни*, выхваченный и показанный съ милымъ и безобиднымъ юморомъ, который искрится и бьетъ черезъ край. Этотъ юморъ, въ устахъ Горбунова, возбуждалъ иногда смѣхъ до слезъ, до невозможности въ теченіе нѣкотораго времени слушать продолженіе разсказа. Но когда послѣдній бывалъ оконченъ, когда дѣйствующія лица, благодаря своей яркой образности, рѣзко запечатлѣлись въ памяти слу-

http://rcin.org.pl

нателей, засѣвъ въ ней прочно и надолго,—когда возникалъ самъ собою итогъ разсказаннаго, то подводимая въ немъ картина русской жизни вызывала нерѣдко въ глубинѣ души слушателей и, благодаря удивительному таланту Горбунова — почти-что очевидцевъ—далеко не радостные звуки. Въ лицѣ Горбунова юмористъ, передававшій съ особымъ искусствомъ и правдивостью бытовыя черты изъ книги скорбей и радостей народной жизни, умѣлъ наводить на серьезные вопросы всякаго, кому дорого нравственное развитіе народа, кому народъ интересенъ, а не забавенъ только, какъ предметъ смѣхотворныхъ застольныхъ анекдотовъ.

И съ точки зрѣнія *мастерства*, т. е. формы и способа исполненія, Горбуновъ былъ истинный художникъ. Трудно видѣть въ немъ импровизатора, готоваго наскоро, умѣлыми руками набросать оригинальный разсказъ, сцену, бытовую картинку. На всѣхъ его произведеніяхъ и на всемъ, что онъ передавалъ устно, лежитъ печать продуманности. Она являлась необходимою—для разсказовъ съ историческимъ оттѣнкомъ, для полученія котораго требовалось предварительное и внимательное изученіе историческихъ матеріаловъ,—для сочиненій на старомъ русскомъ языкѣ, гдѣ одно неудачное и несвоевременное выраженіе портило бы цѣлостность общаго впечатлѣнія, звучало бы рѣзкимъ диссонансомъ. Но и кромѣ того, Горбуновъ вообще стремился сжать свои произведенія до крайнихъ размѣровъ, устранивъ изъ нихъ все излишнее и ненужное. А это требовало обдумыванья и неоднократныхъ, хотя бы только и мысленныхъ, передѣлокъ и перекроекъ. Онъ дѣйствовалъ какъ бы по программѣ другого большого художника—Ѳедотова, который говаривалъ: «въ дѣлѣ искусства надо дать себѣ *настояться;* художникъ-наблюдатель то же, что бутыль съ наливкой: вино есть, ягоды есть—нужно только умѣть разливать во-время....» Такъ и онъ, безъ сомнѣнія, «настаивался», и лишь выработавъ вполнѣ и всесторонне то, чѣмъ хотѣлъ подѣлиться съ публикою, пускалъ это въ обращеніе. Однажды, въ 1878 году, въ Москвѣ, Горбуновъ излагалъ пишущему эти строки фрагменты будущаго разсказа изъ дѣятельности несуществующаго политическаго учрежденія,—разсказа, полнаго самаго захватывающаго интереса, объявляя, что *все это* надо еще отдѣлать и кое-что переработать. Лѣтъ черезъ десять, на просьбу дать возможность выслушать этотъ разсказъ, онъ отвѣчалъ:—«да все не готово:—не клеится что-то!.. хочется посерьезнѣе сдѣлать...»—и неизвѣстно, не осталось ли это произведеніе лишь «im Werden», какъ говорятъ нѣмцы. Онъ не считалъ возможнымъ остановиться на отдѣльныхъ от-

http://rcin.org.pl

рывкахъ, связавъ ихъ намеками или искусственными нитями, и признавалъ себя въ правѣ пустить въ обращеніе свое произведеніе только тогда, когда оно было обработано до той ясности, съ которою оно возникло въ его душѣ. Оттого-то онъ и произвелъ сравнительно довольно немного. «En fait d'art,—говоритъ Жоржъ Зандъ,—il n'y a qu'une règle, qu'une loi: montrer et émouvoir». Но для того, чтобы успѣшно и цѣлесообразно *показывать* и *трогать*, необходимо устранить все, что затемняетъ образъ или цѣлую картину, созданные художникомъ, что мѣшаетъ ихъ «показать» столь выпукло и ярко, чтобы они произвели опредѣленное и цѣльное душевное движеніе въ слушателѣ или созерцателѣ. Это устраненіе излишняго—l'élimination du superflu, по удачному выраженію одного русскаго живописца,—усматривается во всемъ, созданномъ Горбуновымъ. Онъ былъ до крайности сжатъ и кратокъ, держалъ на привязи чужое вниманіе и умѣлъ заставить его, ничѣмъ не развлекаясь, почти сразу направиться на самый жизненный нервъ своего разсказа, не связаннаго никакою предвзятою формою, никакими условными правилами. Слушатель захватывался имъ съ первыхъ же словъ и слѣдилъ за нимъ съ неослабѣвающимъ интересомъ. Такъ именно совѣтуетъ Лессингъ поступать художнику: «не впадай въ непростительную ошибку,—не оставляй насъ ни на минуту равнодушными, интересуй насъ и дѣлай затѣмъ съ правилами искусства—маленькими и механическими—что хочешь!»

Вслѣдствіе этого, у Горбунова выработались особые пріемы повѣствованія. Въ большинствѣ случаевъ, онъ не дѣлалъ никакого вступленія; въ рѣдкихъ случаяхъ, когда оно было неизбѣжно, онъ ограничивался двумя-тремя словами. Разсказчикъ спѣшилъ стереться и отойти въ сторону, предоставивъ самой жизни, которую онъ изображалъ, говорить за себя, очевидно находя, что вступленіе излишне тамъ, гдѣ съ первыхъ словъ дѣйствующихъ лицъ предъ слушателемъ, мало-мальски знакомымъ съ русскою дѣйствительностью, сама собою возникаетъ живая обстановка и условія, въ которыхъ происходитъ дѣйствіе. «—Скоро полетитъ?—Не можемъ, сударь, знать. Съ самыхъ вечеренъ надуваютъ, раздуть, говорятъ, невозможно. А чѣмъ это, братцы, его надуваютъ?—Должно, кислотой какой... безъ кислоты тутъ ничего не сдѣлаешь»...—такъ начинается одинъ изъ лучшихъ разсказовъ Горбунова, и картина рисуется сама собою, безъ всякаго предваренія слушателя...—«Вы обвиняетесь въ томъ, что въ гостиницѣ «Ягодка» вымазали горчицею лицо трактирному служителю...—Вушевали мы это точно...—начи-

http://rcin.org.pl

наетъ Горбуновъ, и обстановка возстаетъ невольно предъ слушателемъ. Онъ видитъ мирового судью и людей, которые «бушевали», и даже самый характеръ ихъ «бушеванья» ясенъ изъ первыхъ же словъ судьи.—«Наслышаны мы объ васъ, милостивый государь,—начинаетъ, бывало, Горбуновъ вкрадчивымъ голосомъ,—что, напримѣръ, ежели что у мирового—сейчасъ вы можете человѣка оправить...»—и не нужно говорить, что дѣло происходитъ въ кабинетѣ адвоката и притомъ спеціалиста по практикѣ у мировыхъ судей... Иногда разсказъ начинался пѣшемъ чувствительнаго романса о «кипарисечкѣ», и фигура перезрѣлой замоскворѣцкой барышни съ картавымъ голосомъ тотчасъ рисовалась передъ слушателемъ и предвѣщала общій тонъ будущаго разсказа; иногда сиплый голосъ, напѣвающій съ ожесточеніемъ: «спрятался мѣсяцъ за тучи»—изобличалъ самъ собою молодого гуляку, размаху широкой натуры котораго положенъ предѣлъ какимъ-нибудь неизбѣжнымъ, но тѣмъ не менѣе непріятнымъ обстоятельствомъ...

Горбуновъ любилъ разсказывать стоя. Только въ качествѣ генерала Дитятина, о которомъ рѣчь будетъ ниже, онъ обыкновенно сидѣлъ. Ставъ въ естественную, непринужденную позу, онъ, если это было въ частномъ собраніи, бралъ за спинку стула, откидывалъ со лба нависавшую прядь волосъ и глядѣлъ передъ собою въ пространство, слегка прищуренными, живыми глазами, взоръ которыхъ по ходу и смыслу разсказа становился съ удивительною легкостью то пословѣлымъ, то комически-томнымъ, то лукавымъ, то испуганнымъ. Живая, непередаваемая игра физіономіи Горбунова,—выраженіе его губъ, то оттопыренныхъ, то растянувшихся въ сладкую или ехидную улыбку, то старчески отвислыхъ, то презрительно сжатыхъ,—его, рѣдкій вообще, жестъ съ растопыренными пальцами или выразительный ударъ могучаго кулака въ грудь,—наконецъ, удивительно-тонкіе оттѣнки его, небогатаго самого по себѣ, голоса,—его шопотъ, всхлипыванья, взволнованная скороговорка, выразительныя паузы—все это населяло его разсказы массою лицъ, обрисованныхъ яркими, типичными чертами,—различныхъ по темпераменту, развитію, настроенію и одинаковыхъ по своей реальности, по своей тѣсной связи со своеобразными сторонами русской жизни и натуры. Подобно началу разсказа, и конецъ бывалъ простъ и естественъ. Многіе разсказы кончались эпически, вдругъ, неожиданно обрываясь, когда все, что составляло ихъ внутренній смыслъ, уже было сказано. Дальнѣйшее ихъ продолженіе являлось бы лишь развитіемъ послѣдствій того или другого положенія, представлять себѣ которыя скупой на слова Горбуновъ предоставлялъ самому слушателю.

http://rcin.org.pl

II.

Передать, хотя бы въ общихъ чертахъ, *содержаніе* разсказовъ Горбунова—очень трудно. Не говоря уже о богатствѣ и разнообразіи этого содержанія, оно такъ тѣсно и органически связано съ формою и съ особенностями выполненія ея Горбуновымъ, что излагать своими словами это живое воспроизведеніе русской дѣйствительности, блещущее юморомъ и талантомъ, было бы задачею, смѣлость которой равнялась бы ея безплодности. Горбунова нужно было слышать, его слѣдуетъ читать серьезно и вдумчиво; говорить же о его произведеніяхъ возможно лишь намѣтивъ главные ихъ мотивы и освѣщая ихъ небольшими отрывками, изложенными подлинными словами автора.

Русская жизнь и русскій человѣкъ представлены имъ въ самыхъ разнородныхъ сочетаніяхъ, всегда, однако, не только правдоподобныхъ, но поражающихъ своею вѣрностью во всѣхъ отношеніяхъ. Горбуновъ вообще скупъ на описанія и не любитъ рисовать картинъ. Его интересуетъ самъ человѣкъ, а не фонъ, на которомъ онъ вырисовывается, и житейская обстановка, среди которой онъ дѣйствуетъ. Тѣмъ не менѣе у него нашли себѣ яркое изображеніе—унылое однообразіе великорусскаго села съ неизбѣжнымъ «заведеніемъ»; тоскливая тишина и незамѣтно ползущая жизнь уѣзднаго города общаго средне-русскаго типа, съ обычнымъ гостинымъ дворомъ, какъ двѣ капли схожимъ по архитектурѣ, вывѣскамъ и даже по запаху со всѣми другими гостинными дворами другихъ уѣздныхъ же городовъ; московское «захолустье», гдѣ фонари освѣщаютъ лишь свой собственный столбъ и ночной сторожъ протяжно кричитъ «посма-а-атривай!», хотя именно посматривать-то и некому; постоялый дворъ въ посадѣ при монастырѣ, гдѣ «теперича клонъ со всего свѣту собрался, потому богомольцевъ-то какая сила!». Но набросавъ такое изображеніе, Горбуновъ спѣшитъ перейти къ людямъ,—столь близкимъ ему и понятнымъ русскимъ людямъ, «среднимъ» и «молодшимъ», какъ говорилось въ старину, вращающимся среди обычныхъ мотивовъ и элементовъ своей несложной, хотя подчасъ и очень своеобразной жизни. Ихъ повѣрья и обычаи, ихъ доброта и ихъ слабости, проявленія ихъ душевной теплоты, а подчасъ и нравственнаго паденія, ихъ отношеніе къ власти, къ суду, къ церкви и наукѣ,—будни и праздники, скорби и трагедіи ихъ существованія, смѣняя другъ друга и переплетаясь между собою, проходятъ въ пестрой картинѣ предъ каждымъ, кто перечтетъ и припомнитъ разсказы Горбунова.

http://rcin.org.pl

Любовь къ этому русскому человѣку, несмотря на трезвый взглядъ на его слабости и недостатки, теплится и сквозитъ въ большинствѣ того, что повѣствуетъ Горбуновъ. Не закрывая глазъ на неприглядныя стороны родной жизни, рѣзко оттѣняя тѣ внутреннія диссонансы и «безобразія», которыми иногда проявляетъ себя русскій человѣкъ, Горбуновъ не забываетъ про тяжелыя историческія и бытовыя условія, оставившія, даже и отойдя въ область прошедшаго, свой слѣдъ на нравственномъ складѣ и многихъ сторонахъ «поведенія» этого человѣка. Крѣпостное право, до-реформенное безсудье, на ряду со стремительностью и непосредственностью начальственной расправы, тяжкая, обрывающая всѣ личныя связи, многолѣтняя военная служба и мракъ невѣжества, не только не разсѣваемый, но, бывало, и любовно оберегаемый, мелькаютъ въ разсказахъ Горбунова, внося темные тоны въ ихъ, въ общемъ, свѣтлую и веселящую взоръ ткань.

«Вся-то жизнь наша—слезы,—говоритъ въ «Медвѣдѣ» лежащій на печи старикъ:—родимся мы въ слезахъ и помремъ въ слезахъ... И сколько я этихъ слезъ на своемъ вѣку видѣлъ, и сказать нельзя! Бывало хоть въ некрутчину: и мать-то воетъ, и отецъ-то воетъ, а у жены у некрутиковой изъ глазъ словно смола горячая капаетъ»... Эта «некрутчина», наводившая ужасъ на разрушаемую ею семью, вызывала ее иногда на крайнее напряженіе силъ, выражавшееся въ наймѣ «охотника»; и среди разсказовъ Горбунова былъ одинъ, героемъ котораго являлся такой охотникъ, гуляющій насчетъ нанявшихъ и всячески безвозбранно надъ ними надмывающійся. Въ порывистыхъ жестахъ его, въ окрикахъ на нанятаго имъ музыканта: «дѣлай! дѣлай!», въ его пьяныхъ воплихъ и слезахъ слышалось глубокое, безысходное отчаяніе загубившаго себя человѣка. Отголоски этой же некрутчины звучатъ и въ словахъ кухарки на «постояломъ дворѣ»—о мужѣ, котораго «угнали на Кавказъ, такъ что и слуховъ объ ёмъ нѣтъ... должно къ австріякамъ попалъ»,—и въ простодушныхъ разсказахъ Прохора, въ «Лѣсу», объ отведенномъ имъ «для порядку» къ становому бѣгломъ солдатѣ, котораго онъ не испугался, потому что «на войнѣ ежели, вѣстимо, убьетъ, а въ лѣсу онъ ничего, потому отощаетъ. въ лѣсу ему ѣсть нечего... ягоды—да ягодой, или корешкомъ, какимъ ни на есть, сытъ не будешь, ну и отощалъ человѣкъ, силу, значитъ, забрать не можетъ, опять же и ружья этого при ёмъ нѣтъ».

Слезы «некрутиковой жены» невольно напоминаютъ горькое, приниженное положеніе, которое часто выпадаетъ въ удѣлъ

http://rcin.org.pl

простой русской женщинѣ въ крестьянской средѣ, а подчасъ и въ той, гдѣ владычествуетъ, не препятствуя своему нраву, «господинъ купецъ». За комическою растерянностью и смѣшными по своей трусливой узкости житейскими взглядами обывательницъ захолустья, описываемыхъ Горбуновымъ, видится ихъ непрестанный трепетъ предъ домашнимъ произволомъ, неожиданность и безпричинность проявленій котораго нагоняютъ невольный страхъ постояннаго ожиданія какой-нибудь домашней бури. Стоитъ вдуматься въ источникъ этихъ взглядовъ, и трагическая дѣйствительность сотретъ ихъ веселыя краски. Не даромъ одна изъ жительницъ захолустья признаетъ, что сынъ былъ правъ, когда «убѣгъ» съ молодою супругою изъ родительскаго дома, такъ какъ «невтерпёжъ жить, потому что не всякая *можетъ* по здѣшнему безобразію, надо дѣло говорить; и прежде у насъ въ домѣ карамболь былъ, а теперь хоть святыхъ вонъ неси,— продолжаетъ она:—самъ-то лютѣй волка сталъ, день деньской ходитъ, не знаетъ, на комъ злость сорвать»... «За что же я должна за старика идти?» спрашиваетъ молодая дѣвушка отца. «Не твое дѣло!.. Значитъ, такъ нужно для моихъ дѣловъ,— отвѣчаетъ отецъ:—что я задумалъ, никто этого знать не можетъ. А ваше дѣло: что я приказываю—кончено. Не мерзавецъ я въ своей жизни и чувствую свою дѣятельность. Учить вамъ меня нечего». Этотъ гнетъ заглушаетъ мало-по-малу естественныя чувства и логику, и изъ устъ запуганныхъ существъ раздаются сентенціи неожиданнаго свойства. Мать, понимавшая сына, который «убѣгъ» съ женою, говоритъ, однако, послѣдней: «другая бы хорошая баба на твоемъ мѣстѣ въ ногахъ досыта навалялась, а ты фыркаешь»... Въ отвѣтъ на слезы дочери, выдаваемой за старика, слышится материнское удивленіе: «что ты, Богъ съ тобой,—за маіора за военнаго выходить да скучно? да другая на твоемъ мѣстѣ такъ бы носъ вздернула да хвостъ растопырила!» Тяжкія картины семейной обстановки даже и во снѣ давятъ мысль. У одной изъ выводимыхъ Горбуновымъ купчихъ «вся душенька выболѣла отъ страшнаго сна: будто бы стою я, матушка, на горѣ, а мужъ-то, Иванъ-то Петровичъ, пьяный-распьяный внизу стоитъ, да на меня этакъ пальцемъ грозитъ»... Печальная судьба русской «бабы», этой,—по выраженію Некрасова, «вѣковѣчной печальницы», выступаетъ эпизодически у Горбунова. Тяжело ей бываетъ съ пьянымъ и драчливымъ мужемъ. «Другого такого мужика, пожалуй, и на свѣтѣ нѣтъ,—говорятъ про зажиточнаго мужика,—ужъ на что баба, и та отъ него во всю жизнь худого слова не слыхала, а баба наша, извѣстно, на побои рожденная: тамъ какая она ни

http://rcin.org.pl

будь, а ужъ все ей влетитъ, либо съ сердцовъ, либо съ пьяну»... Не менѣе тяжело и въ безпріютномъ сиротствѣ и вдовствѣ.— «Это что такое?» кричитъ на собравшихся для облавы на медвѣдя крестьянъ пріѣхавшій изъ Петербурга богатый охотникъ, замѣтивъ среди нихъ бабу съ ребенкомъ на рукахъ. «Бабёночка, сударь, наша...—Что-жъ она съ ребенкомъ въ лѣсъ пойдетъ? Мужъ, сударь, у ней замерзъ, такъ, значитъ, кормится, въ чужихъ людяхъ живетъ...—Ничего, сударь, мы привычные», робко говоритъ бабенка.

Начатый Великимъ Петромъ «смѣлый посѣвъ просвѣщенья», воспѣтый Пушкинымъ, шелъ медленно, съ остановками, захватывая лишь высшіе классы общества, причемъ имѣлись въ виду преимущественно служебныя цѣли. Настоящая систематическая забота о народномъ образованіи появляется у насъ лишь послѣ крымской войны, но и до сихъ поръ мы, по достигнутымъ въ этомъ отношеніи результатамъ, находимся почти на вершинѣ извѣстной выставочной пирамиды, изображавшей грамотность въ европейскихъ странахъ. Время ранней молодости Горбунова, изъ которой онъ вынесъ многія впечатлѣнія на всю свою творческую дѣятельность, совпало съ господствовавшей въ провинціальномъ бюрократическомъ строѣ недоброжелательностью къ «учёнымъ» и «сочинителямъ», какъ презрительно называли окончившихъ курсъ въ университетѣ, чему рѣзкіе примѣры приводилъ еще недавно на страницахъ «Русской Старины» въ своихъ воспоминаніяхъ о серединѣ пятидесятыхъ годовъ Ф. Я. Лучицкій. Скупости въ просвѣщеніи массъ соотвѣтствовали, въ особенности подальше отъ столицъ, за немногими свѣтлыми исключеніями, самые пріемы преподаванія и слабое развитіе педагогической литературы, чрезвычайно затруднявшее попытки къ самообразованію. Не даромъ вспоминалъ Горбуновъ урокъ «диктовки» изъ древней исторіи и учебникъ математики Войтяховскаго, бывшій въ частомъ употребленіи еще въ сороковыхъ годахъ. «Начнемъ.—говоритъ учитель:—исторію мидянъ. Пишите: исторія... исторія... ми-дянъ, мидянъ. Написали? Точка. Подчеркнуть! Начало исторіи медянъ... Написали? Точка. Подчеркнуть. Ну, теперь: исторія мидянъ темна... те-мна и—написали? и непонятна. Точка. Конецъ исторіи... исторіи... мидянъ. Точка. Подчеркнуть!» Не лучше, въ своемъ родѣ, были и задачи Войтяховскаго о цѣнности вещей въ чемоданѣ «нововѣзжей французской мадамы», и о «смѣшеніи вещей въ коронѣ сиракузскаго царя Іерона». Благодаря этому, въ средѣ, описываемой Горбуновымъ, просвѣщеніе «обрѣтается не въ авантажѣ», съ трудомъ просачиваясь между враждебными ему взгля-

http://rcin.org.pl

дами, суевѣріями, наивными завѣтами старины и неохотою утруждать себя ученьемъ дальше самыхъ элементарныхъ свѣдѣній и болѣе чѣмъ сомнительнаго правописанія. «Вотъ, все прочиталъ,—заявляетъ управляющій изъ крѣпостныхъ Никита Николаевъ, закрывая книгу Эккартсгаузена «Ключъ къ таинствамъ натуры»:—а въ голову забрать ничего не могу—не обученъ,—если бы меня съ малолѣтства обучали, я бы до всего дошелъ». «Вы господамъ служили,—отвѣчаетъ ему жена:—а господину зачѣмъ ваша наука? Науки вашей ему не нужно. Вотъ хотя бы по вашей, по лакейской части, ученья вамъ совсѣмъ не нужно. Опять же покойница барыня, царство ей небесное, терпѣть не могла, кто книжки читаетъ»...

Не любятъ чтенія книжекъ и въ томъ Замоскворѣчьѣ, нравы котораго описывалъ Горбуновъ. Тамъ полагаютъ, что если «все въ книжку глядѣть», такъ можно «зачитаться», какъ Дёмушка («Смотрины»), стать «чуднымъ», какъ Егорушка, или начать прохожимъ кланяться въ ноги, какъ старичокъ, называемый, несмотря на свои сѣдые волосы, Володею, у котораго *отъ книжки* и отъ долгаго сидѣнья въ долговомъ отдѣленіи «растопилось сердце» и «помутился разумъ» («Самодуръ»). Не даромъ «нашъ лекарь сказывалъ», что даже блины—вредъ для тѣхъ, «кто сжегъ мозгами часто шевелитъ, значитъ, по книгамъ доходитъ или выдумываетъ». Если въ той средѣ, откуда беретъ свой матеріалъ Горбуновъ, неграмотность не составляетъ бѣды или не грозитъ особыми стѣсненіями въ жизни, то, съ другой стороны, безграмотность, какъ всякое полуобразованіе, съ увѣренностью въ себѣ и самодовольствіемъ выставляетъ себя напоказъ. Достаточно припомнить московскія вывѣски, остановившія на себѣ вниманіе Горбунова и постепенно вытѣсняемыя изъ столицы въ провинцію. «Кофейная справомъ входа для купцовъ и дворянъ», существовавшая въ Грузинахъ, въ Москвѣ, въ пятидесятыхъ годахъ, уступила мѣсто уѣзднымъ: «Въ новь открытой белой харчевнѣ Русскій пиръ» и трактиру «Константинъ Нополь»; московской вывѣскѣ: «Съ дозволенія правительства медицинской конторы засѣданія господъ врачей въ семъ залѣ отворяютъ кровь заграничнымъ инструментомъ пьявочную, баночную и жильную, прическа невѣстъ, бандо, стрижка волосъ, завивка и бритье и прочія принадлежности мужского туалета, по желанію на домъ по соглашенію экзаменованный фельдшерный мастеръ Ефимъ Филипповъ и дергаетъ зубы»—соотвѣтствуютъ: «С.-Петербургской колоніально-бакалейный магазинъ съ продажею всехъ предметовъ химической лабораторіи и прочаго». «Постоялый дворъ и при немъ лавка съ продажею

http://rcin.org.pl

хомутовъ, кнутовъ, веревокъ и прочихъ съѣстныхъ припасовъ», «Magazin mod e rob Moscu» и т. п. Не лучше и объявленія, въ родѣ: «Съ разрѣшенія начальства, въ непродолжительномъ времени пѣвцы *братья* Мальчугины, изъ коихъ одна *сестра* будутъ имѣть честь и т. д.».

Медленнымъ распространеніемъ образованія и даже грамотности объясняется взглядъ Горбуновскихъ дѣйствующихъ лицъ на науку и на природу. Съ презрѣніемъ относятся они къ первой, съ ужасомъ — къ естественнымъ явленіямъ послѣдней. «Хозяйка наша въ баню поѣхала и сейчасъ спрашиваетъ: зачѣмъ народъ собирается? а кучеръ-то, дуракъ, и ляпни: затменія небеснаго дожидаются... сырой-то женщинѣ!.. такъ та и покатилась! домой подъ руки потащили»... «Зашелъ онъ въ трактиръ, — разсказываетъ у Горбунова замоскворѣцкій житель — и сталъ эти свои слова говорить. Теперь, говоритъ, земля вертится, а Иванъ-то Ильичъ какъ свиснетъ его въ ухо!.. Развѣ мы, говоритъ, на вертушкѣ живемъ?»... Не однимъ людямъ страшны явленія природы. Опасны они и для лѣсовиковъ, которые очень боятся, напримѣръ, грозы, гоняющей ихъ по лѣсу и бьющей «молоньею, которая, какъ зубомъ, перекуситъ, потому стрѣла у ей очень тонкая». Хотя «дворянинъ одинъ, въ Калугѣ», и отрицаетъ существованіе лѣшаго, «но много онъ знаетъ дворянинъ-то», когда «кого хошь спроси» лѣшій есть, да только показывается не всякому, а «кого ежели очень любитъ», и видъ притомъ имѣетъ совершенно опредѣленный: — «одна ноздря у него, а спины пѣтъ»... Этимъ онъ отличается отъ людоѣдовъ-одноглазыхъ, «по чьему закону *все* можно», которыхъ излюбленные Замоскворѣчьемъ странники за окіянъ-рѣкою *видѣли*, причемъ этому и «описаніе есть въ книжкахъ»... Впрочемъ, «все можно» не однимъ людоѣдамъ, — но, почему-то, и англичанамъ, которые весь постъ ѣдятъ говядину — потому, что «по ихъ вѣрѣ все возможно», ибо они «вѣруютъ въ пѣтуха», о чемъ съ полною увѣренностью заявляетъ въ московскомъ захолустьѣ дворникъ дома, хозяйка котораго, со вздохомъ и усиліями истребляя блины на масляной, на заявленіе внука, что онъ сбился со счета, сколько съѣлъ, говоритъ: «грѣхъ батюшка считать-то, — кушай такъ, во славу Божію». За то жизнь въ этомъ захолустьѣ полна вѣщими снами и слышимыми въ ночи «трубными звуками», — за то жительницы его, отправившись слушать провозглашеніе «анаѳемы», всхлипывая отъ жалости и умиленія разсказываютъ потомъ, что видѣли, подъ потрясающіе возгласы церковнаго баса, и ее, самую анаѳему, съ сѣденькою бородкою и трясущеюся головою...

http://rcin.org.pl

Больная человѣческая природа тоже вызываетъ къ себѣ въ этомъ мірѣ особое отношеніе. «Какъ здоровье, матушка?»—спрашиваетъ одна богомольная старушка другую.—«О-о-охъ! голубка,—мѣстами! мѣстами болитъ, мѣстами поживаетъ!» Сверхъ такого общаго недомоганья чаще всего одолѣваетъ человѣка бѣлая горячка,—у простого человѣка «сердце чешется», а у купеческой вдовы по ночамъ подъ сердце подкатываетъ—«словно бы этакое забвеніе чувствъ, и вдругъ этакъ... знаете... даже удивительно! и такъ, знаете, вздрогнешь... Если случится утопленникъ—его откачиваютъ, и чѣмъ шибче, тѣмъ лучше, лишь бы при этомъ не разговаривать, «не нужать его»; если грозитъ повальная болѣзнь, отъ нея защищаются крестами, сдѣланными мѣломъ надъ косяками оконъ и дверей. Иногда дѣйствуютъ по правилу similia similibus curantur. «Да что доктора,—говоритъ одинъ охотникъ, помятый медвѣдемъ,—да что-жъ эти доктора! Для господъ они, можетъ, хороши, а намъ они ни къ чему... Нашу натуру они не знаютъ, порошки ихніе на мужика не дѣйствуютъ. Жена меня лечила. Медвѣдемъ же и лечила, саломъ его, значитъ, медвѣжьимъ прикладывала. Отощалъ я въ тѣ поры очень, на ѣду не тянуло. Глазомъ ищу-то берешь, а нутро-то не принимаетъ. Ну, ничего—выправился».

Однако, «выправиться» приходится не всегда, особливо если дѣло идетъ о соленой рыбѣ, съѣденной безъ предосторожностей, не предусмотрѣнныхъ, впрочемъ, никакими врачами... «Маленько и поѣли-то се,—и отчего бы это, кажись? Оно точно—начальство не велитъ ее сырую ѣсть, да развѣ удержишься, если эпекитъ пришелъ. Конечно—спервоначалу надо бы ее порохомъ вытереть хорошенько, а не то въ щелокъ окунуть—тогда ничего»... Иногда, впрочемъ, душевное и тѣлесное недомоганье является вполнѣ естественнымъ, предвидѣннымъ и, такъ сказать, узаконеннымъ послѣдствіемъ свято соблюдаемаго обычая. «Блины изволили кушать?—Да я крещеный человѣкъ, аль нѣтъ? Эхъ, ты—образованіе!»... Въ виду этого, «кушать блины» становится своего рода священною обязанностью, которая выполняется въ такихъ размѣрахъ и съ такимъ рвеніемъ, что «инда въ глазахъ мутится»—и такъ какъ это продолжается цѣлую недѣлю, то «на послѣднихъ-то дняхъ одурь возьметъ,—постомъ-то не скоро на истинный путь попадешь», ибо «послѣ хорошей масляницы человѣкъ не вдругъ очувствоваться можетъ, и ликъ исказится, и все»... Понятно, послѣ этого, почему старожилъ московскаго захолустья, съ восторгомъ вспоминая, какъ «въ старину, бывало, идешь по улицѣ и чувствуешь, что она, матушка (масляница), на дворѣ: воздухъ совсѣмъ другой, такъ тебя и обдастъ, такъ

http://rcin.org.pl

и обхватываетъ», замѣчаетъ: «а вотъ посмотрю я на *господъ* — какіе они къ блинамъ робкіе: штуки четыре съѣсть и сейчасъ отстанетъ...» — «Кишка не выдержитъ!» — авторитетно замѣчаетъ собесѣдникъ. Сверхъ исключительныхъ способовъ леченія отъ недуговъ, помощи ищутъ преимущественно въ наговариваніи, нашептываніи на корочку и въ совѣтахъ какого-нибудь Филиппа Іоновича, который «отъ сорока-восьми недуговъ знаетъ лечить — только черепа подымать не можетъ...», причемъ, надо думать, что его лекарство дѣйствуетъ успѣшнѣе, чѣмъ средство, употребленное противъ таракановъ, которыхъ «и морили, сударь, и морозили, — и изъ С.-Петербурга былъ какой-то, мазью смазывалъ, но, между прочимъ, куры всѣ передохли, а тараканы остались».

Едва ли нужно напоминать разсказы Горбунова изъ купеческаго быта, изображающіе гульбу на ярмаркѣ въ Нижнемъ, различныя семейныя сцены и т. п. Все это чрезвычайно характерно, выпукло, но, представляя разработку тѣхъ же типическихъ особенностей этого быта, которыя такъ ярко очерчены въ комедіяхъ А. Н. Островскаго, не достигаетъ силы послѣднихъ ни по мастерству, ни по богатству оттѣнковъ и языку. Болѣе оригинальны картины изъ жизни выводимыхъ Горбуновымъ мѣщанъ, фабричныхъ и вообще городского населенія. Въ нихъ такъ и брызжетъ юморъ, тонкая наблюдательность и умѣнье нѣсколькими штрихами обрисовать цѣлое положеніе. Поразительно жизненны были также въ устныхъ разсказахъ Горбунова особо излюбленныя имъ лица духовнаго званія. Но чиновничій бытъ и такъ-называемая интеллигенція затрагивались имъ мало и мелькомъ, обыкновенно съ довольно явною струйкою насмѣшки. Въ этомъ отношеніи особенно выдержанъ разсказъ «Медвѣжья охота», гдѣ забава скучающихъ баръ переплетается со споромъ мужиковъ изъ-за обложеннаго одними изъ нихъ и перешедшаго на землю другихъ звѣря. Предъ слушателемъ — рядъ типичныхъ лицъ, начиная съ мужичка-охотника, который заряжаетъ ружье, перевязанное около курка веревкою, выдергивая паклю для пыжа изъ шапки, и кончая франтоватымъ молодымъ человѣкомъ, со стеклышкомъ въ глазу, изъ Петербурга, облеченнымъ въ черкесскій костюмъ, съ кинжаломъ и разными затѣйливыми принадлежностями. Охота идетъ неудачно, несмотря на суетню загонщиковъ и отборную брань пріѣзжаго полковника, — что, повидимому, особенно огорчаетъ господина въ черкесскомъ костюмѣ. Всѣ ѣдутъ обратно. Черкесъ, при въѣздѣ въ деревню, убиваетъ въ-упоръ пѣтуха, говоря съ озлобленіемъ: «тебѣ этого, что ль, хотѣлось?» — Очень харак-

http://rcin.org.pl

терна, напримѣръ, и столичная штатская генеральша тепличнаго воспитанія, впервые пріѣхавшая въ уѣздный городъ. Исправникъ показываетъ ей телеграмму о горящемъ лѣсѣ, угрожающемъ желѣзнодорожной станціи, и съ отчаяніемъ восклицаетъ: «А съ чѣмъ я поѣду? двѣ трубы только, и то одна безъ рукава? — Какъ безъ рукава? — съ недоумѣніемъ спрашиваетъ генеральша. — То-есть, попросту сказать: безъ кишки». Но тепличная дама и этого не понимаетъ, и еще съ бо́льшимъ недоумѣніемъ взглядываетъ въ глаза исправнику...

III.

Область личныхъ отношеній и различныхъ бытовыхъ явленій частной жизни, несмотря на все свое разнообразіе, не могла, однако, дать исключительное содержаніе разсказамъ Горбунова. Изображаемые имъ люди выходятъ, а иногда, помимо своей воли, выводятся изъ узкихъ рамокъ личной жизни—семейной или одинокой—въ круговоротъ жизни общественной. Сходясь въ дѣловыхъ общественныхъ собраніяхъ, собираясь для публичныхъ празднованій, отыскивая развлеченія, русскій человѣкъ имѣетъ случай проявлять свою общительность, свои взгляды на общіе интересы и задачи, и все своеобразіе своей природы, поставленной въ непосредственное соприкосновеніе съ тѣми или другими сочетаніями людей. Все это не могло, конечно, ускользнуть отъ наблюдательности Горбунова. Обратилъ онъ и особое, вполнѣ заслуженное вниманіе на отношеніе изображаемаго имъ русскаго человѣка ко *власти* вообще и къ *суду* въ особенности. Сложившіеся вѣками, подъ вліяніемъ условій и причинъ, имѣющихъ корни въ нашемъ историческомъ прошломъ, взгляды народа на власть и ея представителей, на неизбѣжныя свойства ихъ и, наконецъ, на то, какъ надо къ нимъ относиться, имѣютъ оригинальную форму и особенный, соотвѣтственный той или другой средѣ колоритъ. Изученіе этихъ взглядовъ могло бы имѣть своимъ послѣдствіемъ выводъ цѣлаго ряда ходячихъ въ народѣ житейскихъ, неписанныхъ правилъ о томъ, какъ понимать власть и какого «поведенія» надлежитъ съ нею придерживаться. Если отбросить подчасъ комическую сторону этихъ правилъ, ихъ явное несоотвѣтствіе разумному соотношенію различныхъ элементовъ гражданскаго строя, и ихъ, такъ сказать, фаталистическую непреложность, то въ нихъ можно увидѣть цѣлое *правосозерцаніе*, надъ которымъ нельзя не задуматься.

Ближайшая власть, съ которою приходится имѣть дѣло народу,—полицейская. Ея представители и агенты составляютъ почти неизбѣжный элементъ его общественной жизни. Водвореніе

http://rcin.org.pl

порядка, ближайшая помощь и защита, предварительное разбирательство всякихъ житейскихъ столкновеній—все это въ рукахъ мѣстной полиціи. «До Бога высоко—до царя далеко»,—говоритъ народная пословица,—и въ то время, когда носитель верховной власти живетъ въ сознаніи народа, какъ недосягаемый, свѣтлый и всемогущій представитель правды и справедливости, которыя лишь вопреки его волѣ не осуществляются въ обыденной жизни исключительно и постоянно, главный обиходъ отношеній народа къ государству, не считая воинской повинности, замыкается въ тѣсную дѣятельность ближайшихъ къ нему чиновъ полиціи и органовъ суда. Посредствующія звенья, іерархическія ступени, на которыхъ стоятъ облеченныя властью лица, ихъ разнообразныя функціи, права и обязанности,—все это представляется народу въ неясныхъ и по большей части невѣрныхъ очертаніяхъ, все тонетъ въ одномъ и общемъ туманномъ понятіи о *начальствѣ*. Близокъ и понятенъ городовой, околоточный, становой, мировой судья—и, быть-можетъ, земскій начальникъ, смѣнившій, но не замѣнившій послѣдняго; съ ними и особливо съ первымъ—стоитъ народъ лицомъ къ лицу, они осуществляютъ предъ нимъ волю той неопредѣленной, но осязательной силы, называемой «начальствомъ», критиковать которую безполезно, не повиноваться которой въ концѣ-концовъ невозможно. Правда, строгое раздѣленіе властей, къ которому одно время стремилось наше законодательство, постепенное смягченіе нравовъ, медленное, но, все-таки, чувствуемое развитіе просвѣщенія и связаннаго съ нимъ правосознанія—понемногу начинаютъ создавать болѣе правильное пониманіе значенія, круга и законныхъ способовъ дѣятельности ближайшихъ къ народу представителей власти. Но это—пріобрѣтеніе, и притомъ довольно еще шаткое, недавняго времени, а повѣствовательная дѣятельность Горбунова беретъ свое начало еще изъ тѣхъ годовъ, когда знаменитый и въ своемъ родѣ популярный квартальный надзиратель, соединявшій въ своихъ рукахъ всѣ мѣстныя проявленія судебной и административной власти, былъ альфой и омегой общественной жизни обыкновеннаго обывателя. Какъ «deus ex machina», являлся онъ разрѣшителемъ всякихъ необычныхъ положеній и непривычныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ жизни... Когда злополучный портной уже собирается садиться въ шаръ вмѣстѣ съ «нѣмцемъ», происходитъ слѣдующій краткій разговоръ: «Ты что за человѣкъ?—Портной...—Какой портной?—Портной отъ Гусева, съ Покровки,—предупредительно поясняетъ одинъ изъ присутствующихъ,—купцы его летѣть напяли... Летѣть!.. Гриненко, сведи его въ часть! —Помилуйте!..—Я те

http://rcin.org.pl

полечу!.. Гриценко... Извольте видѣть! Летѣть!.. Гриценко, возьми...»—И окружающіе, еще недавно сочувствовавшіе портному, сразу становятся на сторону того, кто такъ энергично проявилъ свою власть, уже въ самомъ фактѣ его вмѣшательства усматривая, безъ долгихъ разсужденій, доказательство неправильности и предосудительности дѣйствій портного, получившихъ заслуженное осужденіе. «Полетѣлъ, голубчикъ!»—«Да за этакія дѣла»... «Народъ-то ужъ очепно избаловался, придумываетъ, что чудней!..»—слышится въ толпѣ, и на вопросъ прохожаго—не вора ли это повели, и что такое онъ укралъ—ему отвѣчаютъ: «нѣтъ, сударь... онъ, изволите видѣть... бѣдный онъ человѣкъ... и купцы его наняли, чтобы, значитъ, сейчасъ въ шару летѣть,—ну, а *квартальному это обидно показалось...*»—«Потому—безпорядокъ», прибавляетъ одинъ изъ присутствующихъ. «И какъ это возможно безъ начальства летѣть?!»—безапелляціонно и укоризненно заключаетъ другой... и правосозерцаніе, въ силу котораго все, что дѣлается не съ разрѣшенія начальства, есть безпорядокъ, составляющій притомъ личную обиду для представителя этого начальства, возникаетъ предъ слушателемъ какъ основаніе цѣлой системы взаимныхъ отношеній.

Эти отношенія были особенно сложны въ то время, когда квартальный—или, какъ его называли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, «комиссаръ»—обязанъ былъ разбирать и маловажныя дѣла, идущія нынѣ судебнымъ порядкомъ. Являясь и судьею, и защитникомъ, онъ, подобно римскому претору, тутъ же творилъ свое неписанное право, понятное уму и сердцу обывателя. Въ рядѣ сценъ Горбунова проходитъ онъ предъ нами, начиная съ ранняго утра, проводимаго имъ въ канцеляріи, когда трещитъ голова и требуется «селедка съ яблоками», и когда просителю-купцу, встрѣченному лаконическими словами: «что за человѣкъ?»—говорится ласково: «прошу васъ садиться... въ чемъ ваше дѣло?» послѣ того какъ тотъ высказалъ не на словахъ, а на дѣлѣ теплое участіе къ домашнему обиходу квартальнаго,—и кончая ужиномъ въ купеческомъ домѣ, гдѣ бутербродъ съ густымъ слоемъ свѣжей икры запивается тенерифомъ братьевъ Зміевыхъ. День «комиссара» наполненъ трудомъ на пользу общества. Ему часто приходится принимать на себя высокія обязанности примирителя. «Иванъ Семенычъ, да помирись ты съ этою анаѳемой; вѣдь тебѣ же хуже будетъ, если она направитъ дѣло въ управу благочинія»,—говоритъ онъ.—«Обидно это мнѣ очень, обидно мириться-то, вѣдь я по первой гильдіи.—Ну, дай ты ей *пятнадцать* цѣлковыхъ...—Ну, такъ и быть,

http://rcin.org.pl

получи! только нельзя ли ее хоть дня на три въ часть посадить.—Ужъ сдѣлаемъ, что можно». Пріемы примиренія очень просты, хотя и неожиданны. «Позвольте узнать, въ какомъ положеніи мое дѣло?—спрашиваетъ, подходя къ столу, среднихъ лѣтъ женщина.—Вы Анна Клюева? вдова сепатскаго конписта?—Да-съ.—Такъ-съ! А вы давно кляузами изволите заниматься?—Помилуйте, какія же это кляузы, когда онъ на паперти меня прибилъ...—А свидѣтели у васъ есть? А докторъ васъ свидѣтельствовалъ?—Помилуйте...—Вы насъ, матушка, помилуйте! И безъ васъ у насъ дѣла много. Вы женщина бѣдная, возьмите *пять* рублей и ступайте съ Богомъ. А то мы васъ сейчасъ должны будемъ отправить къ частному доктору для освидѣтельствованія нанесенныхъ вамъ побоевъ, тотъ раздѣвать васъ будетъ... Что хорошаго, вы—дама». Просительница начинаетъ всхлипывать.—«А какъ тотъ, съ своей стороны, озлится, да приведетъ свидѣтелей, которые подъ присягой покажутъ, что его въ этотъ день не только въ церкви, а и въ Москвѣ не было, такъ васъ за облыжное-то показаніе...—Помилуйте, прерываетъ просительница.—Позвольте, дайте мнѣ говорить... Вы не бывали на Ваганьковскомъ кладбищѣ?—Мой мужъ тамъ схороненъ.—Стало-быть, мимо острога проѣзжали. Непріятно вѣдь вамъ будетъ въ острогѣ сидѣть.—Я правду говорю! Неужели за правду...—Полноте, возьмите *пять* рублей. Василій Ивановичъ, возьмите съ г-жи Клюевой подписку, что она дѣло прекращаетъ миромъ. Вамъ напишутъ, а вы подпишите.—Извольте, я подпишу, только пяти рублей не возьму... Богъ съ нимъ!—Ну, какъ хотите!» Выступаетъ онъ и въ роли защитника угнетенныхъ, съ примѣненіемъ тѣхъ упрощенныхъ пріемовъ, въ цѣлесообразность и воспитательное значеніе которыхъ до сихъ поръ не хотятъ, по упорству, вѣрить нѣкоторые теоретики, пропитанные кабинетными идеями. «Батюшка, ваше благородіе, защити ты меня, отецъ родной!—голоситъ, валяясь въ ногахъ у него старуха.—Все пропилъ...—Кто пропилъ?—грозно вскрикиваетъ онъ.—Сынъ, батюшка, родной сынъ... Защити ты меня...—Это ты?—обращается квартальный къ молодому, щеголевато одѣтому мастеровому.—Я! отвѣчаетъ нахально мастеровой.—Ты кто такой?—Цеховой кислощейнаго цеха.—То-то у тебя и рожа-то кислая!.. Ты знаешь Божью заповѣдь: «Чти отца твоего и матерь твою»...—Бацъ! Цеховой летитъ въ стѣну.—Ты знаешь, что твоя мать носила тебя въ своей утробѣ сорокъ недѣль?—Зн...—Бацъ!—Ваше благородіе...—Ступай съ Богомъ! На первый разъ съ тебя довольно. Василій Ивановичъ, возьмите съ него *подписку*, что впредь онъ будетъ оказывать матери сыновнее почтеніе». Являлся

http://rcin.org.pl

онъ, наконецъ, и въ роли блюстителя народнаго здравія и охранителя чужихъ имущественныхъ правъ. «Что это ты, братецъ,— говоритъ онъ купцу.—весь кварталъ заразилъ». — «Мнѣ и самому тошно,—отвѣчаетъ тотъ,—да что-жъ дѣлать-то! Три года не выкачивали. Капуста, милый человѣкъ, дѣйствуетъ! Заходи ужо́—портфеницу по рюмочкѣ выпьемъ».— «Шуба соболья»,— выкрикиваетъ при описи имущества несостоятельнаго должника охранитель. Писарь записываетъ. «Что ты, въ первый разъ, что ли, на описи-то?—говоритъ тихо комиссаръ.—пиши: *мѣховая*». «Ложекъ серебряныхъ»... возглашаетъ охранитель... Писарь записываетъ. «Да *металлическихъ!* чортъ тебя возьми! *металлическихъ*... я такого дурака еще не видывалъ!»

Быстрота и самоувѣренная беззастѣнчивость распоряженій, примѣры которыхъ приводитъ Горбуновъ, не давая обывателю ни времени, ни привычки къ критической оцѣнкѣ, къ любознательности о томъ, гдѣ тотъ законъ, на который они опираются, держала, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣка не только въ спасительномъ, но даже въ суевѣрномъ страхѣ. Особенно сильно наводилъ его, въ до-реформенное время, становой, какъ изслѣдователь всякихъ происшествій, могшихъ таить въ себѣ слѣды преступленія. Возможность огульнаго обвиненія или, во всякомъ случаѣ, заподозрѣнія, неслась предъ становымъ приставомъ, какъ вѣтеръ предъ грозою, совсѣмъ пригибая къ землѣ привыкшія жить въ трепетѣ души. «Вотъ когда становой пріѣдетъ!»— говорятъ около трупа убитаго молніей мальчика. «Что-жъ, становой?.. становой ничего ... — «Становой-то ничего?!» — «Мужички почтенные, становой ежели пріѣдетъ — мы ничего не знаемъ»... «А что, его потрошить будутъ?» — «Само собою — *не по закону померъ*, потрошить». «Становой! становой!»— слышатся крики, и окружающіе обращаются къ ни въ чемъ неповинному парню и, чувствуя, что *необходимъ* виновный, говорятъ ему: «Петрунька! голубчикъ, не погуби! прими все на себя!»—и, не ожидая отвѣта, спѣшатъ навстрѣчу становому съ заявленіемъ: «Ваше благородіе! Петруньки это дѣло, мы ни въ чемъ не причинны ... Когда, въ «Утопленникѣ», вытащившіе трупъ, при звукахъ колокола, ударившаго въ далекомъ монастырѣ къ заутренѣ, крестятся и говорятъ: «упокой, Господи, душу раба твоего.—отмаялся ты на семъ свѣтѣ, голубчикъ!»— наступившую благоговѣйную тишину прерываетъ заявленіе: «Что-жъ, ребята, теперь ступай къ становому,—объявить надо-такъ и такъ». — «Затаскаютъ насъ, братцы, таперича». — «Да, не помилуютъ!» — «Я сидѣлъ разъ въ острогѣ-то, за подозрѣніе. Главная причина, братцы, говори всѣ одно, не путайся. Мѣсяца

http://rcin.org.pl

два меня допрашивали. Сейчасъ приведутъ тебя. становой скажетъ: «вотъ, братецъ, человѣка вы утопили,—сказывай, какъ дѣло было?»—Ничего, молъ, ваше благородіе, этого я не знаю,—а что собственно услыхамши мы крикъ и таперича, какъ человѣкъ ежели тонетъ,—отвязали мы, значитъ, лодку... А насчетъ того, что откачивали—молчи, потому скажетъ: «какъ ты смѣлъ до его дотронуться? Какое ты полное право имѣешь?..»—Я, молъ, какъ свѣча, горю предъ вашимъ благородіемъ, прикажите хоть огни подо мною поджигать—я ничего не знаю. «Я, скажетъ, братецъ, вѣрно знаю, что это *ваше дѣло*». Говори одно: «Какъ вашей милости угодно будетъ, я этому дѣлу не причинецъ».

Очевидно, что говорящіе такъ смотрѣли на представителей мѣстной власти, какъ на стихійную силу, противъ которой одно средство спасенія—все отрицать, терпѣливо и упорно. Резонова она не принимаетъ и налетаетъ съ предвзятымъ и твердымъ рѣшеніемъ. Безполезно опровергать его, это пустая трата словъ, все равно не повѣрятъ, да и слушать не станутъ. Надо запираться во всемъ—вотъ и все. Система запирательства, выработанная вѣками безсудья (недаромъ и о раскладываніи огней говорится въ безсознательномъ переживаніи судебныхъ ужасовъ XVII и даже XVIII столѣтій),—эта система приходитъ въ голову простому человѣку, едва лишь ему довелось быть случайнымъ свидѣтелемъ смерти отъ несчастнаго случая или даже пытаться спасти утопленника. Возможность того, что «затаскаютъ и «въ острогъ влетишь»—слишкомъ реальна и основана на горькомъ опытѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, стараясь увернуться отъ осуществленія этой возможности, изображаемый Горбуновымъ, простой русскій человѣкъ далекъ отъ желанія не только разбирать, но даже и объяснять себѣ основанія и поводы дѣйствій представителей мѣстной власти. Должно-быть, все, что она предпринимаетъ, такъ и надо, такъ неизбѣжно и до такой степени само собою разумѣется, что даже и говорить объ этомъ не стоитъ. «Пожалуй—въ острогъ влетишь»,—говоритъ продрогшій парень, вытащившій на берегъ утопленника. «Хитрого нѣтъ!»—отзывается другой.—«За что?»—спрашиваетъ третій. «А за то».—«За что,—за то?»—«Тамъ уже опосля выйдетъ разрѣшеніе»,—заключаетъ успокоительно первый... Этому благодушному примиренію съ неизбѣжнымъ и ненуждающимся въ какомъ-либо обоснованіи «разрѣшеніемъ» часто соотвѣтствуетъ представленіе о какихъ-то особыхъ правахъ, составляющихъ принадлежность всякаго сколько-нибудь «значительнаго» человѣка. Хотя брань на вороту не виснетъ, по пословицѣ, и мужики, собравшіеся для медвѣжьей охоты, благодушно замѣчаютъ: «шибче

http://rcin.org.pl

полковника никому не изругаться, такъ обложитъ—лучше требовать нельзя»... но и ихъ благодушію есть предѣлъ.—«Возилъ я нынче купца петербургскаго, трактирщика,—разсказываетъ крестьянинъ-ямщикъ,—ужъ оченно ругается... Такъ ругается—нѣтъ никакой возможности! Предъясняетъ, что въ Петербургѣ онъ очень значительный. Я, говоритъ, при своемъ капиталѣ кого хошь въ острогъ посажу».—«А вы и вѣрите?»—«Да какъ же не вѣрить? Можетъ, *права* такія имѣетъ. Мы этого не знаемъ. Петербургъ отъ насъ далеко»... Вотъ почему въ былые годы исполненіе требованій властнаго человѣка, даже и не вытекающихъ никоимъ образомъ изъ его должности или положенія, считалось мірскимъ дѣломъ, повинностью, несомою всѣми за одного и однимъ за всѣхъ, во избѣжаніе разныхъ непріятностей. Старый слѣпой дѣдъ, лежащій на печи, услышавъ стукъ старосты въ окно, переговоры вполголоса и крикливое возраженіе дѣвушки, призываемой для особой услуги къ наѣхавшему чиновнику: «да что это, въ самомъ дѣлѣ, точно другихъ дѣвокъ на селѣ нѣтъ?! третьяго дня къ одному посылали, вчерась къ другому требовали, а нынче, накось, и къ третьему иди! не пойду я!»—говоритъ ей наставительно: «Полно, полно, Матрена,—послужи міру-то»...

Рядомъ съ этимъ, готовность обращаться къ полицейской власти по всякому случаю—часто живописуется въ разсказахъ Горбунова. Русскій человѣкъ любитъ видѣть вмѣшательство полиціи, призываетъ ее и относится къ ней съ сочувствіемъ не какъ участникъ, но какъ зритель, играя, въ составѣ толпы, иногда роль хора античныхъ трагедій. «Нѣтъ, вы про затменіе докажите! вы только народъ въ сумнѣніе приводите», говоритъ кто-то изъ толпы астроному-добровольцу, собравшемуся смотрѣть въ одномъ изъ замоскворѣцкихъ переулковъ на солнечное затменіе—и, не дожидаясь отвѣта, при общемъ сочувствіи, кричитъ:—«Городовой! городовой!»—«Вотъ онъ тебѣ покажетъ затменіе!»—одобрительно говорятъ въ толпѣ. «Да! нашъ городовой никого не помилуетъ». — «Что это за народъ собравши? — Да вотъ пьяный какой-то выскочилъ изъ трактира, наставилъ трубочку на солнышко, говоритъ—затменіе будетъ... Да гдѣ-жъ городовой-то?—Чай пить пошелъ. Надо бы въ часть вести.—Сведутъ, ужъ это безпремѣнно.—За такія дѣла не похвалятъ»... Самимъ говорящимъ неясно,—въ чемъ состоитъ дѣло, за которое *похвалить нельзя*, и за что *не помилуетъ городовой*, но ясно и непреложно одно: необходимъ городовой. Онъ разрѣшитъ натянутое положеніе и успокоитъ напряженіе нервовъ. Не даромъ къ нему даже обращаются съ вопросами о томъ, «какъ

http://rcin.org.pl

понимать эту самую «фру-фру», обозначенную въ театральной афишѣ». Вотъ и онъ!—увѣренный въ себѣ и солидарный съ толпою во взглядахъ на свои задачи. Онъ сразу становится на высоту своего офиціальнаго положенія, и первое его слово, обращенное къ жадно ждущей его толпѣ—«осади назадъ!» Но толпа дорожитъ даровымъ зрѣлищемъ, гдѣ она и зритель, и дѣйствующее лицо вмѣстѣ, она лѣзетъ, напираетъ, спѣшитъ «излить мольбы, признанья, пени»... и ея страстный говоръ постоянно прерывается окриками: «не наваливайте!—которые...» и «осадите назадъ!»—«Сейчасъ выручитъ!»—радостно говорятъ среди окружающихъ.—«Иванъ Павлычъ, ты—нашъ тѣлохранитель, выручи»...—обращаются къ нему. И онъ выручаетъ, самъ, вѣроятно не зная—*кого* и изъ *чего*. Услышавъ выраженіе: «вы тогда поймете, когда въ дискѣ будетъ»,—онъ говоритъ: «почтенный, вы за это отвѣтите!»—«За что́?—«А вотъ за это слово ваше нехорошее!»—«Сейчасъ затмится».—«Можетъ, и затмится, а вы, господинъ, пожалуйте въ участокъ. Этого дѣла такъ оставить нельзя»...—«Какъ возможно!»—убѣжденно замѣчаютъ въ толпѣ...

IV.

Судебная реформа внесла новыя начала въ нашу народную жизнь. Она пробудила въ обществѣ силы, не находившія себѣ дотолѣ достаточнаго примѣненія, она послужила нравственною школой народу и съ такою систематическою настойчивостью стала вызывать въ обществѣ стремленіе къ истинному правосудію и уваженіе къ человѣческому достоинству, что составленное Горбуновымъ шуточное филологическое изслѣдованіе о *розгословіи, брадоиздраніи, власоисхищеніи и прочемъ* *)—стало казаться безвозвратно отошедшимъ въ область прошлаго. Знаменитый «комиссаръ» потерялъ, какъ говоритъ Горбуновъ въ своихъ воспоминаніяхъ, свой престижъ. «Онъ не имѣлъ уже прежняго значенія въ купеческихъ домахъ, ни на похоронахъ, ни на свадьбѣ. Уже его не подводилъ хозяинъ подъ-руку къ закускѣ, съ упрашиваніемъ выкушать на доброе здоровье, а предлагалъ ему просто, мимоходомъ:—«Ермилъ Николаевичъ, ты бы водки выпилъ. Настойка тамъ есть»... Мировой судья сдѣлался, черезъ мѣсяцъ послѣ своего появленія на свѣтъ, популярнымъ учрежденіемъ, и попросту сталъ называться *мировымъ*. Мѣсто сти-

*) «Слова, вмѣстѣ съ выражаемыми ими дѣйствіями, вышедшія изъ употребленія въ новой и свободной Россіи послѣ 19-го февраля 1861 года»—изъ давней записи сообщено И. Ѳ. Горбуновымъ. «Русская Старина». 1891 г. № 10.

http://rcin.org.pl

хійности понемногу, увѣренною въ себѣ стопою, стала стараться заступать законность, а гласное разбирательство представило обширное поле для наблюденій надъ жизнью, такъ сказать, захваченною врасплохъ и раскрываемою безъ искусственнаго освѣщенія, умолчаній и прикрасъ. Рядомъ съ этимъ судъ присяжныхъ, еще не обратившійся въ предметъ различныхъ обвинительныхъ литературныхъ упражненій, сдѣлалъ народъ въ качествѣ представителей общественной совѣсти не пассивнымъ участникомъ и не праздными зрителемъ, а окончательнымъ разрѣшителемъ судебной драмы. Засѣданія этого суда въ первое время были полны захватывающаго интереса и не столько съ юридической точки зрѣнія, сколько со стороны бытовой. Жизнь приливала къ стѣнамъ суда шумными волнами, и эти волны выбрасывали на берегъ—въ лицѣ свидѣтелей, подсудимыхъ, потерпѣвшихъ, а иногда даже и участниковъ суда, обвинителей, защитниковъ и самихъ присяжныхъ—такихъ разнородныхъ и разновидныхъ представителей всѣхъ слоевъ общества и всѣхъ условій бытовой обстановки, что романистъ, художникъ и изслѣдователь народной жизни съ не меньшимъ правомъ, чѣмъ юристъ, могъ считать залу суда мѣстомъ для плодотворныхъ наблюденій и изученій. Ниже мы будемъ говорить объ отношеніи Горбунова къ новому суду, но здѣсь не можемъ не указать, что въ его разсказахъ суду этому было отведено видное мѣсто. Горбуновъ умѣлъ уловить всѣ его особенности, выхватить изъ него рядъ живыхъ и содержательныхъ сценъ, съ чрезвычайною наблюдательностью изобразивъ тѣ комическія положенія, которыя создавались столкновеніемъ между теоретическими предписаніями закона, имѣющаго въ виду отвлеченную личность, и живымъ лицомъ, приносившимъ въ судъ всѣ особенности своихъ бытовыхъ и правовыхъ воззрѣній.—«Не угодно ли вамъ дать ваше заключеніе, въ качествѣ эксперта, о достоинствѣ шампанскаго, въ продажѣ котораго подъ извѣстною и пользующеюся довѣріемъ чужою иностранною маркою обвиняется подсудимый?»—обращается предсѣдатель къ «свѣдущему человѣку», благообразному старому негоціанту, вызванному въ судъ, какъ опытный знатокъ въ винахъ. «Свѣдущій человѣкъ» истово беретъ бокалъ съ только-что откупореннымъ шампанскимъ, прикладывается къ нему губами, вытираетъ ротъ фуляровымъ платкомъ, смотритъ вино на свѣтъ и молчитъ. «Ваше заключеніе?» «Чего-съ?—«Ваше заключеніе?»—«То-есть—это о чемъ же?» «Соотвѣтствуетъ ли непробованное вами шампанское по своимъ качествамъ вину той марки, подъ названіемъ которой оно пущено въ продажу подсудимымъ?»—Негоціантъ снова пробуетъ вино,

http://rcin.org.pl

вытираетъ ротъ и молчитъ.—«Какое же ваше заключеніе?»— «Мое-съ?» — «Ну да! конечно, ваше», нетерпѣливо говоритъ предсѣдатель. Свѣдущій человѣкъ переступаетъ съ ноги на ногу, задумывается, потупляется и вдругъ, поднявъ голову, рѣшительно говоритъ: «Покупатель выпьетъ!..»

Въ разсказахъ Горбунова судебное засѣданіе оживало со всѣми своими дѣйствующими лицами, — съ публикою и свидѣтелями. Жеманная барышня, картавящая, говорящая скороговоркою и прерывающая вопросы защитника восклицаніемъ: «ахъ! что вы!»; пришепетывающая и захлебывающаяся отъ волненія старушка; говорливый приказчикъ; испуганный свидѣтель «изъ простыхъ», никакъ не умѣющій выбраться изъ рокового круга словъ: «значитъ», «то-есть», «выходитъ» и т. п., и цѣлый рядъ прямо выхваченныхъ изъ жизни лицъ, очерченныхъ кратко, но чрезвычайно мѣтко,— населяли тѣ придуманныя Горбуновымъ засѣданія, вымышленность которыхъ исчезала за ихъ яркою житейскою правдоподобностью. Особенно удаченъ былъ его большой разсказъ о судѣ по очень важному дѣлу. Усердный посѣтитель судебныхъ засѣданій, убѣжденный и, какъ онъ самъ выражался, «радостный» поклонникъ новаго суда, Горбуновъ умѣлъ подмѣтить и нѣкоторыя его, извинительныя въ большинствѣ случаевъ, слабыя стороны. Отъ него не ускользнули:—кое-какой излишекъ торжественности въ обстановкѣ, непонятная простымъ зрителямъ условность иныхъ судебныхъ дѣйствій, приподнятый тонъ и высокій слогъ, которыми вооружались «для пущей важности» въ первое время нѣкоторые, весьма впрочемъ почтенные предсѣдатели, — запутанность юридическихъ опредѣленій преступныхъ дѣйствій, вызванная привитіемъ къ корявому стволу устарѣлаго уложенія молодыхъ черенковъ судебныхъ установъ, за которою подчасъ исчезали дѣйствительныя житейскія черты преступленія, — и, наконецъ, излюбленныя и далеко не всегда оправдываемыя обстоятельствами дѣла ссылки на невмѣняемость... Съ тонкимъ юморомъ указывая на это, Горбуновъ былъ, однако, далекъ во всѣхъ своихъ судебныхъ разсказахъ отъ недоброжелательной насмѣшки надъ судомъ. Онъ понималъ, что новыя формы, внезапно возникшія среди стараго бытового и общественнаго строя, могли естественно создавать, особливо въ первое время, неловкія и неожиданныя положенія, ошибки и затрудненія, способныя вызвать улыбку и смѣхъ, но не злорадство, ибо за ними чувствовалась чистота и высота наполнявшаго ихъ принципіальнаго содержанія. Слушаніе процесса *по очень важному дѣлу* откладывается довольно долго, за невозможностью разыскать главнаго свидѣтеля — цехового Про-

http://rcin.org.pl

кофьева. По вотъ онъ найденъ—и вмѣстѣ съ нимъ, надо полагать, найденъ ключъ къ разрѣшенію всѣхъ могущихъ возникнуть по дѣлу сомнѣній. Назначенъ день слушанія. Публика съ ранняго утра наполняетъ зданіе суда, терпѣливо ожидая интереснѣйшихъ разоблаченій. Предсѣдатель, чувствуя себя главнымъ руководителемъ давно ожидаемаго процесса, рѣшается «стать на высоту положенія» и съ особою торжественностью открываетъ засѣданіе. Молодой секретарь, быть-можетъ, впервые выступающій публично, читаетъ обвинительный актъ, смущаясь, торопясь, глотая слова и не соблюдая паузъ. Слова слѣдуютъ одно за другимъ безъ перерывовъ, съ неумѣлыми передышками, сливаясь въ однотонномъ и быстромъ чтеніи, изъ котораго лишь по временамъ вырываются, нарушая его общее гипнотизирующее и усыпляющее вліяніе «страшныя слова» въ родѣ: *оказалось*, *показалъ*, *не признавая*, *на основаніи*, *предусмотрѣно*, *предается* и т. п. Обвиняемыхъ двое, молодые люди, мужчина и женщина. Предсѣдатель, многозначительно обращаясь къ первому изъ нихъ, говоритъ: «Подсудимый—студентъ технологическихъ наукъ Сидоровъ, признаете ли вы себя виновнымъ въ томъ, что 30-го февраля (sic!) сего года, на Лиговкѣ, имѣли, съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ и умысломъ, продолжительный разговоръ о предметахъ, суду неизвѣстныхъ?» «Нѣтъ, не признаю!»—мрачно отвѣчаетъ тотъ. Предсѣдатель, съ еще большею многозначительностью: «Подсудимая, окончившая курсъ кулинарныхъ предметовъ Иванова, признаете ли себя виновною въ томъ, что въ то самое время, когда Сидоровъ имѣлъ упомянутый разговоръ, вы, тоже съ умысломъ, находились въ Гороховой, съ цѣлью покупки себѣ шерстяныхъ чулокъ?» — Подсудимая, срываясь съ мѣста, стремительно отвѣчаетъ: «Да! признаю, но я была *въ состояніи аффекта...*» (иногда Горбуновъ дѣлалъ варіантъ, и подсудимая у него отвѣчала, послѣ нѣкотораго размышленія: «*Въ фактѣ* — да!»). Предсѣдатель торжественно и вмѣстѣ любезно: «Садитесь!» Начинается приводъ къ присягѣ свидѣтелей, неподражаемо изображавшійся Горбуновымъ. Лицо, названное предсѣдателемъ—«святымъ отцомъ» и неожиданно для себя застигнутое обязанностью сдѣлать свидѣтелямъ внушеніе, говоритъ довольно сбивчиво, съ внезапными повышеніями голоса и сильно напирая на *о*, и кончаетъ заявленіемъ, что не *только* законъ гражданскій, но *даже* и небесный судъ наказываютъ за ложное показаніе. Свидѣтели присягаютъ каждый по-своему. Дворникъ, размашистымъ жестомъ съ силою ударяетъ себя въ плечи, лобъ и грудь; франтъ поношеннаго вида и неопредѣленныхъ занятій со снисходительною улыбочкою не-

http://rcin.org.pl

брежно болтаетъ пальцами подъ подбородкомъ; городовой, бляха № 999, смотритъ все время на предсѣдателя, даже и прикладываясь, и потому чуть не попадаетъ мимо... Наступаетъ пауза, свидѣтели мнутся съ ноги на ногу, а затѣмъ предсѣдатель, обращаясь къ судебному приставу, говоритъ взволнованнымъ голосомъ: «Удалите свидѣтелей!» многозначительно прибавляя: «останется цеховой Прокофьевъ»... Прокофьевъ стоитъ посреди залы. На немъ старый сюртукъ, застегнутый на одну уцѣлѣвшую пуговицу, и очень короткія брюки, съ оттопыренными буфами на колѣняхъ. Признаковъ бѣлья не имѣется. Всѣ обращаются въ слухъ. «Господинъ Прокофьевъ, доложите суду въ связномъ и послѣдовательномъ разсказѣ все, что вамъ извѣстно по настоящему дѣлу... или, быть-можетъ, вы предпочтете *подвергнуть себя* перекрестному допросу?»—Напряженіе общаго вниманія достигаетъ крайняго предѣла. Прокофьевъ обводитъ сидящихъ предъ нимъ глазами, перебираетъ привычно-трясущимися руками борты засаленнаго и порыжѣлаго сюртука, и вдругъ плаксивымъ голосомъ заявляетъ: «Ваше сіятельство... я человѣкъ пьяный...»

Интересуясь всѣми выдающимися процессами, Горбуновъ по-своему отзывался на нихъ, включая иногда тонкую иронію въ юморъ выхваченнаго изъ жизни разсказа. Многимъ памятно надѣлавшее столько шуму дѣло Мироновича, обвинявшагося въ задушеніи Сары Беккеръ. Въ кулачкѣ несчастной дѣвочки, при открытіи этого темнаго злодѣянія, оказался зажатымъ клокъ волосъ, очевидно принадлежавшій тому, съ кѣмъ ей пришлось бороться за свою жизнь. Волосы были бережно вынуты, сложены на бумагѣ и положены на подоконникъ, но когда, по окончаніи протокола осмотра трупа и мѣста совершенія преступленія, при чемъ въ комнату входили и выходили изъ нея разные люди, хватились волосъ—ихъ уже не оказалось, а съ ними исчезла весьма важная улика, которую надо было потомъ возмѣщать рядомъ болѣе или менѣе остроумныхъ предположеній и смѣлыхъ догадокъ. Какъ извѣстно, дѣло разбиралось два раза, чрезвычайно занимая и даже волнуя общество, раздѣлившееся по вопросу о виновности Мироновича на лагери. Въ первый разъ Мироновичъ былъ обвиненъ, во второй—оправданъ. Дѣло прошло, оставивъ неразъясненнымъ вопросъ о совершителѣ и о мотивахъ загадочнаго преступленія и лишь представивъ во всемъ неприглядномъ своемъ блескѣ образъ *психопатки*, самое названіе котораго, впервые заявленное учеными экспертами во всеуслышаніе на судѣ, пріобрѣло себѣ съ тѣхъ поръ право гражданства въ нашемъ житейскомъ обиходѣ. Вскорѣ послѣ этого

http://rcin.org.pl

Горбуновъ сталъ разсказывать о приказчикѣ, который, побывавъ съ товарищемъ въ зоологическомъ саду и сдѣлавъ «честь-честью» все, что *полагается*, т. е. поклонившись Михайлу Ивановичу (медвѣдю), предоставивъ яблочко обезьянамъ, покормивъ слона булочкою и *подразнивъ* льва, отправился на Крестовскій островъ и на дорогѣ вздумалъ выпить бутылочку «попутнаго». Въ погребкѣ, послѣ предложенія посѣтителямъ прейсъ-куранта, «по которому имъ пить невозможно», ихъ соблазняютъ разсказомъ о томъ, что недавно «фундаментъ перекладали» и въ немъ нашли замурованными три бутылки, которымъ, поэтому, должно быть не менѣе 80 лѣтъ. Когда откупориваютъ одну изъ такихъ дорогихъ — потому что рѣдкостныхъ — бутылокъ, изъ нея вылетаетъ муха. «Какъ же это ты, такой-сякой,— говоритъ Иванъ Ѳедоровъ, товарищъ разсказчика, — увѣряешь, что винѣ 80 лѣтъ, когда въ ёмъ живая муха?!» — «Что же,— отвѣчаетъ сидѣлецъ,— муха завсегда въ спиртѣ жить можетъ». — «Ну, *натурально*,— продолжаетъ разсказчикъ,— Иванъ Ѳедоровъ ему сейчасъ въ ухо... Поднялся это крикъ, пришелъ городовой, привели околоточнаго, бутылку взяли, составили актъ, насъ записали, *муху къ дѣлу припечатали*... Теперь не миновать подъ арестъ. Мировой засудитъ! Одна надежда: коли ежели эта муха пропадетъ — оправдаютъ!!»

Понятно, что мировое судебное разбирательство, непосредственно касающееся явленій повседневной народной жизни, должно было давать Горбунову краски и мотивы для самыхъ разнообразныхъ разсказовъ. Нѣтъ возможности не только перечислить, но даже и припомнить всѣ его повѣствованія о происходящемъ въ камерахъ мировыхъ судей и у тѣхъ мелкихъ ходатаевъ, которые преимущественно принимаютъ на себя защиту у послѣднихъ. Своеобразный взглядъ на свое положеніе и обязанности, на отношеніе къ правамъ другихъ и къ условіямъ житейскаго поведенія у дѣйствующихъ лицъ этихъ разсказовъ тѣсно связанъ со страхомъ отвѣтственности и въ особенности огласки. Безобразные розмахи широкой натуры какъ-то странно переплетаются тутъ съ этимъ страхомъ и уживаются вмѣстѣ. При всей пестротѣ этой картины, въ ней чувствуются вѣрныя дѣйствительности краски, не исчезнувшія подъ внѣшнимъ лоскомъ поверхностной и наносной культуры. Въ силу этихъ особенностей, напр., два приказчика изъ Апраксина двора, не отрицая того, что они *бушевали* въ трактирѣ «Ягодка», разбили зеркало и вымазали горчицею лицо трактирному служителю,— тѣмъ не менѣе, рѣшительно не признаютъ себя ни въ чемъ виновными потому, что «за все за это заплочено и мальчишкѣ да-

http://rcin.org.pl

дено, что слѣдуетъ, а ежели и смазали маленько — бѣды тутъ большой нѣтъ, вотъ ежели бы скипидаромъ смазали, опять же за это и деньги заплочены». По тѣмъ же основаніямъ и хозяинъ пекарни, гдѣ найдена масса всякой нечистоты и таракановъ и гдѣ подмастерья спятъ въ повалку на столахъ, на которыхъ дѣлаютъ хлѣбы, отказывается понять, за *что* его хочетъ присудить къ штрафу мировой судья, такъ какъ «гдѣ человѣкъ, тамъ и тварь всякая водится, и не должонъ же я своимъ рабочимъ *диваны* покупать»; а когда судья ему не внемлетъ, то замѣчаетъ сокрушенно: «теперича я, значитъ, за кажиннымъ тараканомъ съ палкою ходить должонъ!?.» Иногда дѣло не доходитъ до отрицанія вины, но предъявляются резоны, въ силу которыхъ наказаніе по всей справедливости должно быть смягчено. Подсудимый, признавая себя виновнымъ въ томъ, что два раза смазалъ кого-то въ дракѣ, возникшей въ «Орфеумѣ» вслѣдствіе замѣчанія какого-то «не то господина, не то писаря» относительно «необразованія» кутящей компаніи, на что одинъ изъ нея—«какъ свиснетъ его: вотъ, говоритъ, какое наше образованіе!»—узнаетъ отъ защитника, что придется сидѣть въ тюрьмѣ недѣли три, и удивленно спрашиваетъ: «все равно какъ простой человѣкъ? съ арестантами?» — прибавляя затѣмъ: «а ежели я купецъ, напримѣръ, гильдію плачу?»—и услышавъ, что «вдобавокъ въ газетахъ обозначатъ», справляется:—«а ежели, напримѣръ, пожертвовать на богадѣльню или куды?»

Такимъ обвиняемымъ нерѣдко соотвѣтствуютъ и надлежащіе защитники ихъ невинности. Горбуновъ, понимая необходимость защиты въ уголовныхъ дѣлахъ, зналъ, что присяжная адвокатура сослужила русскому судебному дѣлу большую службу, способствуя развитію правопониманія въ обществѣ и во многихъ случаяхъ безкорыстно содѣйствуя суду въ отысканіи истины. Но онъ нашелъ для себя богатый матеріалъ въ дѣятельности представителей низшихъ слоевъ адвокатуры, уцѣлѣвшихъ отчасти отъ контингента до-реформенныхъ ходатаевъ, строившихъ свой успѣхъ часто на незнаніи закона тѣми, кто къ нимъ обращался. На этомъ поприщѣ состязанія корысти и невѣжества имъ выведено нѣсколько яркихъ фигуръ. «Прежде проще было,— жалуется попавшій «къ мировому» буянъ: — я у квартальнаго раза два судился: дашь, бывало, письмоводителю и кончено; а теперича и дороже стало, и сраму больше; — сейчасъ, вотъ, былъ тоже у одного адвоката—три синенькихъ отдалъ за разговоръ. Я, говоритъ, твое дѣло выслушаю, только ты мнѣ, говоритъ, за это пятнадцать рублей и деньги сейчасъ. Ну, отдалъ, разсказалъ все какъ слѣдуетъ... Уповай, говоритъ, на Бога!

http://rcin.org.pl

и ничего больше. Уповай, говоритъ, и шабашъ!» Это — *до-судебная* помощь. Но и помощь *на судѣ* можетъ оказаться не лучше.—«Г. мировой судья!—восклицаетъ защитникъ сотворившихъ «смазь» горчицею.—чистосердечное раскаяніе, принесенное въ судѣ, на основаніи новаго законоположенія, ослабляетъ... законъ разрѣшаетъ по внутреннему убѣжденію...»—«Позвольте!—прерываетъ судья—вы въ какомъ видѣ?»—«Чего-съ?»—Судья повторяетъ вопросъ, на который слѣдуетъ наивно-вопросительный отвѣтъ: «Въ какомъ-съ?»—«Я васъ штрафую тремя рублями. Извольте выйти вонъ.» — «Скоро, справедливо и милостиво!» заплетающимся языкомъ и силясь гордо взглянуть посоловѣлыми глазами, восклицалъ Горбуновъ, дѣлая видъ, что захлопываетъ толстую книжку судебныхъ уставовъ... Не даромъ, поэтому, обыватель, подлежащій явкѣ къ мировому, не всегда благосклонно относится къ вопросу о вознагражденіи за будущую защиту. «Ищу адвоката,—говоритъ купецъ, допустившій по отношенію къ бѣдной дѣвушкѣ-переводчицѣ «безобразіе бабушки» и собственное «малодушіе»,—былъ у одного, да не понравился: чѣмъ, говорю, прикажете васъ вознаграждать?—всталъ, этакъ, выпрямился:—мнѣ кажется, говоритъ, что опосля изобрѣтенія денежныхъ знаковъ вашъ вопросъ совершенно лишній...»

V.

Въ области общественной службы, публичныхъ развлеченій и общественныхъ торжествъ творчество Горбунова и его способность подмѣтить, въ юмористической формѣ, выдающіеся внутренніе моменты—находили себѣ обильную пищу. Почти во всѣхъ этихъ его разсказахъ и сценахъ изъ-за отдѣльнаго, яркаго и жизненно-правдиваго эпизода выступаетъ проницательное и прочувствованное изображеніе *отношенія* русскаго человѣка къ различнымъ сторонамъ и вопросамъ жизни,—того отношенія, которое присуще именно русскому человѣку, составляя оригинальное проявленіе свойствъ его природы и условій его культурнаго развитія. Въ ряду такихъ сценъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимало, въ словесномъ изложеніи Горбунова, фантастическое засѣданіе уѣзднаго земскаго собранія, въ которомъ разрѣшается вопросъ о назначеніи дополнительнаго содержанія отъ земства одному изъ полицейскихъ должностныхъ лицъ, приходящему по своей дѣятельности въ частное соприкосновеніе съ земскими дѣлами и новинностями. На вопросъ предсѣдателя собранія о томъ, принимаетъ ли оно предложеніе о прибавкѣ, встаетъ рядъ гласныхъ, произноситъ рѣчи и дѣлаетъ заявленія. Ораторы обрисованы Горбуновымъ съ неподражаемымъ и незабываемымъ мастерствомъ.

http://rcin.org.pl

Къ сожалѣнію, разсказъ этотъ не напечатанъ и передать его въ подробности не представляется возможнымъ. Представитель крупныхъ землевладѣльцевъ спрашиваетъ небрежнымъ тономъ, какъ о вещи, ясной сама по себѣ: «это по той же *прерогативѣ* какъ было сдѣлано въ Казани?»—и, получивъ успокоительный отвѣтъ: «да, по той же», говоритъ кратко: «я согласенъ!»—Гласный изъ купцовъ переспрашиваетъ, какая сумма, и, узнавъ, что 100 рублей въ годъ, заявляетъ: «Что-жъ, коли ежели, дѣйствительно, имъ въ томъ надобность, то можно безъ сумлѣнія, потому при нашемъ капиталѣ это дѣло возможное».—Третій гласный, говорящій на о и витіевато, испросивъ разрѣшеніе «слово отрыгнуть», начинаетъ словами: «О чемъ рѣчь? О прибавкѣ!—Кому?—Господину NN.—За что—За труды!—Однакоже, уповательно...»—и неожиданно предъявляетъ требованіе объ ассигнованіи и ему, и его сослуживцамъ такой же суммы, поясняя это тѣмъ, что безъ ихъ участія многія существенныя событія въ жизни обывателя обойтись не могутъ. «Да вѣдь это не относится къ настоящему дѣлу», — останавливаетъ его предсѣдатель.—«То-есть по-о-звольте, господинъ предсѣдатель,—возражаетъ гласный:—какъ же это не относится, когда я имѣю семь душъ дѣтей женскаго пола, которыя всѣ требуютъ пищевого довольства!?»—«Все-таки не относится», упорствуетъ предсѣдатель.—«Прошу занести въ протоколъ»,—обиженно говоритъ гласный, надъ горькимъ и зависимымъ матеріальнымъ положеніемъ котораго невольно заставляетъ призадуматься Горбуновъ, умѣвшій въ его комическое по формѣ заявленіе вложить нотку, идущую изъ настрадавшагося сердца.—«Господинъ предсѣдатель,—встаетъ, играя золотымъ pince-nez, случайный гость собранія, пріѣзжій гласный, изысканно-одѣтый и брезгливо осматривающійся кругомъ, молодой господинъ изъ Петербурга — позвольте э-э-э... мнѣ... э-э-э слово»...—и начинается безсвязная, тягучая, наполненная нечленораздѣльными звуками и легкимъ мычаніемъ рѣчь, съ неожиданными модуляціями голоса, то повышаемаго, то доходящаго до многозначительнаго шопота, въ которой, повторяя съ недоумѣвающимъ и какъ бы обиженнымъ видомъ названіе должности, занимаемой «воспособляемымъ» чиновникомъ, петербургскій франтъ силится выжать изъ себя какой-то вопросъ или упрекъ собранію. «Да что вы заладили одно и то же!—нервно восклицаетъ одинъ изъ гласныхъ, ожесточенный «капителью» оратора и сверканіемъ его крутящагося около пальца pince-nez.—вы скажите—ассигновать или отказать?!»—«Господинъ предсѣдатель,—презрительно оглядываясь, говоритъ ораторъ — я просилъ бы... э-э-э... пригласить... э-э-э... господъ... э-э-э... не пере-

http://rcin.org.pl

бивать теченіе моихъ мыслей... Я продолжаю. Я говорю...»—и, наконецъ, послѣ долгихъ потугъ и повтореній одного и того же названія должности, онъ разрѣшается заявленіемъ, что сто рублей—столь малая сумма, что едва ли чиновникъ, о которомъ идетъ рѣчь, захочетъ ее взять... Но едва произнесено имъ это предположеніе, какъ гласный отъ крестьянъ, преодолѣвъ навѣянную рѣчами дремоту и внезапно оживившись, восклицаетъ съ твердою и почти радостною увѣренностью и одушевленіемъ: «Онъ возьметъ! онъ *все* возьметъ!..»

Верхомъ совершенства въ смыслѣ тонкой наблюдательности и яркости изображенія является разсказъ Горбунова о засѣданіи «общаго собранія общества прикосновенія къ чужой собственности», въ которомъ юмористическая форма прикрываетъ содержаніе, выхваченное изъ дѣйствительной жизни. Тотъ, кому по личному горькому опыту или по хроникамъ уголовнаго суда знакомы недостатки нашего недавняго акціонернаго законодательства, частыя злоупотребленія голосами подставныхъ акціонеровъ и тщетная борьба дѣйствительныхъ владѣльцевъ акцій съ произвольными дѣйствіями правленій, поддерживаемыхъ искусственно созданнымъ большинствомъ, найдетъ, что Горбуновъ въ своемъ вымыслѣ вовсе не далекъ отъ проявленій дѣйствительности, одно время столь частыхъ, что они чуть не обратились въ общее правило съ рѣдкими изъ него исключеніями. Открывая засѣданіе, предсѣдатель имѣетъ честь предложить обсужденію «милостивыхъ государей» *первый* главный вопросъ объ увеличеніи содержанія тремъ директорамъ, *второй*—о сложеніи съ кассира невольныхъ прочетовъ, *третій*—о преданіи забвенію, въ виду стѣсненнаго семейнаго положенія, неблаговиднаго поступка одного члена правленія, *четвертый*—о назначеніи пенсіи супругѣ лишеннаго всѣхъ особыхъ правъ состоянія кассира, и *пятый*—о расширеніи правъ правленія по личнымъ позаимствованіямъ изъ кассы. Совершенно неожиданно раздается чье то: «ого!» Но предсѣдатель твердо сидитъ въ своемъ сѣдлѣ, поддерживаемый безгласнымъ и безличнымъ большинствомъ.—«Что это «ого?»—прошу взять назадъ это «ого!» я не могу допустить никакого «ого!»—восклицаетъ онъ. Выступаетъ болѣе краснорѣчивый ораторъ. «Прошу слова,—говоритъ онъ.—Какъ ежели директоръ, хранитель нашего портфеля, обязанный, напримѣръ, содѣйствовать... и все прочее... а мы, значитъ, съ полнымъ уваженіемъ... и ежели теперича директоръ, можно сказать, лицо... Я къ тому говорю: по нашимъ коммерческимъ оборотамъ, когда, напримѣръ, затрещалъ скопинскій банкъ...»—«Вы задерживаете пренія и ставите ихъ на от-

http://rcin.org.pl

влеченную почву,—прерываетъ предсѣдатель: — нельзя ли вамъ просто выразиться, такъ сказать реально: да или нѣтъ...» — «Когда, напримѣръ, разнесли скопинскій банкъ, ограбили вдовъ и сиротъ... можетъ и теперь сиротскія-то слезы не обсохли...» — «Все это вѣрно, но эти слезы—область поэзіи. Правленію нѣтъ никакого дѣла до сиротскихъ слезъ. Позвольте вамъ повторить мое предложеніе стать на реальную почву». — «Мы не знаемъ этой вашей почвы, а грабить не приказано». — «Стало-быть, мы грабили»,—обиженно спрашиваетъ предсѣдатель и обращается, отъ лица правленія, съ протестомъ къ общему собранію, которое реветъ: «вонъ! вонъ его!» Является, однако, миротворецъ, и, обращаясь къ «милостивымъ государямъ», вкрадчиво говоритъ: «Я позволилъ бы себѣ такъ понять это столкновеніе: почтеннѣйшій членъ не совсѣмъ уяснилъ себѣ предложеніе предсѣдателя, не понялъ, такъ сказать...» — «Какъ не понять! Я говорилъ насчетъ грабежу...» Начинается шумъ, баллотируется выраженіе порицанія оратору, слышатся воззванія къ ревизіонной комиссіи... «Въ Милютиныхъ лавкахъ устрицы ѣстъ ваша ревизіонная комиссія», кричитъ кто-то въ толпѣ. — Пошумѣвъ въ интересахъ правленія, общее собраніе переходитъ, по требованію одного изъ присутствующихъ, къ ознакомленію съ *неблаговиднымъ поступкомъ* одного изъ членовъ правленія. — «Съ юридической точки зрѣнія,—объясняетъ предсѣдатель: — поступокъ этотъ... наша юстиція очень рѣзко разграничиваетъ дѣянія, совершенныя...» — «Стащилъ, вотъ тебѣ и *естюція*...» — слышится голосъ... — «совершенныя по злой волѣ... Принимая во вниманіе семейное положеніе...» — «Ну, стащилъ! это вѣрно!» — «Въ терминологіи нашей юстиціи нѣтъ слова: стащилъ...» — «Ну, можно нѣжнѣе сказать—укралъ...» — Засѣданіе кончается баллотировкою вопроса объ увеличеніи содержанія директорамъ. — «Отдай имъ сундукъ съ деньгами, а они туда тебѣ, замѣсто ихъ, бронзовыхъ векселей наворотятъ... Чудесно!..» — восклицаетъ прежній протестантъ. — «Бронзовые векселя, какъ вы изволили выразиться, — перебиваетъ предсѣдатель — нисколько не отягощаютъ кассу... Позвольте мнѣ докончить!.. Позвольте васъ остановить!.. Вопросъ исчерпанъ, ставлю его на баллотировку!»

Не разъ изображалъ Горбуновъ и общественныя обѣденныя собранія по разнымъ поводамъ. Проявленія развившейся у насъ за послѣдніе годы маніи къ юбилейнымъ обѣдамъ нашли себѣ въ немъ остроумнаго изобразителя, со всѣми своими комическими сторонами,—съ юбиляромъ, узнающимъ впервые и съ изумленіемъ изъ обращенныхъ къ нему рѣчей о своихъ необыкновенныхъ заслугахъ предъ вѣдомствомъ, государствомъ и даже

http://rcin.org.pl

человѣчествомъ, и не знающимъ хорошенько, тонко ли смѣются надъ нимъ или грубо ему льстятъ,—съ вынужденнымъ его отвѣтомъ, при чемъ «виновникъ торжества» обыкновенно «не находитъ словъ...» и признаетъ этотъ, далеко не безопасный для его желудка день «лучшимъ въ своей жизни»—и съ тѣмъ, наконецъ, психологическимъ моментомъ, когда вино развязываетъ языкъ и туманитъ голову, когда всѣ начинаютъ говорить вмѣстѣ, забывая иногда цѣль собранія и выбалтывая истинныя чувства, скрытыя дотолѣ подъ юбилейною условностью рѣчи, — однимъ словомъ, когда становится возможнымъ конецъ одного изъ такихъ юбилейныхъ разсказовъ Горбунова, въ которомъ одновременно, съ одного конца стола, изъ-подъ облака навислаго надъ нимъ сизаго табачнаго дыма, слышится нестройное «ура!», а съ другого несется сиплое «бей его!..»

Между торжественными обѣдами и чествованіями, описываемыми Горбуновымъ, видное мѣсто по мастерству разсказа занималъ обѣдъ, будто бы даваемый въ Москвѣ «нашимъ заатлантическимъ друзьямъ». Во время дипломатическихъ осложненій 1863 года, когда Западная Европа стала грозить Россіи вмѣшательствомъ въ «старый споръ славянъ между собою», разсчитывая повліять на нее совокупнымъ воздѣйствіемъ великихъ и даже малыхъ державъ, нѣсколько судовъ русскаго флота, подъ командою С. С. Лесовскаго, зашли въ Нью-Іоркъ и другіе главные порты С.-А. С.-Штатовъ, и были тамъ, въ память сочувственнаго отношенія русскаго правительства къ сѣверянамъ въ ихъ тяжелой и священной борьбѣ за уничтоженіе невольничества, восторженно приняты. Чрезъ нѣкоторое время, въ 1866 году, предъ Кронштадтомъ появился броненосецъ новаго тогда типа, носившій индѣйское названіе «Міантономо», подъ командою капитана Фокса, пришедшій «отдавать визитъ». Американцы сдѣлались сразу популярными и чествованіе ихъ подчасъ принимало гомерическіе размѣры. Изъ Петербурга они уѣхали въ Москву, и тамъ имъ пришлось узнать, что кромѣ обыкновенныхъ, знакомыхъ имъ морей, въ «сердцѣ Россіи» существуетъ еще особенное «разливанное море», при плаваніи по которому настоящее море, несмотря на свое грозное величіе, начинаетъ становиться лишь «по колѣна». Объ одномъ изъ пиршествъ на берегу такого моря и разсказывалъ Горбуновъ.—Съѣзжающіеся гости, освѣдомляясь, кто будетъ говорить рѣчи, не могутъ дождаться начала обѣда, и смягчаютъ томительность ожиданія предварительной пробою винъ. «А не попробовать ли хересу?»—спрашиваютъ одни.—«Что-жъ, попробуйте,—отвѣчаютъ другіе:—вы пробуйте, а мы подъ васъ подражать будемъ...» Въ срединѣ

http://rcin.org.pl

обѣда начинаются рѣчи «заатлантическихъ друзей». Въ этихъ рѣчахъ Горбуновъ превосходилъ самого себя. Онъ не зналъ по-англійски, а между тѣмъ рѣчи, и довольно длинныя, говорились имъ именно на этомъ языкѣ. Въ нихъ, кромѣ обращенія къ слушателямъ, не было почти ни одного *слова* англійскаго— но были всѣ англійскіе *звуки*—и притомъ связанные между собою и переданные сообразно темпераменту говорящихъ.—«Ladies and gentlemens!»—начиналъ свою рѣчь капитанъ Фоксъ, и говорилъ серьезнымъ тономъ, со сдержанною энергіею, съ паузами, вводными предложеніями и съ поднятіемъ голоса въ концѣ, при предложеніи тоста. «Ladies and gentlemens!» — срывался съ своего мѣста молодой лейтенантъ американскаго флота, — и его быстрая, живая, веселая рѣчь лилась неудержимо, пересыпанная вопросами себѣ, отвѣтами на нихъ, радостными восклицаніями и оканчиваемая бурнымъ финаломъ, который *долженъ* былъ вызывать рукоплесканія собравшихся на пиръ, при чемъ большинство изъ нихъ не понимало, конечно, что̀ именно говоритъ этотъ гость съ типичною американскою бородкою, но чувствовало, что говоритъ онъ отъ полноты души и что самъ онъ— «милый человѣкъ»... А между тѣмъ, предварительная проба, въ связи съ тѣмъ, что̀ полагалось по обѣденному питейному обиходу, производила свое дѣйствіе и вызывала приливъ особой любви къ новымъ друзьямъ, которые такъ задушевно заявляютъ что-то, должно-быть, очень хорошее. Въ такомъ настроеніи все кажется возможнымъ и достижимымъ, всѣ реальныя очертанія дѣйствительности сливаются и смѣшиваются, а затѣмъ и самая дѣйствительность, въ видѣ яснаго сознанія мѣста и времени, исчезаетъ. Поэтому въ отвѣтъ гостямъ слышится восторженное воззваніе: «Господа американе! — какъ теперича мы друзья, — коли будетъ приказаніе—при нашемъ капиталѣ—мостъ черезъ Антлантическій оксанъ — въ три дня! — въ лучшемъ видѣ! Господа американе—ура!» Поэтому, послѣ еще нѣсколькихъ тостовъ, встаетъ, несмотря на оживленное противодѣйствіе сосѣдей, силящихся удержать его за фалды сюртука, одинъ изъ участниковъ обѣда и съ опасностью потерять равновѣсіе, протягивая бокалъ Фоксу, вскрикиваетъ: «Выпьемъ п-п-патріотическій т-т-тостъ отъ русскаго сердца...»—и на отвѣтное движеніе гостя, неожиданно заявляетъ: «За здоровье... за здоровье отца-архимандрита! ура!...»

Въ сценахъ, имѣющихъ предметомъ народныя развлеченія, особое, непосредственное отношеніе простого народа и отдѣльныхъ, близкихъ сму по кругозору, личностей, у Горбунова изображается выпукло и чрезвычайно колоритно. Стоитъ припо-

http://rcin.org.pl

мнить его «Блондена» или «Травіату». Дѣйствующимъ лицамъ этихъ сценъ «хоть что хошь представляй»,—и за мѣстами они не гонятся, избирая «которыя попроще» и «выше чего быть невозможно», но пусть только будетъ именно то, «что въ афишѣ обозначено, на чести, безъ подвоху...» Поэтому и Сара Бернаръ аттестуется такъ: «насчетъ тѣлеснаго сложенія, говорятъ, не совсѣмъ, а что игра—на совѣсть!» Содержаніе представляемаго зрители уже сами себѣ уясняютъ по-своему и даже, гдѣ нужно, дополняютъ. Вслѣдствіе этого имъ *кажется*, что они слышатъ, какъ нѣмецъ «какъ есть настоящій, и человѣкъ, надо полагать, степенный», котораго долженъ нести на спинѣ по канату знаменитый акробатъ, говоритъ ему: «батюшка, господинъ Блонденъ,—пусти душу на покаяніе!»—на что тотъ отвѣчаетъ: «нѣтъ, Карла Иванычъ, сиди, а то уропю,—намъ публику обманывать не приказано: вишь, квартальный стоитъ!» Поэтому, видя, что «тальянскіе эти самые актеры дѣйствуютъ, сидятъ, примѣрно, за столомъ и закусываютъ», такіе зрители *слышатъ*, какъ тѣ поютъ, что имъ «жить оченно превосходно, такъ что лучше требовать нельзя». И всѣ дальнѣйшіе разговоры переводятся ими на языкъ и понятія своей среды, при чемъ, благодаря удивительной русской способности пониманія сущности дѣла или предмета по мимолетнымъ и разрозненнымъ его признакамъ, остовъ содержанія происходящаго предъ ними, хотя бы и на чуждомъ языкѣ, схватывается ими вѣрно. Оказывается, что г-жа Патти подноситъ г-ну Канцеляри стаканчикъ красненькаго, со словами: «выкушайте, милостивый государь», и, услышавъ отъ него признаніе въ любви, говоритъ ему: «извольте идти, куда вамъ требуется, а я сяду и подумаю объ своей жизни, потому наше дѣло женское, безъ оглядки намъ невозможно»; оказывается, затѣмъ, что, выйдя съ отцомъ героя, пришедшимъ, «имени, отчества ея не зная», проситъ «турнуть запутавшагося парнишку» въ садъ, ибо «на вольномъ воздухѣ разговаривать гораздо превосходнѣе», она обѣщаетъ исполнить его желаніе, заявляя, что сама «баловства терпѣть не можетъ...» Отсюда становится понятнымъ, почему одинъ изъ зрителей, на вопросъ другого: «къ чему клонитъ?», увѣренно отвѣчаетъ: «парнишка пришелъ прощенья въ своемъ невѣжествѣ просить: «я ни въ чемъ не причиненъ, все дѣло тятенька напуталъ»,—при чемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, становится несомнѣннымъ, что Патти «между прочимъ, помереть должна», вслѣдствіе чего она «попѣла еще съ полчасика, да Богу душу и отдала...» Пытливый взоръ слушателей и безъ пониманія ими чуждаго языка умѣетъ наслаждаться сценическимъ движеніемъ и по-своему объяснять себѣ его внутренній

http://rcin.org.pl

смыслъ. «А какая у нихъ игра,—предлагается вопросъ о Сарѣ Бернаръ,—куплеты поютъ, или что?»—«Игра разговорная. Очень, говорятъ, чувствительно дѣлаетъ. Такіе поступки производитъ—на удивленіе!.. Ты то возьми: разъ по двѣнадцати въ представленіе переодѣвается...»

VI.

«Руси есть веселіе пити», сказано было на зарѣ историческаго существованія русскаго народа. Среди многихъ неприглядныхъ сторонъ жизни простого русскаго человѣка, въ его тяжелой, не всегда умѣлой и часто неблагодарной борьбѣ съ суровою природою, при отсутствіи, до шестидесятыхъ годовъ, систематической заботы о его просвѣщеніи и о доставленіи ему здоровыхъ развлеченій, при развращающемъ вліяніи фабрики и окружающихъ ее соблазновъ,—«зелено-вино» сдѣлалось для него не только главнымъ развлеченіемъ, но и утѣшеніемъ, потому что доставляетъ забвеніе. И такъ какъ, чѣмъ дольше не чувствуется сѣрая и гнетущая дѣйствительность, тѣмъ легче становится на душѣ, то русскій человѣкъ привыкъ набрасываться на это забвеніе безъ чувства мѣры, мирясь съ его неизбѣжными результатами... Не вкусовыхъ ощущеній, даже не скоро переходящаго веселаго настроенія (да и всегда ли веселаго?) привыкъ искать онъ въ винѣ, а того особаго, приподнятаго отношенія къ окружающему, благодаря которому мимолетное ощущеніе принимаетъ видъ чего-то реальнаго и прочнаго, а горе-злосчастіе отходитъ на отдаленный, едва видный планъ... «А добрый сонъ пришелъ—и узникъ зритъ себя царемъ...»—говорится въ «Русскихъ женщинахъ» Некрасова. «А добрый хмель пришелъ»—можно бы сказать, пародируя эти слова и прибавивъ къ нимъ краткую характеристику искусственно счастливаго самоощущенія пьянаго. По вѣрному, подтверждаемому научными изслѣдованіями, замѣчанію Ровинскаго, въ сущности русскій человѣкъ пьетъ менѣе иностраннаго, да только пьетъ онъ рѣдко и на тощій желудокъ, потому и пьянѣетъ скорѣе, и напивается гораздо чаще противъ иностраннаго. Много духовной силы надо, чтобъ устоять предъ могущественнымъ хмелемъ, говоритъ онъ. Потому-то и поетъ народная пѣсня: «пей, забудешь горе», и старинная лубочная картина, изображающая хмель, имѣетъ подпись: «азъ есмь хмель высокая голова, болѣ всѣхъ плодовъ земныхъ,—силенъ и богатъ, а добра у себя никакого не имѣю; ноги мои тонки, а утроба прожорлива,—руки же обдержатъ всю землю». Вѣроятно вслѣдствіе этого свойства нашего родного опьяненія—въ большинствѣ случаевъ, за исключеніемъ крайняго безобразія, русскій

http://rcin.org.pl

человѣкъ относится къ пьяному не съ брезгливымъ и тревожнымъ отвращеніемъ, какъ это дѣлается на Западѣ, а съ участіемъ, часто съ сочувствіемъ и иногда даже съ нѣкотораго рода завистью. Не даромъ Некрасовъ, хорошо знавшій наши бытовыя особенности, въ предсмертные свои годы, когда становилось очевиднымъ, что поэма его «Кому на Руси жить хорошо» не будетъ окончена, на недоумѣвающіе вопросы: «кому же живется весело, вольготно на Руси?»—отвѣчалъ своимъ глухимъ, разбитымъ голосомъ: «пьяному!» Нельзя, однако, обобщать причину пьянства безусловно, и приходится признать, что, поднимаясь отъ низшихъ слоевъ населенія вверхъ, въ кругъ большаго развитія и образованія, пьянство постепенно, за исключеніемъ случаевъ проявленія болѣзни, переходитъ изъ области слабости и несчастія въ область чувственныхъ излишествъ и порока.

Горбуновъ,—искренній изобразитель родной жизни,—не могъ не отвести пьяному виднаго мѣста въ своихъ разсказахъ, между которыми, однако, нѣтъ ни одного, гдѣ пьяный былъ бы центральною фигурой, дающею содержаніе и окраску всему разсказу... Горбуновъ слишкомъ любилъ русскаго человѣка, чтобы глумиться надъ этою его слабостью и указывать, какъ на общее явленіе, на тѣ почти патологическіе случаи, когда она одна наполняетъ все его бытіе. Но онъ не закрывалъ глаза на дѣйствительность—и потому *пьяный* проходитъ во множествѣ его разсказовъ, то оставляя цѣлостное впечатлѣніе, то лишь мелькая, какъ неизбѣжная житейская принадлежность общаго фона картины. «Одинъ полетитъ—или съ человѣкомъ?»—спрашиваютъ изъ толпы, въ чудесномъ разсказѣ его «Воздушный шаръ».—«Нѣтъ! съ человѣкомъ... Нѣмецъ полетитъ—и съ нимъ портной...»—«Пьяный?!»—«Нѣтъ, тверезый», и т. д. Кто слышалъ этотъ разсказъ въ превосходномъ исполненіи Горбунова, конечно, помнитъ, что слово «пьяный (пьянай!?)» онъ произносилъ съ оттѣнкомъ особаго восхищенія въ голосѣ спрашивающаго. Торжество «хмеля-высокой головы» въ русской деревнѣ видится въ яркихъ сценахъ разныхъ мѣстъ большого разсказа «Изъ деревни».—«Подобно мы, теперича,—говоритъ мужикъ:—какъ бы, напримѣръ, пчелы къ колодкѣ, такъ и мы къ кабаку: онѣ со сластью, а мы за сластью...» Сласть эта покупается не въ одномъ кабакѣ, но и въ трактирахъ, харчевняхъ, откуда несутся несвязныя рѣчи, слышатся крики, гдѣ спорятъ и поютъ, цѣлуются и дерутся...—«Не я пью—горе мое пьетъ... Горе мое горецкое!»—декламируетъ съ пафосомъ хохлатый, съ разстегнутымъ воротомъ, босой мужикъ, стоя на порогѣ бѣлой харчевни.—«Какое твое горе?»—«Горе? Хуже быть невозможно: погорѣлъ! Но той при-

http://rcin.org.pl

чинѣ, *были всѣ выпимши*... Вишь ты! Но только, между прочимъ...»

Вотъ она! — та горящая деревня, такими грустными и рѣзкими чертами описанная Чеховымъ въ его «Мужикахъ». Но Горбуновъ знаетъ, что хмельной человѣкъ далеко не *весь* русскій человѣкъ, и что за его подчасъ звѣровидной отъ опьянѣнія оболочкой есть стороны трогательныя и глубокія.—«Я къ тому, главная причина,—понимать моей души никто не можетъ, какая есть она у меня душа. Вотъ что!»—бормочетъ пьяный мужикъ. — «Въ кабакѣ вся ваша душа-то мужицкая!» — рѣзко замѣчаетъ толстая лавочница.—«Напрасно! Матушка, Прасковья Петровна! Ты, голубушка, за нашей душой въ кабакъ не ходи, вотъ я тебѣ что скажу! Въ кабакѣ мы только блажимъ, а душа наша у насъ въ грудяхъ заросла... не доберешься ты даже...» — Но кабакъ завладѣлъ нимъ сильно... Дай Богъ, чтобы общественнымъ начинаніямъ, вызваннымъ къ жизни казенною винною продажею, удалось хоть отчасти изгладить послѣдствія вѣкового вліянія кабака и дать народу другія развлеченія и отвѣты на запросы его «заросшей» души!—«Хозяинъ твой теперича,—утѣшаетъ фабричный Слёзкинъ плачущую бабу, указывая на кабакъ,—такъ будемъ говорить... окромя эвтаго мѣста ему негдѣ быть...», и когда мужъ ся при этихъ словахъ выходитъ изъ кабака, прибавляетъ: «вишь ты! ужъ это значитъ такъ точно!»

Рядами проходятъ у Горбунова пьяные люди разнаго званія: крестьяне и мѣщане, купцы, пѣвчіе, причетники, актеры и всякіе «запойные люди». Всѣми ими признается, что быть пьянымъ не только не зазорно, но и вполнѣ въ порядкѣ вещей; всѣмъ имъ хмель отшибаетъ сознаніе... «Были мы у кума на именинахъ въ Прокшинѣ,—разсказываетъ Дёмка въ «Утопленникѣ»,—ну, *извѣстно* — напились. И такъ я этого хмелю въ голову засыпалъ—себя не помню. Кума прибилъ, теткѣ Степанидѣ шаль изорвалъ. Просто—сейчасъ умереть—лютѣй волка сдѣлался. И съ чего бы кажись—окромя настойки ничего не пили. Кумъ-то: что-жъ ты, говоритъ, мою хлѣбъ-соль ѣшь, а самъ... да какъ хлясь меня въ ухо, хлясь въ другое! И такъ мнѣ пьяному-то это обидно показалось!..» Выскочивъ въ окно и побѣжавъ во тьмѣ и подъ дождемъ «ровно очумѣлый, не зная куда», Демка попадаетъ въ рѣку; отъ неожиданной холодной ванны хмель проходитъ, и утопающій кричитъ такъ, что «давай теперича тысячу рублевъ—такъ не крикнешь: два года опосля глотка болѣла». Его вытаскиваютъ и приводятъ къ куму, гдѣ онъ опять «этой настойки выпилъ три стаканчика—согрѣлся...» — «Къ концу-то ужина я уже дьякона не вижу, а только вижу руку

http://rcin.org.pl

наливающую,—повѣствуетъ «на ярмаркѣ» купецъ: — да и думаю: рука его здѣсь, а самъ-то гдѣ отецъ дьяконъ? Какъ домой попалъ, не помню...»

Поэтому привычное пьянство, если и не составляетъ добродѣтели, то, во всякомъ случаѣ, является обстоятельствомъ, извиняющимъ многое, кладущимъ предѣлъ извѣстнымъ требованіямъ и создающимъ своеобразное положеніе въ обществѣ. Какъ у Островскаго молодой человѣкъ, на вопросъ о своемъ званіи, отвѣчаетъ спокойно и не смущаясь: «Я, сударыня, *праздно-любецъ*», — такъ и у Горбунова, сосредоточившій на себѣ вниманіе публики и судебной власти свидѣтель говоритъ многозначительно: «я человѣкъ пьяный!»—характеризуя этимъ не свое состояніе въ данный моментъ, а свое, такъ-сказать, личное общественное положеніе, властно освобождающее отъ всякихъ разспросовъ, не достигающихъ цѣли. Такое положеніе и такое состояніе служатъ въ его глазахъ, да и въ глазахъ окружающихъ, достаточнымъ объясненіемъ его словъ и поступковъ. Во мнѣніи большинства состояніе опьянѣнія не есть ненормальное и постыдное явленіе, идущее въ разрѣзъ съ обычнымъ строемъ жизни человѣка, напротивъ, оно есть какъ бы законное и естественное проявленіе этой жизни. Когда наступаютъ неизбѣжныя послѣдствія хроническихъ состояній опьянѣнія и кто-нибудь изъ человѣка пьянаго обращается уже въ «пьянаго человѣка», о немъ говорятъ съ извѣстною нѣжностью, что онъ «ослабѣлъ», и его слабость, особливо если онъ «смиренъ во хмелю», считается вполнѣ понятнымъ укладомъ жизни, почти столь же естественнымъ, какъ и разные другіе. Подъ вліяніемъ такого благодушнаго отношенія окружающихъ развивается и у самого «пьянаго человѣка», и по отношенію къ нему особая, своеобразная логика. Горбуновъ рисуетъ сцены и разговоры въ Бѣломъ залѣ московскаго трактира Барсова, великимъ постомъ, между антрепренерами провинціальныхъ театровъ и ищущими ангажемента актерами. «Первый любовникъ», садясь къ столику, требуетъ отъ полового дать ему *по обыкновенію* графинчикъ добраго, русскаго, бѣлаго, простого... *очищеннаго вина* и пирогъ въ гривенникъ; за другимъ столикомъ антрепренеръ, выслушавъ укоризненное указаніе «трагика» на то, что въ содержимомъ имъ театрѣ актеръ, игравшій Гамлета, въ знаменитой сценѣ съ матерью, вышелъ съ папироскою въ зубахъ, отвѣчаетъ коротко и вразумительно: «Ну, что-жъ—*пьяный былъ*!..» Невольно вспоминается при этомъ слышанный нами отъ покойнаго А. Д. Градовскаго разсказъ о господинѣ, который, въ жаркій лѣтній день, войдя на рѣчной пароходъ, придерживаясь за поручни, сталъ

http://rcin.org.pl

сильно терять равновѣсіе и, устремивъ мутный взоръ на свободное мѣсто на кормѣ, стремительно двинулся къ нему, толкая встрѣчныхъ, наступая на ноги сидящимъ и опираясь на нихъ руками. Когда публика стала ронтать, онъ, усѣвшись, наконецъ, на намѣченномъ мѣстѣ, снялъ фуражку съ краснымъ околышемъ, вытеръ лысину, улыбнулся доброю и виноватою улыбкою и сказалъ:—«Извините... я, когда надо ѣхать на пароходѣ... всегда... немножко... *потому—не стóить*!»—Въ виду всего этого понятно изумленіе окружающихъ при видѣ пѣвчаго-октавы, не пьющаго водки во время закуски въ купеческомъ домѣ. «Это даже удивительно,—говорятъ ему—такой видный человѣкъ и не пьетъ».—«Прежде былъ подверженъ,—отвѣчаетъ октава — въ больницѣ разъ со второго этажа въ окошко выскочилъ: докторъ не приказалъ...»

Особенно рѣзкимъ образомъ проявляется привычное служеніе хмелю на почвѣ самодурства, развитаго сознаніемъ своей денежной силы. Много разъ,— преимущественно въ сложныхъ бытовыхъ сценахъ, происходящихъ «На ярмаркѣ», или же въ разныхъ перипетіяхъ «Женитьбы», Горбуновъ обращался къ купеческому самодурству, принимающему, подобно хамелеону, то покрытыя легкимъ лоскомъ образованности, болѣе утонченныя, но грубыя въ существѣ и даже жестокія формы,—то къ откровенному и поразительному въ своемъ непризнаніи никакихъ условій мѣста и времени. Таковъ, напримѣръ, у него образъ купеческаго сынка Дмитрія Даниловича, посланнаго отцомъ въ чужіе края по машинной части, въ сопровожденіи переводчика, и настрявшаго такихъ бѣдъ, натворившаго такихъ чудесъ, что даже въ газетахъ распечатали... «Пріѣхали они, матушка ты моя, въ какой-то городъ нѣмецкій, а тамъ для короля ихняго, али принцъ онъ, что-ли, какой,—феверики приготовили. У Дмитрія-то Даниловича въ головѣ должно быть было: зажигай, говоритъ, скорѣй! А тамъ и говорятъ: погодите, почтенный, пока принцъ пріѣдетъ. Я, говоритъ, московскій купецъ, за все плачу. Тѣ, голубушка, заглядѣлись, а онъ цыгарку туда, въ феверку-то и сунулъ,—такъ все и занялось! *Самъ*-то ужъ просьбу подалъ, чтобы по этапу его оттуда сюда предоставили...»

Выводимые Горбуновымъ типы и разновидности пьяныхъ людей такъ же разнообразны, какъ и изображаемыя имъ явленія и сцены русской жизни. Перечислить ихъ нѣтъ возможности. Длинною и пестрою вереницею проходили они предъ слушателемъ и будутъ проходить предъ читателемъ, начиная съ купеческаго племянника, привозящаго къ почти незнакомымъ людямъ на рыбную ловлю «троичку ледерцу», прося окунуть бутылки «на

http://rcin.org.pl

полчасика въ родничокъ:—живо озябнутъ!..» и кончая трагическою фигурою спившагося съ кругу стараго московскаго студента, восклицающаго: «чѣмъ я занимаюсь? — пью! да, пью! Утромъ пью, и днемъ пью, и ночью пью!» и, отдавшись затѣмъ воспоминаніямъ о славномъ прошломъ своего университета и московской сцены, о Грановскомъ, Крыловѣ, Садовскомъ, горько плачущаго отъ сознанія, что «промоталъ свои идеалы!»

Въ изображеніи пьяныхъ Горбуновъ былъ неподражаемъ. Не говоря уже объ удивительномъ разнообразіи въ игрѣ лица, интонаціяхъ голоса и въ особенности въ выраженіи глазъ, свойственныхъ различному темпераменту и степени опьянѣнія того или другого лица, онъ умѣлъ почти неуловимыми чертами нарисовать предъ слушателями картину постепеннаго перехода въ настроеніи пьянѣющаго отъ условной сдержанности къ разговорчивости и полной откровенности, съ потерею, подчасъ, сознанія окружающей дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи особенно выдѣлялся его разсказъ, въ которомъ переплетались Wahrheit und Dichtung, разсказъ о томъ, какъ, охотясь съ Некрасовымъ и очень озябши, они заходятъ отогрѣться въ село къ старичку, живущему въ домикѣ-особнякѣ, и угощаютъ его чаемъ съ обильно подливаемымъ ромомъ, при чемъ хозяинъ, очень сдержанный въ разговорѣ сначала, постепенно хмелѣетъ и начинаетъ развертывать предъ гостями повѣсть своихъ отношеній къ предоставленнымъ лицамъ и учрежденіямъ. По мѣрѣ развитія разсказа окружающая дѣйствительность уходитъ изъ его сознанія, и онъ, вмѣсто двухъ охотниковъ, видитъ предъ собою кого-то, кому можно повѣдать *все*: и то, какъ на требованіе «даровъ» съ указаніемъ на то, что у него хорошія куры, онъ отвѣчалъ многозначительно: «въ какое время — и какія куры!», и то, какъ жена его «смотритъ этакъ косвенно...» Но вотъ хмель уступаетъ, сквозь облако самозабвенія проглядываютъ лица чуждыхъ гостей—и старикъ, еще заплетающимся языкомъ, говоритъ: «только по-о-жалуйста это м-между нами!»

Не одна водка сокрушаетъ слабаго человѣка. Не менѣе сильно выбиваютъ его изъ сѣдла вина «собственнаго розлива», кашинская мадера и шипучее, такъ называемая «купеческая погибель», особливо когда оно фигурируетъ подъ названіемъ красныхъ, золотыхъ и др. головокъ и значится въ нарочито заманчивыхъ прейс-курантахъ подъ фантастическими этикетами въ родѣ поражающаго пріятелей, прикосновенныхъ къ «дѣлу о мухѣ», шампанскаго «свадебное — пли!», съ примѣчаніемъ: «пробка съ пружиною,—просятъ опасаться взрыва». Пьющіе эти вина сами сознаютъ ихъ вредныя, одурманивающія свойства, но пьютъ по

http://rcin.org.pl

привычкѣ и «для восторга-съ!..» Разсказывая о книжкѣ, гдѣ обозначено, какого званія Сара Бернаръ, по какимъ землямъ ѣздила и какое вино кушаетъ, одинъ изъ собесѣдниковъ замѣчаетъ: «нашего, должно быть, не употребляетъ, потому отъ нашего одна меланхолія, а игры настоящей быть не можетъ...» — «Этотъ хересъ помягче будетъ»,—говоритъ чиновникъ приказчику, — а третьяго дня, вѣрите ли, всю внутренность сожгло. «Мудренаго нѣтъ, — отвѣчаетъ ласково приказчикъ—не та бутылка попалась, спирту, должно-быть, перепущено». Ужъ я не знаю тамъ что, только поутру руки трясутся, а тутъ привели двоихъ арестантовъ...—Ну, такъ, теперича вѣрно. Это—который хересъ для подрядчика слѣдуетъ, вамъ отпустили. Хересъ онъ дивный, только къ нему надо приспособиться.—Да, этотъ много мягче... сравненія нѣтъ».

VII.

Таковы, въ существенныхъ чертахъ, картины быта изображенной Горбуновымъ среды. Нельзя сказать, чтобы онѣ были особенно утѣшительны. Возбуждая въ отдѣльныхъ случаяхъ смѣхъ, отъ котораго трудно удержаться, онѣ въ общемъ, въ связи одна съ другою, вызываютъ вовсе не веселое настроеніе. За яркими вспышками юмора разсказчика слышится и чувствуется печальное раздумье,—и переходъ отъ смѣха къ грусти совершается въ душѣ читателя или слушателя невольно и самъ собою. «Какъ это смѣшно!—восклицаетъ онъ въ первыя минуты.—Какъ это вѣрно, какъ глубоко захвачено!»—говоритъ онъ себѣ затѣмъ... «Но что же это, однако, такое? зачѣмъ же *это* такъ?»—спрашиваетъ онъ себя нерѣдко, вдумавшись въ смыслъ разсказа, когда на фонѣ изображенной талантливымъ художникомъ картины начинаютъ вырисовываться тѣ свойства нашей жизни, которыя характеризуются знаменитыми «авось!», «ничего!», «сойдетъ!», «наплевать!» и укладываются въ употребленный княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ терминъ: «рукавоспустіе»,—когда изъ глубины картины выступаетъ наше обычное безволіе, отсутствіе характера и взаимно чередующіяся хвастливое самомнѣніе и смиреніе, граничащее съ приниженностью,—когда подъ шуточками надъ окружающими и надъ самими собою сквозитъ поверхностное отношеніе къ жизни, не принимаемой «въ серьёзъ», и отсутствіе не только вчерашняго, но даже завтрашняго дня.

Было бы, однако, несправедливо указывать только на эту сторону разсказовъ Горбунова. И въ грустномъ выводѣ изъ совокупности рисуемыхъ имъ сценъ есть элементъ, въ нѣкоторой

http://rcin.org.pl

степени примиряющій со многимъ въ нихъ. Это—доброта, несомнѣнная, трогательная доброта и незлобивость русскаго человѣка. Она составляетъ, въ разныхъ своихъ проявленіяхъ, *положительную* сторону этихъ разсказовъ. Широко разлиты въ нихъ черты, указывающія на гостепріимство, безрасчетливое и радушное, одинаково присущее всѣмъ описываемымъ Горбуновымъ слоямъ. Накормить и отогрѣть чужого человѣка въ нуждѣ, не критикуя его и не резонируя надъ причинами этой нужды, не только удовольствіе, но и непререкаемый долгъ для русскаго человѣка; если достатокъ позволяетъ, то это удовольствіе усиливается еще и возможностью «поднести». Рядомъ съ этимъ свойствомъ, ставящимъ человѣческія и сочувственныя отношенія между людьми выше матеріальныхъ соображеній, идетъ любовь къ дѣтямъ и заботливость о сиротахъ. Вездѣ, гдѣ у Горбунова является среди взрослыхъ ребенокъ—отношеніе къ нему всегда шутливо-нѣжное, причемъ въ грубыя формы облекается ласка и подчасъ трогательная заботливость. Нѣкоторыя Горбуновскія сцены, въ которыхъ участвуютъ дѣти, могутъ, по сжатости и теплотѣ, стать на ряду съ чудеснымъ разговоромъ Митрича во «Власти тьмы» съ Анютою о «дѣтосѣкѣ». Доброе отношеніе къ «ребяткамъ» до такой степени представляется русскому человѣку естественнымъ, что онъ приписываетъ его даже и тому, кого вообще онъ осуждаетъ. «Въ старину въ нашей сторонѣ,—говоритъ Потапъ въ «Утопленникѣ»—тоже разбойникъ жилъ. И грабилъ какъ... страсть! проѣзду не было. Дѣдушка-покойникъ сказывалъ,—онъ еще махонькій въ тѣ поры былъ—бывало, говоритъ, соберетъ маленькихъ ребятишекъ къ себѣ, въ лѣсъ—и ничего, не трогаетъ; не то, чтобы, къ примѣру, билъ, или что, ничего... Ходи, говоритъ, ребята завсегда». Весь дальнѣйшій разговоръ Потапа съ мальчикомъ Микиткою, а также длинная бесѣда Дементія съ малолѣтними Стенкою и Серегою на «Постояломъ дворѣ» преисполнены душевной теплоты, несмотря на то, что на послѣднихъ такъ и сыплются названія «чертенка», «дурашки» и «паршиваго»... «И гдѣ такой воръ парень родился,—говоритъ съ нѣжностью Потапъ, тщательно укрывая засыпающаго мальчика армякомъ—въ какомъ полку онъ служить будетъ, на какой народъ воевать пойдетъ?»—«Сироты теперича много,—говоритъ старикъ-купецъ въ холерный годъ—столько теперича этой сироты—и куда пойдетъ она, кто ее вспоитъ-вскормитъ, одѣнетъ-обуетъ... и должно, значитъ, чувствовать сиротское дѣло:—самъ куска не ѣшь—сиротѣ отдай, потому она, сирота, ни въ чемъ неповинная»... И на почвѣ этихъ разсужденій вырастаетъ рѣшимость

http://rcin.org.pl

набрать въ домъ сиротъ, и создается затѣмъ цѣлое убѣжище съ училищемъ для нихъ...

Любитъ русскій человѣкъ природу и съ чуткою наблюдательностью относится къ ней. Въ рядѣ разсказовъ Горбунова упоминается объ этой любви, о тихомъ восторгѣ предъ «Божіимъ твореніемъ». Рѣка и, въ особенности, лѣсъ и «пустыня», воспѣтая еще въ «Асафѣ Царевичѣ», манятъ къ себѣ «разнаго званія» людей, населяя, лишь только ночь раскинетъ надъ ними свое покрывало, ихъ фантазію таинственными образами. «Въ лѣсу чтобы мнѣ ночью,—говоритъ Калина Митричъ въ превосходномъ очеркѣ «*Безотвѣтный*»—первое это мое удовольствіе! Выду я въ лѣсъ, когда почка развернется, да и стою. Тихо! Духъ такой здоровый!.. Мать ты моя родная, какъ я лѣсъ люблю!..» На ряду съ любовнымъ отношеніемъ къ природѣ идетъ, конечно, не безъ наивно-жестокихъ исключеній, любовь къ животнымъ. Вѣрный правдѣ въ своихъ разсказахъ, Горбуновъ иногда вставлялъ въ свои картины жизни московскаго захолустья слѣдующій эпизодъ:—Знойный полдень. Все спитъ во дворѣ замоскворѣцкаго дома,—куры, лошади, собаки, люди,—даже подсолнечники въ палисадникѣ—и тѣ какъ будто спятъ. Дремлющій у воротъ и широко зѣвающій дворникъ спрашиваетъ проходящихъ:—вы маляры будете?—и получивъ утвердительный отвѣтъ, говоритъ:—а можете вы нашему кобелю... брюхо скипидаромъ смазать?—А *гдѣ онъ*?—отвѣчаютъ ему, «ничтоже сумняся», маляры. Дворникъ зоветъ злополучную собаку, сладко спавшую на самомъ припёкѣ.—Держите!—говорятъ маляры.—Что-о! завертѣлся!—восклицаетъ въ восторгѣ дворникъ,—не любишь!?!—Очень *вами* благодарны! прощайте...» и снова все погружается въ дремоту... Но это—исключеніе, а вообще доброе отношеніе къ «животинѣ» преобладаетъ. Особенно ярко проявляется любовь и даже восторженное отношеніе къ птицѣ. «Это такой соловей,—отвѣчаетъ на предложеніе продать соловья «горькій человѣкъ», проторговавшійся и нѣсколько лѣтъ томившійся въ «ямѣ» (т. е. долговомъ отдѣленіи) купецъ Дятлевъ что, кажется, умереть мнѣ легче, чѣмъ его лишиться. Вчера онъ, батюшка, какъ пошелъ это вечеромъ орудовать, думаю—не въ царствѣ ли я небесномъ? вотъ это какой соловей! Птицу, сударь, ее любить надо, надо понимать ее. Скворецъ у меня говорилъ все одно какъ человѣкъ и любилъ меня, какъ отца родного... Будилъ меня. Утромъ, бывало, сядетъ на подушку: вставай. Петровичъ, вставай, Петровичъ!» Эту горячую любовь къ пѣвчей птицѣ русскій человѣкъ не только чувствуетъ самъ, но всю силу ея признаетъ и за другими. «Дочь у меня родами мучи-

http://rcin.org.pl

лась, письмо написала: тятенька, помоги,—продолжаетъ одушевившійся при разсказѣ о птицахъ старикъ,—всю ночь я проплакалъ, утромъ всталъ, взялъ его, голубчика, закрылъ клѣтку платкомъ, да и понесъ въ Охотный рядъ. Несу, а у самого слезы такъ въ три ручья и текутъ, а онъ оттуда, изъ клѣткито:—куда ты меня несешь, куда ты меня несешь!—да таково жалобно»... Бѣдному старику, сѣвшему на тумбочку и «ревущему какъ малый ребенокъ», не приходится, однако, разстаться со своимъ, быть-можетъ, единственнымъ въ жизни утѣшеніемъ. Кто-то, узнавъ, въ чемъ дѣло, покупаетъ у него скворца за двѣ синенькихъ и, отдавъ деньги, говоритъ: «неси его съ Богомъ домой!..»

Любовь къ пѣнію птицъ можетъ быть разсматриваема какъ одно изъ проявленій любви русскаго человѣка къ пѣнію вообще. Онъ поетъ на работѣ,—поетъ въ одиночествѣ,—подъ звуки «дубинушки» общими усиліями поднимаетъ и опускаетъ тяжести; онъ «въ томленіи», какъ выражается Горбуновъ, и, постепенно одушевляясь, слушаетъ пѣсню и сопровождающую ее музыку... «Дѣлай! ухъ!—кричитъ купецъ Наконечниковъ пѣвцу-гитаристу.—На зелененькую! на всю!.. Поденимъ! Катай! катай! Старайся! отъ насъ забытъ не будешь...» Особенно трогаетъ слушателей церковное пѣніе. Оно возвышаетъ душу и наводитъ раздумье на самыя забубённыя головы. У Горбунова есть превосходное, богатое типическими чертами, изображеніе пѣнія хора «прокофьевскихъ пѣвчихъ» въ купеческомъ домѣ, въ присутствіи сына—широкой натуры, который привыкъ «чертить», и его матери, худой, высокой старухи въ темномъ платьѣ и черномъ платкѣ, съ выговоромъ на о. «Пѣвчіе размѣстились по порядку: басы назади, тенора на правомъ крылѣ, альты на лѣвомъ, дисканты впереди. Прокофьевъ, сѣдой, почтенный, строгой наружности старикъ, вынулъ камертонъ, куснулъ его зубами, подставилъ къ уху... еще разъ... погладилъ по головѣ гладко выстриженнаго маленькаго мальчика-дискантa, нагнулся къ его уху и промычалъ ему нотку, затѣмъ оборотился къ басамъ:—соль-си-ре-си...—потомъ громогласно сказалъ: «Покаянія отверзи ми двери».—Хоръ шевельнулъ нотами и запѣлъ очень стройно. Изрѣдка слышалось только дребезжаніе старческаго голоса самого регента, но оно тотчасъ же покрывалось басами. Кончили. Басы откашлялись, тенора поправили волосы, альты завертѣли нотами, регентъ закусилъ камертонъ, опять послышалось:—ля-до-ми—и торжественный концертъ Бортнянскаго «Кто взыдетъ на гору Господню» огласилъ не только залу, но и улицу, и близлежащіе переулки. Мальчишки съ улицы при-

http://rcin.org.pl

слопились къ окнамъ и приплюснули къ стекламъ свои носы. Сильно подѣйствовала на душу «матушки» пропѣтая пѣснь. Она обтерла рукой увлажнившіеся слезами глаза и посмотрѣла на сына. Сынъ глубоко вздохнулъ и, покачавъ головой, сказалъ—Да!»

Конечно, и въ любви къ пѣнію не обходится безъ крайностей. Между цѣнителями церковнаго пѣнія есть особые любители, для которыхъ главное—сила голоса поющаго, и для нихъ, по свидѣтельству Горбунова, свадьба не въ свадьбу, если не будетъ «пущена октава».—«Ты ужъ, Николай Ивановичъ, приготовься,—упрашиваютъ «октаву»,—то возьми во вниманіе: одна дочь, опять же и родство большое... Голубчикъ, грохни».—«У Егорья на вспольѣ,—отвѣчаетъ октава—на прошлой недѣлѣ вѣнчали,—худенькая такая невѣста, на половинѣ апостола сморщилась, а какъ хватилъ я «жену свою спце да любитъ». такъ она такъ на шафера и облокотилась...»—«Нѣтъ, паша выдержитъ! Наша даже до пушекъ охотница... Вотъ когда въ царскій день палятъ... А ужъ ты дѣйствуй во всю, сколько тебѣ Господь Богъ голосу послалъ».

Выдается въ разсказахъ Горбунова русскій человѣкъ своею отвагою, къ сожалѣнію, по большей части, совершенно безцѣльною, своимъ равнодушіемъ къ элементарнымъ условіямъ безопасности, своимъ, чуждымъ страха или рисовки, простымъ отношеніемъ къ несчастію и къ смерти. Блистая находчивостью, легкостью усвоенія и остроуміемъ, его богато одаренная натура, такъ часто не имѣющая правильнаго и достаточнаго выхода для своихъ способностей, сквозитъ какъ лучъ свѣта среди сгущенной тьмы невѣжества и нищеты или нездоровыхъ сумерекъ фабрично-городской «образованности». У Горбунова то и дѣло попадаются «словечки», очевидно, прямо выхваченныя изъ жизни и образныя выраженія, сдѣлавшіяся ходячими. Таковъ, напр., «мужчина сѣдой наружности». Есть и много проявленій тонкой народной ироніи по отношенію къ стѣснительнымъ для него порядкамъ. Такъ, напр., старуха стряпуха въ «Медвѣжьей охотѣ» говоритъ: «медвѣдь не по начпорту вѣдь ходитъ,—вольный звѣрь, гдѣ захочетъ, тамъ и ляжетъ». Наконецъ, иногда мелькаетъ въ этихъ разсказахъ чистый огонекъ твердой и трогательной вѣры. «Эхъ, господинъ честной,—говоритъ одинъ изъ вытащившихъ трупъ утопленника и задумавшійся надъ возможностью «влетѣть въ острогъ»:—хлопотъ намъ твое тѣло бѣлое надѣлало».—«Ничего!—отвѣчаетъ другой:—Богу *тамъ* за насъ помолитъ».

http://rcin.org.pl

Пытаясь въ краткомъ очеркѣ дать нѣкоторое понятіе о внутреннемъ смыслѣ произведеній Горбунова, нельзя, въ заключеніе, не отмѣтить его тонкихъ психологическихъ наблюденій и умѣнья въ вызывающіе улыбку образы вкладывать указанія на тяжелыя, а подчасъ и трагическія стороны жизни. Въ первомъ отношеніи стоитъ припомнить хотя бы изображеніе заразительности страха и свойственнаго всякому робѣющему желанія убѣдить другихъ въ отсутствіи опасности и въ ихъ спокойствіи почерпнуть поддержку противъ сжимающаго сердце ощущенія. Ямщикъ Никита, везущій купца, приближается къ мѣсту, гдѣ «шалятъ», и, по разнымъ примѣтамъ, чуетъ недоброе... «Душу бы намъ здѣсь не оставить...» — говоритъ онъ купцу, поддаваясь первому приливу боязни. — «Что ты, дуракъ, меня пугаешь,—отвѣчаетъ купецъ и, едва ли самъ себѣ вѣря, прибавляетъ успокоительно — кому наша душа нужна?» — «Садись, сударь, со мной на козлы, не такъ жутко будетъ»,—говоритъ ямщикъ. Купецъ, уже поддавшій заразѣ страха, безпрекословно исполняетъ это предложеніе,—а самъ «ровно бы вотъ листъ трясется». Теперь ужъ ямщикъ начинаетъ его ободрять. «Что же такъ, ваша милость,—замѣчаетъ онъ—робѣть намъ нечего, коли ежели что, насъ двое!..» — «А у самого-то у меня, братецъ ты мой,—передаетъ онъ впослѣдствіи — духъ захватило, руки отымаются...»

Изученіе психическихъ настроеній и процессовъ съ отдѣльнаго человѣка перешло, какъ извѣстно, въ послѣднее время на случайную совокупность людей—*толпу* и на сплоченную историческими, этнографическими и территоріальными условіями массу—*націю*. Послѣдователи уголовно-антропологической школы—Тардъ (Les crimes des foules) и Сигелѣ (La foule criminelle), а также Густавъ Лебонъ (La psychologie des foules), Обри (La contagion du meurtre) и др.—стараются опредѣлить тѣ общія начала, къ которымъ можетъ быть сведена психологія толпы, и изучить вліяніе психологическихъ факторовъ на представленія и настроеніе толпы, опредѣляющія, въ концѣ-концовъ, ея собирательную волю и ея совокупныя дѣйствія. Альфредъ Фуллье, въ недавнихъ своихъ оригинальныхъ трудахъ, пробуетъ изслѣдовать душу цѣлаго народа и подмѣтить внутренніе процессы, происходящіе въ ней. Западная литература представляетъ произведенія, по которымъ, шагъ за шагомъ, можно прослѣдить образованіе и развитіе душевныхъ движеній толпы. Стоитъ указать на полныя захватывающаго интереса сцены съ участіемъ толпы въ «Ткачахъ» Гергарда Гауптмана. И въ нашей литературѣ мы имѣемъ не одно изображеніе постепеннаго наросta-

http://rcin.org.pl

нія впечатлѣній, на почвѣ которыхъ создается настроеніе толпы, часто складывающееся въ порывистую волю, «безсмысленную и безпощадную», по выраженію Пушкина. Первое, безспорно, мѣсто между ними принадлежитъ удивительному разсказу графа Л. Н. Толстого объ убійствѣ, въ 1812 году, Верещагина въ Москвѣ. Эта же тема затронута и у Горбунова въ его «Забытомъ домѣ», гдѣ одинъ изъ представителей возжаждавшей жертвы толпы, оборванный мастеровой съ воспаленными глазами, кричитъ: «мы сейчасъ пойдемъ на трехъ горахъ сражаться... всѣ кабаки уничтожимъ, всѣ!.. пѣтъ, погоди! Купецкій сынъ вздумалъ бушевать—сейчасъ графъ разделюцію ему сдѣлалъ... я те, говоритъ, побушую! ребята, говоритъ, возьмите! Сейчасъ наши мѣщане растеребили! Потроху не осталось!.. Отецъ его стоялъ въ воротахъ—плакалъ... Ничего не подѣлаешь—приказано! Бей, говоритъ, въ мою голову!..» Толпа часто выступаетъ въ разсказѣ Горбунова то въ видѣ цѣлаго, охваченнаго однимъ чувствомъ, мыслью, стремленіемъ, какъ, напр., въ «Московскомъ захолустьѣ», гдѣ происходитъ такъ-называемый холерный бунтъ,—то въ видѣ выхваченныхъ изъ нея мнѣній, замѣчаній и восклицаній, ярко рисующихъ преобладающія въ ней и быстро смѣняющіяся настроенія противоположнаго характера. Таковы, напр., «Медвѣжья охота», «Воздушный шаръ» и др. Въ послѣднемъ разсказѣ съ большимъ искусствомъ намѣчается переходъ толпы отъ спокойнаго *созерцанія* происходящаго («Шаръ, сударь, надуваютъ... съ самыхъ вечерень надуваютъ и никакъ его раздуть невозможно! А чѣмъ его надуваютъ?—Кислотой!—Да!—безъ кислоты тутъ не обойдешься!»)—къ живѣйшему *участію* въ немъ, когда оказывается, что вмѣстѣ съ нѣмцемъ полетитъ портной, который «завертѣлся—ну, и летитъ», потому что «отъ хорошей жизни не полетишь». Хотя одинъ изъ пьяныхъ купцовъ, напявшихъ его, и увѣряетъ, что «если онъ оттѣда упадетъ», то онъ, напиматель, «его не позабудетъ», но толпа начинаетъ чувствовать сожалѣніе и сочувствіе къ тому, чья судьба ужъ такая, что «ему, значитъ, летѣть». И это сочувствіе растетъ, захватываетъ окружающихъ. Раздаются добродушныя предостереженія на случай, «ежели этотъ пузырь вашъ лопнетъ»,—обращенія къ чувствамъ портного—«пустой ты человѣкъ, выходитъ: мать старуха плачетъ, а ты летишь...», просьбы «клапяться *тамъ!*» и совѣты «милый, ты бы подпоясался, тебѣ легче будетъ...» «Сажаютъ, сажаютъ!..» въ восхищеніи говорятъ въ толпѣ. Еще минута—шаръ плавно подымется, и, быть-можетъ, радостное, сочувственное ура огласитъ воздухъ... Но вдругъ—грозный вопросъ: «ты что за человѣкъ?» и резолюція:

http://rcin.org.pl

«я те полечу! Гриценко, возьми его...»—Настроеніе сразу мѣняется, и толпа раздѣляетъ чувство квартальнаго, которому «это обидно показалось»...

Мы уже говорили, какъ въ заявленіи гласнаго въ «Земскомъ Собраніи» о томъ, что у него семь душъ дѣтей женскаго пола, требующихъ нищевого довольства, Горбуновъ приподымаетъ уголокъ завѣсы надъ картиною нужды человѣка, поставленнаго своимъ общественнымъ положеніемъ между случайнымъ и неопредѣленнымъ заработкомъ и обязанностью служить возвышеннымъ потребностямъ человѣческаго духа. Этотъ пріемъ, подсказанный ему его теплымъ сердцемъ, повторяется у него нерѣдко. Въ чрезвычайно живомъ и полномъ юмора разсказѣ повѣствуется о молодомъ купцѣ, изъ строгой и благочестивой семьи, получившемъ на выставкѣ извѣстной картины «Нана», принадлежащей къ особому роду откровеннаго искусства, совѣтъ прочитать одноименный романъ Зола, гдѣ «всѣ обстоятельства обозначены во всю, и слова на ихъ счетъ такія, что и пропечатать на нашемъ языкѣ невозможно, а надо по-французски». И сказали мнѣ,—говоритъ купецъ: что въ Казанской улицѣ живетъ съ матерью дѣвица и французскимъ языкомъ орудовать можетъ. Къ ней. Блѣдная, худая, волосы подрѣзаны въ скобку; мать тоже старуха старая, слѣпая... Видно, что дня три не ѣли... Грусть на меня напала! Вотъ, думаю, обдѣлилъ Господь. Можете, говорю, перевести на нашъ языкъ французскую книжку? Посмотрѣла. Извольте, говоритъ. Что это будетъ стоить? Семьдесятъ пять рублей. Это, говорю, мы не въ силахъ... За пятнадцать рубликовъ нельзя ли? Она такъ глаза и вытаращила, а глаза такіе добрые, чудесные.., инда мнѣ совѣстно стало. Вы, говорю, не обижайтесь: мы этимъ товаромъ не торгуемъ, цѣнъ на него не знаемъ. Я, говоритъ, съ васъ беру очень дешево, и то потому, что намъ съ мамашей ѣсть нечего, а по щекамъ слезы, словно ртуть, скатились. Жалко мнѣ ее стало, чувствую этакой переворотъ въ душѣ. Извольте, говорю, только чтобъ переводъ былъ сдѣланъ на чести, чтобы всѣ слова и обстоятельства... Покончили. Зашелъ какъ-то черезъ недѣлю навѣдаться, смотрю—сидитъ, строчитъ. Матери не въ зачетъ рубль далъ на кофій. Покончила она все это дѣло, да, не дождамшись меня, на Калашникову пристань и приперла. Вошла въ калитку-то, собаки какъ залаютъ—чужого народу къ намъ не ходитъ... А бабушку въ это время въ экипажъ усаживали, въ баню везти, бобковой мазью оттирать... Что за человѣкъ? Зачѣмъ? Къ кому? По какому случаю?.. Все дѣло-то и обозначилось».

Какая драма чувствуется за этимъ простымъ, повидимому,

http://rcin.org.pl

эпизодомъ! Какая жестокая дѣйствительность, разрушающая здоровые и грубо оскорбляющая душу, видится въ этомъ подыскиваніи дѣвушкою «съ добрыми глазами» русскихъ выраженій для передачи словъ, которыми «всѣ обстоятельства обозначены во всю», и въ этомъ рублѣ «на кофій»! Какъ невольно останавливается мысль — не на злополучномъ кунчикѣ, котораго стала пилить бабушка, бросившая въ огонь и книжку, и тетрадку,—терзать дядя и «точить» приглашенные для наставленія благочестивые старцы, изъ которыхъ «одинъ-то еще ничего—пьетъ, а другой, окромя кровоочистительныхъ капель, ничего не трогаетъ»,—а на одной изъ картинъ скорбной жизни столичнаго образованнаго пролетаріата. И когда представишь себѣ эту дѣвушку на глухомъ дворѣ старозавѣтнаго молчаливаго дома, окруженную лающими собаками, предъ чинящею допросъ бабушкою, предъ кучеромъ и прислугою, довольными неожиданнымъ зрѣлищемъ,—когда представишь себѣ формы и выраженія этого допроса, становится вовсе не смѣшно... Нѣтъ! не становится смѣшно... Не меньшая драма слышится въ отдѣльныхъ эпизодахъ «Женитьбы» и въ простомъ, но характерномъ разсказѣ лихача о томъ, какъ бѣдная дѣвушка, которую онъ возилъ на тройкѣ, когда ее въ первый разъ путемъ, обольщенія, а быть-можетъ и насильственно, окунули въ житейскую грязь,—съ его *легкой руки* «жить пошла»... Ямщикъ-лихачъ стоитъ какъ живой, со всѣми ухватками своей профессіи, — кажется, что морозный бодрящій воздухъ вѣетъ слушателю въ лицо и что гармонично позвякиваютъ бубенчики его гостепріимной тройки, — но когда разсказъ конченъ прозаическою просьбою «на чаекъ»,—рисуется нѣчто иное, и разбитая жизнь, втоптанная въ развратъ, среди бездушной столичной суеты, взываетъ къ сердцу слушателя...

VIII.

Особнякомъ отъ созданныхъ Горбуновымъ типовъ и фигуръ стоитъ знаменитый отставной *генералъ Дитятинъ*, всѣми своими корнями сидящій въ томъ общественномъ строѣ, который сложился на Руси въ послѣднія десятилѣтія предъ крымскимъ погромомъ и былъ пересозданъ, а отчасти и вовсе разрушенъ реформами Александра II. Горбунову пришла счастливая мысль дать живое изображеніе человѣка этого времени, окаменѣвшаго въ своемъ міросозерцаніи, прочно остановившагося въ своихъ, наполовину безсознательныхъ, взглядахъ и чувствахъ, окруженнаго со всѣхъ сторонъ измѣнившеюся дѣйствительностью, на шумъ и брызги которой ему невольно приходится отзываться по-своему. Задача изображенія такой личности должна была въ

http://rcin.org.pl

своемъ фактическомъ осуществленіи стать, и стала, неисчерпаемою. «Довлѣетъ дневи злоба его», и каждый новый моментъ общественной жизни, каждое внѣшнее или внутреннее ея событіе, каждый всплывавшій на поверхность чѣмъ-либо замѣчательный человѣкъ, стали давать матеріалъ для выраженія своеобразныхъ сужденій оригинальной личности, задуманной Горбуновымъ. Постепенно создался образъ, разработанный съ особою любовью, съ тончайшею наблюдательностью и необыкновенною *наблюдчивостью* тѣмъ, кто стоялъ за нимъ, почти органически съ нимъ сливаясь... Мало-по-малу, *генералъ Дитятинъ* сдѣлался неизбѣжнымъ посѣтителемъ всѣхъ кружковъ и собраній, въ которыхъ Горбуновъ чувствовалъ себя хорошо и свободно. Рѣшительныя резолюціи и отрывистыя характеристики генерала, его тонъ—презрительный по отношенію къ настоящему и подчасъ возбужденный или восхищенный по отношенію къ прошедшему,—его добродушный, отзывавшійся приближеніемъ «второго дѣтства», смѣхъ,—его довольно разнообразная начитанность, съ неожиданными изъ нея выводами, его тусклый взоръ и отвисшая нижняя губа, его добрая безпомощная улыбка и глухой старческій голосъ,—наконецъ, его всегдашняя готовность отвѣчать «ничтоже сумняся» на почтительные вопросы собесѣдниковъ — остались, безъ сомнѣнія, въ памяти всѣхъ, кто разставался съ разговорившимся генераломъ, сожалѣя, что бесѣдѣ насталъ конецъ.

Создалась, по отрывистымъ отвѣтамъ Дитятина, и его біографія. Онъ самъ не зналъ хорошенько года своего рожденія, то относя его къ восшествію на престолъ Павла Петровича въ 1796 году, то вспоминая о своемъ участіи въ штурмѣ Праги, при Суворовѣ, 1774 г. Наивное самообольщеніе, побуждавшее его «пристегнуться» къ Суворову, отнюдь не слѣдовало, однако, понимать, какъ выраженіе сочувствія взглядамъ великаго полководца на военное дѣло и на отношеніе къ солдатамъ. Онъ, напротивъ, всецѣло стоялъ на точкѣ зрѣнія одного изъ высокопоставленныхъ мирныхъ героевъ войны, находившаго, что «война *портитъ* солдатъ, *пачкаетъ* мундиры и *разрушаетъ* строй». Солдатъ, по мнѣнію Дитятина, существуетъ, такъ сказать: «an und für sich», и созданъ не для пагубнаго безпорядка войны, а для караульной службы, для выправки, маршировки и для необходимаго ихъ условія—муштровки. Неизбѣжныя при этомъ, по его мнѣнію, зуботычины, были гораздо нужнѣе, чѣмъ выдуманная «мальчишками» грамотность и другія нововведенія, которыми «увлекся» военный министръ Милютинъ, по адресу котораго Дитятинъ не скупился на краткіе, но выразительные эпитеты.

http://rcin.org.pl

Эти нововведенія, а въ особенности общая воинская повинность, приводили его сначала въ негодованіе, а потомъ въ мрачное уныніе, не лишенное, впрочемъ, надежды, что «*мамъ*, наконецъ, образумятся». Послѣднимъ изъ военныхъ администраторовъ, на которомъ со снисходительною благосклонностью считалъ онъ возможнымъ остановиться, былъ тотъ, который къ нѣкоторымъ реформамъ въ русскомъ военномъ строѣ, осуществленнымъ впослѣдствіи, относился скептически, «сумлѣваясь штопъ...» и признавая ихъ за «вимъ» (т. е. миѳъ). Было, впрочемъ, время, когда Дитятинъ преодолѣлъ свое отвращеніе ко «всему этому разврату» и даже предложилъ свои услуги для службы въ новыхъ военныхъ судахъ. Въ непринятіи этихъ услугъ онъ видѣлъ величайшую несправедливость, но вообще не любилъ распространяться о причинахъ отказа, ограничиваясь лишь словомъ: «...мерзавцы!», неизвѣстно, къ кому относившимся и произносимымъ съ непередаваемымъ брезгливымъ презрѣніемъ. Изрѣдка, впрочемъ, онъ рѣшался быть въ этомъ отношеніи вполнѣ откровеннымъ и съ неподдѣльнымъ изумленіемъ сопоставлялъ послѣдовавшій отказъ съ блистательно выдержаннымъ экзаменомъ, во время котораго, на предложеніе разсказать «о системѣ и мѣрѣ наказаній по Миттермайеру»,—онъ отвѣтилъ: «да! какъ же, помню, былъ у насъ въ полку, въ моей молодости, капитанъ Миттермайеръ,—система у него была, какъ и у всѣхъ, а мѣра... да мѣры онъ не соблюдалъ, а всыпалъ столько, сколько душѣ угодно,—какъ же! помню!»

Дитятинъ не былъ чуждъ и литературѣ. Онъ охотно цитировалъ Ломоносова и Державина; любилъ декламировать «красоты» изъ сочиненій Дмитріева и снисходительно сылался на басни Крылова. Къ Пушкину его отношеніе было двоякое. Долгое время онъ находилъ его «легкомысленнымъ юношею», который злоупотреблялъ добротою и «непонятною слабостью» графа Бенкендорфа, не зажавшаго ему ротъ. Но, будучи, какъ всегда, желаннымъ гостемъ въ собраніяхъ пишущей братіи, Дитятинъ поддался общему восторженному отношенію къ Пушкину въ Москвѣ, при открытіи памятника поэту въ 1880 г., и послѣ торжественнаго обѣда неожиданно высказалъ свои симпатіи къ нему. Онъ сдѣлалъ это, впрочемъ, съ оговорками, строго осудивъ многія его произведенія, но припомнивъ, однако съ похвалою, нѣкоторыя воинственныя его стихотворенія и указавъ слушателямъ, что даже фамилія «Пушкинъ» звучитъ пріятно для уха стараго служаки.

И къ Тургеневу отнесся онъ довольно благосклонно. Когда, въ 1880 году, знаменитому русскому писателю давали литера-

http://rcin.org.pl

турный обѣдъ въ Петербургѣ, Дитятинъ сказалъ, къ общему удовольствію, рѣчь, полную цѣнныхъ указаній на свое пониманіе исторіи и истиннаго положенія нашей литературы. «Милостивые государи,—сказалъ онъ—вы собрались сюда чествовать отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева. Я противъ этого ничего не имѣю! Но приглашенію господъ директоровъ, я явился сюда не приготовленнымъ встрѣтить здѣсь такое собраніе россійскаго ума и образованности...» Выразивъ, затѣмъ, желаніе говорить, Дитятинъ нашелъ, однако, что это сдѣлать очень трудно, какъ «по разницѣ взглядовъ и по своему офиціальному положенію», такъ и по присущей людямъ его эпохи осторожности, ибо «ихъ учили больше *осматриваться*, чѣмъ *всматриваться*, больше *думать*, чѣмъ *говорить;* однимъ словомъ, учили тому, чему, милостивые государи, къ сожалѣнію, уже не учатъ теперь». Бросая затѣмъ ретроспективный взглядъ на нашу литературу 30-хъ и 40-хъ годовъ, ораторъ сказалъ, между прочимъ: «Въ началѣ 30-хъ годовъ, выражаясь риторическимъ языкомъ, среди безоблачнаго неба, тайный совѣтникъ Дмитріевъ внезапно былъ обруганъ семинаристомъ Каченовскимъ. Подняли шумъ... Критикъ скрылся... Далѣе, генералъ-лейтенантъ, сочинитель патріотической исторіи 12-го года, Михайловскій-Данилевскій былъ обруганъ. Были приняты мѣры... Критикъ испыталъ на себѣ быстроту фельдъегерской тройки... Стало тихо. Но на почвѣ, усѣянной, удобренной мыслителями 30-хъ годовъ, показались всходы. Эти всходы заколосились, и первый тучный колосъ, сорвавшійся со стебля въ 40-хъ годахъ, были «Записки Охотника», принадлежащія перу чествуемаго вами литератора, отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева. Въ простотѣ сердца, я взялъ эту книгу, думая найти въ ней записки какого-либо военнаго охотника. Оказалось, что подъ поэтической оболочкой скрываются такія мысли, о которыхъ я не рѣшился не доложить графу Закревскому. Графъ сказалъ: «Я знаю». Я въ разговорѣ упомянулъ объ этомъ князю Сергію Михайловичу Голицыну. Онъ сказалъ: «это дѣло администраціи, а не мое». Я сообщилъ митрополиту Филарету. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что это—«вѣяніе времени». Я увидѣлъ что-то странное. Я понялъ, что мое дѣло проиграно, и посторонился. Теперь я, мм. гг., стою въ сторонѣ, пропуская мимо себя нестройные ряды идей и мнѣній, постоянно сбивающіеся съ ноги, и всѣмъ говорю «хорошо!» Но мнѣ уже никто не отвѣчаетъ, а только взводные киваютъ съ усмѣшкой головой. Я кончилъ, и пью за здоровье отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева...»

Доживая свой вѣкъ въ отставкѣ, Дитятинъ слѣдилъ за мимо-

http://rcin.org.pl

бѣгущею жизнью и о каждомъ ея явленіи составлялъ себѣ совершенно опредѣленное мнѣніе. Въ этомъ отношеніи онъ былъ человѣкъ самый многосторонній, всегда стоявшій съ готовою «резолюціей» по вопросамъ, интересовавшимъ или волновавшимъ общество. Онъ, между прочимъ, почиталъ, но не любилъ Бисмарка, находилъ, что Макъ-Магонъ «сплоховалъ» во время своего президентства, о Гамбеттѣ выражался презрительно: «хе! хе! — воздухоплаватель»..; строго осуждалъ назначеніе министромъ финансовъ человѣка, происходившаго изъ духовнаго званія; негодовалъ на Шопенгауэра за «прекращеніе человѣческаго рода» и желалъ лично «вразумить его...» Прочитавъ въ русскомъ переводѣ сочиненія Лассаля, котораго онъ называлъ «Лапсалемъ», Дитятинъ рѣшительно заявилъ «*я* на *это* не согласенъ». То же самое изрекъ онъ, ознакомленный кѣмъ-то съ теоріею происхожденія видовъ Дарвина. Увѣренность въ безусловной справедливости своихъ взглядовъ и брюзжаніе Дитятина не мѣшали ему, однако, быть пріятнымъ и въ высшей степени интереснымъ собесѣдникомъ. Едва раздавался его голосъ—всѣ присутствующіе обращались въ слухъ, при чемъ нѣкоторые спѣшили вызвать на подробныя объясненія старика, который, несмотря на свою нравственную осиротѣлость среди чуждыхъ ему поколѣній, обойденный ушедшею впередъ жизнью и болѣзненно пережившій крушеніе воспитавшаго его строя, умѣлъ оставаться незлобивымъ, довѣрчивымъ и подчасъ даже веселымъ.

Строгая выдержанность этого образа представляла собою блестящее доказательство творческой силы Горбунова. Дитятинъ былъ живой человѣкъ. Онъ дѣйствительно существовалъ между нами. Скончавшись, вѣроятно отъ старческаго маразма, одновременно съ Горбуновымъ, онъ оставилъ навсегда пустое мѣсто. Съ чутьемъ тонкаго психолога, Горбуновъ, вкладывая въ его уста удивительныя по своей архаичности сужденія, умѣлъ дать почувствовать доброе, въ сущности, сердце старика. Есть фотографія, изображающая Горбунова въ мундирѣ, со сложенными на груди руками, въ армейской каскѣ со старомоднымъ орломъ, держащимъ въ лапахъ перуны и вѣнки. Экземпляры этой фотографіи очень рѣдки. Извѣстно, между прочимъ, что на экземплярѣ, поднесенномъ одному лицу, есть надпись, сдѣланная старческимъ, дрожащимъ почеркомъ: «J'y suis, j'y reste — фраза, украденная у меня Макъ-Магономъ. Генералъ-маіоръ Дитятинъ 2-й». При взглядѣ на этотъ оригинальный портретъ невольно чувствуется, что таковъ именно, въ своей непреклонности и добродушной строгости, и долженъ былъ быть незамѣнимый и незабвенный генералъ Дитятинъ...

http://rcin.org.pl

IX.

Живая наблюдательность Горбунова и его способность вематриваться во внутреннее содержаніе того или другого явленія русской жизни, влагая его въ яркое изображеніе, — не могли ограничиться однимъ *настоящимъ*. Какъ истинный художникъ, онъ умѣлъ представлять себѣ и *прошлое* въ выпуклыхъ и жизненныхъ образахъ.

Изучая нашу старую исторію, вдумываясь въ событія и общественный складъ XVII, XVIII-го и первой половины XIX вѣка, онъ въ рядѣ произведеній оставилъ очерки эпохъ, строя жизни и господствовавшихъ въ то или другое время воззрѣній на коренныя условія общественныхъ отношеній *). Имъ захвачены и давно прошедшіе — и недалекіе сравнительно годы, отрѣзанные отъ насъ и нашихъ взглядовъ широкою и благотворною бороздою реформъ шестидесятыхъ годовъ. Поэтому онъ является авторомъ бытовыхъ сценъ, на исторической подкладкѣ, причемъ его необыкновенное умѣнье усвоить себѣ особенности и характерныя свойства языка въ различные періоды русской жизни дастъ ему возможность возсоздавать прошлое съ особенною правдоподобностью. Знатокъ родной исторіи чувствуется въ оригинальной формѣ его произведеній изъ области старой письменности, и ихъ шуточное подчасъ содержаніе заключаетъ въ себѣ нерѣдко мѣткія и сжатыя указанія на цѣлый порядокъ вещей, отошедшій въ вѣчность.

Но и помимо произведеній въ этомъ послѣднемъ родѣ, въ очеркахъ, изложенныхъ преимущественно въ видѣ воспоминаній и дневниковъ («Изъ московскаго захолустья», «Мысли на парадномъ подъѣздѣ», «Забытый домъ», «Дневникъ дворецкаго» и др.), проходятъ предъ нами въ разномъ освѣщеніи, дающемъ въ своей

*) И. О. Горбуновъ разыскивалъ и съ любовью собиралъ различные документы историческаго и бытового содержанія, освѣщающіе прошлую русскую жизнь. Имъ, между прочимъ, снабжены примѣчаніями и напечатаны въ «Русской Старинѣ»:—1) Журналъ путешествія по Германіи, Голландіи и Италіи, веденный княземъ Борисомъ Куракинымъ въ 1697—1699 гг. («Р. С.» 1879 г.); 2) Иванъ Михайловичъ Булгаковъ въ царствованія Анны, Елисаветы и Екатерины II, 1737, 1751 и 1785 гг. Проектъ прошенія съ изложеніемъ событій въ жизни просителя и многолѣтней жалобы объ его имѣніяхъ. («Р. С.» 1881); 3) Послѣдніе дни жизни А. И. Казарскаго («Р. С.» 1886 г.); 4) Князь А. Б. Куракинъ въ селѣ Надеждинѣ въ концѣ XVIII вѣка («Р. С.» 1887); 5) Письмо и завѣщаніе дѣтямъ 1802 года самоучки-механика Кулибина («Р. С.» 1872 г.); 6) Смольный монастырь въ 1783 году. Извѣстіе надзирателя Нахомова въ комиссію объ учрежденіи народныхъ училищъ («Р. С.» 1878).

http://rcin.org.pl

совокупности цѣльный и—судя по обнародованнымъ за послѣднія тридцать лѣтъ матеріаламъ—исторически вѣрный образъ, такія фигуры, какъ, напримѣръ, архимандритъ Фотій, графъ Закревскій и многіе другіе. Проходятъ исчезнувшіе типы приживалокъ изъ захудалыхъ родовъ («княжна съ флюсомъ и княжна безъ флюса») и величавыхъ генераловъ александровскаго времени, украшенныхъ иностранными орденами «святой Маріи Терезіи» и «святого Парамерита» (pour le mérite), по объясненію швейцара, дежурящаго на парадномъ подъѣздѣ,—проходитъ рядъ людей, живьемъ взятыхъ изъ прошлаго.

Есть у Горбунова цѣлый историческій разсказъ. «Царь Петръ Христа славитъ», съ эпиграфомъ: «они (дьяки) учинили то дуростью своею негораздо и такого не бывало, чтобы его государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ, которые отъ него Христа славить ѣздятъ, во дворъ къ себѣ не пущать, и за такую ихъ дерзость и безстрашіе быть имъ въ приказѣхъ безкорыстно и никакихъ имъ почестей и поминковъ ни у кого ничего ни отъ какихъ дѣлъ не имать...» Вотъ какъ отмѣчаетъ Горбуновъ раздвоеніе между Москвою и ея молодымъ государемъ, вызванное началомъ переворота, произведеннаго этимъ «грознымъ властелиномъ судьбы», стянувшимъ «бразды рукой желѣзной». «Тяжелое время переживали москвичи въ послѣдній годъ XVII столѣтія. Пять мѣсяцевъ съ ужасомъ натыкались они на стрѣлецкіе трупы, висѣвшіе на стѣнахъ Бѣлаго и Земляного города и валявшіеся на Красной Площади... «Блудозрѣлищное неистовство» являли собою въ глазахъ благочестивыхъ людей обритые, въ венгерскихъ кафтанахъ, бояре. Кремлевскій дворецъ, дворъ великаго государя московскаго, былъ запертъ. Святѣйшій патріархъ лежалъ на смертномъ одрѣ. Великій государь не показывался больше народу, подобно его предкамъ, во всемъ блескѣ и величіи «царскаго сана», въ большомъ царскомъ нарядѣ, въ сопровожденіи родовитыхъ бояръ «въ золотыхъ ферезяхъ»: въ селѣ Преображенскомъ онъ стоялъ въ офицерскомъ мундирѣ иноземнаго покроя во главѣ своего лейбъ-регимента, салютуя князю Кесарю...»

Не менѣе рельефна и полна жизни картина Москвы въ 1812 г., наканунѣ ея взятія французами, когда «народъ со всѣхъ концовъ тронулся», ряды войскъ все напираютъ, напираютъ, стискиваются, останавливаются, съ трудомъ разступаясь, чтобы дать дорогу «Владычицѣ» въ дорогой ризѣ, и священникъ Маргаритовъ, увидавъ въ оторопѣвшей толпѣ своего прихожанина, протискивается къ нему, кропитъ его святой водой и дрожащимъ отъ волненія голосомъ говоритъ:—«зрите и мужайтеся, подобаетъ бо всѣмъ симъ быти, обаче и тогда не кон-

http://rcin.org.pl

чина...»—Таково же и описаніе Москвы, разоренной послѣ пожара, когда, по уходѣ французовъ, слуга, оставленный при покинутомъ домѣ, получаетъ, наконецъ, возможность написать своему господину:—«при семъ рабски имѣю честь вашему превосходительству присовокупить, что по головѣ меня гладили... только словъ я ихнихъ разобрать не могъ; при семъ взяли часы изъ угловой гостиной...» Воспоминанія объ этомъ «забытомъ домѣ» представляютъ характерныя черты смѣны поколѣній и ихъ взглядовъ въ старомъ московскомъ дворянскомъ гнѣздѣ. Какъ въ молодомъ организмѣ вслѣдъ за тяжкою болѣзнью чувствуется приливъ свѣжихъ силъ и особое жизнерадостное настроеніе, такъ и въ барской Москвѣ патріотическій подъемъ духа, вызванный войною и ея бѣдствіями, смѣняется усиленною жаждой удовольствій и, за отсутствіемъ общественной дѣятельности, учащеннымъ біеніемъ пульса жизни частной. Но и это настроеніе проходитъ; раскаты грома и шумъ отдаленной петербургской бури 14-го декабря, холера тридцатаго года и разныя внѣшнія обстоятельства кладутъ свой отпечатокъ на московскую жизнь. Раны, нанесенныя войною, забыты одними, отходящими,—не испытаны другими, вновь пришедшими,—а Западъ манитъ къ себѣ разными сторонами своей жизни. Барскіе дома, несмотря на затрудненія, которыми обставлена отлучка за границу, начинаютъ подолгу пустовать, и стѣны ихъ говорятъ краснорѣчиво о прошломъ лишь неотлучнымъ свидѣтелямъ пережитаго—старымъ и вѣрнымъ слугамъ исчезнувшаго нынѣ типа. Для этихъ слугъ настоящее еще полно своеобразныхъ впечатлѣній и выводовъ изъ прошлаго. Когда въ «забытомъ домѣ» молодые господа, равнодушные къ покидаемому гнѣзду, шумно снимаются съ якоря, надолго уѣзжая на «теплыя воды», въ чужіе края, дворецкій Михаилъ Егоровичъ въ тяжеломъ недоумѣніи трое сутокъ приводитъ домъ въ порядокъ, закрываетъ мебель и занавѣшиваетъ хмурые лики генераловъ двѣнадцатаго года. «Платова онъ закрылъ особенно тщательно, промолвивъ: муха—вѣдь она дура, вѣдь она и тебя, батюшку, не пожалѣетъ... Блюхера онъ оставилъ открытымъ».

Переживая, вмѣстѣ съ выводимыми имъ лицами, прошлыя времена, Горбуновъ не могъ, конечно, пройти молчаніемъ крѣпостного права, бросавшаго почти на всѣ явленія русской жизни свою мрачную тѣнь. Въ дневникѣ дворецкаго, посвященномъ изо дня въ день описанію, подъ угломъ зрѣнія престарѣлаго слуги, распутной и расточительной жизни молодого знатнаго барина, не умѣющаго съ достоинствомъ носить свое старое имя и соблюдающаго лишь внѣшнимъ и поверхно-

http://rcin.org.pl

стнымъ образомъ домашнія традиціи предковъ, есть эпизоды, рисующіе созданныя крѣпостною зависимостью отношенія. Баринъ недавно достигъ совершеннолѣтія. «По случаю рожденія его сіятельства, исполнилось двадцать четыре года, былъ въ нашемъ домѣ молебенъ съ водосвятіемъ,—записано въ дневникѣ,—вечеромъ были танцы съ дѣвицами, а цыганскій таборъ пѣлъ пѣсни, кончили забавляться съ солнышкомъ». Но предъ барскою волею склоняется масса дворовыхъ и челядинцевъ, и по пословицѣ: «гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость», на нее возлагаютъ они свои житейскія упованія, отъ нея ждутъ гнѣва и безропотно принимаютъ его. А какъ много нелѣпаго произвола и безсознательной, можетъ-быть, жестокости и въ этомъ гнѣвѣ, и въ этой милости! Лакея Лаврушку, котораго въ *субботу* пришлось отпаивать квасомъ, послѣ того, какъ онъ, паря вчетвероиъ барина въ Суконныхъ баняхъ, повалился замертво, въ *понедѣльникъ* приказано наказать въ оранжереѣ, но, должно-быть, на его строптивый нравъ это не дѣйствуетъ, и въ слѣдующую субботу ему велѣно «забрить лобъ», но онъ бѣжитъ, и когда черезъ пять недѣль является изъ бѣговъ, то неожиданно встрѣчаетъ смягченіе кары: приказано вновь наказать его въ оранжереѣ и выдать ему паспортъ. Поѣхавъ къ Яру, молодой хозяинъ «душъ» остается тамъ цѣлый день, вслѣдствіе чего кучеръ Глѣбъ отмораживаетъ себѣ носъ, по словамъ доктора—«безвозвратно», почему и въ больницу идти не желаетъ. Ему черезъ нѣсколько дней выдается вольная, ибо «безъ носу—не кучеръ...» «Былъ у племянницы своей на Поварской улицѣ,—говорится въ дневникѣ,—услыхалъ, что господа ея отправляются по веснѣ на теплыя воды, а ее отдаютъ замужъ за выѣзднаго Родіона Михайлова, а ея есть желаніе, по нелюбви къ нему, выкупиться на волю. Плачетъ. Совѣтовалъ господамъ покориться. Противъ моихъ словъ говорила—лучше утоплюсь. Она дѣвица молодая, красивая, а онъ кривой. Вся причина въ барынѣ: желаетъ, чтобъ ея господскаго приказанія слушались». Чрезъ недѣлю въ дневникѣ записано: «племянница моя и крестная дочь Любовь Ивановна, отъ грозящей ей неминуемой бѣды быть замужемъ за Родіономъ, проглотила три булавки и скончалась въ судорогахъ, въ чемъ священнику на духу и покаялась... Упокой, Господи, душу ея въ селеніяхъ праведныхъ! Вчера цѣлый день плакалъ. Мать ея, сестру мою Надежду, свезли въ больницу: чувствуетъ приближеніе живота...» Въ другомъ мѣстѣ дневника, отмѣчая, что умеръ скоропостижно отъ угара камердинеръ покойнаго графа, Григорій Никитинъ, старый дворецкій прибавляетъ:—«жену приказано отправить на

http://rcin.org.pl

скотный дворъ, а малолѣтнихъ раздать въ ученье. Квартальному за хлопоты десять рублей и сукна на брюки...» — Ученью подвергаются, впрочемъ, не одни малолѣтніе. Приходится обучаться по новому и старому человѣку. Одна изъ владѣтельницъ «забытаго дома» проситъ повара генерала Барканова взять поучить ея стараго повара Дмитрія, которому, по мнѣнію генеральскихъ поварятъ, «по божьему-то въ богадѣльню пора...» «Воля господская,—говоритъ имъ со вздохомъ старикъ—ихняя воля... велятъ и фалеторомъ сядешь;—кто-жъ имъ можетъ въ кушаньѣ потрафить: то имъ съ перцемъ давай, то зачѣмъ перецъ кладешь;—заварные левашники ужъ какъ я умѣю: положишь на блюдо-то—воркуетъ, словно живой, а онѣ кушать не могутъ. Да все!.. возьмите вы галантиръ—оттянешь его чище зеркала, причесываться можно, а они говорятъ:—ты меня какъ собаку кормишь; такой въ себѣ капризъ имѣютъ, что ни одинъ поваръ на нихъ угодить не можетъ...» Но бываютъ и добрые дни. На Пасху баринъ «христосовался со всѣми по три раза, денежное положеніе роздано, какъ при покойномъ графѣ,—по три рубля; тремъ семействамъ дворовыхъ людей объявили вольную; повару Герасиму, камердинеру Владиміру и старой горничной покойной графини—Егоровнѣ. И могутъ они вольными жить въ нашемъ домѣ и служить его сіятельству попрежнему. А на повара,—прибавляетъ въ своемъ дневникѣ дворецкій,—разставляла зубы Марья Алексѣевна, хотѣла его вымѣнять у графа на садовника Филиппушку: Богъ не попустилъ!»

Несмотря, однако, на полную возможность и даже на тогдашнюю закономѣрность такихъ проявленій барской воли, въ большинствѣ случаевъ, за исключеніемъ проявленій крайней жестокости, люди, рожденные въ крѣпостной зависимости, молчаливо мирились съ условіями послѣдней, создавшими своего рода «consortium omnis vitae» для помѣщиковъ и для тѣхъ, кто составлялъ ихъ «крещеную собственность». Долгіе годы пресмственнаго терпѣнія, мягкость и добродушіе русской натуры выработали, такимъ образомъ, типъ старыхъ слугъ, преданность которыхъ господамъ и вѣрность ихъ интересамъ кажется нынѣ почти легендарною. У слуги стараго времени радости и скорби семьи, гдѣ онъ жилъ, были его скорбями и радостями; онъ ревниво оберегалъ честь дома и болѣлъ сердцемъ, видя ея умаленіе. Онъ не могъ не цѣнить значенія вольной, но, несмотря на горькія подчасъ условія своей жизни, нерѣдко даже гордился своею принадлежностью опредѣленному лицу, съ судьбою котораго была связана и его судьба. «Я прирожденный камердинеръ, а не мѣщанинъ какой-нибудь»,—говоритъ слуга въ

http://rcin.org.pl

«Утрѣ молодого человѣка».—и всѣми силами и умѣньемъ оберегаетъ своего барина отъ увлеченій и мотовства. Въ разгарѣ спора между крѣпостнымъ и вольнонаемнымъ лакеями о преимуществахъ соціальнаго положенія каждаго изъ нихъ, старикъ-слуга, выходя изъ себя, кричитъ: «это вы—холопъ, а я—природный лакей! Моя душа *барская*, а ваша *окладная*, потому вы несчастный мѣщанинъ. Я коли какой непорядокъ на улицѣ сдѣлаю, должны меня къ моему барину съ будочникомъ предоставить, а васъ на веревкѣ въ часть поведутъ; вы на запяткахъ стоите, а я при моемъ господинѣ завсегда въ комнатахъ».—«Что вы выражаетесь!?—восклицаетъ окладная душа...—«Я не выражаюсь, а правду говорю! Вы холопъ, а не я!»—отрѣзываетъ барская душа.

Какъ изображеніе чувствъ, отношеній и міросозерцанія такого стараго слуги—особенно интересенъ уже упомянутый дневникъ дворецкаго, со своею надписью: «Сія тетрадь принадлежитъ дому его сіятельства графа Павла Павловича дворовому его человѣку Емельяну Дыркову. Пріобрѣтена покупкою пятьдесятъ копѣекъ ассигнаціями. Описаніе жизни въ домѣ его сіятельства. Описывалъ собственноручно крѣпостной дворовый его человѣкъ своею охотою. Емельянъ Дырковъ. 1847 году». Въ этомъ дневникѣ нарисованъ искусною рукою и самъ авторъ, и его господинъ, сдѣлавшійся обладателемъ повидимому огромнаго состоянія и ведущій самую безшабашную жизнь въ домѣ, гдѣ еще недавно все было чинно, истово и строго... Онъ возвращается на разсвѣтѣ, встаетъ въ четыре часа дня, пропадаетъ по двое сутокъ въ цыганскомъ таборѣ, гдѣ самъ пляшетъ,—то чревоугодничаетъ, то обуревается внезапными аппетитами къ моченымъ яблокамъ и т. п., занимается по цѣлымъ часамъ стрѣльбою изъ пистолета въ оранжереѣ, пѣніемъ романсовъ, игрою на гитарѣ и «разрисовываніемъ птицы въ клѣткѣ», пробуетъ силу, тягаясь на палкѣ съ кучерами и разрубая пополамъ живую собаку, устраиваетъ у себя, несмотря на «выговоры доктора Топорова», оргіи, причемъ «прислугѣ быть не приказано»,—ведетъ крупную азартную игру и лишь иногда въ постели читаетъ «*смѣшную книжку*». На службу не ходитъ, хотя ему и «присылаютъ чинъ, какъ онъ значится по канцеляріи». По временамъ имъ овладѣваетъ внѣшнее благочестіе, онъ ѣздитъ въ Лавру, простаиваетъ подолгу на молитвѣ, читаетъ «честь-минею», служитъ у себя молебны съ знаменитыми и дорогими пѣвчими и принимаетъ многочисленное духовенство и знатныхъ особъ. Но эти промежутки становятся все рѣже и рѣже,—въ домѣ появляются темныя личности,—

http://rcin.org.pl

наконецъ надвигается, при угрозѣ со стороны родныхъ взятіемъ въ опеку и подачею «на Высочайшее имя, чтобы на Кавказъ»,—матерьяльное разореніе и наступаетъ трагическая развязка уголовнаго характера.

Болитъ отъ всего этого сердце стараго, искренно-вѣрующаго и добраго слуги. Сначала онъ отмѣчаетъ лишь факты, въ ихъ краснорѣчивой неприглядности, но потомъ начинаетъ выражать тревогу. «Большихъ денегъ стоитъ графу эта цыганка»; «при такой расточительной жизни графъ можетъ разориться»; «великій былъ шумъ у насъ сегодня въ домѣ,—слава Богу, что графъ не былъ въ игру замѣшанъ»,—«великое будетъ несчастіе, коли графъ себя не сократитъ»,—отмѣчаетъ онъ разновременно въ дневникѣ.

Чаще и чаще рисуются ему въ воспоминаніяхъ и сновидѣніяхъ прежнія времена домашняго порядка и общаго почета его господамъ. «Тошно жить становится,—пишетъ онъ.—Господи! какъ вспомнишь, что нашъ за домъ былъ! пожалуй, что ниже предводителя и господъ-то у насъ не бывало! Никто къ намъ изъ знакомыхъ не ѣздитъ, и подобный нашъ домъ сталъ обыкновенному дому, если не хуже... Помяни, Господи, во царствіи Твоемъ раба Твоего графа Павла и рабу Твою графиню Софію. Большіе господа были!» Но онъ продолжаетъ строго надзирать за барскимъ добромъ и, презирая въ душѣ новыхъ гостей барина—цыганъ, игроковъ и людей подозрительной профессіи,—тѣмъ не менѣе, тщательно записываетъ, на сколько персонъ былъ сервированъ столъ и что было подано. Здоровье его, однако, слабѣетъ, и, несмотря на оставшійся послѣ покойнаго графа лекарственный порошокъ *кремартакторъ*, принимаемый имъ съ большою для себя пользою,—онъ начинаетъ чувствовать «отягченіе ногъ». Записавъ видѣнный имъ сонъ, въ которомъ Любушка—умершая отъ проглоченныхъ булавокъ дѣвушка—приходила къ нему въ кисейномъ платьѣ, съ золотымъ вѣнцомъ на головѣ и двумя херувимами въ рукахъ,—спрашиваетъ онъ себя: «не зоветъ ли это она меня къ себѣ?» Несмотря на ликующій вокругъ него грѣхъ, вѣра его тверда. Какъ трогательно частое обращеніе старика отъ картинъ житейской грязи и злобы къ величавымъ словамъ молитвъ и пѣснопѣній! «Ей, Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія!—Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!—О, дивное чудо! Невидимыхъ Содѣтель за человѣколюбіе плотію пострада!»—пишетъ онъ въ разныхъ, особо тягостныхъ для него по содержанію, мѣстахъ дневника. Зато какою наивною гордостью звучитъ въ началѣ дневника запись, когда случилось такъ, что на одинъ день въ

http://rcin.org.pl

домѣ повѣяло былою торжественностью. По настоянію тетокъ, молодой графъ даетъ балъ «при полномъ освѣщеніи всего дома, съ ужиномъ на шестьдесятъ человѣкъ, при прислугѣ въ новыхъ ливреяхъ и хорѣ музыкантовъ за тюлевою занавѣсью въ малой гостиной». Старому слугѣ, при видѣ барина, танцующаго съ княжною, думается, не «намѣчаютъ ли ему княжну въ невѣсты?» «Все въ рукѣ Божьей!»—восклицаетъ онъ въ упованіи на новые побѣги родословнаго древа и восхищаясь разговоромъ генералъ-губернатора съ генеральшею, замѣняющею хозяйку, причемъ они «другъ другу противъ сказанныхъ словъ выговаривали», замѣчаетъ:—«знатные люди! высокаго чину! Подумаешь, до какой высокой степени Богъ можетъ вознести человѣка!»

Какъ характеренъ, наконецъ, для изображенія воззрѣній и способа дѣйствій тогдашней административной юстиціи—эпизодъ съ оскорбленнымъ купцомъ! «Вчерашняго числа,—записано въ дневникѣ,—графъ въ театрѣ одному купцу далъ плюху. Хочетъ судиться. Потребовали графа къ военному губернатору, но онъ не поѣхалъ, по болѣзни, а отправилъ съ теткою просьбу къ губернатору: просить отъ купца защиты». Дальнѣйшія распоряженія напоминаютъ знаменитый совѣтъ комендантши Бѣлогорской крѣпости въ «Капитанской дочкѣ»:—графа сажаютъ на Ивановскую гауптвахту, а купца забираютъ въ Тверскую часть. «Купца заставили помириться,—говоритъ затѣмъ дневникъ,—приходилъ квартальный, отбиралъ отъ графа подписку, что онъ впредь *драться не будетъ* и *купца прощаетъ*. Дано три рубля». Трагическій эпизодъ, на которомъ прерывается дневникъ, имѣетъ уже прямое отношеніе къ уголовной юстиціи сороковыхъ годовъ. Съ самаго начала записей Емельяна Дыркова—въ эпическую ткань его описанія вплетается, какъ красная нить, нѣкая Вѣра Аѳанасьевна и ея отецъ, имѣющіе какую-то прикосновенность къ театру. Они, повидимому, уже довольно давно знакомы съ графомъ, который ужинаетъ съ отцомъ до разсвѣта и играетъ съ дочерью на фортепіано. Мало-по-малу отецъ Вѣры Аѳанасьевны, сначала благодарящій за то, что имъ не гнушаются, дѣлается persona grata въ домѣ. Его принимаютъ въ постели, пьютъ съ нимъ чай, онъ читаетъ «Апостолъ» во время молебна и сопровождаетъ графа въ Лавру, куда тотъ ѣдетъ прямо съ гауптвахты, послѣ того, какъ «простилъ купца»,—его «допускаютъ» на балу сидѣть съ музыкантами, причемъ онъ тайно уноситъ съ собою ананасъ. Подарки ему идутъ crescendo. Сначала лягавый кобель, потомъ нѣковая трубка, которая «была съ покойнымъ графомъ подъ Бородинымъ, а ему

http://rcin.org.pl

подарена фельдмаршаломъ», наконецъ, къ еще большему сокрушенію стараго слуги, графская соболья бекешь и шляпа... Въ дневникѣ оказываются вырванными болѣе половины страницъ, относящихся къ цѣлому лѣту, такъ что продолженіе его начинается съ переноса... «а она склонности къ нему не имѣетъ и какъ по замѣчанію хочетъ себя соблюсти и выговаривала на счетъ жизни и что въ карты играетъ, а онъ на колѣнкахъ плакалъ и божился цыганскій духъ изъ дому вывести и образокъ покойной графини цѣловалъ, а она его по головѣ гладила и какъ бы сама прослезилась»... Все, однако, какъ видно, остается попрежнему, только отецъ Вѣры Аѳанасьевны забираетъ все большую силу. Къ концерту, въ которомъ его дочь будетъ играть, модный портной шьетъ ему, за счетъ графа, новый коричневый фракъ со свѣтлыми пуговицами и бѣлый жилетъ; пріѣхавъ пьяный на лихачѣ и не будучи допущенъ, въ отсутствіе графа, въ его кабинетъ, онъ буянитъ и требуетъ денегъ на извозчика. «Обругалъ насъ всѣхъ, прирожденныхъ дворовыхъ графскихъ слугъ, холуями,—записано въ дневникѣ,—а Владиміра налаживался бить, но только тотъ присутствія духа не потерялъ и сказалъ: «тронь!» Послѣ концерта всѣ поѣхали къ Яру, а оттуда пріѣхали въ домъ въ два часа ночи. «Вѣру Аѳанасьевну графъ и его пріятель Линевъ ввели на лѣстницу подъ руки,—она хохотала и била, какъ бы въ шутку, Линева вѣеромъ,—говорила, что у нея голова кружится, что она пьяная, и дѣйствительно, какъ мною замѣчено, глаза у нея помутились. Приказано въ шампанское налить мараскину. Графъ стоялъ на колѣняхъ и цѣловалъ у нея руки, а она—то расхохочется, то заплачетъ. Все спрашивала—гдѣ отецъ? А Герасиму приказано возить его, пьянаго, по всей Москвѣ и изъ саней не выпускать. На рукахъ снесли въ желтую гостиную и заперлись. Какъ ударили къ заутренѣ, вырвалась изъ гостиной развращенная, металась по всему дому, кричала и кусала руки. Графъ былъ въ безчувствіи. Бросилась въ переднюю, хотѣла бѣжать на улицу: прислуга не допустила. Линевъ съ кучерами завернулъ ее въ салопъ и велѣлъ кучеру Трофиму везти домой, а тотъ, пьяный, не понявши дѣла, свезъ ее въ Екатерининскую больницу».—Это происходитъ во вторникъ,—въ воскресенье «объ случаѣ въ нашемъ домѣ говоритъ вся Москва», а въ понедѣльникъ «Вѣра Аѳанасьевна скончалась въ Екатерининской больницѣ и, какъ полагаютъ, отъ какихъ-то порошковъ».—Чрезъ недѣлю дневникъ обрывается окончательно слѣдующею записью: «Графа свезли на гауптвахту. Завтра весь домъ пригонятъ къ присягѣ. Упокой, Господи, раба твоего графа

http://rcin.org.pl

Павла и рабу твою Софію,—сестру мою рабу Надежду, и дочь ея Любовь, и меня грѣшнаго съ ними совокупи! Глаза бы на свѣтъ не глядѣли...». Разсказывая объ участи «Вѣры Аѳанасьевны», дневникъ не только передаетъ правдоподобное и вполнѣ возможное по условіямъ мѣста и времени «описаніе жизни въ домѣ его сіятельства», но содержитъ въ себѣ указаніе на дѣйствительное событіе, рисующее собою, между прочимъ, и высоту нашихъ до-реформенныхъ судебныхъ порядковъ. Это разбиравшееся въ Москвѣ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, ужасное дѣло о семнадцатилѣтней фигуранткѣ московскихъ театровъ Аршининой, проданной своимъ отцомъ, театральнымъ музыкантомъ, знатному молодому человѣку, который напоилъ ее возбуждающимъ растворомъ и привелъ тѣмъ въ состояніе полового бѣшенства, коимъ воспользовались кромѣ него и другіе негодяи, окружавшіе его. Несчастная дѣвушка была возвращена домой лишь на третій день, съ разрушительнымъ мѣстнымъ воспаленіемъ и омертвѣніемъ и въ состояніи полнаго сумасшествія, изъ котораго не выходила до самой своей страдальческой кончины. Московскіе судьи того времени нашли справедливымъ и непостыднымъ ограничиться отдачею главнаго виновника въ солдаты или военные писцы съ выслугою и безъ потери правъ—и присужденіемъ отца жертвы за *потворство разврату дочери* къ трехмѣсячному лишенію свободы...

Составленіе историческихъ разсказовъ имѣетъ одну особенность, отмѣченную еще Монтескьё. Авторамъ ихъ приходится вплетать въ свой трудъ *вымышленные* факты, основанные, однако, на фактахъ *вѣрныхъ* или естественно изъ нихъ вытекающіе. Выходя за предѣлы простой и безцвѣтной хроники событій и изслѣдуя ихъ общую связь, причины и послѣдствія, автору, желающему въ живыхъ образахъ и краскахъ представить, *какъ именно* произошло или совершалось то или другое и какъ проявлялъ себя тотъ или другой дѣятель,—приходится возсоздавать это путемъ фантазіи и психологическаго анализа человѣческой природы и *однородныхъ* отношеній. Быть-можетъ, дѣйствительность была и нѣсколько иная; быть-можетъ, на пути психическаго развитія описываемой личности были существенныя отклоненія отъ теоретически намѣченнаго авторомъ; но если настоящіе, не подлежащіе спору факты и свѣдѣнія таковы, что даютъ *право* на сдѣланные выводы, которые, въ конечномъ результатѣ, приводятъ къ тому же, что́ было и въ дѣйствительности, то у произведенія нельзя отнимать названія *историческаго*, ибо оно правдоподобно передаетъ смыслъ и значеніе былого... Даже строгій историкъ не всегда можетъ вытра-

http://rcin.org.pl

вить изъ себя художника и оградить свое *изслѣдованіе* отъ *возсозданія*. Достаточно припомнить Маколея и Костомарова и въ особенности Шерра въ его «Menschliche Tragikomödie», или Карлейля въ его «Исторіи французской революціи». Не даромъ Эдмондъ Гонкуръ говоритъ: «l'histoire est un roman qui a été,—le roman c'est l'histoire qui aurait pu être».

Мы видѣли у Горбунова изображеніе домашняго строя, имѣющее полную житейскую достовѣрность и опирающееся въ существенной своей части, въ послѣдовательномъ заключительномъ аккордѣ, на фактъ, занесенный на темную страницу исторической хроники нашего суда. Но есть у него и явно вымышленный разсказъ, который, тѣмъ не менѣе, имѣетъ историческую правдоподобность, благодаря яркому и вѣрному воплощенію существовавшихъ личностей, въ которомъ чувствуется долгое и внимательное изученіе дѣйствительныхъ и непререкаемыхъ историческихъ данныхъ. Это—сказаніе «о нѣкоторомъ зайцѣ». Въ немъ какъ живой, со своимъ особымъ, полу-мистическимъ, дѣланнымъ слогомъ, встаетъ архимандритъ Фотій, зловѣщій лицемѣръ, то раболѣпно, то назойливо вопіявшій къ «мечу свѣтскому» и умѣвшій ловко приспособиться къ жестокости офиціальнаго смиренномудрія начала двадцатыхъ годовъ;—нѣсколькими словами тонко очерчено отраженіе вліянія Фотія на министрѣ духовныхъ дѣлъ и исповѣданій—князѣ А. Н. Голицынѣ и на мѣстныхъ «правительствахъ», поставленныхъ между невольною боязнью доносовъ юрьевскаго архимандрита и страхомъ предъ мрачными фигурами графа Аракчеева и его любовницы—крестьянки Настасьи Минкиной, о которой тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Кампенгаузенъ писалъ временщику: «дозвольте, мой милостивецъ, чтобъ я васъ могъ съ чистаго сердца поздравить съ наступающей именинницей вашей!»—«Вчера, въ четвертокъ, послѣ малаго повечерія,—пишетъ Фотій князю Голицыну,—въ тонцѣмъ снѣ пребывалъ и присные мои дали покой очима своима и вѣждома своима дреманіе. И се гласъ нечеловѣчь, а собаки нѣкоторыя лаяли и визжали и ко святымъ вратамъ бросались, а всадники на коняхъ трубили въ трубы и хлопали бичами. Я выслалъ служку вопросить — какія ради нужды монастырь окружили? Нѣкій человѣкъ, подобіемъ миѳологическій центавръ, отвѣтствовалъ—якобы заяцъ въ монастырѣ скрывается. А у меня заяцъ въ монастырѣ давно пребывалъ, подъ камнемъ жилъ (писано бо есть: «камень прибѣжище зайцемъ») и кормилъ я его рукама своима и того зайца центавръ изъ монастыря изгнали и псамъ на растерзаніе отдали, а нѣкоторая пестрая птица старцу Досиѳею рясу, подаренную Анною,

http://rcin.org.pl

изорвала. Защити, другъ великій!» — Князь Голицынъ, очевидно, боится быть невнимательнымъ къ просьбѣ своего «друга», который, въ случаѣ надобности, сумѣетъ, конечно, обратиться и въ ядовитаго недруга. Онъ спѣшитъ написать новгородскому губернатору и, довольно двусмысленно отвѣчая Фотію, что онъ «очень груститъ, что нарушили *безмолвіе* послѣдняго, необходимое *для спасенія души*», тутъ же подлѣзывается подъ его тонъ, находя, что «врагъ темный и оскверненный всегда съ нами и за нами и нѣсть, яже укрыться отъ него»... Новгородскій губернаторъ оказывается, однако, человѣкомъ довольно наивнымъ, хотя и исполнительнымъ. По собраннымъ имъ *лично* свѣдѣніямъ, заяцъ затравленъ дворовыми Аракчеева «по приказанію Анастасіи Ѳеодоровны, для ея стола и сданъ повару Порфирію». Эти же дворовые застрѣлили трехъ *частныхъ* гусей дьякона Островидова и изжарили крестьянскую овцу, дѣлая все это именемъ Анастасіи Ѳеодоровны... Дѣло начинаетъ принимать скверный оборотъ, ибо такимъ образомъ обнаруживается, что «врагъ темный и оскверненный»—не кто иной, какъ наложница всемогущаго временщика, даже заочно называемая не иначе, какъ только по имени и отчеству... Но находчивый и еще болѣе исполнительный капитанъ-исправникъ—въ два-три хода разыгрываетъ запутанную партію, чреватую послѣдствіями. «Получивъ словесное повелѣніе вашего превосходительства,—рапортуетъ онъ губернатору, о разслѣдованіи затравленнаго зайца, — оный заяцъ по *неяснымъ* свѣдѣніямъ и *присяжнымъ* показаніямъ, оказался не монастырскимъ, монастырскій же, по пойманіи онаго, будетъ доставленъ отцу архимандриту. Касательно гусей, то отецъ дьяконъ отъ оныхъ отказался и призналъ таковыхъ перелетными, а люди, распространявшіе тревожные слухи, заключены въ тюремный замокъ».

Дѣло покончено—и въ томъ, *какъ* оно покончено, нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Если вдуматься, то за дьякономъ, вынужденнымъ признать своихъ гусей перелетными, и за «влетѣвшими въ острогъ» владѣльцами овцы—нарисуется цѣлая картина раболѣпной суматохи и всякаго насилія, предпринятаго для «замазанья» дѣла. И картина эта едва ли даже преувеличена. Стоитъ вспомнить хотя бы приводимые Ровинскимъ, въ его рѣчи къ судебнымъ слѣдователямъ въ 1860 году, примѣры того, какъ производились слѣдствія во времена его молодости, т.-е. уже въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ. Эти крестьяне, высланные въ Москву изъ Рязанской губерніи *по этапу* для отобранія отъ нихъ подписки, что они представятъ *украденные у нихъ* тулупъ и поддевку для оцѣнки, забытой при воз-

http://rcin.org.pl

вращеніи вещей; эти купцы, жалующіеся на кражу у нихъ четырехъ боченковъ сельдей и попадающіе, совершенно неожиданно, сами подъ слѣдствіе о томъ, откуда они этихъ сельдей взяли и имѣютъ ли право торговать ими; этотъ мѣщанинъ, томящійся въ острогѣ по обвиненію въ *праздной* ѣздѣ по улицамъ,—конечно мало чѣмъ уступятъ дьякону съ гусями и крестьянамъ съ овцою...

Видѣвъ лично и переживъ ту тьму, которую смѣнилъ свѣтъ преобразованій Александра II, Горбуновъ съ душевной радостью рисуетъ признаки обновленія, совершавшагося у него на глазахъ. Не разъ въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ съ глубокою благодарностью обращается онъ къ памяти Освободителя. Но движеніе впередъ и измѣненіе сложившагося строя не можетъ, несмотря на свою желательность и историческую неизбѣжность, не имѣть и тѣневыхъ сторонъ. Городская жизнь, чрезвычайно развившаяся въ послѣдніе годы, съ ея фабриками, отхожими промыслами и нездоровыми приманками—дѣйствуетъ на деревню въ своемъ родѣ опустошительно, внося разложеніе въ ея нравственные бытовые устои. Горбуновъ, со свойственной ему правдивостью, отмѣчаетъ это вліяніе. «С.-Петербургъ отъ насъ далеко,—говоритъ у него «Въ дорогѣ» крестьянинъ-извозчикъ,—которые вотъ съ нашей стороны живутъ тамъ въ половыхъ, или по мастерству по какому—придетъ въ деревню и сейчасъ себя такъ означаетъ, что съ нашимъ мужицкимъ разговоромъ и не подступишься. Куцую штуку надѣнетъ—спинжакъ, что ли, по-нѣмецкому—и такъ онъ понимаетъ, что въ спинжакѣ въ этомъ вся сила... Бѣда эти санктъ-петербургскіе спинжаки. Другой горечь, а доказываетъ!» —«Не по закону ты жить сталъ»,—говоритъ старуха записавшемуся въ мѣщане.—«Тетушка Матрена,—отвѣчаетъ тотъ:—надѣнь спинжакъ-то, и ты по-другому заживешь. Въ деревнѣ за сохой ничего не обучишься,—соха—она соха и есть. Простой кто ежели человѣкъ...» «Что-жъ ты соху-то позоришь?—прерываетъ его старый крестьянинъ—соху-то намъ Богъ въ руки далъ!»—«Матушка, Ѳекла Семеновна, одинъ вѣдь разъ живемъ,—восклицаетъ купецъ, привыкшій «чертить»—одинъ разъ живемъ!.. Помремъ—все останется... Вѣдь не въ лаптяхъ ходимъ, голубушка, есть на что...»—«Что ты про лапти говоришь,—отвѣчаетъ богатая старуха-купчиха—я сама въ лаптяхъ хаживала. Ты лапти не кори».—«Я не къ тому».—«То-то не къ тому! Покойникъ сертукъ-атъ надѣлъ, когда весь свой полный капиталъ скопировалъ, да и то, бывало, говоритъ: неловко, Семеновна, давай опять поддевку надѣну—поддевка-то, говоритъ, насъ съ тобой выкормила...»

http://rcin.org.pl

X.

Не одна разговорная великорусская рѣчь, въ ея видоизмѣненіяхъ сообразно общественному положенію изображаемыхъ лицъ, была искуснымъ орудіемъ въ умѣлыхъ рукахъ Горбунова. Знатокъ бытовой исторіи древней Руси, онъ превосходно владѣлъ языкомъ различныхъ періодовъ XVII и XVIII вѣка. Этимъ языкомъ писалъ онъ письма къ пріятелямъ, на немъ излагалъ многіе свои разсказы и представлялъ оцѣнку разныхъ событій, общественныхъ явленій или офиціальныхъ порядковъ. Но не въ одномъ выработанномъ внимательнымъ изученіемъ источниковъ языкѣ состояла художественная особенность Горбунова. Онъ умѣлъ всѣмъ своимъ умственнымъ складомъ переселяться въ эпоху, соотвѣтствующую языку, понимать и улавливать ея особенности и говорить о томъ или другомъ современномъ намъ явленіи, оставаясь въ предѣлахъ міросозерцанія той эпохи и общественной среды, къ которой принадлежалъ пишущій или говорящій. Онъ пренебрегалъ нетрудною, при извѣстномъ знаніи языка, задачею—изобразить мысли и взгляды *нынѣшняго* человѣка словами и оборотами старинаго языка; у него за безупречною точностью этого языка всегда слышался и современный языку человѣкъ, въ томъ видѣ, въ какомъ намъ представляютъ его историко-бытовыя изслѣдованія Соловьева, Забѣлина, Костомарова, Пыпина, Тихонравова и др. Поэтому, когда какая-нибудь грамота или письмо Горбунова переносятъ читателя въ давно-прошедшее время, яркими чертами рисуя тогдашнюю дѣйствительность, передъ нимъ встаютъ—воевода на далекой границѣ русскаго царства, — посланный за западный «рубежъ» бояринъ,—подьячіе, приказные, подсудимые,—московскіе «запойные и заблудные» люди,—и, наконецъ, самъ «верховой (т.-е. придворный) скоморохъ Ивашка Ѳедоровъ», какъ любилъ называть себя И. Ѳ. Горбуновъ.

Замѣчательнымъ доказательствомъ глубокаго искусства, съ какимъ владѣлъ старымъ русскимъ языкомъ Горбуновъ, служитъ, между прочимъ, указаніе Т. И. Филиппова на то, что составленное имъ описаніе поѣздки русскаго боярина въ Эмсъ ввело даже книжныхъ археологовъ въ недоумѣніе, такъ что ученый знатокъ старины И. И. Саввантовъ счелъ это описаніе за копію съ подлиннаго статейнаго списка XVII вѣка и удивлялся, что уже и въ то время за границею существовала рулетка. Точно также ввелъ многихъ компетентныхъ лицъ въ заблужденіе относительно своей подлинности, благодаря своему

http://rcin.org.pl

выдержанному языку, и составленный Горбуновымъ указъ царя Алексѣя Михайловича о нѣмцахъ и еретикахъ.

Рядъ шуточныхъ привѣтствій и наставленій, написанныхъ Горбуновымъ на церковно-славянскомъ языкѣ, показываетъ, что и съ нимъ онъ былъ знакомъ основательно и могъ бы, пожалуй, не уступить въ этомъ знаніи Костомарову, оставившему много превосходныхъ писемъ на этомъ языкѣ, образчикомъ которыхъ можетъ служить недавно опубликованное письмо къ Н. В. Барсукову отъ «недостойнаго и паче всѣхъ человѣкъ грѣшнѣйшаго старца Николая еже на рѣцѣ Невѣ суща», отъ 24 ноября 1862 г. Вотъ, напримѣръ, горбуновскія «статьи, како увѣщевати глаголемаго лампописта»,—т.-е. москвича, излюбившаго приготовляемый въ лучшихъ московскихъ трактирахъ особый напитокъ изъ пива, сахара, лимона и поджареннаго хлѣба, называемый *Лампопо* (пополамъ). «Рци ми, о лампописте, коея ради вины къ душепагубному и умопомрачающему напою—алемански же речется лампопо—присталъ еси? Не вѣси ли, о лампописте, егда ти сущу въ пьянственномъ пребываніи вси бѣси великаго града Москвы, со слободы и посады, ликоствуютъ и гласомъ радованія восклицаютъ: се, книжникъ лампопистомъ содѣяся и сыномъ отца нашего Вельзевула учинися; руками плещутъ, очима помизаютъ. Оле, твоего безумія лампописте! Не имаши тайнаго зрѣнія и не разумѣваеши, яко въ бѣлыхъ ризахъ, окрестъ тя стоящіе, не слузи гостинника Тѣстова, а бѣси ярославскіе, отъ нихъ же главоболѣзненные напои пріемлеши; не вѣси, нерадѣнія твоего ради, яко дымъ, исходящій изъ сосуда—дыханія Вельзевуловы суть».

Мы говорили уже о томъ, какъ интересовала Горбунова судебная реформа. Видѣвши во всей красѣ простоту и стремительность стараго административнаго суда въ московскихъ захолустьяхъ, отправляемаго полицейскимъ комиссаромъ, онъ описалъ свои впечатлѣнія, по поводу воспоминаній о рѣдкой раскольничьей рукописи, будто бы озаглавленной «о нѣкоторомъ комиссарѣ, како стяжалъ и о купцѣ», въ которой яко бы говорится: «не Богъ сотвори комиссара, но бѣсъ начерта его на песцѣ и вложи въ него душу злонравную, исполненную всякія скверны, во ежи прицѣплятися и обирати всякую душу христіанскую». Немногимъ лучшія впечатлѣнія вынесъ онъ и изъ знакомства съ общими судами и тѣми паразитами, которые ютились около нихъ, благодаря формальнымъ узамъ, опутывавшимъ преисполненное всякаго рода затяжекъ и отсрочекъ судопроизводство, не имѣвшее дѣла съ живымъ человѣкомъ, а лишь съ ворохомъ бумагъ. Въ разсказахъ его мелькаютъ яркія

http://rcin.org.pl

фигуры «иверскихъ» юристовъ-дѣльцовъ и вѣдомыхъ лжесвидѣтелей, засѣдавшихъ въ Охотномъ ряду въ трактирѣ «Шумла», гдѣ «вѣдалось ими и оберегалось всякое московскихъ людей воровство, и поклёпы, и волокита». Любящая народъ душа Горбунова почуяла всю важность судебнаго преобразованія не только въ смыслѣ водворенія правосудія, но и въ смыслѣ поднятія народной нравственности. Онъ сталъ посѣщать суды, живо интересуясь не однимъ исходомъ дѣлъ, но и самымъ ихъ процессуальнымъ движеніемъ, вникая во всѣ его особенности. Ему чрезвычайно былъ дорогъ въ особенности судъ присяжныхъ. Исходъ и самое возбужденіе такихъ дѣлъ, какъ, напр., дѣло властнаго милліонера Овсянникова, обвинявшагося въ поджогѣ паровой мельницы, или дѣло опиравшейся на обширныя связи игуменьи Митрофаніи, немыслимые при старыхъ судебныхъ порядкахъ и связанныхъ формальною рутиною дѣятеляхъ, радовали его несказанно и служили матерьяломъ для разнообразнѣйшихъ варіантовъ въ его разсказахъ въ дружескомъ кругу.

Живая мысль его переносилась въ далекое прошлое и рисовала судъ присяжныхъ въ рамкахъ и условіяхъ этого прошлаго.

Результатомъ этого явился въ 1878 году указъ тогдашнему предсѣдателю петербургскаго окружнаго суда Кони—«*отъ государя, царя и великаго князя окольничему нашему, Анатолію Ѳедоровичу*».

«Били намъ челомъ всякихъ чиновъ люди,—говорилось въ указѣ,—емлютъ-де съ нихъ въ разбойномъ приказѣ подьячіе деньги не малыя, волочатъ и убытчатъ безъ разсудку. И намъ бы, великому государю, ихъ пожаловати—велѣти для сыску татинныхъ и разбойныхъ и убивственныхъ дѣлъ быти человѣку доброму, кому бъ въ такихъ дѣлѣхъ можно было вѣрить. И мы, великій государь, всякихъ чиновъ людей пожаловали, велѣли тебѣ, Анатолію, сидѣти въ разбойномъ приказѣ безотступно и всякія татинныя и разбойныя дѣла вѣдати. И кому грѣшною мѣрою учинится смерть, или который человѣкъ удавится или, вина опившся, сгоритъ, или кто межъ собою подерется хмельнымъ дѣломъ и убьетъ, и про то сыскивать подлинно—и которые людей волочатъ и убытчатъ, и тѣхъ людей вѣдати и оберегати и расправу промежъ всякими людьми чинити безволокитно—и въ поклепныхъ искѣхъ, и въ подметѣ, и въ бою, и въ грабежу, и кто крадетъ, и разбиваетъ, и до смерти людей убиваетъ, и въ какой сварѣ зубомъ ухватитъ и носъ отъѣстъ,—и женскій полъ и дѣвичъ, которыя, по насердкѣ, на всякихъ чиновъ людей б... сказываютъ для своей бездѣльной корысти потому жъ сыскивати накрѣпко всякими сыски. И кто въ городѣ корчму держитъ и татинною рухлядью промышляетъ,—

http://rcin.org.pl

и мнишецкаго чину и гостиной сотни запойныхъ людей и чаровницъ и которыя дѣвки въ скоморошествѣ оголяются, глазами помизающе, сквернаго ради смѣшенія—сыскивати подлинно. А какова вора или татя или убійцу изымаютъ и приведутъ и видоковъ ставить къ кресту къ цѣлованію. А учнутъ видоки показывать подлинно и у него дворы и животы описывати и сажати въ тюрьму до указу. И будетъ воровство его и въ какихъ причинахъ онъ бывалъ сыщется до пряма, вынявъ изъ тюрьмы, судити въ разбойномъ приказѣ при всенародномъ множествѣ, а въ помочь ему ставити подьячаго добраго, который бы вины его очищалъ. Да для сидѣнья жъ въ разбойномъ приказѣ пожаловали мы, великій государь, велѣли выбирать судей по двѣнадцати человѣкъ да по два изъ лучшихъ, среднихъ и молодчихъ людей, добрыхъ, небражниковъ, которые бъ были душою прямы и всѣмъ людямъ любы. И тѣхъ людей приведчи къ крестному цѣлованію, а доводчику велѣти воровы вины честь. А какъ доводчикъ вины его прочтетъ и тебѣ, Анатолію, ставити его съ видоки на очи и допрашивати накрѣпко. А какъ подьячій учнетъ воровы вины очищать и противъ того подьячаго потому жъ говорить. А слушавъ вашихъ рѣчей, выборные судьи пойдутъ въ другую палату, за приставы, чтобъ сговору какого промежъ ихъ съ народомъ не было. А пришедъ въ палату судятъ сонча боевой часъ и больши, чего воръ доведется. И будетъ вышедчи скажутъ, что за воромъ вина есть и тебѣ судити по уложенію. А будетъ учинишь ты не по уложенію, а тотъ воръ или тать, или убойца, или корчемникъ ударитъ челомъ въ нашу царскую думу, что учинилъ ты не по уложенію и того вора судити вдругорядь иными судьи. А тебѣ, Анатолію, будетъ учинилъ ты не по уложенію съ простоты—вины нѣтъ; а будетъ учинилъ ты по насердкѣ на того вора или татя, или убойцу, или корчемника,—наша царская опала съ записью въ разрядной книгѣ».

Къ этого же рода удивительнымъ—по правдивости языка, по стилю и по краскамъ — документамъ относится написанная въ семидесятыхъ годахъ, во время возникновенія въ Петербургѣ обширнаго дѣла о скопческой ереси, челобитная самого Горбунова, будто бы вызваннаго въ качествѣ свидѣтеля по подобному же дѣлу въ концѣ XVII вѣка (когда и самой скопческой ереси еще не существовало) съ разсказомъ о томъ, какъ и о чемъ онъ былъ допрашиваемъ. Къ сожалѣнію, многія существенныя ея части, заключающія тонкую сатиру на одностороннюю оцѣнку доказательствъ въ подобныхъ дѣлахъ, неудобны для печати. Приходится ограничиться лишь небольшими выписками изъ этой

http://rcin.org.pl

жалобы Ивашки Ѳедорова, который «бьетъ царю челомъ», и повѣствуетъ, что «изыманъ я приставы и волоченъ пѣшъ до губныя избы и великіе отъ того ихъ волоченія мнѣ, сиротѣ твоему, чинены убытки: однорядку вишневую, твое государево жалованье, изодрали всю безъ остатка и однорядочка къ свѣтлому дню у меня нѣтъ. И губной староста да подьячій учали меня бить и за волосья таскать и, истерзавъ довольно, стали говорить распросныя рѣчи съ пристрастіемъ: «на Москвѣ живучи, Ивашка, ты лихихъ людей знавалъ ли и за пьянствомъ съ ними ходилъ ли? и будетъ ты лихихъ какихъ людей знавалъ и еретичество ихъ вѣдалъ, съ Гурісмъ на б..... ходилъ ли? и ходючи съ нимъ и т. д.». Слѣдующіе затѣмъ вопросы поразительны по своей неожиданности, художественны въ своей непосредственной наивности и въ то же время вполнѣ соотвѣтствуютъ сущности преступленія, въ которомъ обвиняется впавшій въ ересь Гурій. Допросъ оканчивается требованіемъ сказать: «и онъ Гурій убоину ѣлъ ли и смердящую бѣсовскую богонепавистную табаку пилъ ли? Да онъ же Гурій, на Москвѣ живучи, ежедень скрывался—и то тебѣ, кто скрывалъ и поровилъ ему вѣдомо ль?» — Но усердіе тогдашняго слѣдователя, несмотря на энергическіе и чувствительные аргументы, предшествовавшіе допросу Ивашки, не исторгаетъ ничего полезнаго для дѣла по существу, ибо «я, сирота твой, памятуючи страшный судъ, противъ тѣхъ распросныхъ рѣчей сказалъ прямо вправду: на Москвѣ живучи въ скоморохахъ—лихихъ людей не зналъ; всякихъ заблудныхъ, и зерщиковъ, и скомороховъ, и мишецкаго чина и гостиной сотни запойныхъ людей зналъ довольно—и за пьянствомъ съ ними ходилъ и *составныя запойныя слова* говаривалъ, а кто Гурія легчилъ, то мнѣ невѣдомо, а онъ, Гурій, человѣкъ смирный...»

Если приведенная выше грамота соотвѣтствовала идеальному для своего времени судопроизводству, то челобитная эта соотвѣтствовала печальной дѣйствительности, когда свидѣтель мало чѣмъ отличался отъ подсудимаго. Стоитъ припомнить Котошихина, житіе Аввакума и т. п. Вообще трудно жилось русскому человѣку въ XVII вѣкѣ. Съ востока и запада враждебно окружали его иноземцы, возбуждая его крайнее недовѣріе,—чуждые ему по вѣрѣ, по образу жизни, по языку,—всегда могущіе то угрожать силою, то дѣйствовать хитростью и коварствомъ. Противъ всѣхъ надо было быть насторожѣ. Но, зорко слѣдя за ними издалека, не мѣшало узнать и поближе, что они за люди и какимъ обычаемъ живутъ. И вотъ изъ-подъ пера Горбунова выливается сначала письмо изъ Эмса, а потомъ, въ 1885 г., донесеніе царскаго воеводы о битвѣ на Кушкѣ. «Въ нынѣшнемъ

http://rcin.org.pl

377 году,—такъ начинается письмо,—прислана мнѣ твоя, великаго государя, грамота. Написано: ѣхать тебѣ, Ивану, въ разные города нѣмецкаго государства и смотрѣть тѣхъ городовъ люди и намъ, великому государю, отписывать... и ѣхавъ землями нѣмецкаго государства не грабить, не пьянствовать и съ нѣмцы разговорныя слова говорить и отвѣтъ держать примѣрившись, съ вымышленіемъ, бояся нашея опалы и жестокаго истязанія безо всякія пощады. А будетъ который начальный нѣмецкій человѣкъ спроситъ: «какія ради нужды посланъ?»—говорить: «посланъ для его великихъ государевыхъ дѣлъ». А даровъ ему не давать. А прилучится который нѣмчинъ прошать будетъ, и тому дать кормы небольшіе да деньгами на пиво, по три алтына на человѣка». Нашъ XVII-ый вѣкъ въ своей рѣчи и воззрѣніяхъ такъ и глядитъ со всѣхъ строкъ письма! Оказывается, что «городъ Емца не великъ, а сталъ онъ въ горахъ, а въ немъ вода живая, а та вода шипитъ... и у котораго человѣка нутро болитъ, али утинъ, али порча, али иная хворь, и дохтуры тоя болѣзни своимъ дохтурствомъ смотрятъ и ту живую воду велятъ пить и голымъ въ той водѣ сидѣть. А люди московскаго государства тоя воды не пьютъ, а пьютъ они рейское во множествѣ и здравы бываютъ. А рейское вино доброе...» Затѣмъ идетъ описаніе рулетки, столь смутившее Савваитова отпечаткомъ правдивости, положеннымъ на него искусною рукою Горбунова. «Палата построена каменная,—повѣствуетъ бояринъ,—большая, а въ ней сидитъ нѣмчинъ и *вралетку вертитъ и прыгунца пущаетъ* — бѣленькій, не великъ. А кругъ того нѣмчины народное множество—и иныхъ государствъ люди, и жиды, и езовиты, и женки, и дѣвки, и старыя бабы, и воровскіе заблудные люди—и кладутъ тому нѣмчину золотые амбургскіе и угорскіе и ефимки, и нѣмчинъ тѣ деньги смлетъ и вралетку вертитъ почасту».

Если царскому боярину пришлось увидать много интереснаго за границею, то царскому воеводѣ (генералъ-лейтенанту Комарову, разбившему афганцевъ на Кушкѣ и занявшему городъ Пенде 18-го марта 1885 года) пришлось пережить тревожныя минуты, требовавшія стойкости и большой рѣшительности. Онъ стоялъ съ «великаго государя ратными, пѣшими и конными людьми на Кушкѣ рѣкѣ, и вѣдомо ему учинилося, что англинскіе люди ссылаются съ афганскимъ мурзою и говорятъ воровскія развратныя рѣчи, наговаривая, чтобы со своими татары съединачась къ злому воровству ихъ присталъ и противъ твоихъ, великаго государя ратныхъ людей, учинилъ бой, и мурза, предався въ неискусенъ умъ, тѣхъ рѣчей слушалъ...»

http://rcin.org.pl

Желая кончить дѣло миролюбиво, воевода ссылается съ мурзою, но тотъ указываетъ, что ему велѣно слушать англичанъ, причемъ «королевинъ англинскій капитанъ» (серъ Чарльзъ Устъ) посылаетъ письмо воеводѣ, который отправляетъ своего уполномоченнаго (подполковника Закржевскаго) говорить съ англичанами. «И сшедчись говорили. Англинскіе люди говорили: вы-де въ Индею идете. А полуполковникъ съ товарищи говорилъ: мы-де въ Индеи будемъ, когда нашъ великій государь похочетъ. А таперьво мы въ Индею не идемъ, — а пришли для береженья новыхъ государевыхъ городовъ, которые ударили челомъ великому государю, чтобъ быть имъ со всѣми людьми подъ его высокою рукою.—А будетъ государь вашъ похочетъ и вы въ Индею пойдете ли?—Коли великій государь, его пресвѣтлое царское величество похочетъ, и въ томъ будетъ его воля, и мы въ Индею пойдемъ того жъ числа, какъ указъ будетъ.—А зачѣмъде вамъ итти на Индею: у вашего государя земли довольно? У государя нашего земель много, и въ умъ не вмѣстится, а въ Индею намъ итти, чтобы милордамъ вашимъ и купцамъ, и прочимъ королевинымъ англинскимъ людямъ надъ московскимъ государствомъ дуровать было негораздо. И какъ мы будемъ въ Индеи и вамъ-то будетъ за страхъ, а московскому государству утѣшеніе.—И пивъ боевой часъ ренское, разошлись». Вопросъ остался открытымъ и на утро мурза ударилъ съ татарами на государевыхъ людей, но они бились «крѣпкостоятельно», такъ что татары, «видя надъ собою великаго государя ратныхъ людей промыселъ и жестокій приступъ, и пожарное разореніе—побѣжали розно, а англинскіе люди, снявъ порченки, тожъ побѣжали и городъ Пинжа отъ татаръ и англинскихъ людей очистился, а мурза англинскаго королевина капитана за бороду далъ: въ своей-де землѣ вамъ не сидится, пришли къ намъ заводить смуту». «А городъ Пинжу (Пенде) я взялъ для прицѣпленія онаго къ твоему великодержавному скипетру»,—кончаетъ воевода свое донесеніе, пріобрѣтающее, благодаря Горбунову, почти эпическій характеръ по содержанію и по выдержанности языка.

Излишне доказывать вѣрность этого языка и тона, господствующаго во всѣхъ приведенныхъ произведеніяхъ Горбунова. Каждый, читавшій различныя бумаги конца XVII вѣка, оцѣнитъ бытовую и стилистическую близость этихъ произведеній къ несомнѣннымъ подлинникамъ и даже законодательнымъ актамъ, въ родѣ Уложенія царя Алексѣя Михайловича. Достаточно привести хотя бы находящійся у насъ подъ руками отрывокъ изъ слѣдственнаго дѣла 1692 года: «Да онъ же Дмитрій Тверитиновъ,

http://rcin.org.pl

будучи перегибателемъ не токмо духомъ, но и тѣломъ и утѣшновѣжливо говоря и мастеря совратился въ люторову ересь—и другихъ совратн...» или часть челобитной ушедшаго изъ турецкаго плѣна стрѣльца: «И шелъ я,—говорится въ ней,—холопъ твой Ивашка, съ товарищи своими черезъ многія земли нагъ и босъ, и во всякихъ земляхъ призывали насъ на службу и давали жалованье большое, и мы, холопи твои, христіанскія вѣры не покинули, и въ иныхъ земляхъ служить не хотѣли, и шли мы, холопи твои, на твою государскую милость. Милосердый государь, царь и великій князь Михаплъ Ѳедоровичъ всея Россіи! пожалуй меня, холопа твоего, съ моими товарищи за наши службишка и за полонское нужное терпѣніе своимъ царскимъ жалованьемъ, чѣмъ тебѣ праведному и милосердому государю объ насъ бѣдныхъ Богъ извѣститъ», причемъ на оборотной сторонѣ челобитной имѣется помѣта думнаго дьяка: «751 г. іюня въ 20 день государь пожаловалъ тому стрѣльцу... велѣть дать корму по 2 алтына, а достальнымъ всѣмъ дѣтямъ боярскимъ по 8 денегъ, казакамъ по 7, пашеннымъ крестьянамъ по 6 денегъ, для того, что освободились безъ окупу и отослать подначало къ патріарху для исправленья, для того, что у папы пріимали сакраментъ». Или, наконецъ, можно привести челобитную царю Алексѣю Михайловичу отъ первыхъ русскихъ актеровъ, подьячаго Василія Мѣшалкина съ товарищи, приводимую П. О. Морозовымъ въ его «Исторіи русскаго театра»:—«По твоему великаго государя указу, отослали насъ, холопей твоихъ, въ нѣмецкую слободу для изученія комидійнаго дѣла къ магистру Ягану Готфрету, а твоего великаго государя жалованья корму намъ, холопемъ твоимъ, ничего не учинено, и нынѣ мы, холопи твои, по вся дни ходя къ нему, магистру, и учася у него, платьишкомъ ободрались и сапоженками обносились, а пить, ѣсть нечего, и помираемъ мы, холопи твои, голодною смертію. Пожалуй насъ, холопей своихъ: вели, государь, намъ свое великаго государя жалованье на пропитаніе поденный кормъ учинить, чтобъ намъ, холопемъ твоимъ, будучи у того комидійнаго дѣла, голодною смертію не умереть».

Способность свою переноситься въ XVII вѣкъ, становясь въ способахъ выраженія и самомъ міросозерцаніи своемъ человѣкомъ этого вѣка, Горбуновъ примѣнялъ не только къ очерку порядка вещей или событій болѣе или менѣе значительной важности. Онъ любилъ излагать такимъ образомъ иногда мелкія происшествія своей жизни и вообще сноситься съ пріятелями, причемъ его юморъ усугублялся челобитнымъ тономъ. Такъ, въ альбомъ покойнаго Михаила Ивановича Семевскаго онъ записалъ

http://rcin.org.pl

цѣлый шутливый разсказъ о путешествіи своемъ съ товарищемъ своимъ Б. по Волгѣ и Камѣ, для совмѣстнаго участія въ спектакляхъ и чтеніяхъ. «Бьетъ челомъ,—пишетъ онъ,—сирота твой государевъ, потѣшнаго приказа скоморохъ Ивашка Ѳедоровъ. Жалоба мнѣ, государь, того же приказа на скомороха на Ѳедьку Алексѣева. Въ нынѣшнемъ году сошелъ я на стругѣ внизъ по Волгѣ рѣкѣ до Перми великія для своихъ сиротскихъ промышишковъ...» Описавъ, какъ къ нему на стругъ (пароходъ) вышелъ у Работокъ навстрѣчу товарищъ и «крестъ цѣловалъ, чтобы ѣхать вмѣстѣ и что Божьей помощью испромыслимъ дѣлить на двѣ стороны ровно, а ему чтобы развратныя рѣчи не говорить и не ругаться; а мнѣ, Ивашкѣ, ѣдучи съ нимъ, съ Ѳедькою, Камою рѣкою, на берегъ и въ лѣса не сбѣжать»,— Горбуновъ жалуется, что «нынѣ тотъ Ѳедька, забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованіе, умышляетъ дурно: въ разсчетахъ творитъ хитрость, а себѣ корысть, ѣстъ пепну и мертвечину и пное скаредное и пьетъ почасту; да онъ же, Ѳедька, рейтарскаго строя съ маеоромъ играетъ въ зернь и отъ той его игры сталъ онъ безъ портокъ. Царь-государь! смилуйся,—восклицаетъ онъ—пожалуй, чтобы мнѣ отъ того Ѳедьки не придти въ конечное разореніе!»—Такъ, въ 1890 году, Горбуновъ написалъ посланіе въ Москву, начинающееся словами: «вѣдомо намъ учинилося» и содержащее въ себѣ великолѣпный и подробный разсказъ о томъ, какъ въ бѣлокаменной, во всѣхъ бражныхъ станахъ и у «нѣмчина Яра» въ мясопустную седьмицу пьянство преумножается и въ какихъ дѣйствіяхъ оно выражается. Разсказъ этотъ, по характеру дѣяній «бражниковъ» совершенно невозможенъ для передачи въ печати, ибо описываетъ недвусмысленнымъ и любящимъ точность языкомъ XVII столѣтія тѣ безобразныя сцены, которыми сопровождается обычный въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества и въ народѣ масляничный разгулъ и «чревонепстовство», доводящее до разбирательства у мировыхъ судей и выражающееся, между прочимъ, въ томъ, что «въ мясопустную седьмицу на Москвѣ всѣ убогіе дома и бражныя тюрьмы полны увѣчными, избитыми, опившимися и умопомраченными». Посланіе кончается такъ: «и какъ къ вамъ сія наша грамота придетъ и вы бы заказывали накрѣпко, чтобы московскіе люди отъ горькаго пьянства отстали и во всю мясопустную седьмицу въ домѣхъ своихъ сидѣли и во всякомъ благочестіи пребывали, а кому, по нуждѣ, сидѣть не можно и тѣ бы мимо бражныхъ становъ не ходили, а случится идти мимо бражныхъ становъ, шли бы не озираючись, памятуючи жену Лотову. А которые боярскіе дѣти не послушаютъ и по бражнымъ ста-

http://rcin.org.pl

намъ ходить будутъ и тѣхъ изъ бражныхъ становъ выбивать силою и сапоженки сымать и платьишко отбирать до указу...»

Въ началѣ XVIII вѣка въ образный и цѣльный по своему источнику русскій языкъ, особливо въ языхъ официальный, вторглась масса иностранныхъ словъ, замутившихъ его чистоту и придавшихъ ему новый, странный и очень часто неспинатичный характеръ. Однимъ изъ свойствъ его сдѣлалась изломанность и дѣланность, съ которыми потомъ пришлось бороться до XIX вѣка, причемъ настоящій русскій языкъ постепенно завоевалъ свои одно время поруганныя права и, наконецъ, сталъ снова на высоту, вызвавшую трогательную просьбу Тургенева: «берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ нашими предшественниками, въ числѣ которыхъ блистаетъ Пушкинъ,—обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ: въ рукахъ умѣлыхъ оно способно совершать чудеса...»

Еще при Петрѣ, въ его распоряженіяхъ, указахъ и законодательныхъ актахъ, въ его письмахъ слышится прекрасный старый языкъ нашъ. «Не суетный на совѣсти нашей возымѣли страхъ», пишетъ онъ по поводу духовнаго регламента. «Не рабствуя лицепріятію, не болѣзнуя враждою и не плѣняясь страстями»,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Письма его, изданныя академикомъ Бычковымъ, полны оборотовъ и выраженій конца XVII вѣка, но иностранныя слова уже часто внѣдряются среди нихъ и сплетаются съ ними, по временамъ безъ всякой нужды, не имѣя себѣ оправданія даже и въ нѣкоторой бѣдности стараго языка для выраженія отвлеченныхъ понятій. «Воюя тайнымъ коварствомъ на истину во образѣ правды», — пишетъ Петръ въ одну изъ тяжелыхъ минутъ своей великой и многотрудной жизни—и въ то же время увѣковѣчиваетъ въ одномъ изъ указовъ, вставляемыхъ, по его повелѣнію, въ зерцало, такія выраженія, какъ «чинить мины подъ фортецію правды...» Но послѣ Петра нашъ официальный языкъ, проникающій все болѣе и болѣе сверху внизъ, портится гораздо сильнѣе, особливо при Аннѣ Іоанновнѣ и въ первые годы царствованія Елизаветы Петровны. Въ указахъ говорится о «дѣлахъ штатскаго теченія», являются названія «парадная бета» (ложе), «каструмъ долорисъ» (при похоронахъ), «драдорная (drap d'or) матерія», «синтура (ceinture) фунеральная» и т. п. Можно бы привести множество подобныхъ выраженій, указывающихъ ничѣмъ неоправдываемое пренебреженіе къ родному языку, но это не имѣетъ отношенія къ предмету настоящаго очерка. Мы упоминаемъ о языкѣ XVIII вѣка лишь для того, чтобы сказать, что и онъ былъ знакомъ

http://rcin.org.pl

Горбунову, хотя имъ онъ пользовался гораздо рѣже. Такъ, исторія о нѣкоторомъ зайцѣ начинается со слѣдующаго вымышленнаго письма Петра Великаго, въ которомъ въ точности соблюдена даже орѳографія государя. «Мингеръ графъ.—Зазасца благодарствую і тово засца немешкаѳъ на асамблеи съ ели і івашку хмельницкава многажды нелепосно тревожили понеже засцъ вельми жыренъ былъ и шпігусомъ зело чіненъ чаели и животу не быть да сілою ідействіемъ івашки іпредстательствомъ отца нашего всешутейшего Кура живы сущі и ѳ здравіі пребываемъ і отомъ подлино вамъ отъ пісываю». Даря М. И. Семевскому рѣдкій литографированный портретъ цесаревича Константина Павловича съ подписью: «Константинъ первой, императоръ Всероссійскій», бывшій въ продажѣ лишь самое короткое время и затѣмъ изъ нея изъятый послѣ отглашенія отреченія великаго князя отъ престола, Горбуновъ пишетъ: «прилагаемая при семъ персона (такъ въ первой половинѣ XVIII в. назывался портретъ) сукцессора въ надлежащей конфиденціи у насъ находиться имѣетъ, и никому генеральпо оную не объявлять и отъ подлыхъ (т. с. отъ простонародья) всячески скрывать надлежитъ, дабы какой бездѣльный человѣкъ малоумiемъ своимъ сатисфакціи не учинилъ и въ тайную канцелярію о семъ не донесъ; а я милостивцу впредь служить готовъ...» Въ одной изъ своихъ милыхъ и продуманныхъ письменныхъ шутокъ, которую онъ любилъ разсказывать и на память, Горбуновъ послѣдовательно разработываетъ одинъ и тотъ же предметъ на языкѣ трехъ столѣтій, съ тонкою обрисовкою перехода отъ добродушнаго индивидуализированія, свойственнаго распоряженіямъ старины, къ формалистическимъ пріемамъ, нерѣдкимъ въ бюрократической практикѣ настоящаго.

«Бьетъ челомъ и плачется сиротишка твой, государевъ, разбойнаго приказа писчикъ Павликъ» — начинается челобитная XVII вѣка, въ которой «писчикъ» объясняетъ, что приказано ему сидѣть въ приказѣ безотступно, получая половинное жалованье противъ другихъ подъячихъ, да сапоги, да однорядку и шапку,—но такъ какъ первые поистлѣли, а вторая износилась, отчего «въ приказъ ходить нудно: пальцы прихватываетъ и ногамъ тягота великая» — то и проситъ велѣть себя, сиротишку, обуть. На челобитной оказывается помѣта: «объявлено государево жалованье: дать однорядку, да сапоги, да шапка».

Иная уже резолюція на челобитной XVIII вѣка. Просителю приказано его сіятельствомъ генералъ-аншефомъ, генералъ-адъютантомъ и преображенскаго полка бригадиромъ быть въ юстицъ-коллегіи у письменныхъ дѣлъ безъ срока, а затѣмъ отъ той же коллегіи послѣдовало распоряженіе — отъ оной кол-

http://rcin.org.pl

легіи отставить. «А мнѣ, пижайшему, при холодной атмосферѣ, жить въ резиденціи невозможно. А посему...»—пишетъ онъ, и добивается неожиданнаго распоряженія — «опредѣлить ся императорскаго величества на молочный дворъ для смотрѣнія, а кормъ оттуда же натурою». Нетрудно замѣтить тонкую разницу въ характерѣ и языкѣ этихъ ходатайствъ. Писчикъ Павликъ— при несложности правительственной машины своего времени обращается къ власти, такъ сказать, непосредственно, ссылаясь лишь на то, что «онъ, сирота, сидючи въ разбойномъ приказѣ, о твоемъ великаго государя дѣлѣ радѣлъ»... Дворцовые перевороты средины XVIII в. и развитіе служебнаго механизма сказываются во второмъ ходатайствѣ. Уже считается необходимымъ сослаться на то, что проситель опредѣленъ на службу по приказанію сильнаго человѣка и, быть-можетъ, временщика, въ родѣ Бирона — и на то, что онъ, нижайшій, служилъ «интересу» своей повелительницы. Очевидно, что между этимъ *нижайшимъ* и *сиротишкою* XVII вѣка не даромъ протекло цѣлое столѣтіе воспоминаній и наблюденій. Пришлось сдѣлаться не простымъ просителемъ, а дипломатомъ. И какъ умѣлъ Горбуновъ придать послѣдней челобитной надлежащую окраску! Какъ невольно видится за нею цѣлый періодъ исторіи, про который графъ Никита Панинъ докладывалъ Екатеринѣ II: «сей эпокъ заслуживаетъ особое примѣчаніе, въ немъ все было жертвовано настоящему времени, хотѣніямъ припадочныхъ людей и всякимъ постороннимъ малымъ приключеніямъ въ дѣлахъ», и когда не только просители—изъ «сиротъ» обращались въ «нижайшихъ», но когда даже сенаторы подписывались «всеподданнѣйшіе и природные В. И. В. рабы», а генералъ и оберъ-прокуроры называли себя, въ официальномъ рапортѣ 1744 года, «по присяжной всеподданнической рабской должности и вѣрности всепослѣднѣйшими рабами».

Прошеніе XIX столѣтія,—склоннаго вообще стушевывать личность предъ государственными или даже фискальными требованіями, — не потребовало много времени на прочтеніе. «Прослуживъ безпорочно тридцать лѣтъ, — пишетъ проситель: — и не имѣя возможности, при настоящей дороговизнѣ хлѣба и мяса»... «По непредставленію марокъ оставить безъ послѣдствій».—отвѣчаетъ ему резолюція подлежащаго начальства...

XI.

Отношеніе И. Ѳ. Горбунова къ театру и сценѣ было двоякое. Онъ былъ, въ рядѣ своихъ изслѣдованій—историкомъ русскаго театра. Онъ былъ съ 1854 года артистомъ на сценѣ импера-

http://rcin.org.pl

торскаго театра—сначала въ Москвѣ, а потомъ, съ 1855 г —въ Петербургѣ.

Роль театра въ Россіи была съ половины XVIII вѣка очень видная. Его вліяніе на наши нравы несомнѣнно, и бывали періоды, когда онъ являлся настоящею просвѣтительною, въ широкомъ смыслѣ слова, школою для общества. Не даромъ въ воспоминаніяхъ современниковъ о сороковыхъ годахъ, когда лучшіе представители и наиболѣе яркія проявленія благородныхъ сторонъ общественнаго развитія сосредоточивались преимущественно въ Москвѣ, мысль о сценѣ Малаго театра почти неразрывно сливается съ памятью о московскомъ университетѣ— и имена Грановскаго, Иноземцева и Крылова переплетаются съ именами Мочалова и Щепкина. Нельзя, быть-можетъ, сказать, чтобы русское общество было жадно на театральныя зрѣлища, но что оно всегда было воспріимчиво къ тому, что ему даетъ сцена — это едва ли подлежитъ сомнѣнію. Такая сознательная воспріимчивость, рождающая строгую оцѣнку и критику, помогла русскому театру, несмотря на его, сравнительно съ западной Европой, недавнее существованіе, стать на надлежащую, а въ нѣкоторые годы даже и на завидную высоту. Еще при Екатеринѣ II, всего черезъ сто лѣтъ послѣ проникновенія къ царскому двору представленій въ родѣ «интерлюдій» или «малой прохладной комедіи о презрядной добродѣтели и сердечной чистотѣ въ дѣйствѣ о Іосифѣ» — мы уже имѣемъ національную сцену съ прекрасными исполнителями и собственнымъ репертуаромъ. Неизмѣримая пропасть лежитъ между пониманіемъ публики, посѣщающей театръ во второй половинѣ XVIII вѣка, и наивнымъ взглядомъ посла московскаго царя къ флорентійскому двору—Лихачева, который писалъ въ 1658 году: «комидій было при насъ во Флоренскѣ три игры разныхъ», при чемъ его заинтересовало вовсе не содержаніе и исполненіе пьесы, а то, что «объявилися палаты — и бывъ палата, и вниз уйдетъ, и того было шесть перемѣнъ; да въ тѣхъ же палатахъ объявилося море, а въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди ѣздятъ, а вверху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди; и почали облака и съ людьми на нихъ опущаться, подхватя съ земли человѣка подъ руки, и опять вверхъ же пошли; да спущался съ неба на облакѣ сѣдъ человѣкъ въ коретѣ, да противъ его въ другой коретѣ прекрасная дѣвица; а аргамачки подъ коретами какъ быть живы, ногами подрягиваютъ»...

Вотъ почему исторія нашего театра достойна глубокаго и внимательнаго изученія. Это, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ значительной степени и исторія господствующихъ въ обществѣ настроеній и

http://rcin.org.pl

вкусовъ. Но изслѣдованіе ея можетъ быть производимо съ троякой точки зрѣнія. Можно направить трудъ на систематическое изложеніе введенія и упроченія театра въ Россіи, правительственныхъ мѣръ, направленныхъ къ этому и постепеннаго развитія въ театральномъ дѣлѣ частнаго почина. Это будетъ, такъ сказать, *внѣшняя исторія театра*. Можно сосредоточить изученіе на проявленіяхъ вліянія театра на народъ и на значеніи его, какъ одного изъ факторовъ развитія общественнаго самосознанія и художественнаго пониманія, изобразивъ постепенное измѣненіе репертуара и, если можно такъ выразиться, взаимодѣйствіе сцены и зрительной залы. Это будетъ *внутренняя исторія театра*. Можно, наконецъ, обратиться къ жизни и личнымъ свойствамъ представителей сценическаго искусства, къ особенностямъ ихъ дарованія, къ ихъ способамъ исполненія — и въ рядѣ живыхъ образовъ показать, *какъ* понимались и истолковывались подлежащія сценической передачѣ произведенія искусства въ разные періоды существованія у насъ театра. Это будетъ въ сущности самая трудная, но и самая интересная *критико-біографическая исторія сцены*. Нѣтъ сомнѣнія, что полная исторія русскаго театра должна заключать въ себѣ всѣ три рода изслѣдованій. Но такой исторіи, требующей громаднаго труда, знанія и личныхъ свѣдѣній, у насъ еще нѣтъ. Есть лишь рядъ чрезвычайно почтенныхъ ученыхъ изслѣдованій Тихонравова, Морозова и др., преимущественно по внѣшней исторіи театра, — есть интересные опыты изученія внутренней исторіи его. Но критико-біографическая часть разработана сравнительно гораздо меньше. Отдѣльныя воспоминанія и записки современниковъ слишкомъ отрывочны и субъективны, историческіе матеріалы для точныхъ выводовъ еще недостаточны и не всегда строго провѣрены — и въ попытки критико-біографической исторіи театра иногда вносится, быть-можетъ, невольно, значительный элементъ фантазіи. Между тѣмъ, славныя имена русской сцены — Волковъ, Плавильщиковъ, Резанцовъ, Шушеринъ и др. — заслуживаютъ серьезныхъ біографій. Горбуновъ со строгою разборчивостью и кропотливостью археолога собиралъ точныя данныя для такихъ біографій, тщательно провѣряя ихъ достовѣрность и отметая, не безъ боли, какъ онъ самъ сознавался, разныя позднѣйшія украшенія и сочувственные вымыслы. Изъ его рукъ, въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, и преимущественно въ нашихъ историческихъ журналахъ, стали выходить фрагменты цѣльной и вѣрной біографической исторіи театра. Онъ занимался этимъ дѣломъ очень усердно, и былъ очень строгъ къ себѣ, лишь послѣ долгой провѣрки выпуская

http://rcin.org.pl

въ свѣтъ свои статьи или читая ихъ въ «русскомъ литературномъ обществѣ». На ряду съ этимъ онъ собиралъ воспоминанія о русскихъ артистахъ, ихъ портреты, письма, старыя афиши, офиціальныя бумаги, до нихъ относившіяся, и т. п. *). Изъ этихъ предметовъ, изъ этихъ вещественныхъ воспоминаній о прошломъ составилось цѣнное собраніе, помѣщенное имъ въ фойе Александринскаго театра. Горбуновъ охотно отдавался воспоминаніямъ о прошломъ русской сцены, которую любилъ искренно и горячо желалъ видѣть всегда на пепзмѣнной высотѣ. Онъ благоговѣлъ предъ именами Садовскаго и Мартынова. Садовскій разбудилъ въ немъ талантъ разсказчика. Встрѣчаясь съ Горбуновымъ въ «молодой редакціи Москвитянина», онъ имѣлъ на него громадное вліяніе. Будучи самъ превосходнымъ разсказчикомъ, владѣя въ совершенствѣ даромъ говорить вызывающія неудержимый смѣхъ вещи съ самымъ серьезнымъ лицомъ, Провъ Михайловичъ далъ своими разсказами первый толчокъ вдумчивому юмору Горбунова. Послѣдній, однако, не былъ его подражателемъ, а пошелъ своею дорогою, не переставая чтить и прославлять своего «пробудителя». У Садовскаго было, повидимому (къ величайшему сожалѣнію, разсказы его не собраны, и тѣ, кто ихъ слышалъ лично, постепенно сходятъ въ могилу), больше соли, но и больше сочиненности въ томъ, что онъ передавалъ въ дружеской бесѣдѣ. Его повѣствованія о французской революціи, о Наполеонѣ на островѣ Эльбѣ, при чемъ слово Эльба передѣлывалось болѣе, чѣмъ своеобразно, и другіе разсказы были полны захватывающаго юмора. Стоитъ припомнить описаніе острова, на которомъ заточенъ великій полководецъ: «ни воды, ни земли, — одна мгла поднебесная и союзный часовой ходитъ!» Несомнѣнно, что такъ *могъ* говорить простой русскій человѣкъ, поставленный въ исключительное положеніе разсказчика историческаго эпизода и передающій его

*) Въ «Русской Старинѣ» и «Русскомъ Архивѣ» напечатано много разнообразныхъ матеріаловъ для исторіи русскаго театра и біографическихъ данныхъ о его дѣятеляхъ, доставленныхъ и приведенныхъ въ порядокъ И. Ѳ. Горбуновымъ. Таковы, напримѣръ, — статья «Александръ Евстафьевичъ Мартыновъ», составленная изъ писемъ и документовъ, относящихся къ болѣзни, смерти и погребенію знаменитаго артиста («Р. С.» 1891 г.);—«Дневникъ инспектора репертуарной части россійской труппы съ 1829 по 1839 гг. А. И. Храповицкаго» («Р. С.» 1879 г.); письма къ И. И. Сосницкому Гоголя о постановкѣ «Ревизора» въ 1846 г. («Р. С.» 1872 г.); Асенковой, Брянскаго, Линской, Мочалова, Щепкина, Рязанцева, — друзей и сослуживцевъ («Р. С.» 1880 г.); — письма, замѣтки, эпиграммы, шутки и посланія Ленскаго («Р. С.» 1880 г.);—записка П. С. Ѳедорова о театральной цензурѣ 1859 г. («Русск. Архивъ», 1896 г.).

http://rcin.org.pl

по-своему, но у Горбунова этотъ русскій человѣкъ, представленный въ условіяхъ своей обыденной жизни, проще и глубже. У Садовскаго — особенность языка, картинъ и выраженій; у Горбунова — не только это, но и особенность міросозерцанія и отношенія къ жизни. Русскій человѣкъ у Садовскаго намъ забавенъ, у Горбунова—намъ близокъ и понятенъ...

Когда въ очеркахъ Горбунова говорится о театрѣ, въ нихъ, напримѣръ, въ «Бѣлой залѣ», въ «Рыбной ловлѣ» и др., постоянно упоминается съ чувствомъ благодарнаго уваженія имя Садовскаго. «Ты знаешь ли, гдѣ скрывается талантъ у актера?» — спрашиваетъ новичка старый провинціальный актеръ, Хрисанфъ Николаевичъ, и отвѣчаетъ: «въ глазахъ? Посмотри когда-нибудь въ глаза Садовскому... А у Мочалова какіе глаза-то были! Я имѣлъ счастіе играть съ этимъ великимъ человѣкомъ въ Воронежѣ. Онъ игралъ Гамлета, а я — Гильденштерна. — «Сыграй мнѣ что-нибудь. — Я не умѣю, принцъ». Онъ уставилъ на меня глаза—все существо мое перевернулось. Лихорадка по всему тѣлу пробѣжала. Какъ кончилъ я сцену— не помню. Вышелъ за кулисы—меня не узнали!—«Ты хочешь играть на душѣ моей, а не можешь сыграть на простой дудкѣ!»—и губы стараго актера дрожатъ, а глаза наполняются слезами...

Садовскій и Мочаловъ не даромъ сливаются въ памяти Хрисанфа Николаевича. Самъ Садовскій разсказывалъ, что когда, послѣ многихъ мытарствъ, онъ поступилъ, наконецъ, въ 1839 г. на московскую сцену, дебютировавъ въ водевилѣ «Любовное зелье или пырюльникъ-стихотворецъ» — ему пришлось играть маленькую комическую роль послѣ представленія «Короля Лира». Занавѣсъ надъ умершимъ страдальцемъ-королемъ опустился, театръ гремѣлъ отъ рукоплесканій. Вполнѣ уже одѣтый, Садовскій встрѣтился за кулисами съ Лиромъ—Мочаловымъ, шедшимъ въ уборную, — и тотъ взглянулъ на него такъ, что Садовскій совершенно потерялся. Предъ нимъ стоялъ вовсе не Мочаловъ, а настоящій король, «король отъ головы до ногъ» и столько было мрачнаго огня, душевной муки и глубины въ его взорѣ, все еще какъ будто устремленномъ на Корделію, что у будущаго знаменитаго артиста почти подкосились ноги. Образъ Садовскаго сливался у Горбунова съ воспоминаніемъ о собственномъ его дебютѣ въ Москвѣ, въ 1854 году, который совершился подъ руководствомъ и съ благословенія Садовскаго, въ бенефисъ послѣдняго, при чемъ Горбуновъ игралъ роль молодого купца въ пьесѣ Владыкина «Образованность».

Образъ другого знаменитаго артиста, служителя и творца

http://rcin.org.pl

жизненной правды на сценѣ, А. Е. Мартынова, дорогой и близкій Горбунову, былъ у него, по его личнымъ заявленіямъ, неразлученъ съ воспоминаніемъ о постановкѣ на петербургской сценѣ «Грозы», Островскаго, въ которой Горбуновъ игралъ свою лучшую роль—Кудряша. Горбуновъ благоговѣйно собиралъ все, что относилось къ памяти о Мартыновѣ, и часть добытыхъ имъ матеріаловъ о послѣднихъ дняхъ жизни и кончинѣ его помѣстилъ въ «Русской Старинѣ». Тѣ, кто видѣлъ этого поистинѣ великаго русскаго артиста, не забудутъ, не въ состояніи забыть его—и не передаваемые звуки голоса молодого Кабанова надъ трупомъ жены: «это вы ее убили, маменька, вы!» конечно часто звучатъ въ ихъ ушахъ при мысли о Мартыновѣ. Тяжела была судьба этого богато одареннаго человѣка... Поступивъ, благодаря совершенной случайности, въ театральное училище въ Петербургѣ, онъ былъ предназначенъ быть «первымъ танцовщикомъ», затѣмъ готовился въ декораторы и, наконецъ, былъ выпущенъ на сцену, на комическія роли. Онъ исполнялъ ихъ мастерски. Не даромъ извѣстный итальянскій пѣвецъ Лаблашъ, самъ выдающійся комикъ, на вопросъ—чему онъ смѣется, глядя на игру Мартынова на невѣдомомъ ему русскомъ языкѣ, отвѣчалъ: «по-русски я не понимаю ни слова, но я *понимаю Мартынова*». Однако комизмъ былъ не исключительною и не главною чертою таланта Мартынова. Въ смѣхѣ русскаго человѣка почти всегда есть нота затаенной скорби. «Горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣюся»! Была эта нота и у Мартынова, и какая нота! Медленнымъ и тяжелымъ путемъ вела его судьба, заставляя смѣшить публику, смѣшить заразительно и неудержимо, въ то время, когда подъ его «видимымъ смѣхомъ» давно уже накипѣли «незримыя міру слезы». Эти слезы пробились, наконецъ, благотворною и возвышающею душу струею въ строго драматическихъ роляхъ Мартынова въ пьесѣ Чернышева: «Не въ деньгахъ счастье», и въ особенности въ «Грозѣ», Островскаго. На мѣстѣ актера, одно появленіе котораго еще недавно, въ какомъ-нибудь нелѣпомъ водевилѣ въ родѣ «Донъ Рапудо де-Калибрадосъ или что и честь, коли нечего ѣсть» (sic!), возбуждало громкій, заранѣе готовый, смѣхъ зрительной залы, внезапно выросъ человѣкъ, властно и могущественно заглядывающій въ самую глубину потрясеннаго сердца зрителей и силою своего генія дѣлающій его лучше, чище, добрѣе... Роль молодого Кабанова былъ апогеемъ славы Мартынова, она же была и его лебединой пѣснью. Въ августѣ 1860 года его не стало. Воспріимчивое общество шестидесятыхъ годовъ почувствовало свою потерю, и похороны тѣла высокаго художника

http://rcin.org.pl

привезеннаго изъ Харькова, были первообразомъ того, что̀ пришлось впослѣдствіи видѣть на похоронахъ Достоевскаго и отчасти Тургенева. «Гроза» была поставлена образцово во всѣхъ отношеніяхъ. Линская была удивительная Кабанова. Холодомъ вѣяло отъ нея. Снѣткова создала поэтическій и цѣльный образъ Катерины, а сцена свиданія Кудряша-Горбунова съ Варварою-Левкѣевой, проведенная имъ съ удивительною жизненною правдою и эстетическимъ чутьемъ, заставляла забывать, что находишься въ театрѣ, а не притаился самъ, теплою весеннею ночью, на нависшемъ надъ Волгою берегу, въ густой листвѣ, въ которой свиститъ и щелкаетъ настоящій соловей.

Горбуновъ дебютировалъ на петербургской сценѣ 16 ноября 1855 года, въ бенефисѣ Леонидова, въ пьесѣ Стаховича «Ночное», и вслѣдъ затѣмъ выступилъ публично разсказчикомъ сценъ изъ народнаго быта. Въ этой послѣдней роли являлся онъ преимущественно и всего охотнѣе во все время своей сценической службы. Здѣсь онъ былъ самимъ собою, не стѣсненный въ своемъ творчествѣ заранѣе данными рамками и задачею. Онъ вступилъ на сцену въ счастливую эпоху перерожденія театральнаго репертуара. Герои мелодрамъ и трагедій, которымъ приходилось, напримѣръ, предлагать злодѣю пить ядъ не только подъ «ножомъ Прокопа Ляпунова», но даже и «подъ анаѳемой святого царства» — уступили мѣсто представителямъ такъ-называемыхъ «фрачныхъ ролей» и тонкій художникъ, какъ В. В. Самойловъ, не былъ болѣе вынужденъ изображать чухонца и пѣть ломанымъ языкомъ якобы патріотическіе куплеты, въ родѣ: «лайба плылъ моя не пустъ, какъ я шелъ на Тавастгусъ»... Сцена приблизилась къ жизни и драматургія наша, подъ вліяніемъ Островскаго, Потѣхина, Чернышева и др., стала проще, выше и серьезнѣе. Въ бытовыхъ роляхъ комедій Островскаго Горбуновъ бывалъ нерѣдко очень хорошъ. Мы уже говорили о Кудряшѣ, въ лицѣ котораго онъ изобразилъ памятную и типическую фигуру. Не менѣе хорошъ былъ онъ въ Аѳонѣ («Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ») и въ Гришѣ («Воспитанница»). Но, вообще говоря, онъ былъ актеромъ посредственнымъ. Нѣкоторыя мелкія подробности въ гримировкѣ, въ одеждѣ — иногда бывали у него чрезвычайно удачны и поражали бытовою правдивостью, но въ общемъ его исполненіе въ комедіяхъ современнаго репертуара, написанныхъ на тему той или другой злобы дня, совсѣмъ не выдѣлялось надъ общимъ уровнемъ. И это оттого, что онъ самъ былъ вполнѣ самостоятельный художникъ, самъ творецъ, а не только истолкователь содержанія чужихъ произведеній. Его самобытная

http://rcin.org.pl

и творческая натура, чуждая условныхъ и предвзятыхъ пріемовъ и способовъ, вовсе не была склонна къ простому, хотя бы и талантливому выполненію даннаго рецепта. Поэтому, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, пришедшихся ему вполнѣ по душѣ ролей, предъ зрителемъ всегда стоялъ Иванъ Федоровичъ Горбуновъ, а не представляемое имъ, выведенное авторомъ лицо. Но такъ какъ авторъ не всегда имѣлъ въ виду изобразить именно Ивана Федоровича, то видѣвшій Горбунова на сценѣ часто и не выносилъ изъ игры его какого-либо яркаго впечатлѣнія, подобнаго выносимому изъ сценъ, передаваемыхъ имъ въ качествѣ разсказчика.

Не представляя ничего выдающагося, какъ актеръ, Горбуновъ, однако, глубоко понималъ сценическое искусство и любилъ его сознательно, тревожась за его судьбу всегда, когда оно, по его мнѣнію, уклонялось отъ своего настоящаго пути... Любилъ онъ и его представителей, съ ихъ трудными шагами вначалѣ, съ ихъ тернистымъ, несмотря на успѣхи, путемъ—позже. Въ его очеркахъ есть полныя теплаго участія картины быта провинціальныхъ актеровъ. Жизнь многихъ изъ нихъ, полная лишеній, неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, тягостныхъ отношеній съ антрепренерами, трагикомическихъ встрѣчъ съ «меценатами», разочарованій въ себѣ на ряду съ болѣзненнымъ самолюбіемъ и самообольщеніемъ, проходитъ предъ читателями этихъ очерковъ.

«Ну, Богъ тебя благословитъ,—говоритъ старый актеръ Хрисанфъ Николаевичъ молодому человѣку, начинающему свою артистическую карьеру,—можетъ, посчастливится, будешь знаменитымъ актеромъ... Да, путь нашъ узкій, милый человѣкъ, и много на немъ погибло хорошихъ людей. Мельпомена-то бываетъ безсердечна: выведетъ тебя на сцену въ плащѣ Гамлета, а сведетъ съ нея четвертымъ казакомъ въ «Скопинѣ Шуйскомъ». Старайся! Не сверпись! Вышелъ въ сцену—забудь весь міръ. Ты служишь великому искусству!»

Въ этихъ же очеркахъ встрѣчаются очевидно выстраданныя замѣчанія очевидца тѣхъ перемѣнъ во вкусахъ и настроеніи публики, которыя переживала наша сцена. Горбуновъ отмѣчаетъ, какъ лѣтописецъ, цѣлыя эпохи въ исторіи современнаго сценическаго искусства въ Россіи. Онъ описываетъ публику низшаго уровня въ смыслѣ развитія, и впечатлѣніе, произведенное на нее, когда въ половинѣ 60-хъ годовъ «съ обнаженными чреслами» показалась на сценѣ «la Belle Hélène», отчего встрепенулось и молодое поколѣніе, и старцы, «и охватила,—говоритъ Горбуновъ съ горечью—оперетка все мое любезное отечество «даже до послѣднихъ земли». Гдѣ не было

http://rcin.org.pl

театровъ, она располагалась въ сараяхъ, строила наскорѣхъ деревянные павильоны, эстрады въ садахъ и т. п. Появились опереточные антрепренеры изъ актеровъ, изъ прожившихся помѣщиковъ, изъ артельщиковъ, былъ одинъ отставной унтеръ-офицеръ, одинъ лакей и т. п. Бросились въ ея объятія достойныя лучшей участи дѣвушки, повыскакали со школьной скамьи недоучившіеся молодые люди, актеры всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ театровъ были «поверстаны» въ опереточные пѣвцы»... «Даже слава и гордость русскаго театра,—продолжаетъ онъ съ негодованіемъ:—П. М. Садовскій, уступая не духу времени, а требованію начальства, долженъ былъ напялить на себя дурацкій костюмъ аркадскаго принца». Когда, такимъ образомъ, драма была вынуждена,—по выраженію Горбунова,—«посторониться», что обошлось не безъ борьбы, на помощь опереткѣ вдругъ появился *куплетъ*. «Въ одинъ прекрасный вечеръ, выскочилъ на сцену въ черномъ фракѣ,—повѣствуетъ Горбуновъ,—куплетъ и запѣлъ:

Денегъ въ Россіи нѣтъ—смѣло
Каждый готовъ произнесть.
Нѣтъ у насъ денегъ на дѣло—
На безобразіе есть!

— Браво!—закричали поврежденные нравы и задумались.

— Правда! Чудесно!—закричалъ Назаръ Ивановичъ, поглядывая на Ивана Назарыча — расчесывай, расчесывай хорошенько!» И сталъ куплетъ расчесывать поврежденные нравы. И распространился тоже по всему лицу земли русской и засѣлъ не только въ театрѣ, но и въ клубахъ, и въ трактирахъ, даже на открытомъ воздухѣ... Почтительно отошелъ въ сторону и далъ дорогу куплету веселый водевиль, много лѣтъ царившій на сценѣ»...

XII.

Нашъ бѣглый и далеко не полный очеркъ творческой дѣятельности вполнѣ народнаго художника законченъ. Остается добавить къ нему краткія свѣдѣнія и воспоминанія о личности И. Ѳ. Горбунова.

Приходится поступить вопреки обычному правилу французскихъ авторовъ, которые ставятъ впереди «l'homme», а затѣмъ изучаютъ «l'oeuvre». Быть-можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ человѣкъ и его дѣло не сливаются между собою органически, или гдѣ извѣстныя части того, что онъ произвелъ, не могутъ быть достаточно ясно поняты и оцѣнены безъ знанія свойствъ его ума и характера, и особенныхъ условій его

http://rcin.org.pl

жизни—такой пріемъ и необходимъ, облегчая задачу изслѣдователя и трудъ читателя. Но это нужно далеко не всегда. Часто въ практической дѣятельности человѣка, въ его творческой работѣ высказываются сами собою такія свойства его личности, что существенныя и достойныя сохраненія отъ забвенія черты его духовнаго образа выступаютъ сами собою, свободныя притомъ отъ излишнихъ подробностей. Развѣ въ борьбѣ Ровинскаго съ дореформенными судебными порядками, въ его работѣ по созиданію судебныхъ уставовъ и въ его изслѣдованіяхъ въ области русскаго искусства не чувствуется его нравственный и художественный обликъ? Развѣ д-ръ Гаазъ, вопіющій въ тюремномъ комитетѣ, провожающій далеко за Москву идущія по этапу партіи арестантовъ и грозящій губернатору «ангеломъ Господнимъ», который ведетъ «свой статейный списокъ», не виденъ въ этомъ со всею своею глубоко-любящею и гнѣвною за людей душою? Такъ и Горбуновъ смотритъ изъ совокупности того, что онъ писалъ и разсказывалъ, всею своею личностью. Для внимательно перечитавшаго его разбросанныя сцены, припомнившаго его разсказы и вдумавшагося во все это, должно становится яснымъ, что и какъ чувствовалъ и думалъ Горбуновъ, т. е. раскрываться душевный складъ, составляющій главное въ личности человѣка.

Поэтому мы ограничимся немногими дальнѣйшими свѣдѣніями о Горбуновѣ. Онъ родился въ 1831 году, въ семьѣ служившаго при коппинской фабрикѣ (московской губерніи и уѣзда) двороваго человѣка помѣщицы Баташевой, Ѳедора Тимоѳеевича Горбунова. Къ отцу и къ матери сохранялъ онъ всю жизнь нѣжное уваженіе. Очень не любя переписки вообще, онъ сообщалъ имъ, однако, подробно о всѣхъ своихъ шагахъ въ Петербургѣ, въ началѣ своей артистической карьеры. Въ трудныя минуты онъ просилъ мать помолиться за него и высказывалъ увѣренность, что благодаря этому все кончится прекрасно. «Материнская молитва, — говоритъ онъ въ письмѣ отъ 22-го апрѣля 1855 г.— со дна моря вынимаетъ», и подписывается «покорнымъ сыномъ и преданнымъ другомъ». Религіозное чувство не покидало его никогда. Оно сильно привлекало его и къ проявленіямъ своего внѣшняго выраженія. Онъ зналъ «писаніе» и многія части нашего богослуженія наизусть,—любилъ читать памятники церковной письменности и въ предсмертные свои дни съ видимымъ удовольствіемъ слушалъ чтеніе «Цвѣтной Тріоди». Онъ не только любилъ простой русскій народъ, но онъ имѣлъ радость сливаться съ нимъ въ одномъ чувствѣ безыскусственной и нелицемѣрной вѣры. Учился и воспитывался онъ въ Москвѣ, въ

http://rcin.org.pl

училищѣ, учрежденномъ при Набилковской богадѣльнѣ, основаніе которой описалъ впослѣдствіи въ разсказѣ о холерномъ бунтѣ въ Замоскворѣчьѣ. Затѣмъ онъ былъ ученикомъ второй и третьей московскихъ гимназій.

Время его ученья не оставило въ немъ хорошихъ воспоминаній. «Бываютъ минуты,—говоритъ онъ въ письмахъ другу въ іюлѣ 1855 г.—когда я вспомню «лѣта моей юности, лѣта невозвратно минувшаго счастья»,—вспомню о своихъ бездарныхъ и тупоголовыхъ учителяхъ и вѣчно петрезвыхъ надзирателяхъ; вспомню своего чадолюбиваго инспектора, который, для болѣе вящшаго поощренія насъ въ наукахъ, хотѣлъ замѣнить розги какимъ-либо болѣе чувствительнымъ инструментомъ,—вспомню и покойнаго директора, который заставлялъ насъ насильно читать въ свободное время Макробіотику Гуфеланда».

Онъ вышелъ изъ шестого класса и былъ, слѣдовательно, въ смыслѣ формальнаго багажа знаній, *недоучкою*. Но недоучка этотъ проникалъ на лекціи въ университетъ, водился со студентами и, несмотря на свою крайнюю бѣдность и необходимость бѣгать по урокамъ въ Замоскворѣчьи, учился живому знанію родной исторіи и роднаго слова самостоятельно, упорно и плодотворно, удивляя впослѣдствіи разнообразіемъ своихъ свѣдѣній. Свѣжее и тонкое критическое чувство помогало ему разобраться во всей массѣ жадно прочитываемаго, а огромная память прочно забирала въ себя все недостойное забвенія. Такъ выработался изъ него человѣкъ съ достаточнымъ общимъ образованіемъ и спеціалистъ въ области русской словесности, имѣвшій опредѣленные и серьезно обоснованные литературные вкусы и взгляды.

Отсутствіе у него опредѣленнаго общественнаго положенія заставляло, однако, окружающихъ долго смотрѣть на молодого Горбунова «свысока», и ему жилось тяжко. «Помните,—пишетъ онъ въ 1856 г. въ Москву своей знакомой С. И. И., объясняя, почему считаетъ ее своимъ искреннимъ другомъ,—помните, когда меня отнесли къ числу людей *никуда негодныхъ*, когда я, не видя никакого исхода, прозябалъ въ Сыромятникахъ? Вы одни протягивали мнѣ руку и говорили со мною *по душѣ*».

Знакомство въ началѣ пятидесятыхъ годовъ «съ молодою редакціею «Москвитянина»—и, слѣдовательно, съ Островскимъ, Садовскимъ, Писемскимъ, Аполлономъ Григорьевымъ, Алмазовымъ, Эдельсономъ, Т. И. Филипповымъ и А. А. Потѣхинымъ—имѣло большое вліяніе на развитіе Горбунова. Кружокъ молодой редакціи распозналъ въ скромномъ разсказчикѣ «Утра квартальнаго надзирателя» и сценъ изъ быта фабричныхъ—настоя-

http://rcin.org.pl

щаго художника и, по выраженію Т. П. Филиппова, «усвоилъ себѣ» Горбунова. Поощряемый новыми знакомыми, послѣдній сталъ вдумчивѣе и серьезнѣе относиться къ своимъ разсказамъ и записывать ихъ. Такъ приготовилъ онъ для печати свою сцену «Просто—случай», напечатанную въ 1855 году въ сентябрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ». Въ это же время онъ сталъ «грѣшить», какъ самъ выражался, стихами. Одинъ его романсъ былъ положенъ на музыку извѣстнымъ Дюбюкомъ. Въ письмѣ къ С. П. П., отъ 18-го февраля 1855 г., онъ приводитъ свои стихи для пѣнія, «Гитара», посвященные ей. Вотъ ихъ начало:

«Говори хоть ты со мной,
Душка семиструнная!
Грудь моя полна тоской...
Ночь такая лунная...
Видишь — я въ ночной тиши
Плачу, мучусь, сѣтую!
Ты допой же, доскажи
Пѣсню недопѣтую!»

Въ началѣ 1855 года Тургеневъ, имѣвшій случай слышать въ Москвѣ разсказы Горбунова, и Писемскій, жившій въ это время въ Петербургѣ, стали усиленно звать Горбунова въ Петербургъ. Весною того же года онъ, не безъ большой тревоги о томъ, какъ устроится его жизнь, пріѣхалъ на ихъ зовъ и сталъ появляться въ обществѣ, какъ разсказчикъ сценъ изъ народнаго быта. Новизна у насъ того рода искусства, представителемъ котораго былъ Горбуновъ, и отсутствіе въ петербургскомъ обществѣ первой половины пятидесятыхъ годовъ настоящаго и живого интереса къ бытовой жизни народа, быть-можетъ, могли бы долго не давать его таланту возможности проявляться въ истинномъ свѣтѣ и продолжать развиваться далѣе. Городъ, въ которомъ, по выраженію одного нѣмецкаго писателя, «улицы постоянно мокры, а сердца постоянно сухи», могъ запугать и лишить энергіи молодого артиста въ новомъ, мало знакомомъ дотолѣ родѣ творчества. Трудно было ожидать и серьезной оцѣнки, и поддержки со стороны петербургской *эстетической* критики первой половины пятидесятыхъ годовъ, размѣнявшейся, по смерти Бѣлинскаго, на мелкую истертую монету общихъ мѣстъ и близорукихъ сужденій. Чернышевскій и Добролюбовъ еще не выступали на серьезное критическое поприще, а Валеріанъ Майковъ умеръ еще въ 1847 году. Трудно было ждать народному художнику правильной оцѣнки и со стороны эстетическаго критика, помѣщавшаго свои статьи подъ названіемъ «писемъ иногороднаго подписчика» и находившаго,

http://rcin.org.pl

что «Дневникъ лишняго человѣка» Тургенева принадлежитъ къ числу повѣстей, которыя «никогда не дочитываются до конца»... Самъ Горбуновъ вынесъ изъ ближайшихъ встрѣчъ съ нѣкоторыми представителями тогдашней печати не особенно выгодное о нихъ мнѣніе. «Съ петербургской литературой,—пишетъ онъ отцу своему—я познакомился: купцы, а не литераторы!» Не всѣ, однако, были *купцы* и среди нихъ свѣтился кроткимъ и согрѣвающимъ огонькомъ высокоразвитой князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій. Его познакомили съ Горбуновымъ, пріютившимся въ это время у драматическаго актера старой школы и прекраснаго, по общимъ отзывамъ, человѣка—Леонидова, въ старинномъ петербургскомъ домѣ Жако-Шамо, у Чернышева моста. Одоевскій, глубокій знатокъ искусства, оцѣнилъ талантъ молодого разсказчика и значеніе его сценъ изъ народнаго быта. Приглашенный на знаменитыя субботы Одоевскаго, при чемъ хозяинъ умѣлъ съ любовью и свойственной ему тихою восторженностью дать ему случай проявить свое дарованіе какъ слѣдуетъ, Горбуновъ завоевалъ себѣ симпатіи слушателей и, благодаря этому, предъ вступленіемъ на петербургскую сцену уже пользовался извѣстностью и нѣкоторою поддержкою въ обществѣ. Это придало ему, какъ видно изъ его писемъ того времени, бодрости и энергіи. Но Одоевскій пошелъ дальше. Онъ представилъ Горбунова одной изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ, посланныхъ судьбою Россіи—великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Чуткая душой, богато одаренная и глубоко образованная, сильная волей и умомъ, игравшая большую роль въ начинаніяхъ преобразовательнаго царствованія, великая княгиня любила отыскивать, приближать къ себѣ и поддерживать талантливыхъ людей во всѣхъ областяхъ знанія и дѣятельности. Одоевскій зналъ, что она оцѣнитъ дарованіе Горбунова и что ея проницательному пониманію не будутъ чужды сцены изъ быта того народа, которому—мыслью и словомъ—она служила такъ, какъ служатъ своему родному. Онъ не ошибся, и Горбуновъ пашелъ въ Еленѣ Павловнѣ не только усердную слушательницу своихъ разсказовъ, но и покровительницу, предстательство которой открыло ему врата петербургской казенной сцены,—что, въ свою очередь, помогло ему упрочиться въ Петербургѣ.

Въ этомъ Петербургѣ провелъ онъ затѣмъ сорокъ лѣтъ, сдѣлавшись однимъ изъ популярнѣйшихъ въ немъ людей. Но ни его извѣстность, ни общепризнанность его таланта, ни связи и отношенія съ самыми разнообразными общественными сферами не имѣли вліянія на его душевный складъ и на отношенія его къ людямъ. Онъ неизмѣнно оставался человѣкомъ простымъ и

http://rcin.org.pl

скромнымъ, добрымъ и неразсчетливымъ. Его жизнь вовсе не была свободна отъ терній. Онъ извѣдалъ на своемъ вѣку и клевету, и зависть, — постоянно долженъ былъ заботиться о заработкѣ, — зналъ горечь безусловной подчиненности и, подобно Садовскому, вынужденъ былъ играть Меркурія въ «Орфеѣ въ аду». Его разсказы очень часто, если можно такъ выразиться, расхищались и обезцвѣчивались неумѣлымъ исполненіемъ и произвольными, иногда пошлыми, вставками. Подъ его именемъ издавались сборники фальсификацій, въ которыхъ, употребляя выраженіе Тургенева, знаніе народнаго быта «и не ночевало».

«Иванъ Федоровичъ», иначе «Ванюша Горбуновъ» — былъ желаннымъ гостемъ повсюду. «На него» приглашали, его пребываніемъ у себя хвастались, встрѣчу съ нимъ въ гостяхъ, въ собраніи, въ дорогѣ—считали счастливымъ и завиднымъ случаемъ. И это потому, что ему всегда было радостно доставить кому-либо удовольствіе. Отсюда вытекала широкая готовность служить своимъ талантомъ, и служить щедро, безъ всякихъ ломаній и необходимости упрашиванія. Когда онъ появлялся среди гостей, преимущественно за трапезою, всѣ уже были увѣрены, что само-собою сдѣлается то, что вдругъ среди собесѣдниковъ окажется *генералъ Дитятинъ,* или Иванъ Федоровичъ, улыбнувшись перѣшительно и обведя всѣхъ глазами, начнетъ какой-нибудь изъ своихъ безподобныхъ разсказовъ. Онъ бывалъ не въ силахъ отвѣчать на общія ожиданія молчаніемъ, въ спокойной увѣренности, что его имя и извѣстность уже «сдѣланы». Его простой и ласковой душѣ претило разсчетливо и постепенно снисходить на просьбы. Какъ электрическая банка, онъ былъ всегда заряженъ живыми образами и давалъ блестящую искру при первомъ прикосновеніи. Но бывали случаи, когда онъ долженъ былъ страдать глубоко. Проспувшійся въ немъ, иногда не взирая на обстановку, глубокій артистъ и художникъ болѣлъ душою отъ окружающаго непониманія. Очень часто гостепріимные и любезные собесѣдники, въ отдѣланной «въ стилѣ» столовой, или въ пзящномъ салонѣ, восхищались лишь тѣмъ, *какъ* онъ разсказывалъ, не проникая въ то, *что* онъ разсказывалъ, или, уловивъ одну внѣшнюю сторону, ложно истолковывали смыслъ и значеніе слышанной сцены. Годами установившіяся отношенія, нежеланіе «огорчить», добродушіе и терпимость, переходившія въ значительной мѣрѣ въ слабость характера, дѣлали то, что у Горбунова не хватало силы ограничить кругъ своихъ слушателей лишь тѣми, кто его дѣйствительно понималъ, и понималъ притомъ правильно. Съ другой стороны, его художественная

http://rcin.org.pl

натура пріобрѣла потребность высказываться, дѣлиться своимъ богатствомъ и, мечтая о *пониманіи*, часто довольствоваться однимъ лишь общимъ *вниманіемъ* окружающихъ. Французская поговорка: «qui a bu—boira» примѣнима не къ однимъ любителямъ хмеля. Для артиста, для художника становится необходимымъ то, что итальянцы выражаютъ словомъ «ambiente», которое обозначаетъ одновременно и привычную среду, и условія, и обстановку. Нуждался въ этомъ «ambiente», хотя бы и неполномъ и неудовлетворяющемъ его самолюбіе художника, и Горбуновъ. Этимъ злоупотребляли часто, и такъ какъ по чрезвычайной своей скромности онъ не умѣлъ «импонировать» и дать, гдѣ нужно, почувствовать свою цѣну, то въ нѣкоторыхъ кружкахъ, преимущественно въ такъ-называемомъ «свѣтѣ», сложился тотъ взглядъ на него, о которомъ мы говорили въ началѣ нашего очерка.

«Забавникъ» всегда разсказывалъ прекрасно, но когда среди смѣха и рукоплесканій, въ концѣ обѣда или ужина, приведенные въ веселое настроеніе гости забрасывали генерала Дитятина нелѣпыми вопросами, или приставали къ Ивану Федоровичу съ просьбами о такихъ разсказахъ, въ которыхъ игривая форма преобладала надъ содержаніемъ, или самое содержаніе было нецензурно, его глаза смотрѣли грустно и на губахъ появлялась мимолетная горькая складка. Быть-можетъ, въ шумномъ одобреніи окружающихъ ему слышалось въ эти минуты безжалостное «смѣйся, паяцъ!» итальянскаго композитора... Намъ передавали, что разъ, послѣ одного изъ такихъ ужиновъ, гдѣ разсказанныя по настойчивой просьбѣ присутствующихъ сцены особаго рода, построенныя на воспоминаніяхъ молодого «кипѣнья крови и силъ избытка», были приняты гораздо болѣе восторженно, чѣмъ глубокія сцены изъ народнаго быта,—Горбуновъ, возвращаясь поздно ночью на извозчикѣ, сталъ съ горечью говорить своему молодому спутнику о замѣченномъ имъ оттѣнкѣ въ одобреніяхъ. Въ его голосѣ слышалась скорбь обиды за себя и за искусство, и вдругъ, круто перемѣнивъ тему разговора, взволнованный и разгорячennый, онъ съ умиленіемъ сталъ говорить о русской литературѣ и ея лучшихъ представителяхъ, и о томъ, что «*они* не умрутъ». Извѣстенъ, впрочемъ, случай, гдѣ не зная, какъ отдѣлаться отъ назойливыхъ приглашеній свѣтской дамы, желавшей непремѣнно «видѣть своимъ гостемъ Ивана Федоровича», онъ пріѣхалъ, былъ чрезвычайно «корректенъ» въ своемъ бѣломъ галстукѣ и фракѣ и, проскучавъ ужасно весь вечеръ, уѣхалъ, не разсказавъ ничего...

Если свѣтскій и бюрократическій Петербургъ не щадилъ под-

http://rcin.org.pl

часъ души художника, то хлѣбосольная Москва, гдѣ онъ всегда бывалъ желаннымъ гостемъ, не щадила и его здоровья, выражая свою симпатію къ нему непрерывными пирами и неотступными угощеніями, вредно вліявшими на него и, въ виду его слабаго характера, создававшими поводы къ преувеличенному представленію о его привычкахъ и наклонностяхъ. Но Москву любилъ онъ нѣжно, и въ ней ему дышалось легче, чѣмъ въ Петербургѣ. Всѣ лучшія воспоминанія молодости и первыхъ опытовъ творчества влекли его къ ней. Каждый годъ онъ непремѣнно бывалъ въ Москвѣ великимъ постомъ и оставался до Ѳоминой недѣли. Когда наступала пасхальная заутреня и надъ чутко затихшимъ городомъ, съ ярко освѣщенными, безчисленными церквами, раздавались первые могучіе удары колокола Ивана Великаго, когда торжественно настроенная толпа на Кремлевской площади зажигала свѣчи, а въ дверяхъ старинныхъ соборовъ показывались хоругви крестныхъ ходовъ,—Горбуновъ уже былъ тутъ, внимательно вглядывающійся и вслушивающійся во всѣ проявленія народнаго настроенія на великомъ праздникѣ. Его плѣнялъ московскій говоръ, московская старина. «Здѣсь вѣдь каждый камень говоритъ»,—пояснялъ онъ. Онъ зналъ исторію московскихъ улицъ и урочищъ, изучилъ своеобразные обычаи Замоскворѣчья старыхъ лѣтъ, повѣрья и привычки московскаго простонародья. Ему были знакомы московскія «заведенія» со всѣми особенностями не только ихъ кухни, но и ихъ привычныхъ посѣтителей. Онъ изучилъ на практикѣ, что такое «воронины блины»,—сошедшіе нынѣ со сцены «пироги подъ скрипкою» на Тверской и—знаменитая когда-то, незамѣнимая столовая въ «Сундучномъ ряду». Коренной москвичъ просыпался въ немъ, снисходительный къ недостаткамъ Бѣлокаменной, цѣнитель ея скрытыхъ достоинствъ, ревнивый поклонникъ ея старины, восторженный почитатель незабвеннаго прошлаго московскаго театра и московскаго университета, предъ которымъ этотъ «недоучка» преклонялся. Недаромъ, познакомясь въ Петербургѣ съ молодымъ студентомъ и полюбивъ его, Горбуновъ принесъ ему въ подарокъ портретъ Грановскаго и горячо просилъ беречь его. Новое, выхваченное изъ нѣдръ Москвы, выраженіе или просто отдѣльное словечко внушали ему, бывало, дѣтскую радость. Однажды, попавъ случайно, при посѣщеніи пріѣзжаго пріятеля, въ незнакомое московское семейство, онъ, обреченный судьбою слышать обыкновенно правильную, но безцвѣтную русскую рѣчь петербургскихъ образованныхъ дамъ и дѣвицъ, былъ такъ восхищенъ оригинальными, живыми оборотами разговора молодой москвички, выросшей среди традицій стараго москов-

http://rcin.org.pl

скаго дома, что остался, разговорившись съ нею и прислушиваясь къ ея умной, чисто-русской, колоритной и образной рѣчи, цѣлый вечеръ, далеко за полночь, заставивъ напрасно поджидать себя въ другихъ мѣстахъ. «Вѣдь какъ она меня за сердце застегнула! какъ застегнула!»—говорилъ онъ на другой день пріятелю, восхищаясь языкомъ своей мимолетной знакомой.

Нѣжный, заботливый семьянинъ, нетребовательный къ жизни, умѣвшій понимать чужое горе, расточительно щедрый, когда у него были деньги, Горбуновъ былъ чуждъ эгоистической замкнутости или упалаго настроенія духа. Онъ слишкомъ любилъ для этого людей вообще. Въ личныхъ отношеніяхъ онъ былъ всегда готовъ на услугу, постоянно привѣтливъ и весело шутливъ. Не любя оставаться безъ занятія, онъ въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ или серьезныхъ собраніяхъ, прислушиваясь къ происходящему, излагалъ свои, подчасъ скептическіе выводы въ письменныхъ подражаніяхъ (иногда на старинномъ языкѣ), неожиданныхъ стихотворныхъ пародіяхъ, или въ другихъ шуткахъ... «Же доръ, тю доръ, иль доръ и т. д.»,—написалъ онъ однажды на клочкѣ бумаги, отвѣчая на вопросительный взглядъ сосѣда въ концѣ чтенія ученаго изслѣдованія, которое не отличалось ни ясностью, ни живостью. «Сидящоу же честнѣму сноду и сладцѣ дремлюще внимающе гласоу ярости исходящоу изъ оусть и т. д.»,—изобразилъ онъ полууставомъ, съ украшенной завитками первой буквою, сидя въ одномъ изъ ученыхъ сборищъ. Какъ истинный русскій человѣкъ, онъ любилъ шутить и надъ самимъ собою и разсказывать разныя недоразумѣнія, случавшіяся съ нимъ, конечно, вслѣдствіе необыкновенной простоты, съ которою онъ себя держалъ. Не разъ вспоминалъ онъ, какъ однажды, на охотѣ съ Некрасовымъ и его друзьями, они расположились закусывать; онъ пошелъ открывать консервы, и когда проголодавшійся и нетерпѣливый Некрасовъ крикнулъ ему: «ну, Ванюша, поскорѣе!», то одинъ изъ загонщиковъ, видя это простое русское лицо, подбѣжалъ къ нему и тономъ приказанія сказалъ: «слышь, Ванька,—поживѣе, вишь господа требуютъ!» Разсказывая о первыхъ своихъ артистическихъ шагахъ въ Москвѣ, онъ передавалъ, съ необыкновенной образностью и живостью, свое первое свиданіе съ всевластнымъ въ Москвѣ графомъ Закревскимъ, который зачѣмъ-то его потребовалъ. Молодого человѣка провели во «внутреннія покои» генералъ-губернаторскаго дома, гдѣ камердинеръ, чистившій въ уборной комнатѣ, черезъ которую пришлось проходить, графскіе рейтузы, посмотрѣлъ на него съ внушительнымъ презрѣніемъ. Закревскій обошелся съ нимъ привѣтливо, проводилъ его до дверей кабинета

http://rcin.org.pl

и, въ знакъ особой ласки, приложилъ свою гладко-выбритую щеку къ его щекѣ, произведя на воздухъ звукъ поцѣлуя. Камердинеръ это видѣлъ и, когда юноша Горбуновъ проходилъ мимо, подскочилъ къ нему, захлебываясь отъ умиленія, произнесъ: «графъ васъ полюбили!!»—и чмокнулъ его въ плечо.

Живой юморъ не покидалъ Горбунова и тогда, когда онъ повѣствовалъ о своихъ невзгодахъ. Описывая, напримѣръ, свою артистическую круговую поѣздку съ извѣстнымъ пѣвцомъ М., онъ помѣщаетъ, въ качествѣ эпиграфа къ письму, выписки изъ краткихъ описаній Воронежа по географіямъ Гейма, Арсеньева, Ободовскаго и др., и отрывки якобы изъ частныхъ писемъ—гимназиста и актера: «мамаша, если вы, не возьмете меня изъ воронежской гимназіи—я удавлюсь!..» и—«сборовъ никакихъ! На «Штички нѣвчія» было 18 рублей. Я такого подлаго города еще и не видывалъ...» «То-есть я вамъ доложу!—пишетъ Горбуновъ далѣе извѣстной петербургской артисткѣ—такъ намаяться, какъ мы съ М. намаялись,—не дай Богъ никому! Прислушайте, голубка... Въ оба эти спектакля термометръ показывалъ 4°. Выходя на сцену, я физически находился въ такомъ же положеніи, въ какомъ каждогодно на масляницѣ пребываютъ балконные комики. Въ Казани, 22 мая, Господь Богъ послалъ снѣжку съ сѣвернымъ вѣткомъ и чуть-чуть не заставилъ насъ отказать концертъ. Мы поспѣшили въ Саратовъ, думая тамъ укрѣпиться. Погода благопріятствовала: было жарко, даже душно. По выходѣ въ свѣтъ нашей афиши, народъ тронулся за билетами. *Баба* шла на М-ова, а *дворянство* и *купечество* на Горбунова... Нужно вамъ сказать, что концертъ нашъ давался на Волгѣ, въ лѣтнемъ помѣщеніи дворянскаго собранія. Начала собираться публика, начали собираться и тучи. «Я помню чудесное мгновенье...»—началъ нѣжно М..., а на Волгѣ заоралъ американскій пароходъ... «Передо мной явилась ты...», а подъ окошкомъ завизжала собака... «Проходимъ мы это съ приказчикомъ съ Иваномъ Ѳедоровымъ...—началъ Горбуновъ:—грянулъ ливень, засвистали пароходы, забѣгали по террасѣ гуляющіе. Такъ вся наша обѣдня... Пріѣхали въ Тамбовъ—тамъ лошадиная ярмарка и лошадиные вкусы. У всякаго въ рукахъ кнутовище, говорятъ только о лошадяхъ и посѣщаютъ только циркъ. Что намъ здѣсь Богъ пошлетъ,—ужъ и не знаю...»

Въ интереснѣйшихъ личныхъ воспоминаніяхъ о былыхъ литературныхъ и сценическихъ дѣятеляхъ, и въ особенности въ воспоминаніяхъ о Писемскомъ, Горбуновъ былъ неистощимъ. Оригинальная, чрезвычайно талантливая, «неладно скроенная, но плотно сшитая» личность извѣстнаго писателя, какъ живая

http://rcin.org.pl

вставала предъ слушателями и въ обстановкѣ частной жизни, и на литературныхъ чтеніяхъ, и въ визитахъ исключительнаго свойства. Въ послѣднемъ отношеніи воспоминанія Горбунова о поѣздкѣ съ Писемскимъ, отличавшимся чрезвычайною трусостью, на корабль генералъ-адмирала, лѣтомъ 1855 года, въ виду непріятельской эскадры, стоявшей передъ Кронштадтомъ, имѣли глубоко-комическій, несмотря на свою правдивость, характеръ. Около этого же времени Писемскій, писавшій тогда такую замѣчательную вещь, какъ «Тысяча душъ», угрюмо сказалъ Горбунову о начинающемъ «великомъ писателѣ земли русской» по поводу «Севастопольскихъ разсказовъ», отрывки изъ которыхъ онъ только-что прослушалъ:—«этотъ офицеришко всѣхъ насъ заклюетъ! хоть бросай перо»...

До конца жизни любилъ Горбуновъ молодежь. Онъ возлагалъ на нее большія надежды, не смущаясь временными и преходящими явленіями. Ему доставляло удовольствіе приходить бесѣдовать съ молодыми людьми, знакомить ихъ съ русскою жизнью, съ ея реальными условіями, чаяніями и невзгодами, и рисовать предъ ними поучительныя картины прошлаго. «Насъ, батюшка,— говаривалъ онъ:—чаще спрашивайте, все разскажемъ, ничего не утаимъ»...

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ здоровье Горбунова сильно и замѣтно пошатнулось. Его чаще стали видѣть задумчивымъ и иногда даже раздражительнымъ. Упорный діабетъ подтачивалъ его крѣпкій и выносливый организмъ. Онъ сталъ разсѣяннымъ и, упорно отрицая свою болѣзнь, какъ будто внутренно «махнулъ рукою» на будущее, не желая серьезно лѣчиться. Но одинъ разъ въ году, 14 сентября, празднуя день своихъ именинъ и собирая къ себѣ—по давно заведенному обычаю—на кулебяку друзей и добрыхъ знакомыхъ, онъ оживлялся по-старому, разсылая свои приглашенія на старинномъ языкѣ разныхъ эпохъ и подпося гостямъ остроумное меню строго обдуманной трапезы. «Худородный рабъ твоего благородія, зовомый Иванецъ, Ѳедоровъ сынъ, Тимоѳеевича,—пишетъ онъ въ одномъ изъ такихъ приглашеній:—много челомъ бьетъ и извѣствуетъ, что онъ, Иванецъ, въ Воздвиженье честнаго и животворящаго креста Господня приключился быть именинникъ. И тебѣ бы, государю, меня, Иванца, пожаловать—моего хлѣба соли прикушать и впредь меня, Иванца, въ своей милости держать до скончанія моего живота, а я тебѣ, государю, рабъ и служебникъ съ женишкою своею и съ дѣтишками. А будутъ къ ѣствѣ сослужебникъ твоего благородія, да царскія казны обсрегатель (да не имутъ царское)... А ѣства будетъ московская

http://rcin.org.pl

и иныхъ городовъ, и съ Дону, и отъ рѣки великія». — «Высокородный господинъ,—пишется въ другомъ приглашеніи:—случился я, нижайшій, 14 сентября, въ часъ пополудни, имянинникъ и соберутся ко мнѣ, нижайшему, нѣкоторые гости, и будетъ трактаментъ пирогомъ съ грибами и разною конфетюрою и Вашему Высокородству, меня, худороднаго и худоумнаго, пожаловать не презрить моей хлѣбъ-соли, а я нижайшій и т. д.». На изящномъ меню, нарисованномъ покойнымъ Богдановымъ къ 14 сентября 1891 года, значились, между прочимъ: ветчина московская, городская—*жамбонъ*,—марсала *на манеръ настоящей*, телятина—*лево*,—лафитъ *серпуховской*, высокій, *тревье* и т. д.

Съ утра въ радостномъ и приподнятомъ настроеніи, съ довольною улыбкой на устахъ, цѣлуясь троекратно со своими посѣтителями, Горбуновъ сердечно наслаждался тѣмъ, что у него собрались люди, которыхъ онъ любилъ и въ искренность которыхъ онъ вѣрилъ, а быть-можетъ, и тѣмъ, что, тоже любя и цѣня его, никто изъ нихъ не смотритъ на него съ нетерпѣливымъ любопытствомъ и не ждетъ отъ него какого-нибудь, якобы увеселительнаго, разсказа...

Въ 1894 году онъ отпраздновалъ этотъ день въ послѣдній разъ. Здоровье окончательно подломилось весною 1895 г., а къ зимѣ на организмъ, уже подточенный разрушительнымъ недугомъ, налетѣло воспаленіе легкихъ, и 24 декабря Ивана Ѳедоровича не стало. Онъ встрѣтилъ смерть спокойно и съ вѣрою— и скончался безъ особыхъ страданій. Русское общество лишилось рѣдкаго художника, въ трудѣ котораго сочувствіе къ народу и знаніе народа переплеталось неразрывно. Тѣ, кто лично узналъ его и умѣлъ его понимать, потеряли еще больше. Они могли по мѣсяцамъ и болѣе не видѣть Горбунова, но имъ было отрадно сознавать, что онъ *есть*, что существуетъ еще среди нихъ этотъ милый и живой изобразитель народнаго юмора и представитель, въ своеобразной формѣ, раздумья надъ русскою жизнью. Теперь это сознаніе исчезло... Но память о Горбуновѣ живетъ въ душѣ его знавшихъ. Ей не слѣдуетъ изгладиться и на страницахъ исторіи русскаго искусства и литературы.

Если намъ удалось немного оживить эту память и хотя бы самыми слабыми и несовершенными штрихами дать выглянуть изъ-подъ коры поверхностныхъ сужденій и предвзятыхъ взглядовъ образу *настоящаго* Горбунова—наша цѣль достигнута.

А. Ѳ. Кони.

1898 г.

http://rcin.org.pl

Памяти И. Ѳ. Горбунова.

(28 декабря 1895 г.).

Скорбная вѣсть о кончинѣ И. Ѳ. Горбунова пронесется по всей Россіи до отдаленнѣйшихъ ея концовъ, и вызоветъ всюду искреннюю печаль объ утратѣ высокаго художника родного слова и неподражаемаго живописца быта и нравовъ всѣхъ слоевъ русскаго народа. Не будетъ, безъ сомнѣнія, недостатка въ сочувственныхъ отзывахъ какъ о его общественной дѣятельности, такъ и о рѣдкихъ свойствахъ его души, чему начало уже положено въ петербургскихъ современныхъ изданіяхъ; какъ дань общей заслуженной признательности, принесутся ему согласныя и достойныя его заслугъ хвалы; могутъ быть изысканы, предложены и приняты различныя мѣры къ увѣковѣченію его памяти. На этомъ можно было бы, пожалуй, мнѣ и успокоиться и незамѣтно присоединиться къ многочисленному хору сочувственныхъ голосовъ.

Но мои особенныя отношенія къ почившему не дозволяютъ мнѣ молча проводить его въ могилу и повелительно требуютъ слова. Какъ свидѣтель всего пройденнаго имъ пути, какъ послѣдній за его смертью членъ того литературнаго кружка «молодого Москвитянина», въ которомъ онъ получилъ свое художественное воспитаніе, я погрѣшилъ бы и противъ его братской ко мнѣ дружбы, и противъ его близкихъ, и почитателей, если бы въ минуту земной съ нимъ разлуки остался безмолвнымъ и не послалъ бы ему прощальнаго привѣта.

Мы познакомились съ И. Ѳ. въ 1853 году, въ Москвѣ у А. Н. Островскаго, который жилъ тогда у Николы въ Воробинѣ; его простота, любезный открытый нравъ, замѣчательная скромность съ перваго раза привлекли меня къ новому знакомому, а выслушанный мною разсказъ «Утро квартальнаго надзирателя» далъ мнѣ понять, что я вижу предъ собою истиннаго художника, брильянтъ чистой воды.

Съ той поры И. Ѳ. усвоенъ былъ кружкомъ «молодого Москвитянина» и, по распаденіи кружка, оставался со всѣми бывшими членами въ неизмѣнныхъ дружескихъ отношеніяхъ.

http://rcin.org.pl

А. Н. Островскій и П. М. Садовскій въ той области искусства, въ которой собирался дѣйствовать И. Ѳ., были два гиганта недосягаемой высоты и несокрушимой силы: ихъ постоянному наблюденію и вліянію И. Ѳ. былъ обязанъ тѣмъ тонкимъ чувствомъ мѣры, которымъ отличаются его разсказы, и полной свободой отъ того, что французы зовутъ charge и что обыкновенно соблазняетъ начинающихъ художниковъ легкостію дешеваго успѣха. Разумѣется, ничье вниманіе не оградило бы И. Ѳ. отъ этого слишкомъ распространеннаго порока, если бы въ собственной природѣ его дарованія не было залоговъ строгой художественной трезвости. Но едва ли можно поручиться, что онъ хотя бы на время не впалъ бы въ этотъ грѣхъ, если бы, вмѣсто Островскаго и Садовскаго, онъ на первыхъ порахъ своей дѣятельности попалъ подъ руководство, напримѣръ, Самойлова. Общеніе и съ другими членами «молодого Москвитянина» не осталось безъ пользы для развитія въ И. Ѳ. литературнаго вкуса и силы его природнаго юмора: Е. П. Эдельсонъ и Б. Н. Алмазовъ должны быть упомянуты здѣсь на первомъ мѣстѣ.

Въ 1853 году у И. Ѳ., кромѣ «Утра квартальнаго надзирателя», разсказа превосходнаго, но немного грубоватаго, было нѣсколько маленькихъ разсказовъ изъ быта московскихъ, фабричныхъ, тонко отдѣланныхъ и чрезвычайно забавныхъ, по сравнительно съ позднѣйшими плодами его творчества незначительныхъ.

Между произведеніями его зрѣлой поры внимательный взоръ можетъ отмѣтить не мало такихъ, которымъ, сверхъ ихъ художественнаго совершенства, нельзя отказать и въ важномъ общественномъ значеніи. Напримѣръ, когда бѣднягу портного изъ Гусева переулка взяли въ участокъ за его невинное намѣреніе летѣть съ нѣмцемъ въ воздушномъ шарѣ и когда изъ народа раздается голосъ: «и какъ это возможно безъ начальства летѣть?» мысль не останавливается на забавномъ смыслѣ этого частнаго случая, но простирается далѣе его, къ болѣе важнымъ общественнымъ явленіямъ.

Разсказъ о засѣданіи «Общества прикосновенія къ чужой собственности», вмѣстѣ съ взрывомъ неудержимаго хохота, вызываетъ (увы! вызывалъ) и взрывъ негодованія и унынія своимъ сходствомъ съ дѣйствительными нравами нашихъ общественныхъ дѣятелей, которые нимало не стѣсняются тѣмъ, что «грабить не приказано».

Разсказъ «о кражѣ брюкъ» есть правдивое и живое изображеніе изнанки быта судебныхъ учрежденій, вызывающее объ исправленіи зла.

Въ числѣ разсказовъ И. Ѳ. есть и такіе, въ которыхъ сквозь

http://rcin.org.pl

комическую оболочку проступаетъ замѣтная поэтическая жилка и живое чувство природы и подъ которыми не усомнился бы подписать свое имя первоклассный художникъ, таковы: Лѣсъ. Безотвѣтный.

И. Ѳ. зналъ въ совершенствѣ языкъ древне-русскій и могъ поддѣлываться подъ него съ неподражаемымъ искусствомъ. Составленное имъ описаніе поѣздки древняго русскаго боярина въ Эмсъ ввело даже опытныхъ археологовъ въ крайнее недоумѣніе. Думая, что это подлинный статейный списокъ XVII ст., ученый П. И. Савваитовъ долго не могъ придти въ себя отъ удивленія, вообразивъ, что рулетка существовала уже въ XVII вѣкѣ.

Равнымъ образомъ И. Ѳ. былъ знакомъ и съ языкомъ церковно-славянскимъ и могъ писать на немъ свободно шутливыя привѣтственныя слова и поздравленія по разнымъ случаямъ. Такая переписка происходила неоднократно и между нами.

Многія части нашего богослуженія онъ зналъ наизусть и не могъ насытиться дивною красотою и великолѣпіемъ священныхъ твореній боговдохновеннаго греческаго генія, переданныхъ въ чудотворномъ церковно-славянскомъ переводѣ. Въ свои предсмертные дни онъ съ наслажденіемъ слушалъ чтеніе «Цвѣтной Тріоди».

Языкъ русской пѣсни и ея напѣвы были ему знакомы, какъ рѣдко кому.

Наконецъ, начитанность его въ нашей новой литературѣ была поразительна; и нельзя надивиться количеству стихотвореній нашихъ великихъ, среднихъ и даже малыхъ поэтовъ, которое удерживалось въ его изумительной памяти.

Этими бѣглыми, наскоро набросанными, замѣтками о тѣхъ составныхъ частяхъ, изъ которыхъ сложилось умственное и художественное образованіе И. Ѳ., я долженъ пока на этотъ разъ ограничиться; думаю, впрочемъ, что и въ нихъ достаточно ясно опредѣляются основныя черты его внутренняго образа и его отношеній къ тому, что составляетъ душу нашего народа: къ его вѣрѣ, языку, пѣснѣ и вообще его словесному творчеству. Въ силу сихъ отношеній ему по праву принадлежитъ имя народнаго русскаго художника.

Благословеніями провожая его въ неизбѣжный всѣмъ намъ таинственный путь, мы смѣемъ выразить упованіе, что дѣтское незлобіе его свѣтлой души, которое привлекало къ нему общую любовь здѣсь, и тамъ исходатайствуетъ ему милость прощенія, въ которой одной онъ и имѣетъ теперь нужду.

Т. И. Филипповъ.

http://rcin.org.pl

СЦЕНЫ ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

ГРОМОМЪ УБИЛО.

ДЕРЕВЕНСКІЯ СЦЕНЫ.

— Что тутъ за случай у васъ?

— Бѣда!.. теперь и не раздѣлаешься!.. Теперича... Ксѣевна, всѣ помремъ!

— Я ни въ чемъ не причиненъ: мы только идемъ, а онъ лежитъ...

— Гдѣ?

— У самаго оврага. Растопырилъ глаза, да и лежитъ. Вотъ грѣхи-то! Вотъ грѣхи-то наши тяжкіе.

— Я такъ полагалъ, что онъ грѣется на солнышкѣ; думаю: пущай грѣется...

— Вотъ погоди—становой пріѣдетъ.

— Что-жъ становой?.. Становой ничего.

— Становой-то ничего?!

— Всѣ помремъ.

— Батюшки!.. Господи!

— Бабы, смирно! Такой теперича случай, можетъ вся деревня отвѣчать будетъ, а вы визжите...

— Иванъ Микитичъ! можетъ грѣшная душа въ рай попасть? Ежели она оченно грѣшная.

— Поди, у попа спроси...

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи...

— Поди, проспись прежде..

— Мужички почтенные! Становой ежели пріѣдетъ — мы ничего не знаемъ. Петрухино это дѣло — онъ и отвѣчать долженъ.

— А теперича какое же ему разрѣшеніе?

— Кому?

— А Петрухѣ-то?

— Связать его теперича.

— За что?

— Какъ міръ... мнѣ все одно. По мнѣ хоть бѣгп...

http://rcin.org.pl

— Я до него не касался: громомъ его убило.

— Громомъ?

— Громомъ, батюшка, громомъ!..

— Молоньей! Разъ—и готово!

— Вотъ ежели громомъ, въ такомъ случаѣ ничего, а я полагалъ—драка промежду васъ была.

— Какая, братецъ, драка! Промежду насъ окромя, что бывало онъ мнѣ стаканчикъ поднесетъ, а то я ему...

— А мы, вишь ты, ловили рыбу. Онъ и подошелъ къ намъ. Посидѣлъ, посидѣлъ. Словно бы, говоритъ, мнѣ скучно. Третій день сердце чешется, да и отшелъ отъ насъ. Сидимъ мы подъ ивой—вѣтерочекъ задулъ, такъ махонькой... вѣтерочекъ, да вѣтерочекъ. Смотримъ—по небу и ползетъ туча... отъ самаго отъ Борканова. Такъ и забираетъ, такъ и забираетъ... Страсть! Подошла къ рѣкѣ-то... Какъ завылъ это вѣтеръ, какъ засвистѣли ивы, словно бы ночь темная стала. Сотворили мы молитву, да и сидимъ. И сейчасъ—разъ! громъ, да опосля того—молонья. И пошла, братецъ, и пошла... Индо сердце захолодѣло.

— И такой дождикъ полилъ... Свѣту Божьяго не видать. Съ полчаса или побольше мы сидѣли... Тише, тише.. солнышко показалось и заметалась наша рыба, не успѣваемъ червей надѣвать... Головли такъ и сигаютъ... Во какіе... Два ведра полныхъ наловили. Сажать некуда было. Идемъ мимо оврагу-то, а онъ на самомъ бугрѣ и лежитъ, руки такъ-то раскинулъ и лежитъ. Смотри-ко... опосля дождя себя разогрѣвастъ. Подошли, а онъ ничуть. Ну, мы сейчасъ бѣжать.

— Нашелъ себѣ мѣсто, батюшка, жизнь-то наша!

— А что его потрошить будутъ?

— Само собой: не по закону померъ—потрошить.

— А я однова замерзалъ.

— Пьяный?

— Было маленько, только не то чтобы оченно. Спервоначалу все спать хотѣлось, и такъ мнѣ тепло стало. И вижу во снѣ, словно бы я въ трактирѣ въ какомъ, и народъ все чай пьетъ и пѣсни поетъ. А ужъ меня въ тѣ поры снѣгомъ оттирали.

— Становой! Становой!

— Петрушка! голубчикъ, не погуби! Все на себя прими!

— Ваше благородіе! Петруньки это дѣло, мы ни въ чемъ непричинны...

http://rcin.org.pl

ЛѢСЪ.

СЦЕНЫ ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

(Ночь. Луговина въ лѣсу. По серединѣ разложенъ костеръ).

ЯВЛЕНІЕ I.

АНТОНЪ и СЕМЕНЪ сидятъ у костра; ПРОХОРЪ поодаль лежитъ на армякѣ.

Антонъ *(подкидывая хворостъ)*. Ночь-то какая... Тихо!..

Семенъ. Тихо!..

Прохоръ *(зѣвая)*. Время чудесное... *(Молчаніе)*. Эко, братцы, это лѣсъ!.. Чего въ ёмъ нѣту: и трава всякая, и птица разная...

Антонъ. Божье произволенье!..

Семенъ. И кладъ, ежели когда попадается,—все въ лѣсу... Что за причина, братцы: тетка Арина девять зорь ходила за кладомъ. Станетъ копать—все уходитъ, пойдетъ домой—опять покажется. Такъ и не дался.

Прохоръ. Брать, значитъ, не умѣла. Безъ разуму тоже не возьмешь.

Семенъ. Я бы сейчасъ ухватилъ!

Прохоръ. Ухватилъ одинъ такой-то!.. Я тоже однова ходилъ, ходилъ...

Антонъ. Може, его и не клали...

Прохоръ. Кладъ былъ... это вѣрно.

Семенъ. Что-жъ, братецъ мой, во снѣ тебѣ это привидѣлось, али какъ? Тетка Арина сказывала, вишь, ей старецъ во снѣ объявился: хочу, говоритъ, я, раба Божья, счастье твое тебѣ сдѣлать; ступай ты, говоритъ, на зорѣ къ Ѳедькину дубу, только ты иди, а назадъ чтобы не оглядывайся. Придешь ты, говоритъ, къ Ѳедькину дубу, оборотись ли-

http://rcin.org.pl

цомъ къ зеленому лугу, отойди девять шаговъ и копай тутъ...

Прохоръ. Нѣтъ, мнѣ бѣглый солдатъ означилъ... по его рѣчамъ я искалъ.

Антонъ. Поймалъ ты, значитъ, его, солдата-то?

Прохоръ. Поймалъ.

Семенъ. Какой смѣлый!..

Прохоръ. Чего робѣть-то?

Семенъ. Какъ чего, братецъ мой, убьетъ!

Прохоръ. Ничего. На войнѣ ежели—вѣстимо убьютъ; а въ лѣсу онъ ничего, потому отощаетъ. Въ лѣсу что онъ ѣстъ? Ѣсть ему нечего... Ягода... Ягодой, али корешкомъ какимъ ни на есть сытъ не будешь. Ну, и отощалъ человѣкъ,—силу, значитъ, забрать не можетъ. Опять же и ружья этого при ёмъ нѣту.

Антонъ. А ты въ лѣсу его захватилъ?

Прохоръ. Въ лѣсу; опричь лѣсу ему жить негдѣ. Шолъ я тогда на покосъ, только-что солнышко встало: смотрю, голова, а онъ сидитъ это, муницію свою заправляетъ. Подошелъ я къ ему. Увидалъ это онъ меня—ровно бы вотъ листъ затрясся.—Какой ты такой есть человѣкъ? говорю.—Ступай, говоритъ, дядюшка, своей дорогой, коли худа себѣ не хочешь.—Зачѣмъ, говорю,—идти мнѣ некуда: я здѣшній.—Ничего ты, говоритъ, сдѣлать мнѣ не можешь, потому, говоритъ, я служу Богу и великому государю.—Мнѣ, говорю, твоя душа не нужна, а что собственно къ начальству я тебя предоставлю.—Испужался.

Семенъ. Испужался?!..

Антонъ. Испужаешься! За это ихняго брата не хвалятъ.

Прохоръ. Гдѣ хвалить!.. Дѣлать, говорю, нечего, другъ мой сердечный, пойдемъ.—Есть, говоритъ, на тебѣ крестъ?—Есть, говорю.—Крещеный ты, говоритъ, человѣкъ, а своего брата не жалѣешь: мнѣ вѣдь, говоритъ, наказанье великое будетъ.—Я этому, говорю, голубчикъ, непричиненъ.

Семенъ. Какъ же, сейчасъ ему лопатки назадъ и закрутилъ?

Прохоръ. Безъ этого нельзя... порядокъ. Завязалъ это я ему назадъ руки, повелъ къ становому.—Пусти, говоритъ, меня, дядюшка:—кладъ я тебѣ за это покажу, въ купцы тебя произведу.—Сказывай, говорю, гдѣ? Коли вѣрно скажешь, помилую.—Сталъ это мнѣ сказывать примѣты, гдѣ и что, а ребята ваньковскіе намъ навстрѣчу.—На войну, что ли, говорятъ, господа честные, идете? Обступили насъ,

http://rcin.org.pl

стали допрашивать, да такъ вплоть до станового и шли. Опосля ужъ я искалъ, искалъ этого мѣста: ровно и похоже найдешь,—станешь копать: нѣтъ. Такъ и бросилъ.

Семенъ. А кабы нашелъ—ладно бы было.

Прохоръ *(повернувшись на другой бокъ).* Пущай кто другой ищетъ. *(Продолжительное молчаніе).*

Антонъ. Соловьи-то пѣть перестали. Оченно ужъ я люблю, коли ежели когда соловей постъ.

Прохоръ *(зѣвая).* Синица лучше.

Антонъ. Гдѣ-жъ синицѣ!.. Синицѣ супротивъ соловья не сдѣлать.

Прохоръ. Сдѣлаетъ...

Антонъ. Невозможно!.. Да ты соловьевъ-то слыхалъ ли?

Прохоръ. Гдѣ слыхать! У насъ ихъ на мельницѣ тьма тьмущая, и домики для ихъ понадѣланы.

Антонъ. Это скворцы!..

Прохоръ. То бишь, скворцы... Все одно, и скворцы поютъ.

Антонъ. Соловей, ежели теперича, когда пѣть ему, онъ сейчасъ... фіу, фію. *(Подражаетъ тѣмъ соловья; въ лѣсу раздается свистъ).*

Семенъ *(прислушиваясь).* Что свистишь-то?

Антонъ. А что?

Семенъ. Погоди... молчи... *(Всѣ прислушиваются; опять раздается свистъ).*

Прохоръ. Разгуляться вышелъ...

Антонъ. Кто?

Прохоръ *(таинственно).* Кто?—Извѣстно, кто.

Семенъ. Теперича, ежели табунъ гдѣ близко, весь табунъ угонитъ.

Прохоръ. Ничего, стороной пройдетъ.

Антонъ. Да что вы, черти!—это сычъ.

Семенъ. Похоже!

Антонъ. А то нѣтъ? Эхъ, вы!..

Прохоръ. Коли свистить—ничего; а иной разъ ровно малое дитя плачетъ... какъ есть ребенокъ.

Семенъ. У насъ лѣтось подъ самый Успленьевъ день табунъ угналъ.

Антонъ. Ну, ври подъ пятницу-то!

Семенъ. Вплоть до рѣки гналъ.

Прохоръ. Какъ до рѣки догналъ, такъ и шабашъ, дальше не погонитъ, жалѣетъ тоже скотину-то.

---

http://rcin.org.pl

ЯВЛЕНІЕ II.

ПАВЕЛЪ — лѣсникъ *(выходитъ справа)*.

Павелъ. Что-жъ огонь-то не гасите... не спите?

Семенъ. Такъ, сами промежду себя разговариваемъ.

Павелъ. Спать чай пора.

Прохоръ *(тихо)*. Самъ сейчасъ окликался.

Павелъ. Въ обходъ ходилъ—не слыхалъ. Что-жъ, мы къ этому привычны... это намъ ничего.

Семенъ. А мнѣ, братецъ ты мой, жутко стало.

Павелъ. По первоначалу, какъ я въ лѣсъ пошелъ, и мнѣ жутко было. Привыкъ. Идешь, бывало, по лѣсу-то, все нутро въ тебѣ переворачиваетъ, а теперь ничего. Лихого человѣка бойся, а лѣшой ничего тебѣ не сдѣлаетъ. Домовой хуже—тотъ наваливается; а лѣшой, коли онъ уже оченно когда разбалуется, такъ онъ только тебя обойдетъ. Опять же на него молитва такая есть... особенная. Коли кто эту молитву знаетъ, тому ничего.

Семенъ. А ты, дядя Павелъ, знаешь?

Павелъ. Намъ нельзя безъ этого. Я, окромя молитвы, заговоръ на его знаю. Куда хошь иди—не тронетъ.

Прохоръ. Обучи насъ.

Павелъ. Не переймете. Зря тоже этого не сдѣлаешь.

Семенъ. Ему заговоръ ничего: заговору онъ не боится.

Антонъ. А мнѣ, братцы, дворянинъ одинъ въ Калугѣ сказывалъ про лѣсовиковъ-то: ты, говоритъ, ничему этому не вѣрь, никакихъ лѣсовиковъ нѣтъ, это такъ зря болтаютъ.

Павелъ. Много знаетъ твой дворянинъ-то!

Антонъ. Ни лѣсовиковъ этихъ самыхъ, ни вѣдьмовъ — ничего, говоритъ, этого нѣтъ.

Павелъ. Посадилъ бы я его ночи на двѣ въ сторожку, такъ онъ бы узналъ, какъ ихъ нѣтъ-то. Вотъ темныя ночи пойдутъ осенью, пущай придетъ—посидитъ. Нѣту! Да вотъ какъ разъ трафилось, слушай. Знаешь лапинскій оврагъ—мы тамъ рощу караулили. *(Садится у костра)*. Дѣло близъ Покрова было. Объ эту пору ночи бываютъ темныя... Дожди пошли... холодно... смерть!.. Идешь по лѣсу-то, да думаешь, зачѣмъ мать на свѣтъ родила.

Семенъ. Бѣда, сейчасъ умереть...

Павелъ. Спимъ это мы... Часу такъ въ двѣнадцатомъ, слышу, братецъ мой, словно кто около сторожки ходитъ. Походилъ, походилъ—пересталъ. Орелка была у насъ со-

http://rcin.org.pl

бака... просто, бывало, отца родного не подпуститъ... волка разъ затеребила... Орелка раза два тявкнулъ, замолчалъ. Думаю: должно,—вѣтеръ. Только опять-то легъ, какъ Орелка завизжитъ, какъ завоетъ, вотъ надо быть кто ей задъ отшибъ. Такъ индо меня морозъ по кожѣ! Мартынъ проснулся. Выдь, говоритъ, Павелъ, посмотри. Отворилъ я дверь-то: Орелка прижался къ косяку, сидитъ... Слышу, братецъ ты мой, около самой сторожки лошадь заржала... Такъ у меня волосья на головѣ поднялись. Хочу назадъ-то идти, ужъ и двери не найду. Ходилъ-ходилъ, индо лихоманка забила, а лошадь нѣтъ-нѣтъ да опять заржетъ.

Семенъ. Страсть!.. Я бы убегъ!

Павелъ. Да куда бѣжать-то? Окромя сторожки — некуда. Ввалился въ сторожку: дядя Мартынъ, говорю,—у сторожки лошадь ржетъ, должно за лѣсомъ пріѣхали. Заругался мой Мартынъ — мужикъ онъ былъ хворый, сердитый; — убью, говоритъ, до смерти, кто попадется. Вышли мы изъ избыто, а по лѣсу топорище такъ и звенитъ.—Слышь, говорю,—дядя Мартынъ?—Слышу, говоритъ... убью сейчасъ!.. Побѣжали мы. Сталъ я Орелку ускать—не лаетъ, идетъ сзади. Что, думаю, за причина? Далъ раза въ бокъ, — только заскучала.

Семенъ. Слышь, ребята?

Павелъ. Не трошь, пущай спятъ.

Семенъ. Ну!

Павелъ *(вполголоса)*. Съ полверсты мы прошли: топоръ близко, а на слѣдъ не попадемъ, потому темно оченно. Шли-шли... рядомъ шли...—Дядя Мартынъ, говорю... Дядя Мартынъ голосу своего не подаетъ. Что за оказія! Крикнулъ это я: дядя Мартынъ! Слышу, Мартынъ далече вправо... Я вправо забралъ, опять крикнулъ: дядя Мартынъ!.. Дядя Мартынъ далече влѣво... а топорище тяпъ, тяпъ... Завернулъ я къ ему на голосъ-то, сталъ Орелку кликать—и Орелка пропалъ!.. Ну, думаю: пущай всю рощу вырубятъ—пойду домой, потому страшно ужъ оченно стало, опять же и озябъ... такъ продрогъ... смерть! Повернулъ назадъ, пошелъ. Иду да и думаю: самъ не балуетъ ли?.. Только, братецъ, это я подумалъ, какъ по всему-то лѣсу: ого-го-го-го!!! Отродясь такого я крику не слыхивалъ. Такъ у меня руки-ноги подкосились! Хочу крестъ на себя положить—рученьки мои не владаютъ.

Семенъ *(жмется)*. Меня индо и теперь дрожь прохватила!

http://rcin.org.pl

Павелъ. Очувствовался — не знаю, куда идти. Батюшка, говорю,—угодникъ, выручи... Сотворилъ молитву, легче стало. Къ свѣту ужъ домой-то пришелъ: за пять верстъ онъ меня отъ сторожки-то угналъ, да въ самое бучило, въ оврагъ-то и завелъ. Кабы, кажись, маленько еще—утопъ бы.

Семенъ. Ахъ ты, Господи!

Павелъ. Ну, думаю: какъ приду домой, этого самого дядю Мартына на части разорву. Сталъ ему выговаривать-то, а онъ говоритъ: ты, надо полагать, въ умѣ рехнумши. Я, говоритъ, всю ночь изъ избы-то не выходилъ.

Семенъ. *Онъ* все, значитъ.

Павелъ. Кому жъ, окромя *его*. Шесть недѣль опосля этого я выхворалъ: всѣ волосья повылѣзли, разовъ пять отчитывали, насилу на ноги поставили. Сама знаральша Пальчикова лѣчила, корочки съ наговоромъ давала, ничего не дѣйствовало. Такъ вотъ, какъ *ихъ* нѣтъ-то! Можетъ дворянина-то *онъ* не трогаетъ, а нашему брату отъ *его* шибко достается. *(Встаетъ и потягивается).* Спать теперича.

Семенъ. Кому спать, а намъ—Господи, благослови!.. По травушку, по муравушку. *(Надѣваетъ армякъ).* Оченно ужъ я люблю, когда разговариваютъ про чертей, али про разбойниковъ... просто, сейчасъ умереть, спать не хотца.

Павелъ. Какъ же, не спамши-то?

Семенъ. Я выспался. Я съ вечеренъ спалъ. *(Подходитъ къ Антону и толкаетъ его ногой).* Вставайте, ребята!

Антонъ. Только было...

Семенъ. Скотину, поди, ужъ выгнали.

Прохоръ. Господи, благослови!

Павелъ. Жисть вамъ, ребята!

Семенъ. Какая жисть!

Павелъ. Покосъ подошелъ... коси да коси...

Антонъ *(набивая трубку).* Акштафу на дорогу закурить, дѣло ходчѣй пойдетъ.

Всѣ. Прощай, дядя Павелъ.

Павелъ. Съ Богомъ... дай Богъ часъ.

http://rcin.org.pl

УТОПЛЕННИКЪ.

СЦЕНА ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

Открытый шалашъ на берегу рѣки. На рѣкѣ паромъ. Занимается заря.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Потапъ, **Кузьма**, **Матвѣй**, **Демка** — работники на перевозѣ.
Никитка, племянникъ Потапа, 7 лѣтъ мальчикъ.

Кузьма. Какъ книжка-то прозывается?

Матвѣй. «Черный гробъ или Кровавая звѣзда».

Потапъ. Книжка занятная. Въ старину, говорятъ, и въ нашей сторонѣ тоже разбойникъ жилъ. Знаешь Булаткинъ лѣсъ... тамъ просѣка-то...

Кузьма. Какъ не знать.

Потапъ. Тутъ онъ и жилъ. И грабилъ какъ... страсть! Проѣзду не было. Дѣдушка покойникъ сказывалъ,—онъ еще махонькой въ тѣ-поры былъ,—бывало. говоритъ, соберетъ махонькихъ ребятишекъ къ себѣ въ лѣсъ, и ничего, не трогаетъ; не то, чтобы, къ примѣру, билъ, али что,—ничего. Ходи, говоритъ,—ребята, завсегда.

Матвѣй. Ребятъ онъ не трогаетъ. Парнишку махонькаго за что? Хошь бы вотъ Микитку? Его за виски, коли онъ забалуется... вотъ его сейчасъ. *(Беретъ Никитку слегка за волосы).* Что, чертенокъ?

Никита *(смѣется).* Больно!

Матвѣй. А тебѣ не больно хотца? *(Никитка смѣется).* Постой, я тебя произведу. Богъ дастъ, подростешь,—рѣпу воровать обучу. Ишь ты, верченой!

http://rcin.org.pl

Кузьма. А ты, Микитка, скажи: я, молъ, и безъ тебя воровать-то умѣю.

Никита *(смѣется)*. Я и безъ тебя воровать-то умѣю.

Матвѣй. Умѣешь?! Ахъ, ты, паршивой! Такъ ты умѣешь?!... *(Тянется къ нему; Никитка, съ звонкимъ смѣхомъ, прячется за Потапа)*.

Кузьма. Микитка, скажи: жену, молъ, свою собственную на чаю пропилъ.

Никита. Жену на чаю пропилъ.

Кузьма. Свою собственную.

Никита. Собственную.

Матвѣй. Убью! За ноги, да такъ въ рѣку и брошу, и матери не скажу.

Никита. Не смѣешь!

Потапъ. Полно, дурашка! Ложись такъ-то. *(Никита ложится на армякъ)*.

Матвѣй *(одѣваетъ его)*. Гдѣ такой воръ-парень родился, въ какомъ полку онъ служить будетъ, на какой народъ воевать пойдетъ?..

Потапъ. Разъ дѣдушка съ ребятами пришелъ къ нему...

Кузьма. Къ разбойнику-то?

Потапъ. Да... въ лѣсъ-то. А онъ и говоритъ: скажи, говоритъ,—старостѣ, чтобы безпремѣнно въ Спасовъ день на поклонъ приходилъ, а то, говоритъ, краснаго пѣтуха къ вамъ пущу. Староста заартачился, а онъ ночью село съ обѣихъ концовъ и зажогъ. Все тогда погорѣло! Церква была у насъ большая—и церква сгорѣла. Вотъ гдѣ теперь крестъ-то стоитъ, тутъ церква была. Въ тѣ-поры, какъ она погорѣла, крестъ на самомъ на этомъ мѣстѣ и поставили, чтобы во вѣки вѣковъ стоялъ... Чтобы, значитъ, чувствовать.

Кузьма. Чтобы мы это понимали.

Потапъ. Да, извѣстно. Какъ, значитъ, тутъ церква была и вотъ теперича, напримѣръ, крестъ. И это, дѣдушка сказывалъ, какъ эта самая церква загорѣлась, сейчасъ до самаго неба огненный столбъ всталъ... верстъ за пятьдесятъ его было видно. И стоялъ этотъ столбъ...

Демка *(входитъ)*. Словно бы по берегу кричитъ кто-то.

Матвѣй. Что-жъ, пущай кричитъ.

Демка. Можетъ, тонетъ кто.

Кузьма. Мелко, не утонетъ.

Потапъ. Коли ежели около дубу кто сорвался—утонетъ: тамъ глубоко!

http://rcin.org.pl

Демка. Лодку нешто отвязать..

Матвѣй. Что-те коробитъ-то... чортъ!

Демка. Да мнѣ все одно, я такъ сказалъ. *(Садится).*

Матвѣй. Кто теперь на рѣку пойдетъ, кому нужно?

Демка. Я, братцы, однова тонулъ.

Матвѣй. Пьяный?

Демка. Выпимши.

Матвѣй. Выпимши нехорошо: долго на водѣ проваландаешься; а пьяный—любехонько: ровно бы ключикъ, такъ и опустишься да сядешь на донышко пузырики пущать.

Демка *(вздрагиваетъ).* Страсть!

Матвѣй. Рѣка никого не помилуетъ.

Кузьма. Что говорить.

Потапъ. А меня разъ въ Волгѣ сомъ за ногу ухватилъ. *(Всѣ смѣются).*

Матвѣй. Вотъ на чорта-то наскочилъ.

Потапъ. Сейчасъ издохнуть! *(Демка вздрагиваетъ).*

Матвѣй. Да ты что трясешься-то, аль съ фальшивымъ пачпортомъ по бѣлу свѣту гуляешь?

Демка. Да такъ, братецъ мой, какъ вздумаю это я, какъ было утопъ-то, такъ индо лихоманка прохватываетъ.

Кузьма. Да гдѣ-жъ ты это?

Демка. Въ прокшинскомъ бочагѣ.

Матвѣй. Экъ, тебя лѣшой-то куда занесъ!

Демка. Были мы у кума на мениныхъ, въ Прокшинѣ. Ну, извѣстно, напились. И такъ я этого хмѣлю въ свою голову засыпалъ—себя не помню. Кума прибилъ *(всѣ смѣются),* теткѣ Степанидѣ шаль изорвалъ... Просто, сейчасъ умереть, лютѣй волка сдѣлался. И съ чего бы, кажись: окромя настойки, ничего не пили. Кумъ-то: что-жъ ты, говоритъ, мою хлѣбъ-соль ѣшь, а самъ... да какъ хлясь меня въ ухо, хлясь въ другое!.. И такъ мнѣ, пьяному-то, обидно показалось, кажись бы такъ вотъ зубами весь потрохъ изъ его выворотилъ! Вышибъ я окно, выскочилъ на улицу, да бѣжать. Дѣло-то въ самое въ Воздвиженье было. Ночь темная, дождикъ такъ и хлещетъ. Выскочилъ-то я въ одной рубахѣ, да и бѣгу ровно очумѣлый, и не знаю куда бѣгу, больно ужъ злость-то меня одолѣла. А собаки со всего-то Прокшина за мной... Батюшки мои! просто на части рвутъ.

Кузьма. Вотъ оказія-то!

Демка. Бѣжалъ-бѣжалъ... разъ! Сорвался въ оврагъ, да колесомъ вертѣлся-вертѣлся... бултыхъ!..

http://rcin.org.pl

Потапъ. Въ самый этотъ бочагъ?

Демка. Да.

Кузьма. Ну, чудо!

Демка. Помню маленько: рукой это по водѣ-то бью, а голосу ужъ этого во мнѣ нѣтъ. Ровно бы очувствовался, да и думаю: тону. Какъ вздумалъ я это, такъ ко дну и пошолъ.

Потапъ. Значитъ, испужался.

Демка. Мырнулъ опять на верхъ-то, ударилъ рукой-то, должно плыть хотѣлъ,—въ руку мнѣ ровно бы что-то попало. Весь хмѣль соскочилъ! Кустъ тутъ былъ; прутъ отъ его мнѣ въ руку-то и попалъ; за кустъ-то я и уцѣпился. Тутъ ужъ въ разумъ пришелъ. Вижу, братецъ, ночь темная, хошь глазъ выколи, вѣтеръ такъ и воетъ. Висѣлъ-висѣлъ на кусту-то,—слышу: собаки залаяли и огонекъ показался. И закричалъ-же я, братцы, огонечекъ-то увидамши!.. Давай теперича тысячу рублевъ—такъ не крикнешь. Два года опосля глотка болѣла. Слышу и тамъ кричатъ... Народъ прибѣжалъ съ фонарями.

Матвѣй. Какъ-же нашли-то?

Демка. По собакамъ, собаки означили. Жена за мной выскочила, а за ей и гости, которые побѣжали. Вытащили меня, привели къ куму, опять я этой настойки выпилъ три стаканчика, согрѣлся... *(Прислушивается).* Взаправду, кричатъ... *(Выбѣгаетъ изъ шалаша и снова возвращается).* Выходи всѣ! *(Всѣ выходятъ).* Слышь! *(Всѣ смотрятъ другъ на друга вопросительно; съ противоположнаго берега слышится глухой стонъ).*

Матвѣй. Далече!..

Потапъ. Окрикни.

Матвѣй. Держись!.. Держи-ись! *(Снова слышится стонъ).*

Демка. Тонетъ, братцы!

Потапъ. Постой. *(Прислушивается).* Да! Чья-то душа Богу понадобилась. Отвязывай лодку.

Матвѣй. Эка, наша рѣка блажная! Сколько она за лѣто народу переглотаетъ. *(Берутъ весла, отвязываютъ лодку. Матвѣй съ Демкой садятся).*

Потапъ. Садись живо. Матюха, отчаливай. Права держи... На-голосъ ступай. Ахъ ты, Господи!.. *(Лодка быстро отваливаетъ).*

Кузьма. Гдѣ найти: долго больно держался-то! Демка-то еще когда сказывалъ, что кричитъ.

Потапъ. Поди-жъ ты!

http://rcin.org.pl

Кузьма. Слава Богу, что ночь-то свѣтлая. Ишь ты зорято... бѣлый день .. Да вонъ, вонъ... видишь —плещется...

Потапъ. И то!

Кузьма *(кричитъ).* Вправо забирай!.. *(Съ лодки слышатся голоса: держись! держи-ись!).*

Потапъ. Богъ милостивъ. Видишь... окунулся. Вонъ... опять выскочилъ. *(Слѣдятъ внимательно).*

Кузьма. Сохрани, Господи, всякаго человѣка.

Потапъ. Не видать?

Кузьма. Опустился!.. Должно, конецъ его душенькѣ...

Потапъ. Кричитъ что-то. *(Долго смотрятъ съ напряженнымъ вниманіемъ).*

Кузьма. Вонъ поплылъ, вонъ поплылъ... Должно вытащили. Какъ-то Богъ далъ. *(По рѣкѣ раздается неясный говоръ; всходитъ солнце; Потапъ и Кузьма крестятся; лодка подходитъ къ берегу.)*

Потапъ. Что, братцы?

Матвѣй. Подержи лодку-то. Чуть, было, самъ не утопъ. Какой тяжелой, Богъ съ нимъ. Принимай, ребята. *(Потапъ съ Кузьмой выносятъ трупъ на берегъ).*

Потапъ. Не опущай на-земь. Качай такъ.

Матвѣй. Ничего не подѣлаешь,—мертвый.

Кузьма. Взаправду, мертвый.

Потапъ. А можетъ... *(Начинаютъ откачивать).* Только ребята, чтобы не разговаривать, не пужать.

Демка. Нѣтъ, братцы, смотри-ко: спина-то у его какъ посинѣла. *(Всѣ смотрятъ).*

Кузьма. Да.

Потапъ. Воды много наглотался.

Демка. Долго оченно. *(Кладутъ трупъ на рогожу).*

Матвѣй. Какъ ухватилъ-то я его, еще онъ, ровно бы, живъ былъ.

Демка. Подошли-то какъ мы, еще онъ держался.

Потапъ. Мы видѣли.

Матвѣй. Долго оченно въ водѣ-то я его искалъ. *(Выжимаетъ подолъ рубашки).* Продрогъ какъ... Ухватилъ я его за волосья-то, словно бы маненько шевелился.

Потапъ. Какой здоровенной парень-то.

Кузьма. Надо быть—купецъ.

Демка. Купецъ и есть: ишь, какая одежина-то.

Матвѣй. И какъ, братцы, это онъ попалъ?

Потапъ. Какъ попалъ! Можетъ ограбили да бросили. Большая дорога по той сторонѣ-то пошла...

http://rcin.org.pl

Кузьма *(покрывая трупъ рогожкой)*. Отмаялся ты на семъ свѣтѣ, голубчикъ. *(Никитка выходитъ изъ шалаша; слышится звонъ колокола).*

Потапъ. Въ монастырѣ къ заутренѣ ударили. *(Всѣ крестятся).* Упокой, Господи, душу раба твоего.

Всѣ. Упокой, Господи.

Матвѣй *(къ Никитѣ).* А ты что-жъ не крестишься? Крестись.

Никита *(безсознательно).* Упокой, Господи, душу раба твоего.

Потапъ. Что-жъ, ребята, теперь ступай къ становому. Объявить надо, такъ и такъ...

Кузьма. Затаскаютъ насъ, братцы, теперича.

Демка. Да, не помилуютъ. Пожалуй, и въ острогъ влетишь!

Кузьма. Хитраго нѣтъ.

Матвѣй. За что?

Демка. А за то.

Матвѣй. За что—за то!

Демка. Тамъ ужъ опосля выйдетъ разрѣшеніе...

Матвѣй. Коли ежели такъ, я его опять въ рѣку сволоку.

Демка. Экой дуракъ! Ты крещеный ли?

Матвѣй. Да какъ же! За что-жъ меня въ острогъ...

Демка. Я сидѣлъ разъ въ острогѣ-то, за подозрѣніе. Главная причина, братцы, говори всѣ одно, не путайся. Мѣсяца два меня допрашивали. Сейчасъ приведутъ тебя, становой скажетъ: «Вотъ, братецъ, человѣка вы утопили; сказывай, какъ дѣло было». Ничего молъ, ваше благородіе, это я не знаю; а что, собственно, услыхамши мы крикъ, и теперича, какъ человѣкъ ежели тонетъ — отвязали мы, значитъ, лодку...

Кузьма. Ну вотъ, ребята, слушай да и помни. Чтобъ всѣмъ говорить одно.

Матвѣй. Отвязали мы лодку, подошли къ энтому самому мѣсту и, значитъ, вытащили.

Кузьма. Мертваго?

Матвѣй. Вѣстимо, мертваго.

Кузьма. То-то.

Демка. А насчетъ того, что откачивали—молчи. Потому, скажетъ: какъ ты смѣлъ до его дотронуться? Какое ты полное право имѣешь? Коли ежели человѣкъ померъ, опричь станового никто не можетъ его тронуть. Такъ вы это и понимайте

http://rcin.org.pl

Матвѣй. Ишь ты, лохматый чортъ, какъ онъ судейскія-то дѣла произошелъ.

Демка. Я, молъ, какъ свѣча горю передъ вашимъ благородіемъ, прикажите хоть огни подо-мной поджигать, — я ничего не знаю. «Я, скажетъ, братецъ, вѣрно знаю, что это *ваше дѣло*». Говори одно: какъ вашей милости будетъ угодно, я этому дѣлу не причиненъ.

Потапъ. Такъ, значитъ, всѣ такъ и говори. Бабъ-то нѣтъ, некому надъ тобой и поплакать-то.

Демка. Можетъ, матушка родная по емъ теперича плачетъ.

Матвѣй. Кто-жъ, ребята, пойдетъ?

Демка. Да я пойду.

Потапъ. Ступай, братъ. Ты насчетъ разговору лучше.

Демка. Я разговаривать съ кѣмъ хошь могу. *(Идетъ въ шалашъ).*

Кузьма. Ахъ, господинъ честной, хлопотъ намъ твое тѣло бѣлое понадѣлало.

Потапъ. Богу тамъ за насъ помолитъ.

http://rcin.org.pl

НА РѢКѢ.

СЦЕНА ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Дѣдушка Степанъ, старикъ, лѣтъ 60, сторожъ опустѣвшей барской усадьбы.

Иванъ, крестьянинъ, егерь.

Владиміръ, **Ардаліонъ** } лакеи.

Вася, **Настя**, **Гришка**, **Дема** и другіе } крестьянскія дѣти изъ ближняго села.

Жареный, 16 лѣтъ, учился въ Петербургѣ у портного, отданъ родственникамъ по приговору окружнаго суда.

На берегу рѣки, поросшемъ ивой, землянка. Изъ рѣки выдался въ въ берегъ большой камень. На противоположномъ крутомъ берегу старый барскій домъ, съ заколоченными окнами.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дѣдушка СТЕПАНЪ сидитъ у землянки, чинитъ сапогъ, ИВАНЪ подходитъ.

Иванъ. Богъ помощь, дѣдушка Степанъ.

Дѣдушка Степанъ. Спасибо, милый человѣкъ, спасибо тебѣ. Что Богъ далъ?

Иванъ. Плохо!... Пару чирятъ... *(къ собакѣ).* Кушъ, ляжъ тутъ, подлая?

Дѣдушка Степанъ. Что мало?

Иванъ. Съ ружьемъ что-то... оченно отдавать стало... нѣтъ никакой возможности. Утрось зайца хлестанулъ, насилу самъ на ногахъ устоялъ... Въ кузницу надо зайти, казенникъ отвернуть... Ильичъ не проходилъ?

http://rcin.org.pl

Дѣдушка Степанъ. Выпалилъ тутъ кто-то по рѣкѣ.

Иванъ. Должно онъ, окромя его некому. Надо полагать, онъ теперича къ Кривому колѣну ударился.

Дѣдушка Степанъ. Отошелъ онъ, значитъ, отъ генерала-то?

Иванъ. Отошелъ, мѣста ищетъ.

Дѣдушка Степанъ. А житье, кажись, ему было хорошее.

Иванъ. Умирать бы не надо, но только и теперѣть нѣтъ никакой возможности.

Дѣдушка Степанъ. Ну!

Иванъ. Оченно ужъ дерется... Такъ дерется — страсть! Ежели онъ теперича стрѣляетъ и какъ, напримѣръ, мимо — сейчасъ егоря въ ухо. Лучше не стой близко... Саножки гонопишь?

Дѣдушка Степанъ. Да, парнишкѣ Мавриному... починить просилъ...

Иванъ. Это черненькій-то?

Дѣдушка Степанъ. Да, черненькій. Вчера прибѣжалъ: дѣдушка, говоритъ, почини. Такой шустрый мальчишка, я такихъ и не видывалъ. Даромъ что махонькой, отъ земли не видать, а пойдетъ говорить — складнѣе барскаго сына. Ежели бы его въ ученье въ какое хорошее...

Иванъ. Ты ребятъ ужъ больно балуешь, сказываютъ.

Дѣдушка Степанъ. Цѣлый день они у меня тутъ. Вотъ жаръ-то посвалилъ, всѣ сейчасъ прибѣгутъ. Васютка ужъ вонъ тамъ подъ ивой старается, удитъ. Съ большимъ мнѣ, другъ, хуже, вѣрно тебѣ говорю... не люблю... а парнишко придетъ — первый онъ у меня человѣкъ. Ты думаешь — парнишко что? Онъ все понимаетъ, все смыслитъ, только ты его не бей, не огорчай его...

Иванъ. Что ты, дѣдушка Степанъ, развѣ возможно ихъ не бить? Первое дѣло — безъ этого онъ не выростетъ, а второе дѣло — ежели его не бить, онъ тебя почитать не станетъ... Не оченно чтобы бить, а такъ потрепать иный разъ — это оченно имъ въ пользу.

Дѣдушка Степанъ. Стало-быть, ты словъ не умѣешь, коли малаго ребенка бьешь...

Иванъ. Да я не бью, мнѣ, примѣрно, все одно, только словно бы безъ этого невозможно... Насъ тоже лупили порядочно... Въ фалеторы меня махонькаго взяли, такъ, бывало, кучеръ тебя прибьетъ, да дворецкій тебѣ накладетъ... а въ трактиръ-то въ ученье отдали, тамъ пять годовъ сряду били... Оченно ужъ разъ мнѣ пришлось, пошелъ хозяину жаловаться, такъ меня сейчасъ за бунтовство въ часть

http://rcin.org.pl

отправили, да чуть-было на поселенье не сослали. цѣлый день у хозяина въ ногахъ валялся... *(Собака бросается за птичкой).* Еси сюда, подлая!.. Убью!..

Дѣдушка Степанъ. Хорошаго мало, милый человѣкъ.

Иванъ. Ну, постой! Такъ будемъ говорить: наше дѣло простецкое, а по купечеству теперича, не къ намъ ихъ, къ мужикамъ, приравнять: — теперича я на фабрику къ купцу Гладкову дичь представляю, къ механику, къ англичанину, такъ вотъ я тебѣ что скажу: такъ этотъ купецъ своихъ дѣтей жучитъ, что лучше требовать нельзя. А купецъ значительный, дочь у его за полковникомъ... Значитъ, слѣдуетъ.

Дѣдушка Степанъ. Бьетъ шибко, а дѣти всѣ пьяницы повышли.

Иванъ. Пьяницы какъ есть, это что говорить... Пьяницы настоящіе. Намедни-было фабрику пьяные сожгли... а Семенъ Митричъ вотъ изъ этого самаго ружья у тѣшиловскаго мужичка лошадь застрѣлилъ. Блажной!.. Опухъ теперь весь и хозяйка отъ его сбѣжала, въ Москвѣ путается... *(Раздастся выстрѣлъ).* Это Ильичъ!.. Прощай, дѣдушка Степанъ...

Дѣдушка Степанъ. Дай Богъ часъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

ВАСЯ показывается изъ-за куста.

Вася. Дѣдушка, ребята идутъ, должно тоже рыбу ловить...

Иванъ *(закуривая трубку).* А ты, Васютка, умѣешь рыбу-то ловить?

Вася. Умѣю.

Иванъ. Врешь?!

Дѣдушка Степанъ. Хорошо ловитъ, старается.

Вася. Я намедни такую щуку выворотилъ, индо удилище затрещало... За три гривенника мы продали...

Дѣдушка Степанъ. Щуку важную ухватилъ! Рыболовъ будетъ чудесный...

Иванъ. Ну, помогай Богъ... Прощайте... *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, безъ егеря.

Вася. Дѣдушка, мы ихъ сюда не пустимъ, они только рыбу пужаютъ.

Дѣдушка Степанъ. Рыбы въ рѣкѣ, батюшка, много. Въ

http://rcin.org.pl

рѣкѣ рыба, въ лѣсу птица—все на пользу намъ далъ Господь Царь небесный.

Вася *(всматриваясь)*. Дѣдушка, и портной съ ними.

Дѣдушка Степанъ. Я этого портного... Приди онъ только! Я ему покажу, какъ рыбу травить. Ты и не знайся съ нимъ, батюшка: окромя худого отъ него ничему не обучишься.

Вася. Онъ намедни въ матку въ свою камнемъ запустилъ... Ужъ и драли же его за это. Матка-то завыла, мнѣ, говоритъ, съ нимъ не совладать, а сусѣдъ его и поймалъ... Ужъ онъ его вожжей хлесталъ-хлесталъ...

Дѣдушка Степанъ. Ишь ты, въ родительницу!..

Вася. Онъ говоритъ, она ему не мать, а сродственница; у меня, говоритъ, нѣтъ ни отца, ни матери; меня, говоритъ, изъ воспитательнаго дому сюда оборотили...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Подходятъ нѣсколько ребятъ.

Всѣ. Здравствуй, дѣдушка Степанъ.

Дѣдушка Степанъ. Здорово, молодчики! Далеча ли сряжались?

Гришка. Корье, дѣдушка, драли, домой идемъ.

Дѣдушка Степанъ. Рыбу завтра ловить приходите.

Гришка. Неколи. Нонѣ корье драли, а завтра лѣкарь съ фабрики велѣлъ, чтобы безпремѣнно мать-мачиху рвать *).

Дѣдушка Степанъ. Тамъ у старой плотины ее тьма-тьмущая.

Гришка. Мы туда и пойдемъ. Мы и лѣтось тамъ же рвали.

Дема. Да и за пьянымъ боромъ, по ручью, сколько хошь.

Вася. Мы туда завтра за муравлиными яицами...

Дѣдушка Степанъ *(къ портному)*. А ты слышишь: ежели ты будешь окормокъ **) въ рѣку кидать, рыбу травить, я тебя, знаешь... Ишь ты, непутный...

Жареный *(становясь въ позу)*. Не страшно!..

Дѣдушка Степанъ. Ты у насъ тутъ всю рыбу потравилъ, озорникъ этакой! Рыбу Богъ намъ на потребу создалъ, а ты ее травишь. Безстыдникъ! Вася, порой, батюшка, червячковъ, а я пойду вершу погляжу... Я тебя такъ пугну отсюда, что ты у меня и своихъ не узнаешь. *(Уходитъ)*.

*) Лѣкарственная трава.

**) Кукельванъ.

http://rcin.org.pl

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, безъ дѣдушки.

Жареный *(вслѣдъ Степана).* Старый чортъ! *(Ребята смѣются).*

Вася. Что-жъ ты дѣдушку-то ругаешь, онъ постарше тебя.

Жареный. Стара у попа собака! Я всѣ ваши вершки перерѣжу... а сторожку сожгу... ей-Богу, сожгу... *(Кидаетъ въ воду камень).*

Гришка. Что рыбу-то пужаешь! Чортъ!

Жареный. Поньче ночью я къ попу въ садъ за яблоками...

Дема. Не поспѣли еще... зеленыя...

Жареный. Печеныя они ничего, скусно.

Дема. А шея-то у тебя крѣпка?

Жареный. Крѣпкая, крѣпче твоей!.. Когда я въ Обуховской больницѣ лежалъ, со второго этажу меня спустили...

Гришка. За что?

Жареный. За бѣльемъ мы съ товарищемъ у Вознесенскаго моста на чердакъ залѣзли, а дворники насъ и выждали... Пашкѣ сейчасъ лопатки назадъ, а я, пока его крутили, хотѣлъ шмыгнуть—старшій дворникъ какъ звизнетъ меня, такъ я и покатился... *(Всѣ смѣются).* Сейчасъ въ больницу. Доктора эти мяли меня, мяли,—нутромъ, говорятъ, здоровъ, только въ ребрахъ у него поврежденіе.

Дема. Вотъ такъ приладилъ!

Жареный. Порядочно!.. Вылѣчили меня и сейчасъ въ острогъ. Слѣдователь допрашивать сталъ: повинись, говоритъ, скажи, какъ дѣло было? Ничего, говорю, я не знаю, потому какъ мнѣ дворники память отшибли и по этому случаю я въ больницѣ лежалъ. Опосля этого въ судъ повезли... народу, братецъ ты мой, жендары... Сейчасъ всѣхъ присягу принять заставили. Ты, говоритъ, какой вѣры? Здѣшней, говорю. Воровалъ бѣлье? Никакъ нѣтъ, а что дворники меня били оченно и даже теперь рукой владѣть не могу.

Дема. Я бы, кажись... *(Смѣется).* Ужъ оченно страмъ!..

Жареный. А ужъ меня въ острогѣ одинъ мѣщанинъ обучилъ—ты, говоритъ, главная причина, говори одно: били да и шабашъ. И вышло намъ такое разрѣшеніе: Пашку въ арестанскія роты служить, а меня въ деревню по этапу. Къ Покрову, Богъ дастъ, я опять въ С.-Петербургъ уйду.

Гришка. А ежели опять поймаютъ, такова жару зададутъ.

http://rcin.org.pl

Жареный. Тамъ кампанія большая—ничего. Уже очепно тамъ жисть хорошая... слободно... Разъ мы въ кіятрѣ у одного барина... *(Изъ кустовъ показывается дѣдушка Степанъ).* Старый чортъ этотъ опять идетъ... Пойдемъ, братцы... *(Къ Васѣ).* А ты ему скажи: будетъ онъ меня помнить! Я ему покажу. Въ кіятрѣ мы разъ у одного барина... *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

ВАСЯ садится на камень и закидываетъ удочку. На противоположномъ берегу показывается НАСТЯ.

Настя. Васька, матушка велѣла домой чтобы...

Вася *(насаживая червя).* Я заночую здѣсь.

Настя. Матушка серчаетъ. Совсѣмъ, говоритъ, отъ дому отбился.

Дѣдушка Степанъ. Скажи, голубка, дѣдушка, молъ, завтра самъ приведетъ. Они, молъ, къ вершамъ пойдутъ.

Настя. Раньше приходите. Прощайте.

Дѣдушка Степанъ. А ты бы... того... рыбу-то бы съ собой захватила, сковородки на двѣ у насъ будетъ. Скажи матери, Васютка все наловилъ.

Настя. Да онъ ловить-то не умѣетъ.

Дѣдушка Степанъ. Нѣтъ, ловитъ важно.

Вася. Я сейчасъ головля поймалъ...

Дѣдушка Степанъ. Свѣжая она теперь... Поужинаете...

Настя. Завтра на покосъ пойдемъ, обжаримъ...

Дѣдушка Степанъ. А косить-то еще много?

Настя. Росы на двѣ еще хватитъ. Спасибо, дѣдушка. Прощайте.

(Вася отталкиваетъ лодку на противоположный берегъ и возвращается).

Вася. Щука давя плеснула вонъ у энтаго куста... здоровая!..

Дѣдушка Степанъ. Лукавая эта рыба-то... Что-то Богъ намъ въ верши послалъ...

Вася. А далече, дѣдушка, отсюда?

Дѣдушка Степанъ. Нѣтъ, недалече... Вотъ мы поужинаемъ да и поѣдемъ... Тихо теперь, хорошо... *(Рѣжетъ хлѣбъ).* Садись, батюшка... *(Садятся).* Господи благослови. Ѣшь, во славу Божью. Ты бы лучку погрызъ, посоли-ка его да хорошенько... Вотъ такъ.

Вася. Дѣдушка, намедни къ намъ посредственникъ прі-

http://rcin.org.pl

ѣзжалъ, народъ на сходку сколачивали, чтобы съ души по полтиннику и ребятъ, значитъ, всѣхъ грамотѣ обучать. А опосля того волостной всѣхъ ребятъ собиралъ. Я, говоритъ, тетка Варвара, Васютку перваго возьму. Три копеечки мнѣ далъ...

Дѣдушка Степанъ. Это за твою добродѣтель...

Вася. А мужики которые, мы, говорятъ, ребятъ своихъ не выдадимъ... Въ кабакѣ подрались. Коряга ужъ оченно кричалъ.

Дѣдушка Степанъ. А волостной-то что?

Вася. Долго онъ съ ними ругался, а Корягѣ говоритъ: я тебя, говоритъ, въ солдаты отдамъ. А Коряга ему:—я, говоритъ, три затылка заростилъ,—меня отдать невозможно...

Дѣдушка Степанъ. Это, батюшка, хорошо. Ежели ты обучишься—первый человѣкъ будешь. Кто перомъ умѣетъ, такому человѣку завсегда просвѣтъ есть. Не токма по нашему по крестьянскому дѣлу, а ежели и господинъ, который необученый... Доѣдай, доѣдай, голубчикъ, простынетъ.

Вася. Я ужъ сытъ.

Дѣдушка Степанъ. Ну, и слава тебѣ Господи. Богъ напиталъ, никто не видалъ!..

Вася. Темно какъ стало.

Дѣдушка Степанъ. Темно. Теперь лихому человѣку хорошо, теперь ужъ лихой человѣкъ на дорогу вышелъ. Возьми-ка ведерочко, залей огонь-то.

Вася *(заливаетъ).* Я боюсь ночью-то...

Дѣдушка Степанъ. Чего, голубчикъ, бояться. Доброму человѣку бояться нечего, лихихъ людей здѣсь нѣтъ, они теперича на проѣзжей дорогѣ, али къ городу гдѣ поближе, гдѣ народъ ходитъ, а здѣсь имъ дѣлать нечего—люди мы съ тобой бѣдные, взять съ насъ нечего.

Вася. Страшно оченно. Разъ мы съ матушкой за хворостомъ ѣздили да въ оврагѣ къ ночи-то и застряли...

Дѣдушка Степанъ. Испужались!

Вася. Страсть!.. А въ барскомъ домѣ, дьячокъ сказывалъ, никому невозможно ночью пройти...

Дѣдушка Степанъ. Ну!..

Вася. Сейчасъ умереть!

Дѣдушка Степанъ. Что-жъ тамъ?

Вася. А старый баринъ тамъ по ночамъ ходитъ.

Дѣдушка Степанъ. Зря болтаютъ, батюшка. Самъ я ему, голубчику, и могилку-то—копалъ, и косточекъ-то его, поди, нѣтъ теперь.

http://rcin.org.pl

Вася. Нѣтъ, дѣдушка, видѣли—ходитъ... Сердитый...

Дѣдушка Степанъ. Полно, глупенькой, врать-то...

Вася. Очень ужъ мнѣ жутко, дѣдушка.

Дѣдушка Степанъ. А ты сотвори молитву... Садись въ лодку.

Вася *(садится).* Темь какая по рѣкѣ-то... Тихо...

Дѣдушка Степанъ *(зажигая фонарь).* Ночь, батюшка... Ночью завсегда тихо. А ты вотъ что: ты рѣки ночью не бойся... Я съ малыхъ лѣтъ на рѣкѣ живу, съ малыхъ лѣтъ я ее знаю... Говорятъ ежели что, ты этому не вѣрь, мало что бабы болтаютъ. Вотъ, ежели въ лѣсу, тамъ страшно—и звѣрь попадается, и все... а въ рѣкѣ окромя рыбки-голубушки никого нѣтъ и та спитъ теперь. Вотъ мы верши посмотримъ да въ стогу и заночуемъ... сѣно-то свѣжее... чудесно!..

(Отпихиваетъ лодку отъ берега).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ИВАНЪ, ВЛАДИМІРЪ, АРДАЛЬОНЪ.

(За сценой).

Степанъ Архипычъ, погоди, насъ на ту сторону перетолкнешь.

Иванъ. Я имъ на устрѣтъ пошелъ, а они тутъ.

Дѣдушка Степанъ. Охотничкамъ, егерямъ почтеннымъ.

Владиміръ. Степану Архипычу самое низменное!

Дѣдушка Степанъ. Здравствуй, Володюшка, здравствуй. *(Къ Ардальону).* И ты съ ними бродишь?

Владиміръ. Скуки ради и онъ съ нами. Человѣкъ безъ дома—тоска одолѣетъ. Сверни папиросочку.

Ардальонъ. Сейчасъ, Владиміръ Николаичъ.

Владиміръ. Мы вѣдь собственно не охотиться, а для развлеченія... даже гитару съ собой носимъ.

Ардальонъ. Извольте, Владиміръ Николаичъ.

Владиміръ. А вы тутъ огонекъ разложите.

Дѣдушка Степанъ. Безъ огня скучно.

Владиміръ. Да съ огнемъ еффектнѣй, это твоя правда. А ежели можно у тебя рыбы какой достать и уху намъ сейчасъ приготовить? Я бы теперь порціонную стерлядку по-русски съѣлъ.

Иванъ. А то по какому же ее ѣсть?

Владиміръ *(съ иронією).* Дуракъ!

Иванъ. Посмотрю я на тебя, Владиміръ Николаичъ, бариномъ тебя назвать нельзя, а говоришь ты...

http://rcin.org.pl

Владиміръ. Поживи въ обществѣ и ты будешь говорить по другому... Такъ можно относительно рыбы?

Дѣдушка Степанъ. Сейчасъ, батюшка, гость дорогой. Вася, поди-ко съ ведерочкой, сачекъ возьми... Защѣпи тамъ... сейчасъ, батюшка, сейчасъ. Давно ты не бывалъ у меня... Прежде все бывало...

Владиміръ. Обстоятельства разныя... да и некогда.

Иванъ. Опять это и баринъ его теперича прогналъ, мѣста искать надо... А мѣста нынче поди-ко сунься.

Владиміръ. Насъ никто не прогонитъ, мы сами уйдемъ, но бить себя не позволимъ... Не тронь! Не то время! Другой коленкоръ, вотъ что!.. *(Къ Ардальону).* Дай огня.

Ардальонъ. Сейчасъ, Владиміръ Николаичъ.

Дѣдушка Степанъ. Что у васъ за дѣла съ нимъ вышли?

Владиміръ. Самъ посуди, Степанъ Архипычъ, человѣкъ ты умный: нѣтъ никакой возможности. При моемъ положеніи и вдругъ...

Иванъ. Въ ухо!

Владиміръ. Вѣдь это чортъ знаетъ, что такое!..

Дѣдушка Степанъ. Хорошаго мало.

Владиміръ. У меня крестный отецъ титулярный совѣтникъ, крестная мать... какими они глазами на меня смотрѣть должны... Нѣтъ, шалишь!.. Не позволю!

Ардальонъ. Ежели надъ собой позволять...

Владиміръ. Сверни папироску.

Ардальонъ. Сейчасъ, Владиміръ Николаичъ.

Владиміръ. Разъ ему спустилъ, два спустилъ, на третій говорю: нѣтъ, говорю, ругаться вы можете сколько угодно, а оскорблять дѣйствіемъ я себя не позволю. Не тотъ коленкоръ! Поѣхали мы зимой на медвѣдя, а я въ это самое время влюбленъ былъ и какъ нарочно въ этотъ день свиданье назначилъ. Ты знаешь, что значитъ дѣвушкѣ свиданье назначить и, между прочимъ, обмануть. И ее въ конфузъ поставить, и самому стыдно. Смерть мнѣ ѣхать не хотѣлось, но дѣлать нечего. Стали на номера. Морозъ, страсть! Прислонился я къ дереву да и думаю: жируетъ она теперича жизнію, дѣлаетъ променажъ по Невскому, безъ друга... а я здѣсь зябну, какъ собака. И такъ мнѣ грустно стало, такія мечты пошли...

Ардальонъ. Извѣстно, въ этакомъ положеніи.

Владиміръ. Дай огня.

Ардальонъ. Сейчасъ, Владиміръ Николаичъ.

Владиміръ. Думаю: какъ бы мнѣ было пріятно заключить

http://rcin.org.pl

ее въ своихъ объятіяхъ, въ это время медвѣдица, пудовъ четырнадцать... фюить!.. За линію... Такъ я и замеръ...

Иванъ. Ну, а онъ тебя сейчасъ клочитъ—не зѣвай... Я бы тебя не такъ; я бы тебя...

Вася *(входитъ)*. Два головля, четыре окуня, а плотву я не считалъ.

Владиміръ. Заправляй скорѣй... *(Къ Ардальону)*. Ну-ко, сдѣлай колѣнце. *(Играетъ)*. Али пѣсню спѣть... Затягиваю. *(Поютъ)*.

Не шумите-ко вы,
Да вы вѣтры буйные!
Не бушуйте-ко вы,
Да вы лѣса темные!
Ты не плачь-ко, не плачь,
Душа красна-дѣвица...

Иванъ. Нѣтъ, постой, вотъ что: помнишь ты въ кабакѣ дѣйствовалъ...

Владиміръ. Въ какомъ кабакѣ?

Иванъ. Пьяный въ тѣ поры... въ Салокинскомъ... Пѣлъ онъ, Степанъ Архипычъ, пѣсню с.-петербургскую, какъ чудно... страсть!..

Владиміръ. Я не помню.

Иванъ. Да объ Покрову... Ну еще тебѣ лопатки назадъ скрутили... И что вы, черти, въ тѣ поры водки сожрали... Кажинный по стаканчику поднесъ, пѣсня-то очень складная.

Владиміръ. Играй. *(Ардальонъ играетъ)*.

Я по травкѣ шла,
Тяжелехонько несла—
Коромысло да валекъ
Еще мнлаго платокъ.
Я на камушекъ ступила,
Чулокъ бѣлый замочила.
Мнѣ не жалко туфелька—
Жалко бѣлаго чулка.
Я съ хозяиномъ расчелся
Ничего мнѣ не пришлось.

Иванъ. Жизнь вамъ, холуямъ, умирать не надо.

http://rcin.org.pl

НА ПРАЗДНИКЪ.

СЦЕНЫ ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Кондратій Ильичъ, достаточный крестьянинъ.
Слезкинъ
Васька Роговъ } фабричные.
Степка
Дѣвушки и парни.
Трофимъ, крестьянинъ.
Мавра, его жена.

Дѣйствіе происходитъ въ селѣ, въ день храмового праздника. Слобода; направо отъ жителей кабакъ; въ глубинѣ раскинуты палатки.

ЯВЛЕНІЕ I.

КОНДРАТІЙ ИЛЬИЧЪ идетъ слѣва, СЛЕЗКИНЪ выходитъ изъ кабака.

Слезкинъ. Кондратій Ильичъ! Теперича я всѣ порядки справилъ какъ должно. Какъ, значитъ, отъ обѣдни пришелъ, въ радости дождамшись, разговѣлся — спать легъ, а теперича я гулять вышелъ. Все, какъ слѣдуетъ!..

Кондратій Ильичъ. У обѣдни-то ты былъ: а слышалъ ли, какъ батюшка проповѣдь сказывалъ?

Слезкинъ. Слышалъ, братецъ мой! Великій понѣ праздникъ, и нѣтъ его больше!.. Оченно мнѣ это чувствительно!

Кондратій Ильичъ. Великій праздникъ!..

Слезкинъ. Великій! *(Молчаніе).* Какъ, братецъ мой, тамъ теперича на небѣ... что, напримѣръ?.. Премудрость это, Кондратій Ильичъ! Странникъ это у насъ съ книжкой ходилъ, сказывалъ: «Всякая, говоритъ, теперича, звѣзда означаетъ... и все, говоритъ, я это понимать могу».

http://rcin.org.pl

Кондратій Ильичъ. Не понять намъ грѣшнымъ этого.

Слезкинъ. Потому всѣ мы—грѣшники. Вѣрно твое слово.

Кондратій Ильичъ. Странникъ твой, може, и такъ болталъ, зря. Много ихъ даромъ по бѣлу свѣту ходятъ, насъ, темныхъ людей, обманываютъ.

Слезкинъ. Много, братецъ мой! Потому нашего брата обмануть очень способно, а особливо ежели выпимши.

Кондратій Ильичъ. Другой прельщеніемъ наровитъ тебя...

Слезкинъ. Всякаго народу бываетъ. А странникъ этотъ теперича, за свои дѣла за хорошія, въ острогѣ сидитъ.

Кондратій Ильичъ. Ишь ты!

Слезкинъ. Въ острогѣ, братецъ мой, потому больно плутъ. Не плошь Васьки... такой же разбойникъ. Они съ Васькой благопріятели были, бабъ все портили.

Кондратій Ильичъ. Богъ съ ними, другъ сердечный.

Слезкинъ. Главная причина—не осуди человѣка. Такъ ли я говорю? Ежели человѣкъ супроти тебя что дѣлалъ—обидѣлъ, значитъ... ну, и кончено! Дай Богъ всякому!.. Что вамъ дѣлить? Намъ дѣлить нечего! Ты мнѣ теперича скажи... Кондратій Ильичъ, скажи ты мнѣ: Слезкинъ! наслѣжу я слѣдовъ—ходи по нимъ... а я ходить буду. Такъ я это и понимаю. Ежели теперича я выпимши...

Кондратій Ильичъ. Пей, да ума не пропей.

Слезкинъ. Зачѣмъ, братецъ мой! Я самую малость... шкаликъ!.. И слава те Господи, съ меня и будетъ.

Кондратій Ильичъ. Знаемъ мы вашу малость-то! Съ утра до вечера въ кабакѣ сидите.

Слезкинъ. Для Петрова-дни! Безъ этого уже невозможно. Земляки пришли... фабричные... ну, и, значитъ, съ праздникомъ честь имѣемъ поздравить! Порядокъ! Вишь, народъ идетъ хороводы водить.

Кондратій Ильичъ. Ко дворамъ пора. *(Идетъ).*

Слезкинъ. Кондратій Ильичъ, не побрезгуй, пойдемъ — подпесу.

Кондратій Ильичъ. Ну те къ Богу!

Слезкинъ. Одинъ стаканчикъ!.. За премудрость за твою...

Кондратій Ильичъ. Нѣту, другъ сердечный, не стану.

Слезкинъ. Для праздника! *(Кондратій Ильичъ уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Слезкинъ *(одинъ).* Ну, я, значитъ, самъ по себѣ пойду. *(Запѣваетъ.)*

Несчастная наша доля:

http://rcin.org.pl

Никто, никто не любитъ!
Полюбила молодчика...

Васька *(подхватываетъ)*.

Съ Полянки дворянка.

ЯВЛЕНІЕ III.

ВАСЬКА РОГОВЪ, СТЕПКА, дѣвушки и парни.

Васька. Становись, дѣвки, давай хороводы водить.

Слезкинъ. Господамъ фабричнымъ... почтеніе!

Васька. Съ пальцемъ девять! Ты что-жъ оттеда ушелъ?

Слезкинъ. Такъ, братецъ мой, грустно! Съ Кондратьемъ Ильичемъ, хошь бы насчетъ дѣловъ, говорили... Ты, говоритъ...

Васька. Надо полагать, ребята, этотъ Кондратій Ильинъ мужикъ фальшивый.

Степка. Подхалимъ!

Слезкинъ. Нѣтъ, братцы, мужикъ важный Кондратій Ильичъ! Ежели теперича, когда придешь къ ему, сейчасъ тебѣ житіе прочитаетъ, али такъ что отъ божества скажетъ. Мужикъ онъ оченно умный.

Васька. Сказываютъ, у его денегъ залежныхъ много. Вотъ, ребята, кабы нашему брату теперича деньги—не стали бы мы такъ-то тренаться, задали бы форсу! Я бы сей трактиръ снялъ, али бы...

Степка. Привычку надо по этой части.

Васька. Я, братъ, всѣ степени произошелъ! Въ какихъ я мастерствахъ не находился, въ какой я должности не жилъ! Это намъ ничего!.. Женился бы на купчихѣ.

Степка. На купчихѣ жениться важно!

Васька. На что лучше!

Слезкинъ. А намъ хоть бы на мѣщаночкѣ Богъ привелъ. Есть въ Москвѣ здакія, которыя, значитъ, по мастерству по какому...

Васька. Хошь, я тебѣ твою фортуну сдѣлаю—женю тебя? Ундерову дочь возьмешь? *(Всѣ смѣются)*. Вотъ, братцы, сказывалъ я вамъ, аль нѣтъ? Чудно ужъ оченно! Такъ, голова, какъ вздумается мнѣ это когда, просто, сейчасъ умереть—смѣхъ!.. Жилъ насупротивъ нашей фабрики ундеръ. Только разъ въ воскресенье, вышелъ я за ворота, гляжу—у его подъ окошкомъ сидитъ дамочка и смотритъ на меня. Я у воротъ-то и сѣлъ. Часу такъ въ десятомъ, гляжу, эта самая дамочка машетъ мнѣ платочкомъ. Вотъ я къ окошку-

http://rcin.org.pl

то и подшелъ. — Погода, говоритъ, оченно прекрасная... гулять вышли?—Такъ точно, говорю, потому теперича гулять оченно вальготно. Выпила бы, говоритъ, и я, да компанію мнѣ водить не съ кѣмъ. — Пожалуйте, говорю, съ нами — мы вамъ обиды никакой не сдѣлаемъ. Нельзя, говоритъ, этого, потому тятенька увидитъ. Вы по какой части?—Такъ и такъ говорю: у своего хозяина въ племянникахъ живемъ... Слышь?.. *(Всѣ смѣются).*

Слезкинъ. Ужъ такова проходимца, какъ Васька Роговъ, не найдешь!

Васька. А вы, говорю, по какой? — Я, говоритъ, при своемъ тятенькѣ живу, потому, какъ мой тятенька ундеръ. А коли вы желаете, чтобы промежду насъ знакомство было — завсегда къ намъ пожалуйте. Завели мы съ ей это знакомство.

Степка. Понравилась!

Васька. Какое къ чорту понравилась! Блажь одна! Только я разъ къ окошку-то къ ей подшелъ, а ундеръ-то оттеда — пожалуйте, говоритъ, въ горницу.

Слезкинъ. Значитъ, бока наминать?

Васька. Никто Васькѣ Рогову боковъ не намнетъ.

Слезкинъ. Смирный, должно, ундеръ-то. А то есть, попадаются изъ ихняго брата... бѣда!.. замучаетъ!..

Степка. Бывалъ, знать, ты у нихъ въ передѣлѣ-то?

Слезкинъ. Трафилось! За мѣщанку за одну.

Васька. Вошелъ къ имъ. Краля-то моя сидитъ, на гитарѣ разыгрываетъ. Ундеръ сейчасъ сладкой водки поставилъ, по рюмочкѣ чкнули... Намъ, говоритъ, оченно пріятно, ежели вы съ нами кампанію имѣете. Наслышанъ, говоритъ, я отъ дочки, такъ какъ вы у своего хозяина въ племянникахъ живете... Такъ точно, говорю.—Коли ежели, говоритъ, вамъ моя дочка не противна, я съ ея воли не сымаю.

Одна изъ дѣвушекъ. Ахъ, ты песъ экой!

Васька. Вы погоди, постой, что было. Вотъ, сейчасъ, нарядилась она въ шелковое платье, шляпку надѣла, въ правую ручку зонтикъ взяла,—гулять мы съ ней пошли. Оченно ужъ она мнѣ въ тѣ поры понравилась, хоть сейчасъ жениться. Ну ужъ мы эвту политику московскую знаемъ... Пожалуйте, говорю, въ трактиръ. — Вы, говоритъ, какъ обо мнѣ понимаете? Я, говоритъ, не то что, къ примѣру, какая... Я, говоритъ, со всякимъ могу разговоръ имѣть, никого не острамлю. — Намъ, говорю, это оченно лестно, по той причинѣ, что намъ такую и требуется. — Я, говоритъ,

http://rcin.org.pl

съ любымъ офицеромъ потрафлю, какъ что должно, потому я всему этому обучена; я бы, говоритъ, можетъ, на разные языки умѣла, да тятенька не пожелалъ. — Такъ въ трактиръ и не попла. Ну, вотъ, голова, цѣлое лѣто я къ нимъ ходила; опричь жениха мнѣ и званья не было: женихъ да женихъ; рублевъ сорокъ денегъ я у ундера-то забрала; поддевку онъ мнѣ новую сшилъ, да она мнѣ кошелекъ бисерный подарила; а ужъ что мы съ этимъ ундеромъ сладкой водки выпили!.. Она, бывало, романцы поетъ, а мы пьемъ да про войну разговариваемъ. Пошелъ я тогда на Покровъ въ деревню—всю эту канитель-то и бросилъ.

Одна дѣвушка. А какъ же краля-то твоя?

Васька. Чортъ ее возьми, много ихъ! Плакала послѣ, сказывали.

Дѣвушка. Плакала! Самъ, гляди, около ее коровой ревѣлъ. Плакала!.. Должно, и въ правду тебѣ ундеръ бока-то намялъ.

Васька. Сказалъ бы я тебѣ одно словечко, да ужъ такъ... для праздника словно бы нехорошо...

Дѣвушка. Пришелъ съ Москвы-то, думаетъ, ни вѣсть онъ кто! Бахвалъ! Становись, дѣвки. Запѣвайте. *(Дѣвушки запѣваютъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и МАВРА.

Мавра *(съ плачемъ).* Чтой-то, батюшки!.. Дѣвыньки, не видали ли хозяина.

Дѣвушки. Нѣтъ, тетка Мавра, не видали.

Слезкинъ. Какова хозяина?

Мавра. Моего хозяина, Трофима Иваныча.

Слезкинъ. Видѣли.

Мавра. Гдѣ онъ, батюшка?

Слезкинъ. Давай два двугривенныхъ—скажу, а то такъ ты и помрешь безъ его.

Мавра. Неколи мнѣ тутъ съ тобой...

Дѣвушка. Да говори, дьяволъ!

Слезкинъ. Скажи сама—можетъ ты лучше...

Дѣвушка. Да я не знаю; я бы сказала.

Слезкинъ. Хозяинъ твой теперича—такъ будемъ говорить... *(Указывая на кабакъ).* Окромя энтаго мѣста, ему негдѣ быть. *(Трофимъ выходитъ изъ кабака).* Вишь ты! Значитъ, такъ точно.

http://rcin.org.pl

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и ТРОФИМЪ.

Мавра. Что проклажаешься-то? Мало тебѣ что ли?

Трофимъ. Нѣтъ, я много доволенъ... Оченно доволенъ... Огни у меня теперича... разные огни ходятъ... Душеньку мнѣ всю распалило... Православные! Дай вамъ Господи! *(Плачетъ).* Пошли вамъ Царь милосливый на вашу долю...

Мавра. Что домой-то пойдешь?

Трофимъ. Будемъ дома, объ этимъ ты не сумлѣвайся... дома мы будемъ. А вотъ что на міру намъ скажутъ. *(Къ Васькѣ).* Ты фабричный?

Васька. Фабричный.

Трофимъ. Можешь по писанію?

Васька. Могу.

Трофимъ. Значитъ, не къ намъ, дуракамъ, тебя приравнять. Былъ ты въ Старомъ Ерусалимѣ?

Васька. Далече больно, не былъ.

Трофимъ. А есть нонѣ разрѣшеніе?

Васька. Есть.

Трофимъ *(къ женѣ).* Слышь, что онъ говоритъ! Ну, я и разрѣшилъ... А теперича, ты мнѣ вотъ что скажи: дьявольское это навожденіе, али такъ—дурь человѣческая?

Васька. Насчетъ чего ты говоришь-то?

Трофимъ. Все насчетъ того же: давеча я былъ человѣкъ, а теперича, видишь, я не въ своемъ разумѣ. Для чего это я? Мнѣ это оченно стыдно.

Мавра. Да пойдемъ домой, батюшка.

Трофимъ. Погоди!.. Да, мнѣ очень стыдно. Дѣвки веселятся, радуются, а я домой пойду, спать ляжу, а тамъ,—твори Богъ волю свою. Такъ-то!.. По закону мнѣ положено и табашъ. Чужого намъ не надо. Я много доволенъ! Прощенья просимъ! Простите меня, окаяннаго. Согрѣшилъ я грѣшный... *(Уходитъ).*

Слезкинъ. Всѣ мы, должно, для праздника-то согрѣшили. *(Запѣваетъ).*

Графъ Башкевичъ аривапскій
Подъ Аршавой состоялъ...

(Всѣ смѣются).

http://rcin.org.pl

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОРЪ.

СЦЕНЫ ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Романъ Игнатьевичъ, содержатель постоялаго двора.
Алена, кухарка.
Евсюха, **Пашка**, **Никита**, **Бубенъ** } извозчики.
Странница.
Странникъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

На сценѣ большая деревенская изба: въ углу столъ; по стѣнамъ лавки; налѣво изразцовая печь.

Кухарка *(собираетъ со стола)*. Нѣтъ хуже народу этихъ ямщиковъ! Насорятъ, надрызгаютъ!.. тьфу!..

Евсюха *(входя)*. Благодаримъ покорно, Алена Митриевна, за хлѣбъ, за соль.

Кухарка. Ну, за щи съ квасомъ! Проваливай! Моченьки моей нѣтъ съ вашимъ братомъ.

Евсюха *(подпоясываясь)*. Точно, что оно теперича вамъ трудно: народу много идетъ.

Кухарка. Такъ валомъ и валитъ. Барыня-то вышла?

Евсюха. Срядились. Съ полчаса ужъ въ тарантасѣ сидитъ, ругается. Прощенья просимъ!

Кухарка. Что-жъ, на дорожку-то?

Евсюха. Да Богъ ее знаетъ, Алена Дмитриевна, пить ли?.. Ну, пожалуйте... веселѣй ѣхать будетъ...

Кухарка *(наливаетъ стаканъ водки и подаетъ)*.

Евсюха. Терпѣть вѣдь я его не могу... этого вина!.. Съ наступающимъ! *(Пьетъ)*.

http://rcin.org.pl

Кухарка. И васъ также. Кушайте на здоровье. Дай Богъ благополучно.

Евсюха. Благодаримъ покорно. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Странница *(отворяя дверь).* Пущаютъ, матушка, странныхъ?

Кухарка. Отчего-жъ не пущать, у насъ всѣхъ пущаютъ: постоялый дворъ на то.

Странница. Бѣдная я, матушка, неимущая, Христовымъ именемъ иду.

Кухарка. Войди, раба Божья, милости просимъ. Въ пустынь?

Странница. Въ пустынь, голубушка.

Кухарка. Къ угоднику?

Странница. Къ угоднику, матушка.

Кухарка. Много къ ему, батюшкѣ, народу идетъ. Какъ же ты, матушка, по обѣщанью?

Странница. По обѣщанью, сестрица. Слышала, голубушка, я во снѣ звукъ трубный.

Кухарка. Ай, матушка!.. Чего сподобилась! Разскажи, голубка... Ты, можетъ, потребляешь этого-то. *(Показываетъ на водку).* Поднесу...

Странница *(стыдливо).* Не брезгую мірскимъ даяніемъ. Коли ваша милость будетъ.

Кухарка. Стыда тутъ нѣтъ, матушка. Вамъ безъ этого нельзя—ходите.

Странница. Много мы ходимъ, матушка, круглый годъ, почитай, ходимъ. *(Пьетъ).* Благодарю покорно, матушка, пошли вамъ Господи на вашу долю.

Кухарка. Какъ-же ты сонъ-то, красавица, видѣла?

Странница. А это ночевала я въ кельѣ у матушки у Илларіи, и все она разсказывала мнѣ про божественное, и какъ все насчетъ жизни, и что, напримѣръ, какъ жить мы должны. И такой на меня, раба Божья, глубокій сонъ нашелъ—такъ сидѣмши и уснула. Вижу, будто, я въ пространной пещерѣ, и вся она, будто, позлащенная, а на полу все каменіе самоцвѣтное... И иду, будто, я по этой пещерѣ, а за мной старцы, все, будто, старцы. И говоритъ мнѣ одинъ старецъ: «почто ты, говоритъ, странная, пришла въ нашу обитель?» Хотѣла я, будто бы, руками-то вотъ такъ... *(дѣлаетъ жестъ руками)* и слышу, голубка, звукъ трубный... Тутъ я и проснулась.

http://rcin.org.pl

Кухарка. А вотъ мы въ міру-то никогда такихъ сновъ не видимъ.

Странница. Это, сестрица, отъ жизни.

Кухарка. Нѣтъ ужъ, матушка, Богъ знаетъ — отчего. Моей старой хозяйкѣ,—я у купцовъ прежде жила,—то ли не жисть была, а все, бывало, во снѣ видитъ, что будто ее рѣжутъ, да будто ее топятъ... Такія страсти все снились, не дай Богъ никому.

Странница. А ты по купечеству прежде жила?

Кухарка. Я все по купечеству. Какъ хозяина въ некрута сдали, такъ и пошла по этой части. Сперва-наперво у аптекаря два года жила, у армянина не вступно годъ жила, а тамъ и пошла все по купцамъ.

Странница. У купцовъ житье хорошее.

Кухарка. На что лучше: первый сортъ житье! Мнѣ, по моему характеру, только и жить у купцовъ: женщина я набалованная, кусокъ люблю хорошій, чай мнѣ чтобы безпремѣнно, ну, а по купечеству насчетъ этого слободно.

Странница. И нашу сестру они странную любятъ.

Кухарка. Любятъ. У насъ, бывало, у Павла Матвѣича, отъ вашей сестры, да отъ нищей братіи отбою нѣтъ.

Странница. Для души спасенья это, матушка, хорошо.

Кухарка. Со всего свѣта ходили, грѣхи его замаливали.

Странница. А померъ ужъ?

Кухарка. Пора помереть! Годовъ пятнадцать безъ рукъ, безъ ногъ сидѣлъ, травами его отпаивали.

Странница. Отчего же это онъ, голубушка?

Кухарка. Господь его вѣдаетъ.

Странница. И дѣтки были?

Кухарка. Какъ же, матушка, три дочки; всѣ на моихъ глазахъ повыросли; и сынокъ былъ, Митрій Павлычъ... женить ужъ хотѣли, да не продлилъ Богъ его вѣку: пропалъ безъ вѣсти.

Странница. Безъ вѣсти?!

Кухарка. Да, матушка. Поѣхалъ на ярманку, да тамъ и остался. Большія деньги старикъ-то давалъ, кто отыщетъ— не нашли, ровно въ воду капулъ.

Странница. Убили, должно.

Кухарка. Убили, матушка, убили. Шесть недѣль онъ опосля, голубчикъ, къ намъ ходилъ. Какъ, бывало, ночь, такъ онъ весь домъ и обойдетъ. Что страху-то было! А то это, вздумается ему когда, возьметъ да свѣчи по всему дому зажжетъ.

http://rcin.org.pl

Странница. Это, сестрица, душенька его приходила.

Кухарка. Да ужъ извѣстно.

Странница. По родителямъ тосковала. А живъ у тебя хозяинъ-то?

Кухарка. Господь его вѣдаетъ. Какъ тогда ихъ угнали на Кавказъ, такъ и слуховъ объ емъ нѣтъ... должно, къ австріякамъ попалъ.

Странница. Жалко, поди?

Кухарка. По первоначалу-то жалко было, а теперя ничего. За вѣру правую пущай кровь свою проливаетъ.

Странница. Такъ, такъ, матушка.

ЯВЛЕНІЕ III.

РОМАНЪ ИГНАТЬЕВИЧЪ, нѣсколько извозчиковъ и странникъ.

Никита. Народу много идетъ къ празднику-то.

Романъ. Много! А ты, старецъ, тоже къ угоднику.

Странникъ. Къ угоднику.

Романъ. Издалеча?

Странникъ. Дальный. Въ первой отъ роду въ вашихъ мѣстахъ. Въ Кіевѣ былъ, у Соловецкихъ Чудотворцевъ два раза сподобился, по окіянъ рѣкѣ плавалъ.

Пашка. А людоѣдовъ ты видалъ ли? Говорятъ, въ той сторонѣ людоѣды живутъ.

Странница. Какъ ихъ не видать!—Я видѣла.

Пашка. Что же, они, тетушка, одноглазые?

Странникъ. Одноглазые.

Пашка. За что же они людей-то жрутъ? Али ты, можетъ, врешь?

Странница. Что жъ намъ врать, мірской человѣкъ, врать намъ нечего. И въ книжкахъ есть этому описаніе: коли ты грамотный—въ книжкахъ прочитай. Потому какъ они одноглазые и по ихнему закону все можно.

Никита. Привелъ бы Богъ пораньше уѣхать: балуютъ у насъ по дорогѣ-то.

Романъ. Шалятъ. Дорога у насъ бойкая, баловства много. А ежели въ сумерки, мимо Жукова оврага и не ѣзди — обчистятъ, потому мѣсто очень глухое. Намедни туда все село ворошили смотрѣть: одного за убивство наказывали — въ семи душахъ повинился... Начальству сталъ въ ноги кланяться—не помиловали, наказанье великое было.

Никита. За что миловать!

http://rcin.org.pl

Романъ. Потому кровь христіанскую проливалъ, а вѣдь она, извѣстно, кровь-то христіанская, вопіетъ.

Никита. Вопіетъ! Ежели душу загубилъ,—конечно!..

Бубенъ. Нѣтъ, меня Богъ миловалъ; годовъ пятнадцать ѣзжу, на лихого человѣка не натыкался. Въ запрошломъ году только въ кабакѣ у меня, у пьянаго, полушубокъ украли, а то ничего.

Романъ. Это по нашей дорогѣ часто.

Пашка. И какъ можно, братцы, убить человѣка? За что? Кажись, какъ бы на меня кто наскочилъ въ клочки бы я изорвалъ.

Никита. Въ избѣ-то говорить не страшно, а въ лѣсу понадется въ ногахъ наваляешься.

Пашка. Я-то?

Никита. Ты-то!..

Пашка. Зачѣмъ баловать! Я человѣкъ смирный, животину не бью, а за свою душу до смерти ушибу.

Романъ. Полно, Павлуха, батвить-то! Лихой человѣкъ на то пошелъ... разбойникъ вѣдь онъ—въ лѣсу со звѣремъ живетъ, звѣря не боится, можетъ кажинную ночь руки кровянитъ,—что ты можешь такому человѣку?

Бубенъ. Ничего не подѣлаешь!

Никита. Безъ году недѣлю въ извозчикахъ-то ѣздить да разговариваетъ! Я всю Расею произошолъ, большую-то дорогу знаю. Зря говорить нечего! Звѣря лютаго, кажись, такъ не испужаешься, какъ разбойника! Замретъ твоя душа, охолодаешь весь... не дай Богъ никому!

Бубенъ. А тебѣ трафилось? *(Кухарка ставитъ на столъ ужинъ).*

Кухарка. Ну, господа честные, пожалуйте. Садись, матушка... Садись, старичокъ почтенный... Пріятнаго вамъ апекиту. *(Всѣ садятся за столъ).*

Никита. Я вотъ буду сказывать, а ты слушай: каковы эти люди есть.

Кухарка *(садясь рядомъ съ Никитой).* Сказывай, батюшка, сказывай. Люблю я старинныхъ-то людей слушать.

Никита. Въ Озеркахъ, у насъ, у покойника у дѣдушки, станція была. Мнѣ тогда годовъ двадцать было. Ночью, какъ теперь помню, подъ самое подъ Воздвиженье, пришелъ къ намъ на дворъ тарантасъ съ купцомъ на сдаточныхъ. Моя череда была. Смерть ѣхать не хотца. Я купцу-то и говорю: переночуйте, говорю, ваша милость: очень темно, овраги у насъ тутъ, въ тарантасѣ ѣхать

http://rcin.org.pl

неспособно. Нѣтъ, говоритъ, я и такъ на ярманкѣ замѣшкался... Трогай! Господи, благослови! Съѣхали мы со двора-то—зги Божьей не видать!—Ваше степенство, говорю: воля милости вашей, а ѣхать намъ страшно, обождемъ до свѣту. Ступай, ступай, говоритъ. Верстъ пять проѣхали—ничего. Какъ выѣхали въ Легковскій лѣсъ, и купецъ мой испужался.—Не заплутайся, говоритъ:—темно. Богъ милостивъ, говорю: коли поѣхали, надо ѣхать. Ѣдемъ мы лѣсомъ-то, смотрю, ровно бы огонекъ показался, такъ махонькой...

Бубенъ. Волкъ?

Никита. Погоди! Ваше степенство, говорю! вы ничего не видите? Нѣтъ, говоритъ, а что?—Огонекъ, говорю, въ лѣсу показался... сумнительно мнѣ оченно. Что-жъ ты, говоритъ, сумлѣваешься?—Да такъ, говорю: не лихой ли человѣкъ насъ съ тобой дожидается?—Сотвори, говоритъ, молитву. Творю это я молитву, а огонекъ этотъ опять. Видѣлъ, говоритъ, братецъ, и я.

Кухарка. Это купецъ-то?

Никита. Купецъ-то. Душу свою, говорю, намъ бы здѣсь не оставить.—Что ты, говоритъ, дуракъ, меня пужаешь? Кому наша душа нужна!...—Садись, говорю, сударь, со мною рядомъ, а самъ ровно бы вотъ листъ трясется. Чего же бы такъ, ваша милость, говорю: робѣть намъ нечего! Коли ежели что—насъ двое. А у самого, братецъ мой, духъ захватило, руки отымаются.

Пашка. Тетушка Алена, плесни еще щецъ-то. Щи-то попѣ у тебя жирныя, облопаешься. *(Кухарка поспѣшно наливаетъ щей и садится).*

Никита. Ѣхали мы, ѣхали,—слышу: съ правой стороны ровно бы окрикнулъ кто. Такъ у меня подъ сердце и подкатило! Я къ купцу: ваше степенство, говорю, мы пропали!—Что ты, говоритъ, милый человѣкъ!—Вѣрно, говорю... Подобралъ вожжи, да и думаю: всю тройку зарѣжу, а въ руки не дамся. Только хотѣлъ кнутомъ-то... Стой!.. Двое повисли на пристяжныхъ, да такъ всю тройку и осадили, а одинъ подошелъ къ тарантасу: аль больно скоро нужно? говоритъ.—Скоро, говорю.—Съ ярманки, что ли?—Какіе вы такіе люди есть, говорю, коли вамъ требуется?—А далеча ли вамъ ѣхать-то?—Далеча.—Мы, говоритъ, къ вамъ на устрѣтъ вышли... мѣсто здѣсь больно глухое... А купецъ мой и языкомъ владѣть пересталъ.

http://rcin.org.pl

Бубенъ. Оробѣлъ!

Романъ. Какъ, батюшка, не оробѣть—оробѣешь. Ну!..

Никита. Только, братецъ мой, смотрю: лѣвую пристяжную ужъ отпрягли. Выскочилъ я изъ тарантаса-то, да хотѣлъ за лошадь-то уцѣпиться, какъ онъ меня хлясь!.. *(Кухарка взвизгиваетъ, какъ будто ее самое ударили).*

Никита. Такъ я и покатился!.. Въ глазахъ огни пошли... Слышу: и купецъ мой застоналъ, и такъ этотъ купецъ застоналъ—нутренная моя вся поворотилась... а опосля ужъ ничего и не помню.

Пашка. Чѣмъ же онъ тебя съѣздилъ-то—струментомъ какимъ, аль такъ?

Никита. Надо полагать, закладкой.

Бубенъ. Закладкой—бѣда! Меня разъ въ Москвѣ на *стыкъ* закладкой тоже приложилъ, такъ я годъ въ больницѣ вылежалъ, кажинный день помирать изготовлялся, насилу отдыхалъ. *(Всѣ встали изъ-за стола. Странникъ ложится на лавку).*

Кухарка. Какъ же ты, батюшка, очнулся-то?

Никита. Очнулся-то я въ лѣсу, съ дороги-то они насъ въ лѣсъ сволокли. Утренничкомъ меня прохватило, ровно бы маленько я и очувствовался. Хочу головушку поднять—моченьки моей нѣту. Сталъ купца обзывать: господинъ купецъ, господинъ купецъ! А купецъ мой ничуть. Доползъ я къ нему, а ужъ онъ Богу душу отдалъ и лица на немъ распознать нельзя. *(Кухарка утираетъ слезы).* Ну, думаю, и мнѣ, должно, въ дремучемъ лѣсу помирать надо; въ останный разъ хошь Богу помолюсь за родителевъ. Уцѣпился за дерево, всталъ, да опять, ровно снопъ, ударился. Въ полдни кое-какъ выползъ на дорогу-то; гляжу: тарантасъ мой въ канаву спихнули и кожу съ его всю ободрали...

Романъ. А домой какъ ты попалъ, батюшка?

Никита. Проѣзжій одинъ баринъ доставилъ.

Бубенъ *(взглянувъ въ окно).* Ужъ и туча же, братцы, какая лютая заходитъ! Безпремѣнно гроза будетъ.

Пашка *(разстилая по полу армякъ).* А и, братцы, эта гроза! Насъ однова въ лѣсу застала, дрова мы рубили... страсть! Какъ ударила молонья въ сосну, вотъ надо быть зубомъ дерево-то перекусила.

Бубенъ. Потому стрѣла у ей оченно тонкая... у молоньи-то!.. И никуда ты отъ ей не уйдешь. И ежели тебѣ отъ грозы помереть нужно, такъ ты отъ грозы и помрешь.

Романъ. Помереть, голубчикъ, отъ всего можно.

http://rcin.org.pl

Бубенъ. Это точно, что... какъ не помереть

Странница. Завсегда къ этому готовиться надо.

Странникъ *(сквозь сонъ).* Въ помышленіи держать.

Бубенъ *(значительно).* Вѣрно!

Странникъ. Ходимъ мы по разнымъ мѣстамъ, а не знаемъ, гдѣ наша смерть будетъ.

Пашка *(зѣвая).* Гдѣ ни на есть, тетушка, а ужъ помрешь, помяни ты мое слово. *(Раздается ударъ грома; всѣ крестятся).* Лѣшему-то теперича смерть! *(Молчаніе).*

Бубенъ. А что?

Пашка. Оченно онъ грозы боится. Ужъ теперь онъ подъ деревомъ жмется.

Бубенъ *(ложится на полъ).* Не любитъ!

Пашка. Она его теперича по лѣсу-то гоняетъ. Ты, тетушка, лѣшихъ-то видала ли?

Странница. Гдѣ ихъ, батюшка, видѣть.

Пашка. Мы разъ видѣли: одна ноздря у него, а спины нѣту.

Романъ. Полно врать-то, дурацкой твой разумъ!

Пашка. Сейчасъ умереть, Романъ Игнатьичъ, кого хошь спроси. Онъ только показывается не всякому, а кого ежели очеппо любитъ.

Никита. Что-жъ, ребята, я запрягать пойду.

Бубенъ. Съ Богомъ!

Никита. А вы утромъ?

Пашка. Мы чѣмъ-свѣтъ.

Никита. За хлѣбъ за соль...

Романъ. Ступай, справляйся.

Странница. Съ меня, хозяинъ, съ неимущей, что положите?

Романъ. Что съ тебя класть? Класть съ тебя нечего. Богу за насъ помолись.

Странникъ. Спаси тебя, Господи, рабъ Божій.

Романъ. Ну, ребята, спать чтобы у меня крѣпче...

Пашка. На счотъ этого, Романъ Игнатьичъ, не сумлѣвайся, вплоть до пѣтуховъ проспимъ. Спать нашему брату оченно въ пользу.

http://rcin.org.pl

НА БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ.

СЦЕНЫ ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Потапъ, бѣдный крестьянинъ.
Матрена, его сестра.
Степка, 7 лѣтъ } его дѣти.
Серега, 6 лѣтъ }
Дементій, его сосѣдъ, 30 лѣтъ.
Рогонокъ }
Клеймо } безпаспортныя личности, одѣтыя въ дубленые полушубки.
Вавиловна, прохожая старушка.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, на большой дорогѣ. Деревенская изба.

ЯВЛЕНІЕ I.

Рогонокъ *(подноясываясь)*. Справляйся скорѣй.

Клеймо. Я сейчасъ, за мной дѣло не станетъ. Пущай лошадь-то пожуетъ маленько, умаялась-чай. *(Смѣется)*.

Рогонокъ. Да, ужъ задали ей жару! Долго помнить будетъ.

Клеймо. Чай ужъ теперича хватился.

Рогонокъ. Какъ не хватиться: часа три мы гнали, да часъ, пожалуй, здѣсь сидимъ... Чай ужъ навылся до-сыта.

Клеймо. Экой у насъ народъ глупой!

Рогонокъ. Мы тоже лѣтось въ Питерѣ у чухонца лошадь угнали; опосля я его увидалъ, недѣли черезъ двѣ: худой такой сталъ...

Клеймо. Грустно, значитъ. *(Смѣется)*.

Рогонокъ. Всѣмъ бы хороша наша должность, кабы острога не было, а то попадешься—томятъ, томятъ...

Клеймо. Я разовъ шесть въ уголовной-то парился, да

http://rcin.org.pl

Богъ миловалъ, одинъ разъ только въ сильномъ подозрѣніи оставили. А ужъ однова какъ приходилось: если бы попался, миногами бы накормили.

Рогонокъ. На темную, что-ль, кого взялъ?

Клеймо. Нѣтъ, я рукъ не кровянилъ и бить чтобы очемно кого тоже не приходилось; разъ только одного нѣмца потрепалъ маленько. А это, братецъ, вотъ какъ было: уполъ я тогда съ этапу, на родину меня послали. Ну, какъ уполъ, прямо сейчасъ въ Питеръ... Къ Лаврюшкѣ—въ части! къ Гуську—въ острогѣ! Что дѣлать? Къ Никонычу: нѣтъ, говоритъ, братъ, ступай, я больше вашего брата не пущаю, потому, говоритъ, меня самого затаскали. Дня четыре я путался по Питеру-то, кое-чѣмъ да кое-чѣмъ пробавлялся. Только иду разъ по Обуховскому, смотрю: часовня. Подошелъ, помолился, копеечку въ кружку опустилъ, а самъ замокъ ощупалъ. Думаю, постараться можно. Три ночи сбирался, да все какъ-то опасался. На мое счастье дождикъ, и ночь такая темная—зги не видать. Извѣстное дѣло, въ такую пору не токма дворниковъ—собаки на улицѣ не найдешь. Пополъ. До костей меня прохватило, покуда я дополъ-то. Только-что я перекрестился да ломъ за обручъ-то запустилъ, какъ меня сзади дубиной разъ!.. два!.. Караулъ!.. Стрѣла такъ не летитъ, какъ я бросился!.. И ничего, т. е. никакой боли не чувствую. Слышу, карета ѣдетъ, я маленько остановился; только-что она поровнялась со мной, я разбѣжался да на задкѣ и повисъ, да вилоть до Сѣнной и ѣхалъ.

Рогонокъ. Чисто!

Клеймо. Да, такой штуки въ другой разъ, пожалуй, не сдѣлаешь. Опосля самому смѣшно стало. Ужъ и досталось же мнѣ! Вѣдь какъ пришлось-то! Кабы это на сухонараго человѣка,—до смерти бы на мѣстѣ убилъ, и я-то двѣ недѣли не разгибался. (*Надѣваетъ полушубокъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и МАТРЕНА.

Матрена. Въ дорогу справляетесь?

Рогонокъ. Да, тетушка, замѣшкались.

Матрена. А вы откелева?

Рогонокъ. По хозяйскимъ дѣламъ...

Матрена. Дальніе?

Клеймо. Нѣтъ, тутошные...

http://rcin.org.pl

Матрена. Погода завернула, неспособно вамъ ѣхать-то. Мятелица такая, что—и!..

Рогонокъ. Доѣдемъ. Прощенья просимъ.

Матрена. Дай Богъ часъ, господа честные.

Клеймо. Ужли, тетушка, мужиковъ-то у тебя нѣтъ, одна живешь?

Матрена. Какъ, касатикъ, безъ мужиковъ—безъ мужиковъ нельзя. Въ городъ самъ-то уѣхалъ, да вотъ что-то нѣтъ долго. *(Клеймо и Рогонокъ переглядываются).*

Рогонокъ *(тихо).* Не здѣшняя ли лошадь-то?

Клеймо. Прощай, тетушка.

Матрена. Не посвѣтить ли, голубчики?

Рогонокъ. Нѣтъ, не требуется. *(Быстро уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

МАТРЕНА, потомъ ДЕМЕНТІЙ, СТЕПКА и СЕРЕГА.

Матрена. Нѣтъ, должно, нонѣ не пріѣдетъ, заночуетъ. *(Зѣваетъ).* Эхъ, грѣхи, грѣхи! Куда скучно въ экую погоду-то.

Дементій *(входя).* Вотъ я тебѣ, тетушка Матрена, ребятъ привелъ.

(Серега при входѣ въ избу, быстро бросается на печь).

Матрена. Ты бы ноги-то въ сѣнцахъ околачивалъ. Ишь ты что снѣгу-то въ избу наворотилъ. Некому тутъ за вами прибирать-то!

Дементій. Мой, что ли, снѣгъ-то? На лопатѣ я тебѣ его, что ли, принесъ... Ты погляди-ко, что на дворѣ-то: свѣту Божьяго не видать. Потапъ Митричъ не бывалъ еще?

Матрена. Нѣту-тка. Сказывалъ, около вечеренъ пріѣдетъ, а нѣтъ.

Дементій. Не застрялъ бы въ дорогѣ-то. Ну, ребята, спать чтобы! А Серега-то гдѣ-жъ? *(Степка смѣется).*

Матрена. На печи. На печь забился... Да не уйдешь, несъ, не уйдешь!

Дементій. Аль опять провинился?

Матрена. У насъ съ нимъ одна вина-то—житья отъ его никому нѣтъ.

Степка. Афроськѣ давеча голову, было, проломилъ.

Дементій. Что-жъ, за это выстегать надо. Какъ, Стена, полагаешь: за такія дѣла надо стегать, аль нѣтъ?

Степка. Надо. *(Смѣется).*

Дементій. А коли надо, такъ кончено! Справляйся, те-

http://rcin.org.pl

тушка Матрена. Сейчасъ мы его оттедова стащимъ, да своимъ судомъ... Я подержу, а ты опустишь сколько слѣдуетъ. *(Серега зарѣвълъ во все горло).* А! Не любишь!.. Баловать такъ твое дѣло, а какъ...

Серега. Я ее не трогалъ! Она меня сама все за виски дергала.

Матрена. Что те рѣжутъ, что ли, окаяннаго, прости Господи! Что ты ревешь-то?

Дементій. Полно, дурашка! Съ тобой шутки шутятъ, а ты думаешь взаправду. Ступай сюда, не тронемъ. *(Серега начинаетъ хныкать).* Утрись, да и слѣзай.

Серега. Не слѣзу.

Дементій. Говорятъ, не трону.

Степка. Не тронетъ. *(Серега робко высовываетъ голову съ печи и опять прячетъ).*

Дементій. Полно, ступай! Я сказку сказывать буду. *(Ложится на лавку; Степка садится у него въ головахъ).* Вотъ, братцы, въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жилъ-былъ царь. А у этого царя было три дочери: одна глухая, другая нѣмая, третья безрукая. Только вотъ царь и говоритъ своимъ дочерямъ: дочери мои милыя, изъ разныхъ земель короли ко мнѣ понаѣзжаютъ... *(Прислушивается).* Что это, словно бы воетъ кто? Ужли вѣтеръ! Тетушка Матрена, труба-то у васъ закрыта ли?

Матрена. Какъ же, закрывали давеча. Энтотъ озорникъ-то не открылъ ли?

Дементій. Серега, ты трубу не открылъ ли?

Серега. Открылъ.

Матрена. Ахъ ты, песъ экой! Вотъ баловень-то зародился. Закрой сейчасъ! *(Серега молча исполняетъ приказаніе).*

Дементій. Нечего ему дѣлать-то, вонъ онъ и балуется. Степка, давай выкинемъ его въ сугробъ, пущай его волки растерзаютъ на части. Что его, сорванца, жалѣть-то!

Серега. Выкинулъ одинъ такой-то!

Дементій. Что?! Ты у насъ молчи лучше, насъ вѣдь здѣсь двое. Вѣдь мы съ имъ сладимъ, Степа?

Степка. Сладимъ.

Дементій. Значитъ, тебѣ, востроносому, супротивъ насъ ничего не подѣлать. Ну вотъ, говоритъ, изъ разныхъ земель короли понаѣзжаютъ...

Степка. А ты лучше про вѣдьму разскажи.

Дементій. Про кеивскую? Изволь. *(Серега сползаетъ съ печи).* Да ступай, миляга, слушай.

http://rcin.org.pl

Серега. Прибьешь?

Дементій. Не трону.

Серега. Побожись.

Дементій. Сейчасъ умереть, не трону.

Серега. Нѣтъ, ты скажи: провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ.

Дементій. Провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ! *(Серега робко слѣзаетъ съ печи и подходитъ къ Дементью).* Я вишь какой человѣкъ: сказалъ не трону,—и кончено! И никому, значитъ, не позволю тебя обижать. Садись на меня теперича хошь верхомъ, и то ничего. Ты вѣдь озорничать не будешь?

Серега. Не буду.

Дементій. Ну, значитъ, ты милой человѣкъ, а милыхъ людей я оченно люблю. И будемъ мы съ тобой жить, пока Богъ грѣхамъ нашимъ терпитъ. Садись на меня верхомъ. *(Серега робко садится, думая, не обманываетъ ли его Дементій).* Хошь, я тебя теперича въ Москву свезу, али въ Питеръ, куда хошь—мнѣ все равно. *(Качаетъ Серегу).* Жизнь, тетушка Матрена, малолѣтнимъ-то! Хошь бы денечекъ по ихнему-то пожилъ. Ничего это они не чувствуютъ, какъ должно... Вотъ хоть бы теперича Серега. Ну, что ты пострѣлъ, понимать можешь? Что ты можешь чувствовать? Какая такая твоя должность?

Матрена. Должность его извѣстная: всталъ ни свѣтъ, ни заря, не умывши, Богу не помолившись — шасть изъ избы, да и мается день-то деньской невѣсть гдѣ.

Степка. Что-жъ ты про вѣдьму-то?

Дементій. Не токма что я тебѣ про вѣдьму, а какъ я тебя за твою добродѣтель оченно люблю, потому ты парнишко смирной, я тебѣ къ Святой пару голубей достану.

Серега. И мнѣ!

Дементій. Тебѣ, братъ, не за что. А можетъ, мы тебя къ Святой-то въ солдаты отдадимъ. *(Серега смотритъ на него вопросительно).* Что глядишь-то? это вѣрно! Свяжемъ, значитъ, свеземъ къ становому: вотъ, скажемъ, ваше благородіе, Серега у насъ оченно балуется, прикажите ему лобъ забрить. *(Степка смѣется).* А Степкѣ пару голубей предоставлю... Синицъ съ нимъ пойдемъ ловить. Синицъ много въ тѣ поры попалетитъ.

Серега *(сквозь слезы).* А я баловать не буду.

Дементій. Коли ежели не будешь, значитъ и мы съ тобой будемъ компанію водить, а то въ солдаты.

http://rcin.org.pl

Матрена. Ты самъ, посмотрю я на тебя, ровно махонькой—городить невѣсть что.

Дементій. Больно ужъ ребятъ-то, тетушка Матрена, люблю, потому они очень смѣшные.

Степка. А вонъ дьячковы дѣти лѣтось воронье гнѣздо разорили.

Дементій. Потому, они кутейники. Нешто они могутъ понимать? А вы, ребята, гнѣзда не трогай. Грѣхъ великій, сжели кто гнѣздо разоритъ. Коли найдешь гнѣздо съ яичками — не тронь, пущай выводитъ. А кутейники эти, вѣстимо, голодные: они не токма яица — они и голубей лопаютъ.

Матрена. Тьфу! какъ это имъ въ душу-то лѣзетъ!

Дементій. Жрать хочется!

Матрена. Да вѣдь голуби-то непоказанное?

Дементій. Мало ли что непоказанное! А вы, ребята, коли сжели мнѣ пріятели, — коли кто примѣтилъ гнѣздышко: сейчасъ покажи мнѣ. *(Молчаніе).* А вотъ, братцы, Богъ дастъ, полая вода придетъ, рыбу пойдемъ ловить. Какъ занятно!

Матрена. Ну, этимъ рыбакамъ-то спать пора. Спуютъ, спуютъ день-то деньской, умаются.

Дементій. Что-жъ скажи, ребята: за нами дѣло не станетъ, мы и спать можемъ. *(Встаетъ и почесывается).* Погода, значитъ, самого-то задержала... Оченно ужъ вьюга-то. Теперешнее дѣло, какъ разъ съ дороги собьешься. Бѣда, тетушка Матрена, объ эту пору въ дорогѣ! Не приведи-то Господи! Стужа! Глазыньки тебѣ это всѣ залѣпитъ, борода обмерзнетъ, злой сдѣлаешься, животину бьешь, ровно бы она причинна! Все это, значитъ, Божья власть, а ты въ ту пору ничего этого чувствовать не можешь, потому сердце въ тебѣ больно раскипится. *(Потягивается).*

Матрена. Хозяина-то дома нѣтъ, словно бы и страшно одной-то.

Дементій. Точно что одной-то жутко.

Матрена. Да мнѣ понѣ цѣлый день что-то не по себѣ, ровно бы я что потеряла, аль такъ душенька ноетъ. *(Съ улицы въ окно слышится стукъ).*

Дементій. Не самъ ли?

Матрена. Кому-жъ, опричь его. *(Выходитъ изъ избы).*

Дементій *(къ ребятамъ).* А вы что-жъ не ложитесь? У меня спать чтобы, а то вѣдь я сердитый, наказывать стану.

http://rcin.org.pl

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и ВАВИЛОВНА.

Вавиловна. Пустите, православные, душу на покаяніе. *(Садится въ изнеможеніи на лавку).*

Дементій. Инъ ты, какъ тебя занесло-то! Въ самую мятель-то ты, значитъ, и попала...

Вавиловна. Охъ, батюшки мои!..

Дементій. Ты ноги неознобила ли?

Вавиловна. Моченьки моей нѣтъ!

Матрена. Раздѣнься, голубка. *(Помогаетъ ей раздѣться).* Инъ ты, на тебѣ одного снѣгу-то пудовъ пять будетъ.

Вавиловна. Не чаяла я ужъ живой-то быть; думала, помру, въ чистомъ полѣ, не замоливши грѣховъ своихъ.

Дементій. Что хитраго помереть въ экую стужу! Въ экую стужу и мужику только въ пору, а ужъ вашей сестрѣ гдѣ. Ты теперича на печь ступай.

Вавиловна. Ноженьки-то въ снѣгу-то вязнутъ, идти-то неспособно, а тороплюсь поспѣть засвѣтло.

Дементій. А ты далеча ли пробираешься-то?

Вавиловна. Въ Москву, батюшка. Сыночекъ у меня въ Москвѣ живетъ.

Дементій. По какой части?

Вавиловна. По пачпорту ходилъ, а теперича приписался.

Дементій. А вы господскіе были?

Вавиловна. Господскіе, батюшка, господскіе.

Дементій. Чьихъ?

Вавиловна. Семенъ Иваныча Батурина. *(Продолжительное молчаніе).*

Дементій. Отъ господъ-то отошли теперича

Вавиловна. Слободные, батюшка.

Дементій. Вѣдь тебѣ, баушка, чай все равно: ты старый человѣкъ. Вѣдь тебѣ годовъ, чай, много?

Вавиловна. Много, батюшка.

Дементій. Ты французское-то разореніе помнишь ли?

Вавиловна. Помню, голубчикъ, все помню. Въ тѣ-поры, какъ ему придти-то, французу-то, на небѣ все столбы ходили. Небо это загорится, и пойдутъ столбы, и пойдутъ столбы. Думали тогда, къ мору, анъ ждемъ-пождемъ—онъ и приполъ и двѣнадцать языковъ съ собою привелъ.

Дементій. Двѣнадцать языковъ—это ты вѣрно. Видимо-невидимо, говорятъ, ихъ привалило тогда. Дѣдушка намъ сказывалъ.

http://rcin.org.pl

Вавиловна. Въ тѣ-поры нашъ энералъ кресты свои, медали всѣ понавѣсилъ, да ночью, съ Васильемъ фалстеромъ на войну и уѣхалъ.

Матрена. На стражепіе?

Вавиловна. Да, матушка. Прощайте, говоритъ, православные, ѣду я проливать свою энеральскую кровь. И могилку батюшкѣ велѣлъ себѣ выкопать у церкви. Да Богъ его помиловалъ, голубчика, опять къ намъ пріѣхалъ. Какъ это у французовъ землю эту ихнюю подъ нашего царя подвели, въ нашу вѣру правую ихъ всѣхъ перегнали—онъ и пріѣхалъ, и помню это, нѣмца съ собой привезъ; барчатъ онъ тогда, сказывали, на разные языки обучалъ по-ихнему.

Дементій *(потягиваясь)*. Ишь ты, старинные-то люди, тетушка Матрена, все знаютъ! Ну, прощайте. Ты, бабушка, на печь бы шла. *(Хочетъ идти. Съ улицы слышится невнятный разговоръ; всѣ прислушиваются)*. Что это, тетушка, словно какъ самъ пріѣхалъ. *(Молчаніе)*. Да, онъ и есть! Его рѣчи-то. Что за причина! *(Разговоръ становится внятнѣе)*. «Да тутъ, въ Алешнѣ». «Да, какъ же ты прозѣвалъ?» «Надо бы бѣжать». «Въ экаю вьюгу много ли набѣжишь, зги Божьей не видать». *(Всѣ въ недоумѣніи; Дементій смотритъ на Матрену вопросительно)*. Отпирай, ступай! *(Матрена бѣжитъ и возвращается съ Потапомъ)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и ПОТАПЪ, окоченѣвшій отъ холода.

Матрена. Чтой-то, батюшка!

Потапъ. Божеское попущеніе!

Дементій. Что ты, Потапъ Митричъ?

Потапъ. Ограбили!

Дементій. Какъ ограбили!

Потапъ. Лошадь угнали!!

Дементій. Что ты!!

Матрена *(воетъ)*. Ай, батюшки! Чѣмъ мы Бога прогнѣвали? За что на насъ экое наказаніе!..

Потапъ. Разорили меня, съ малыми дѣтьми разорили! Взяться теперь нечѣмъ. Словно и свѣтъ Божій мнѣ все одно, хошь руки на себя накладай. *(Обратившись къ образу)*. Батюшка, Царь милостивый! Твоя воля, Твой предѣлъ, Отецъ нашъ небесный! *(Плачетъ)*. Легче бы хворость какую лютую выхворалъ, ничѣмъ это дѣло. Ахъ ты, Господи!

http://rcin.org.pl

Матрена. Чуяла моя душенька, что быть нехорошему. Цѣлый-то денёчекъ нонѣ не спалось мнѣ, не ѣлось...

Дементій. Да какъ же, братецъ, кое мѣсто угнали-то? Можетъ, еще мы на слѣдъ попадемъ...

Потапъ. Гдѣ попасть, гдѣ попасть! Не на то воруютъ лихіе люди...

Вавиловна. Кабы маленько я не поспѣла, и меня бы ограбили.

Дементій. Постой, баушка, что съ тебя взять! Что-жъ дѣлать, Потапъ Митричъ?

Потапъ. Что дѣлать!.. Ложись да умирай!

Дементій. Зачѣмъ умирать, умирать не слѣдъ. Да какъ дѣло-то было?

Потапъ. Прозябъ я очень, погода-то больно завернула, да въ Алешинѣ въ кабакъ и заворотилъ; отъ кабака-то и угнали. Цѣловальникъ сказывалъ, что двое какихъ-то сидѣло. Одинъ говоритъ, кривой, а другой рыжій такой. Опричь ихъ, говоритъ, некому.

Матрена. Батюшки!.. Касатики!.. Выньте изъ меня мою душеньку!.. Они здѣсь были... *(Ребятишки просыпаются и смотрятъ въ недоумѣніи).*

Дементій. Кто?

Матрена. Воры-то, воры-то! И лошадь-то наша у насъ на дворѣ была!... Давя, какъ тебѣ съ ребятами-то придти, я ихъ только-что спустила. Ой, смертушка моя!

Дементій. Это двое-то выѣхали?

Матрена. Они, они самые. Кривой одинъ.

Дементій. Ну такъ, Потапъ Митричъ, не сумлѣвайся. Они ночью по экой погодѣ далеча не уѣдутъ. Вотъ погода перестанетъ, мы ихъ нагонимъ.

Потапъ. Какъ же тебѣ не въ догадъ? Ужли ты нашей лошади не знаешь?

Матрена. Не въ догадъ, батюшка, не въ догадъ! Всѣ глазыньки залѣпило... *(Востъ).*

Потапъ *(къ дѣтямъ).* Вотъ, ребятушки, лошадь нашу угнали. Пропащій я теперича съ вами человѣкъ! *(Плачетъ и опускаетъ голову на столъ).*

http://rcin.org.pl

НА ПОЧТОВОЙ СТАНЦІИ.

НОЧЬЮ.

— Ямщики! Эй, ямщики! Тарантасъ подъѣхалъ...

— Вставай... чья череда-то?..

— Микиткина...

— Микитка!.. Слышь!.. Микитка, гладкій чортъ! тарантасъ подъѣхалъ...

— Сичасъ!..

— Да какъ же ты теперича поѣдешь-то?

— А что?

— Ночью-то?!.

— Ну?

— Такъ что же?

— По косогорамъ-то?

— Такъ тарантасъ-то вляпаешь!..

— Вляпаешь! Пятнадцать годовъ ѣзжу, да вляпаешь!..

— Ваше благородіе! Тутъ у насъ на 7-й верстѣ къ Озерецкому-то косогоры, такъ вотъ отъ почтоваго епартаменту обозначено, чтобъ сумлѣнія не было...

— Помилуйте, ваше благородіе, я пятнадцать годовъ ѣзжу...

— Онъ-тѣ въ загривокъ-то накладетъ...

— Наклалъ!.. Мазали чтолича?

— Смазано...

— Извольте садиться, ваше благородіе! Эхъ вы, голубчики!..

— Смотри осторожнѣе...

— Помилуйте, сударь, я пятнадцать годовъ ѣзжу. Ямщики, извѣстно, со смотрителемъ заодно... Смотрителю только бы самовары наставлять, пользоваться... Тпру!!..

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

— Что?

— Вотъ этотъ самый косогоръ-то и есть.

— Осторожнѣй!

— Помилуйте, сударь, я пятнадцать годовъ ѣзжу. Не извольте сумлѣваться... Тпру!..

— Смотри!

— Точно что оно, опосля дождя, тутъ жидко...

— Держи!..

— Господи, ужли въ пятнадцать-то годовъ дороги не знаю...

(Тарантасъ падаетъ.)

— Что-жъ, ты, чортъ тебя возьми!..

БЕЗОТВѢТНЫЙ.

СЦЕНА ВЪ ДЕРЕВНѢ.

— Калина Митричъ, скажи ты мнѣ, отчего я такъ много доволенъ?

— Можетъ выпимши...

— Стаканчикъ выпилъ, это вѣрно! А ты мнѣ скажи, отчего я такъ много доволенъ?

— Поди-жъ ты! Кажинный разъ на этомъ мѣстѣ...

— Ну, отъ стаканчика и доволенъ.

— Стаканчикъ одинъ — ничего! А я оченно радъ! Видишь — птичка сидитъ, и я радъ! Пущай сидитъ, голубушка!.. Оттого я много доволенъ, что хорошій я оченно человѣкъ! Такой я хорошій человѣкъ,—но всей деревнѣ и людей такихъ нѣтъ! Чаю я не пью...

— А стаканчикъ-то...

— Въ первой отъ роду! Силкомъ влили! Давайте, говоритъ, мы Митѣ стаканчикъ поднесемъ. Священникъ заступился: что вы, говоритъ, непьющему человѣку...

— То-то я смотрю: тихій ты человѣкъ, голосу твоего никогда не слыхать, а теперь разговаривать сталъ.

— Оттого я много доволенъ, что всѣхъ я люблю!.. Рыбу я ловить люблю.—Въ лѣсу чтобы мнѣ ночью — первое это мое удовольствіе!.. Выду я въ лѣсъ, когда почка развернется, да и стою. Тихо! Духъ такой здоровый!.. Мать ты родная моя, какъ я лѣсъ люблю! Ежели теперича въ лѣсу ночью гроза...

— Не боишься?

— Люблю! Какъ почнетъ это она сосны выворачивать... страсть! А опосля того подымется всякая разная птица, на разные голоса...

http://rcin.org.pl

— Охотникъ ты большой!

— Большой я охотникъ! По нашему лѣсу вплоть до вантеевской мельницы — я всѣ гнѣзда знаю. А какъ меня рыба уважаетъ!.. Ухъ, какъ она меня уважаетъ! Но только за мою эту охоту великое мнѣ наказанье было! И какъ это, Калина Митричъ, обидно! Хорошій я человѣкъ, чаю я не пью...

— Такъ за что же?

— Жилъ я на фабрикѣ и какъ слободное время — сейчасъ я въ лѣсъ. Тамъ народъ—кто въ трактиръ, кто куда, а я въ лѣсъ. И сижу это я въ лѣсу и таково мнѣ хорошо — лучше требовать нельзя. Вдругъ, братецъ ты мой, откуда ни возьмись — двое. Какой ты есть человѣкъ? По какому случаю? Птицъ, говорю, заманиваю. Поволокли меня къ становому. — Помилуйте, говорю, за что же? Ни въ чемъ я не причиненъ... Ахъ, Калина Митричъ, какъ мнѣ это обидно! Вышелъ становой и сейчасъ меня обыскивать. Сознавайся, говоритъ, тебѣ легче будетъ: — ты фальшивую монету дѣлалъ? Никакъ нѣтъ, говорю. За что вы, ребята, его взяли? Не можемъ, говорятъ, знать: сидитъ въ оврагѣ — и взяли. Зачѣмъ, говоритъ, ты въ оврагѣ сидѣлъ? Птицъ, говорю, люблю, ваше благородіе. Вотъ тебѣ, говоритъ, двугривенный, ступай на всѣ четыре стороны. Вѣришь ты Богу, Калина Митричъ, какъ мнѣ это обидно! Иду мимо церкви, хотѣлъ положить этотъ самый двугривенный въ кружку, а ужъ дѣло подъ вечеръ было, сейчасъ меня опять судить; ты, говорятъ, у храма Божьяго кружки ломать хочешь!.. Пустите, говорю, голубчики:—сейчасъ меня судили. Вотъ двугривенный становой далъ. Человѣкъ я безотвѣтный! смирный!.. Отпустили. Ну и какъ же мнѣ это обидно!..

http://rcin.org.pl

СЦЕНЫ ИЗЪ КУПЕЧЕСКАГО БЫТА.

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

СМОТРИНЫ и СГОВОРЪ.

Еремей Терентьевичъ Смѣсовъ, купецъ лѣтъ 50.
Дарья Ивановна, его жена.
Душа (Авдотья), ихъ дочь, 17-ти лѣтъ.
Ѳекла Ѳедосѣевна (бабушка), мать Смѣсова.
Анна Петровна, купеческая дочь, дѣвица 40 лѣтъ.
Вѣрочка, подруга Души.
Марья Ивановна, чиновница.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ Рогожской улицѣ. Небольшая комната, меблированная безъ вкуса.

I.

СМОТРИНЫ.

БАБУШКА и АННА ПЕТРОВНА.

Бабушка. Съ этакимъ человѣкомъ и говорить-то пріятно, потому, у него всякое слово на пользу. По всѣмъ мѣстамъ ходилъ, все видѣлъ... Такія, говоритъ, мѣста есть — кормятъ какъ, трапеза какая—рай земной!..

Анна Петровна *(вздыхаетъ)*. Есть, есть; не всякій только, по грѣхамъ по своимъ, сподобится увидать-то ихъ.

Бабушка. Мы, говоритъ, въ семъ мірѣ только плоть свою тѣшимъ... Да вѣдь и правда!

Анна Петровна. Все правда!

Бабушка. Я, говоритъ, не то что къ примѣру, это зря говорю: все это я изъ книгъ... по книгамъ все...

Анна Петровна. Вотъ бы его, Ѳекла Ѳедосѣвна, насчетъ нашего Демьяшки-то спросить...

Бабушка. А что?

Анна Петровна. Въ умѣ помутился отъ книгъ-то.

Бабушка. Зачитался?

http://rcin.org.pl

Анна Петровна. Третій годъ, матушка, мы съ нимъ маемся. Чего-чего не дѣлали — и въ пустынь-то возили, и на дому-то отчитывали—ничего не помогаетъ. Доктора какъ-то звали. Пріѣхалъ, посмотрѣлъ. Давно ли? говоритъ. — Такъ и такъ говоримъ: три года.—Поздно, говоритъ:—кабы вы по-первоначалу ко мнѣ пріѣхали, я бы поставилъ его на ноги, а теперь нельзя. Сестра Домна говоритъ: это мы, говоритъ, оттого полагаемъ, что онъ книгъ зачитался, потому, онъ съ малыхъ лѣтъ все въ книжку читалъ. Ну, онъ засмѣялся. Нешто они понимаютъ! Измучилъ онъ насъ совсѣмъ, хоть бы поскорѣй прибралъ его Богъ. Третій годъ не встаетъ съ постели, дадутъ ежели поѣсть — поѣстъ; нѣтъ — ему все равно — не спроситъ. И вѣдь это, Ѳекла Ѳедосѣвна, дивное дѣло: ума бы, кажется, у него совсѣмъ нѣтъ, потому, говоритъ все это несообразно, одежу на себѣ рветъ, пѣсни поетъ, а какъ посты всѣ знаетъ, праздники... уму непостижимо! Сестра Домна когда это спроситъ: Демьяша, какой нынче праздникъ—сейчасъ скажетъ.

Бабушка. Да онъ у васъ, должно, блаженный.

Анна Петровна. Богъ его знаетъ.

(Входитъ Смѣсовъ

Бабушка. Послушай-ко, Еремей Терентьичъ, что Аннушка про племянника разсказываетъ.

Смѣсовъ. Слушать-то нечего, знаемъ! Уморили парня, да теперь разговариваютъ.

Анна Петровна. Чѣмъ мы его уморили-то?

Смѣсовъ. Молчи лучше! Скажу—стыдно будетъ.

Анна Петровна. Сестра Домна...

Смѣсовъ. Разказнить надо твою сестру Домну-то!

Анна Петровна. Да коли бы ежели въ тѣ поры не она...

Смѣсовъ. Всѣхъ она васъ послѣ родителя-то оболванила. Который отъ покойника Петра Савича капиталъ-то остался— гдѣ онъ? Сколько страму-то было, — помнишь, аль нѣтъ? Все быть барыней хотѣлось, эниральшей! Хоть бы теперь, дура, грѣхъ-то прикрыла... не молоденькая!..

Анна Петровна. Не намъ судить.

Смѣсовъ. Нѣтъ, намъ судить. Страмъ! Вамъ теперь ѣсть, поди, нечего, а она въ коляскахъ разъѣзжаетъ. Надо полагать, парень отъ ея безобразія-то и помутился. Помутишься! Жилъ, можно сказать, въ довольствѣ, да въ роскоши, къ наукѣ себя приспособить хотѣлъ, а опосля покойника вы его на кухню прогнали.

Анна Петровна. Что-жъ, коли мы въ бѣдность произошли...

http://rcin.org.pl

Смѣсовъ. Учить-то ее некому! Намедни, говорятъ, съ сожителемъ-то своимъ въ Марьиной такой кранболь сдѣлали, что-любо два! Всѣ съ фонарями оттеда пріѣхали.

Бабушка. Ну, Богъ съ ней! Она въ грѣхѣ, она и въ отвѣтѣ.

Смѣсовъ. Да парня-то жалко. Ты бы, бабушка, туда пошла. Скоро, чай, пріѣдутъ.

Бабушка. Пойдемъ, Аннушка.

(Всѣ уходятъ; входятъ Вѣрочка и Душа).

Душа. Ты знаешь, Вѣрочка, отчего у насъ такъ въ залѣ убрано?

Вѣрочка. Нѣтъ, не знаю.

Душа. Меня сватаютъ.

Вѣрочка. Что-жъ, это дѣло хорошее.

Душа. Мнѣ очень совѣстно!..

Вѣрочка. Тутъ нечего совѣсть наблюдать, а вышла поскорѣй,—и конецъ...

Душа. Страшно на первый-то разъ.

Вѣрочка. Смотрѣть, что ли, пріѣдетъ?

Душа. Ждутъ.

Вѣрочка. Меня четыре раза смотрѣли: я тебя научу,— тутъ важности нѣтъ; другое дѣло, когда подъ вѣнецъ везутъ — тутъ совсѣмъ другія чувства нужны, а это очень просто. Онъ благородный?

Душа. Нѣтъ, купецъ.

Вѣрочка. Что-жъ, съ купцомъ особенной и политики не нужно. Не смотри ему только въ глаза, чтобъ не зазнавался.

Душа. А ну, какъ онъ говорить будетъ?

Вѣрочка. Они не говорятъ. Онъ только вопьется въ тебя глазами...

Душа. Ужасно конфузно!

Вѣрочка. Это съ непривычки.

Душа. А что ты думала, Вѣрочка, когда тебя смотрѣли?

Вѣрочка. Извѣстно, все разное думала... обо всемъ. Только ко мнѣ все нехорошіе сватались; а одинъ такъ пьяный пріѣхалъ, все цаловаться лѣзъ, насилу выжили.

Кухарка *(впопыхахъ).* Барышня, приготовься, матушка, оправься!.. Вѣра Митривна, обдерни ей платье-то... Ѣдутъ!.. *(Убѣгаетъ).*

(Входятъ Смѣсовъ, Дарья Ивановна, бабушка).

Дарья Ивановна. Готова ли ты?

Душа. Готова, маменька.

http://rcin.org.pl

Бабушка *(плачетъ)*. Твори молитву... читай про себя молитву.

Душа. Лучше бы, Вѣрочка, въ другой разъ...

Вѣрочка. Не бойся...

(Входятъ: Иванъ Гавриловичъ, молодой человѣкъ, въ голубыхъ брюкахъ съ лампасами, въ палевомъ жилетѣ и пестромъ галстукѣ; Гаврила Прокофьичъ, его отецъ, лѣтъ подъ 60; Домна Семеновна, его мать, въ повязкѣ).

(Продолжительное молчаніе).

Гаврила Прокофьичъ. Ѣхали мимо.

Смѣсовъ. Благодаримъ покорно, что не побрезговали.

Домна Семеновна *(сыну тихо)*. Смотри, тебѣ съ ней жить-то...

Иванъ Гавриловичъ. Понимаю, маменька.

(Смѣсовъ подноситъ вино къ Гаврилѣ Прокофьичу; тотъ пьетъ и откланивается, потомъ къ Домнѣ Семеновнѣ).

Домна Семеновна *(отстраняя рукой рюмку)*. Благодаримъ покорно!

Смѣсовъ. Это легкое-съ.

Домна Семеновна. Развѣ что легкое... *(Отпиваетъ половину рюмки).*

Дарья Ивановна *(поспѣшно)*. Всю, всю, всю-съ... *(Домна Семеновна допиваетъ).*

(Смѣсовъ передастъ рюмку Душѣ, та подноситъ жениху).

Иванъ Гавриловичъ. Сдѣлайте ваше одолженіе, увольте великодушно—не употребляю.

Дарья Ивановна. Нѣтъ, ужъ выкушайте!

Иванъ Гавриловичъ. Ей-Богу, не могу!

Смѣсовъ. Нѣтъ, ужъ вы сдѣлайте милость.

Домна Семеновна. Онъ еще у насъ не набалованъ.

(Иванъ Гавриловичъ беретъ рюмку и пьетъ; кухарка приноситъ самоваръ; Душа обноситъ всѣхъ чаемъ; продолжительное молчаніе).

Гаврила Прокофьичъ. Это у васъ какое производство?

Смѣсовъ. Фабричку небольшую держимъ. *(Молчаніе).*

Домна Семеновна. Варенье-то сами варите, аль покупаете?

Дарья Ивановна. Сами. *(Молчаніе).*

Иванъ Гавриловичъ *(подходитъ къ канвовой картинкѣ)*. Это вы изволили эту самую кошечку вышивать?

Душа *(вся вспыхнувъ)*. Я.

Иванъ Гавриловичъ. Сами?

Душа. Сама.

http://rcin.org.pl

Иванъ Гавриловичъ. Это вы какъ изволили вышивать — изъ головы, аль съ картинки какой-съ?

Душа. Съ узора.

Кухарка *(въ дверяхъ).* За экимъ кавалеромъ никому не стыдно быть... Ишь ты!.. На что лучше!..

(Душа отходитъ съ Вѣрочкой въ сторону).

Бабушка *(тихо).* Поди, стой на глазахъ... Куда ушла-то?

Вѣрочка. Ей дурно.

Бабушка. Отчего, матушка?

Вѣрочка. Разумѣется, отъ воображенія.

(Смѣсовъ и Дарья Ивановна подходятъ къ дочери).

Гаврила Прокофьичъ. Ну что, какъ на твои глаза?

Иванъ Гавриловичъ. На все есть воля ваша, тятенька, а мнѣ лучше не требуется; это вы совсѣмъ по моимъ чувствамъ потрафили — какъ насчетъ разговору и насчетъ всего-съ.

Гаврила Прокофьичъ. Мать, какъ дѣла?

Домна Семеновна. Что-жъ, я съ него воли не снимаю. Коли ему по нраву пришла, я дамъ свое благословеніе... Потолще бы маленько... виднѣй бы была.

Иванъ Гавриловичъ. Въ толстыхъ-то, маменька, тоже большого проку нѣтъ-съ...

Домна Семеновна. Какъ хотите съ отцомъ... мнѣ все равно...

(Всѣ встаютъ).

Гаврила Прокофьичъ. Прощенья просимъ. Заѣзжайте, потолкуемъ. *(Отводитъ Смѣсова въ сторону).* Объявите, что нашему сыну очень ваша барышня понравилась. А тамъ насчетъ росписи у насъ разговоръ будетъ...

(Всѣ уходятъ).

Вѣрочка. Что, Душа, понравился?

Душа *(покраснѣвъ).* Еще не знаю.

Бабушка. Это опосля все узнаешь.

II.

СГОВОРЪ.

(Въ конюшнѣ).

МАКАРЪ — кучеръ жениха; ѲЕДОСѢЙ — кучеръ Смѣсова.

Макаръ *(входя).* Честь имѣемъ поздравить!

Ѳедосѣй. Благодаримъ покорно!

http://rcin.org.pl

Макаръ. Закрутили вы нашего Ивана Гавриловича.

Ѳедосѣй. Это дѣло хорошее, дай Богъ всякому.

Макаръ. Значитъ, мы съ имъ теперича будемъ жить какъ должно.

Ѳедосѣй. Да, ужъ баловство всякое надоть бросить, потому мы вамъ такую кралю отдаемъ—энаралу не стыдно.

Макаръ. Нашему Гаврилѣ Прокофьичу все одно; ему, главная причина, насчетъ денегъ,—а что на этихъ краль мы не смотримъ... Сватали ужъ намъ всякихъ.

Ѳедосѣй. Пожалуй, другая и съ большими деньгами, да что въ ней!.. Вонъ у Сизова дочь...

Макаръ. Знаемъ; мы и къ ней сватались. Иванъ Гаврилычъ въ тѣ поры отъ ней въ бѣгахъ находился, въ Грузинахъ проживалъ. Дѣло-то до графа доходило, графъ ужъ имъ раздѣлюцію сдѣлалъ. Вы меня, говоритъ, тятенька, хоть на поселенье сошлите, а ужъ на этой вашей невѣстѣ я жениться несогласенъ. Такъ ужъ онъ его точилъ-точилъ... цѣлый годъ въ деревнѣ на фабрикѣ держалъ...

Ѳедосѣй. Ишь, онъ у васъ какой!

Макаръ. Бѣдовый! Онъ только кажется-то подхалимомъ, а блажной старикъ. *(Молчаніе).* Старше-то вотъ сталъ тише, а то, бывало, что дѣлалъ — страсть! Стекла, посуду въ трактирѣ перебьетъ: получай, говоритъ, капиталы за все, что стоитъ, а ндраву моему не препятствуй!.. Разъ онъ у насъ безъ вѣсти пропадалъ.

Ѳедосѣй. Ну!

Макаръ. Съ нѣмцемъ, съ красильщикомъ, запили, а куда же ихъ чортъ, съ пьяныхъ-то глазъ, дернулъ? — въ Ростовъ уѣхали, да двѣ недѣли тамъ и хороводились. Бабушка выручать ѣздила, обманомъ его оттеда въ пустынь увезла, тамъ только очувствовался... Крутой человѣкъ! Съ нѣмцемъ это они разъ, было, домъ сожгли. Тотъ ему, болтали тогда, какую-то химію показывалъ. А мадамъ у нѣмца жила молоденькая, при дѣтяхъ была приставлена насчетъ науки, такъ захворала со страху: я, говоритъ, такихъ людей съ роду не видывала. *(Молчаніе).* Коли сжели за нимъ не усмотрятъ, онъ и ноніѣ какое ни на есть колѣно выкинетъ, ужъ онъ это разрѣшеніе себѣ сдѣлаетъ... Сына женитъ—нельзя.

Ѳедосѣй. Ну, а теперича съ Иваномъ-то Гаврилычемъ они въ ладахъ, аль нѣтъ?

Макаръ. Простилъ. Батюшка, сказываютъ, на духу уговорилъ. Сама ѣздила, батюшку просила.

http://rcin.org.pl

Ѳедосѣй. Мы вчера съ хозяйкой къ ворожеѣ ѣздили, такъ не насчетъ ли этихъ дѣловъ она гадала? Куфарка сказывала, что хозяйкѣ не совсѣмъ ладно вышло...

Макаръ. Объ немъ, это вѣрно.

Ѳедосѣй. По твоимъ рѣчамъ, надо полагать, такъ. Пойти велѣть дворнику ворота запереть, а то лишняго народа много наберется.

Макаръ. Это ничего, пущай смотрятъ.

Ѳедосѣй. А что, въ самомъ дѣлѣ, пущай смотрятъ.

Макаръ. Ужъ это вездѣ такіе порядки.

Ѳедосѣй. Ну, ладно.

Небольшая комната, оклеенная желтыми обоями. ДУША и ИВАНЪ ГАВРИЛОВИЧЪ сидятъ на диванѣ.

Душа. А послѣ сговора вы къ намъ каждый день будете ѣздить?

Иванъ Гавриловичъ. Не токма что каждый день, а коли бы ежели какая возможность была, я бы совсѣмъ отъ васъ не поѣхалъ.

Душа. Скажите мнѣ откровенно: вы въ меня очень влюблены?

Иванъ Гавриловичъ. Какое-жъ въ этомъ есть сумнѣніе? Поэтому самому я и жениться на васъ хочу. *(Цѣлуются. Продолжительное молчаніе).*

Душа. Можетъ-быть, съ вашей стороны это только одинъ разговоръ, а на умѣ вы совсѣмъ другое держите.

Иванъ Гавриловичъ. Я только одно въ умѣ содержу: поскорѣй бы мнѣ отъ тятеньки на свою волю выйти. Ежели я буду жить самъ по себѣ, тогда совсѣмъ другая статья будетъ. А то, какъ раздумаешься иной разъ, и выходитъ, что я самый несчастный человѣкъ въ своей жизни. Вы, можетъ, по вашимъ чувствамъ ко мнѣ, не видите, въ какой меня строгости тятенька содержитъ. Давеча я папироску закурилъ; кажется, ничего тутъ нѣтъ такова, особеннаго, а ужъ онъ косится, и долгонъ я этотъ взглядъ понимать, къ чему онъ клонитъ... А клонитъ онъ къ тому, что это имъ не нравится, что я папироску закурилъ. Ну, я и бросилъ, сдѣлалъ имъ это удовольствіе. *(Молчаніе).*

Душа. А вы прежде были влюблены?

Иванъ Гавриловичъ. При этакой жизни, какая тутъ любовь: больше все худое на умъ идетъ. Иной разъ и не хотѣлъ бы чего сдѣлать, и противно бы, кажется, а дѣ-

http://rcin.org.pl

лашь, потому самому, что грустно,—думаешь: легче будетъ. А женить-то меня давно собирались; невѣстъ-то мы штукъ шесть пересмотрѣли: то самому не понравится, то самой не приглянется. Самъ-то больше насчетъ денегъ — чуть что — и конецъ!.. а сама, — Богъ ее знаетъ чего хочетъ. Спросишь, бывало: что, маменька, какъ? Боюсь, говоритъ: почитать меня, пожалуй, не будетъ. Шабашъ! Другую, значитъ, надо смотрѣть. Когда мы къ вамъ-то пріѣхали, я и говорить-то ничего не могъ, боялся, что вы имъ не понравитесь.

Душа. А если бы я имъ не понравилась, что бы вы сдѣлали?

(Входятъ Смѣсова и Марья Ивановна, чиновница).

Душа. Ахъ, маменька, вы помѣшали нашему разговору.

Смѣсова. Говорите, миленькіе, говорите.

Душа. Нѣтъ, ужъ мы послѣ окончимъ, а теперь лучше пойдемъ въ залу.

Марья Ивановна. Объ любви, чай, больше толкуете?

Иванъ Гавриловичъ *(смѣется).* И объ любви, и обо всемъ-съ.

Марья Ивановна. Ужъ, извѣстно, у жениха съ невѣстой другова разговору и быть не можетъ.

Душа. Мало ли есть разнаго разговору...

Марья Ивановна. Нѣтъ ужъ, Авдотья Еремеевна, вы меня извините, а я очень хорошо понимаю ваше положеніе: я вѣдь тоже замужъ выходила.

Душа. Это вы по себѣ судите, а я про любовь совсѣмъ напротивъ понимаю.

Смѣсова. Что тутъ понимать-то? Понимать-то нечего... пустяки-то... А ты молись Богу, чтобы Богъ далъ счастья... *(Плачетъ).*

Иванъ Гавриловичъ. Это, маменька, первое дѣло!

Марья Ивановна. Первое дѣло.

Душа. Пойдемте въ залу. *(Уходитъ съ Иваномъ Гавриловичемъ).*

Марья Ивановна. Что это вы такія нынче грустныя?

Смѣсова. Будешь грустная, какъ...

Марья Ивановна *(съ любопытствомъ).* Слухи развѣ какіе есть?

Смѣсова. Слуховъ, слава Богу, никакихъ нѣтъ, а вотъ ворожея меня больно обезкуражила, и сама теперь не рада, что поѣхала къ ней — и грѣхъ вѣдь это...

http://rcin.org.pl

Марья Ивановна. Да вы не безпокойтесь, вѣдь онѣ больше врутъ.

Смѣсова. Богъ ее знаетъ... все-таки, думается. Слово она одно сказала, да такое что-то...

Марья Ивановна. Вы завтра молебенъ отслужите.

Офиціантъ *(въ дверяхъ)*. Пожалуйте, сударыня, въ залу.

Марья Ивановна. А вы не безпокойтесь: можетъ, это и такъ пройдетъ. *(Уходятъ).*

Зала; на стѣнѣ два портрета—хозяина и хозяйки. У хозяина въ правой рукѣ книжка, а большой палецъ лѣвой руки заложенъ за пуговицу; хозяйка на колѣняхъ держитъ ребенка, у котораго въ рукахъ розанъ. По портрету нельзя узнать — къ какому полу принадлежитъ ребенокъ. Направо, въ углу, играютъ въ трынку, налѣво—въ преферансъ. Вдоль стѣны сидятъ гости, больше дамы; барышни, обнявшись, расхаживаютъ по залѣ. У дверей офиціанты. Въ окнахъ видѣются головы и приплюснутые носы смотрящихъ.

Молодой человѣкъ съ проборомъ назади. Прикажете кадрель?

Барышня въ палевомъ платьѣ. Если вамъ угодно, такъ отчего же... можно.

Молодой человѣкъ съ проборомъ назади. По крайней мѣрѣ, препровожденіе времени...

Очень молодой человѣкъ въ пестрыхъ брюкахъ *(къ музыкантамъ)*. Французскую кадрель изъ русскихъ пѣсенъ!

1-я гостья. Не люблю я этихъ танцевъ, ничего нѣтъ хорошаго. *(Уходитъ; за ней слѣдуютъ еще двѣ-три гостьи; сходятъ Иванъ Гавриловичъ и Душа).*

Иванъ Гавриловичъ *(съ безпокойствомъ)*. Что, маменька?

Домна Семеновна. Кажется, еще ничего... да нешто за нимъ усмотришь.

(Становятся пары, начинается кадриль. Во время второй фигуры, въ дверяхъ показывается Гаврила Прокофьевичъ).

Гаврила Прокофьевичъ *(къ офиціанту)*. Шпунту бы ты мнѣ еще далъ.

Офиціантъ. Слушаю-съ.

Иванъ Гавриловичъ. Вамъ бы, кажется, тятенька, довольно.

Гаврила Прокофьевичъ *(строго)*. Молчать—твое дѣло!

Иванъ Гавриловичъ. Да мнѣ Богъ съ вами! Купайте сколько хотите, развѣ жалко, что ли,—страмъ только.

Гаврила Прокофьевичъ. Никто мнѣ указывать не можетъ!

Очень молодой человѣкъ въ пестрыхъ брюкахъ. Нѣтъ, ужъ сдѣлайте одолженіе, отъ шестой фигуры меня увольте.

Гаврила Прокофьевичъ. Постой, я встану. *(Всѣ смѣются).*

http://rcin.org.pl

Одинъ изъ гостей. Нѣтъ, ты не мѣшай; мы съ тобой опосля.

Офиціантъ. Шуншу приказывали.

Гаврила Прокофьевичъ. Спасибо тебѣ, другъ великій! Поцалуй меня. *(Обнимаетъ офиціанта).*

Домна Семеновна. Шелъ бы ты лучше на улицу, не срамился бы здѣсь.

Гаврила Прокофьевичъ. Это не твоего дѣла ума!

Домна Ивановна. Да что—ума!.. До ужина не дотерпѣлъ...

Гаврила Прокофьевичъ. За ужиномъ это само по себѣ. А ты молчи, коли я не приказываю! *(Уходитъ).*

(Бабушка входитъ и говоритъ что-то гостьямъ на ухо; всѣ одна за другой выходятъ; кадриль кончена).

Молодой человѣкъ съ проборомъ назади *(офиціанту).* Куда это всѣ идутъ?

Офиціантъ. Должно-быть, закуску въ спальню пронесли. Дамамъ все больше въ спальню подаемъ, потому по купечеству есть которыя водку кушаютъ: ну, такъ на виду-то не хорошо. Вы, значитъ, еще порядковъ здѣшнихъ не знаете.

Смѣсовъ *(входитъ).* Вы бы, барышни, повеличали теперь жениха съ невѣстой.

Офиціантъ *(тихо Ивану Гавриловичу).* Пожалуйте, сударь, уймите родителя-то. На дворѣ съ народомъ бушуетъ. Пляски затѣялъ—всѣ смѣются!..

Иванъ Гавриловичъ. Господи, что же это такое! Маменька, пожалуйте!

Домна Семеновна. Что съ тобой, что ты?

Иванъ Гавриловичъ. Самъ загулялъ. *(Бѣгутъ).*

(Въ конюшнѣ).

Ѳедосѣй. Макаръ, вставай скорѣй...

Макаръ *(просыпаясь).* Подавать, что ли?

Ѳедосѣй. Хозяинъ твой...

Макаръ. Стекла бьетъ?

Ѳедосѣй. Нѣтъ, на дворѣ въ присядку дѣйствуетъ.

http://rcin.org.pl

НА ЯРМАРКѢ.

СЦЕНЫ ИЗЪ КУПЕЧЕСКАГО БЫТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Яковъ Савельичъ Наконечниковъ } купцы.
Илья Демьяновичъ Востроуковъ }
Половой.
Гитаристъ Петруха.
1-й купецъ.
2-й купецъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Трактирная зала. 1-й купецъ пьетъ чай; половой стоитъ почтительно.

Половой. Да, ужъ времена не тѣ.

1-й купецъ. Жи́докъ народъ сталъ, и купечество все смѣшалось, такъ-что настоящихъ-то и не видать совсѣмъ. Бывало въ ярмарку-то отъ самой Москвы вплоть до Нижняго стоитъ стоитъ. Купецъ-то, бывало, всю душу выкладываетъ. На, говоритъ, смотри, какая она такая есть.

Половой. Много веселья было. Бывало, руки оттягиваетъ отъ откупорки, а теперь, помилуйте... какъ возможно! Пришелъ, ткнулъ рюмочку, другую, третью—и кончено.

1-й купецъ. Бывало, ѣдешь въ ярмарку-то, по дорогѣ—тамъ лошадь замучена, тамъ лошадь замучена—значитъ, купецъ дѣйствовалъ. А на станціяхъ-то нищая да калѣка всякая безрукая-безногая... Кормиться всѣ пришли, чувствуютъ, что купецъ ѣдетъ.

Половой. Много народу кормилось.

ЯВЛЕНІЕ II.

2-й купецъ *(входитъ)*. А, и самъ материкъ подвалилъ. Давно ли?

http://rcin.org.pl

1-й купецъ. Вчерашняго числа. Садиться милости просимъ. Ну, что наши? Иванъ Анисимычъ?

2-й купецъ. Колесомъ ходитъ на разные фасоны. Вчера въ Кунавинѣ пухъ изъ подушекъ на улицу выпущали. Большое стеченіе публики было.

1-й купецъ. А Прокофій Иванычъ?

2-й купецъ. Два раза у себя въ палатѣ монахомъ облачался. Изъ напитковъ больше лиссабонскаго придерживается; теперича бороду спалилъ—третій день не выходитъ. Вчера исторія случилась: какой-то сибирякъ въ трактирѣ въ акваріи утонулъ—стерлядей хотѣлъ полюбопытствовать. Утромъ смотрятъ—торчатъ его ноги купеческія. (*Къ половому.*) Поди-ка, накрой въ отдѣльной. Пожалуйте. Еще наши подойдутъ. (*Уходятъ*).

Половой. Слушаю-съ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Илья (*входя*). А, наше вамъ-съ!

Половой. Давно ли изволили пожаловать?

Илья. Прибыли въ сію столицу!.. Какъ-то ты насъ потчивать будешь?

Половой. Чѣмъ прикажете просить?

Илья. Да спервоначалу этимъ самымъ—какъ она у васъ прозывается... Полынная, что ли? Полынной графинчикъ!

Половой. А закусить чѣмъ прикажете? Свѣженькой икорки, балычка...

Илья. Что ты, что ты! Мы не первостатейные, изъ-за хлѣба на квасъ торгуемъ, у насъ и касса-то вся въ голенищѣ. Сейчасъ чтобы селянку горячую, да проворнѣй!

Половой. Слушаю-съ!

Илья. А сорта есть на ярмаркѣ?

Половой. Есть-съ.

Илья. Хорошіе?

Половой. Одобряютъ-съ. Съ Ирбитской компанія арфистокъ. Цыгане курскіе... Опять же эти пѣсенники московскіе съ дѣвицами. Хорошо поютъ-съ.

Илья. А Петруха здѣсь?

Половой. Безъ него ярмарка не бываетъ. Флаговъ безъ него поднять нельзя. Только прихварывать что-то сталъ.

Илья. Попей съ его-то, такъ скрючитъ.

Половой. А эта бѣлокурепькая—Катя-то... въ запрошломъ году на скрипкѣ-то играла...

Илья. Ахъ, это та... (*Поетъ*).

http://rcin.org.pl

Хочешь любишь,
Хочешь нѣтъ,—
Ни копейки денегъ нѣтъ.

Половой. Да-съ.

Илья. Что же?

Половой. Несчастіе съ ней. Въ Лебедяни убили.

Илья. Убили?! За что?

Половой. Купецъ бушевалъ въ трактирѣ—бутылкой ее прикончилъ. Оченно публика огорчается. Много спрашиваютъ. Такъ что гости которые ходить перестали. По нашему заведенію такая музыкантша большихъ денегъ стоитъ. Есть и теперь, да не тотъ сортъ... Привлекательности той нѣтъ.

Илья. Хорошо дѣлала:

Хочешь любишь,
Хочешь нѣтъ,—
Ни копейки денегъ нѣтъ.

А какъ Спирю ходила?..

Ахъ Спирюшка
Спиридонушка!
Спиря въ Питерѣ бывалъ.

Никто такъ дѣйствовать не можетъ. Искры изъ глазъ сыпала!.. Я помню, пьяный я разъ...

Половой. Актриса превосходнѣйшая!

Илья. Ну, живо! Да тамъ въ залѣ ежели народъ есть знакомый—здѣсь, молъ, прибыли. Милости просимъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Яковъ (*входитъ*). А, шаршавый, не нашей державы! Богъ еще твоимъ грѣхамъ терпитъ—не вздохъ... Путаешься на бѣломъ свѣтѣ...

Половой. Якову Савельичу!

Илья. Яковъ Савельичъ, Катерину Петровну эту помните, арфистку-то... въ Лебедяни убили; купецъ бутылкой долбанулъ.

Яковъ. Ну, теперь, значитъ, не мается. Жизнь ихняя тоже...

Илья. Жалко! Помните...

Хочешь любишь,
Хочешь нѣтъ,—
Ни копейки денегъ нѣтъ.

Ну, давай живо! (*Половой уходитъ*). Яковъ Савельичъ! Хоръ цыгановъ изъ Курска, московскіе пѣсенники съ

http://rcin.org.pl

дѣвицами, арфистки изъ Ирбита... Петруха-гитаристъ... *(Звонитъ).* Дай афишу кіатральную. Ужъ нынѣче, Яковъ Савельичъ, по всѣмъ мѣстамъ. Тамъ дѣло дѣломъ, а что это удовольствіе надо... Я такъ полагаю: спервоначалу Петруху сюда, чтобы на дудкѣ распорядился. Хорошо, подлецъ, дѣйствуетъ, а тамъ, на гитарѣ чтобы сдѣлалъ. Вечеромъ въ кіятръ, а изъ кіятра куда поглупе. *(Читаетъ афишу).* Ночь въ замкѣ Жермона или фамильный склепъ Фельбертона въ цѣпяхъ. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ и 8-ми картинахъ. *(Вносятъ водку).* Съ пріѣздомъ, Яковъ Савельичъ!

Яковъ. Будьте здоровы, Иванъ Демьяновичъ, дай Богъ, чтобъ все благополучно... съ начатіемъ дѣла...

Илья *(читаетъ).* Картина 1-я: Отравленный кинжалъ. Картина 2-я: Привидѣніе. Картина 3-я: Ядъ дѣйствуетъ. Картина 4-я: Она похищена.

Яковъ. Кто?

Илья. А эта, должно-быть, самая. Тутъ такъ обозначено. *(Читаетъ).* Картина 5-я: Таинственные незнакомцы... Должно-быть, чудесно. Всенепремѣнно надо идти. *(Читаетъ).* Въ заключеніе при полномъ освѣщеніи бенгальскаго огня... Наливайте, Яковъ Савельичъ. Супругъ нашихъ нѣтъ. Худого мы ничего не дѣлаемъ и не дай Господь, а что времяпровожденіе чудесно... Напримѣръ, вчерашняго числа были вышивши въ полный серьезъ, а ничего-съ. Ежели опять придется—на доброе здоровье. Мнѣ докторъ сказывалъ: ежели, говоритъ, твоя натура выдерживаетъ—пей въ свое удовольствіе. Что-жъ, моя натура, слава тебѣ Господи. Ежели что—лежу себѣ смирно, въ потолокъ смотрю, пока не пройдетъ... Никого я не трогаю. Одно мое удовольствіе, чтобы по всему дому лампадки горѣли. Любезно!.. Ужъ этого дѣла не поправишь, ну и лежи. А это, Яковъ Савельичъ, удивительно, что я разъ на потолкѣ видѣлъ. Были мы на мининахъ у Ивана Максимыча. Ну, все честь честью, какъ быть слѣдуетъ. Сѣли за столъ. Ну, обыкновенно, ветчина съ горошкомъ, все прочее, осетрина съ хрѣномъ.. все по порядку. Противъ меня сидѣлъ отецъ дьяконъ и наливаетъ мнѣ портфейну, настоящаго заграничнаго. Не вкушаю, говорю, отецъ дьяконъ. А можетъ-быть, говоритъ. Для васъ, говорю, извольте, не суть важное дѣло. Бокальчикъ за бокальчикомъ... Къ концу-то ужина я ужъ дьякона не вижу, а только вижу руку наливающую; да и думаю: рука его здѣсь, а самъ-то гдѣ

http://rcin.org.pl

отецъ дьяконъ? Какъ домой попалъ—не помню; жена говоритъ, дорогой охалъ немножко. Помню только: съ протоіереемъ по двѣ рябиновки, съ Иваномъ Максимовичемъ по три на звѣробоѣ, а тамъ и счетъ потерялъ. Не могу сосчитать, да и кончено!.. Легъ, сударь ты мой, смотрю на потолокъ: лежитъ Герасимъ Николаичъ; говорю: вы? Я, говоритъ. Такъ явственно говорилъ: я... и руками такъ...

(Петръ въ оверяхъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Петръ. Именитымъ гражданамъ...

Илья. Ручку, милый человѣкъ.

Петръ. Съ прибытіемъ!

Яковъ. Грабителю почтеніе. Я такъ понимаю, въ Сибири тебя давно дожидаются.

Петръ. Мѣсто хорошее.

Яковъ. Для вашего брата первое мѣсто.

Петръ. Мы нигдѣ не пропадемъ.

Яковъ. Ахъ, ты каторжный! Прикладывайся—стóитъ.

Петръ *(пьетъ).* Съ пріѣздомъ! Вотъ вы изволите все браниться, а нашего мѣста обойти вамъ невозможно. Актеровъ сколько теперича попаѣхало. А мы живемъ, слава тебѣ Господи, лучше требовать нельзя. Дѣйствительно, актеры эти кричатъ шибко, а складу настоящаго нѣтъ. Публика очень обижается. Опять и игра у нихъ не смѣшная...

Илья. На дудкѣ можешь?

Петръ. Съ великимъ удовольствіемъ. Для такихъ дорогихъ гостей все возможно; дѣйствительно, отъ хозяина намъ запретъ, чтобъ въ номерахъ не играть, потому что гость черезъ это балуется: другой позоветъ въ номеръ, да за бокальчикъ хересу пѣсни три прослушаетъ. Хозяину это не выгодно. Изъ Фауста прикажете?

Яковъ. Знаемъ. Въ балаганѣ куклы этого Фауста представляли. Видали...

Илья *(въ томленіи).* Яковъ Савельичъ! Вотъ бы теперь гдѣ-нибудь въ рощѣ съ любимой женщиной бутылочку хереску выпить. Лестно! Подъ музыку... Хорошо!.. Ну, на гитарѣ

(Петръ играетъ).

Яковъ *(воодушевляясь).* Дѣлай, дѣлай!.. Ухъ!.. На зеленькую... на всю!..

Зятюшка-батюшка,
Что я тебѣ сдѣлала?

http://rcin.org.pl

Подсинимъ! Катай, катай!.. *(Къ половому.)* Перемѣни посуду, оглашенный! Что ты, какъ статуй, стоишь? Мадеры давай!..

Во лѣсу было, лѣсу,
Во двѣнадцатомъ часу...

Старайся, отъ насъ забытъ не будешь!

Илья.

Тротуаромъ, стороной
Ходи, милый, Богъ съ тобой...

Половой. Дебошъ въ залѣ промежду купечества.

Илья. Дебошъ? Гдѣ дебошъ?

Половой. Дѣло изъ-за пустова вышло.

Илья. Мирить надо!

Половой. Мирить невозможно, очень ужъ расходились: — ушибутъ.

(Петръ играетъ. Купцы пляшутъ).

http://rcin.org.pl

САМОДУРЪ.

КАРТИНЫ ИЗЪ КУПЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Данила Григорьевичъ Баляснковъ, купецъ 50 лѣтъ.
Матрена Панкратьевна, его жена.
Даша, ихъ дочь.
Татьяна Матвѣевна, жена ихъ сына.
Бабушка, мать Баляснкова.
Егорушка } племянники Баляснкова.
Луша }
Абрамъ Васильевичъ, бывшій главный приказчикъ.
Зоя Евграфовна, мѣщанка, другъ дома Баляснковыхъ.
Иванъ Прохоровъ, приказчикъ.
Сергѣй Ильичъ.
Петръ Савичъ Разсыпной.
Калинъ Власовъ, подрядчикъ.
Маіоръ Карташевъ.
Кухарка въ домѣ Баляснковыхъ.
Подруги Даши, дѣвушки, гости разнаго званія, офиціанты.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Баляснкова.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

(На сценѣ—гостиная.)

ЯВЛЕНІЕ I.

Зоя Евграфовна *(отворяетъ двери)*. Можно грѣшной душѣ въ рай войти? Здравствуй, Авдотья Алексѣевна! *(Цѣлуется)*. Здравствуй, красавица ты моя! *(Цѣлуется)*. Вѣрно, ужъ не ждали меня—не чаяли.

Авдотья. Съ диву мы дались, куда ты только это запропала.

Зоя Евграфовна. Въ Кіевѣ, голубушка моя, была, въ

http://rcin.org.pl

Кіевѣ. Невступно два года путешествовала. Ну, ужъ матушка, сподобилась! Этакого, можно сказать, благолѣпія...

Авдотья. То-то не видать тебя было. А у насъ безъ тебя тутъ...

Зоя Евграфовна. Что?..

Авдотья. И!.. Хуже чего быть нельзя... все вразсыпную пошло! При тебѣ мы Семена-то Данилыча женили, аль нѣтъ? Нѣтъ, тебя ужъ не было.

Зоя Евграфовна. Безъ меня, матушка, безъ меня.

Авдотья. Ну вотъ, голубка, женили мы его; годикъ онъ пожилъ у насъ съ молодой-то супругой, да убегъ... Невтерпежъ, вишь, ей жить стало. Да оно и правда: не всякая можетъ по здѣшнему безобразію, надо дѣло говорить.

Зоя Евграфовна. Батюшки!

Авдотья. Да, къ матери его и увела, теперича у тещи живутъ. И прежде у насъ въ домѣ каранболь былъ, а теперь хошь святыхъ вонъ понеси.

Зоя Евграфовна. Вотъ такъ оказія!

Авдотья. Самъ-то лютѣй волка сталъ! День-деньской ходитъ, не знаетъ—на комъ зло сорвать. Кабы Егорушки не было, бѣда бы намъ всѣмъ пришла; тотъ хоть своими боками отдувается, до полусмерти парня заколотилъ.

Зоя Евграфовна. Кто это Егорушка?

Авдотья. А сиротка тутъ у насъ живетъ, племянникъ, покойника Пантелѣя Григорьича—братъ нашему-то будетъ—сыночикъ.

Зоя Евграфовна. Знаю, матушка, знаю; я къ покойнику-то хаживала. Вѣдь у него и дочка еще была.

Авдотья. Лушенька. И та у насъ. Мать крестная въ пансіонъ ее къ мадамѣ отдавала на выучку. Только, матушка ты моя, померла она, а Данила Григорьичъ денегъ не захотѣлъ платить, ее оттедова назадъ къ намъ и оборотили. Эдакая-то раскрасавица, эдакая-то ангельская душа!

Зоя Евграфовна. И покойникъ-то былъ: эдакого, кажется, добраго человѣка...

Авдотья. А какъ ему, голубушка, помирать-то не хотѣлось, какъ онъ плакалъ-то!.. Дѣтокъ-то ему жалко было.—Братъ! нашему-то говоритъ: коли Богъ меня приберетъ, не бросай моихъ сироточекъ. А тотъ: видишь, говоритъ, Владычицу? Хошь со стѣны сниму ее, матушку? Все одно: твои дѣти—мои дѣти. Съ мѣста мнѣ не сойти! А покойникъ-то залился слезами: ну, говоритъ, дѣтушки, почитайте дядю все одно — меня. А ужъ какая, матушка, у насъ жизнь, какая мука-то мучинская!..

http://rcin.org.pl

Зоя Евграфовна. Говорили тогда, что самъ послѣ покойника-то попользовался.

Авдотья. Было! Съ прикащикомъ своимъ, Абрамомъ Васильичемъ, они всѣ дѣла обдѣлали, ни синя пороха малолѣтнимъ-то не оставили. Много грѣха на ихней душѣ, много, голубушка, ахъ, много! Да то ли еще у насъ, какъ тебѣ разсказать... Вѣдь у насъ скоро сватьба.

Зоя Евграфовна. Сватьба?!

Авдотья. Какъ же, матушка, сватьба. Ерогиню свою мы за маіора просватали.

Зоя Евграфовна. Да полно!

Авдотья. Какъ есть маіоръ... значительный.

Зоя Евграфовна. Вотъ громъ-то гремитъ не изъ тучи! Скажите пожалуйста!

Авдотья. Теперь ты насъ голыми-то руками не хватай!

(За сценой голосъ Матрены Панкратьевны).

Гдѣ Егорушко? Пошли его хозяину.

Авдотья. Они, матушка, съ Володей ушли подъ Симоновъ синицъ ловить; домой, говорили, ближе вечера не потрафятъ. Да ужъ теперь скоро и вечерни. Ты погляди-ко, Матрена Панкратьевна, кто у насъ-то...

(За сценой голосъ Матрены Панкратьевны).

Кто тамъ такой?

Авдотья. Пропащая пришла!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ же и МАТРЕНА ПАНКРАТЬЕВНА.

Матрена Панкратьевна *(входя).* Ахъ, ты, Господи Боже мой! Вотъ кому не пропасть-то!

Зоя Евграфовна. Именно ужъ, ангелъ мой, Матрена Панкратьевна. *(Цѣлуется).* Богъ милости вамъ прислалъ... всѣмъ вамъ и вашему семейству, ангелы вы мои! *(Плачетъ).* Вѣдь эдакіе вы, Матрена Панкратьевна, ей-Богу!.. Точно въ святое мѣсто придешь къ вамъ... Пошли вамъ Господи... *(Цѣлуетъ въ плечо).*

Матрена Панкратьевна. Откуда притрепала?

Зоя Евграфовна. Душу свою грѣшную, ангелъ мой, Матрена Панкратьевна, соблюдала... изъ Кіева.

Матрена Панкратьевна. Плохо, знать, ты молилась объ насъ!

Зоя Евграфовна. Да за кого же мнѣ больше молиться, голубь вы мой! Кого больше благодарить-то, матушка! Въ

http://rcin.org.pl

печь огненную велите броситься — брошусь! Вотъ какъ я васъ, можно сказать, почитаю. Я вамъ правду говорю, Матрена Панкратьевна: мнѣ душа нужна, не продамъ своей души!

Матрена Панкратьевна. Горе-то у насъ какое, слышала?

Зоя Евграфовна. Нѣтъ, голубь мой, а что?

Матрена Панкратьевна. Какъ же, матушка, вся Москва про нашъ страмъ знаетъ.

Зоя Евграфовна. Да что вы говорите?

Матрена Панкратьевна. Семенушку-то мы женили, а онъ отъ насъ и сбѣжалъ.

Зоя Евграфовна. Ахъ!

Матрена Панкратьевна. Да, вотъ ты и подумай, каково въ нынѣшнемъ свѣтѣ родителямъ-то!

Зоя Евграфовна. Истинно, можно сказать, искушеніе вамъ Господь посылаетъ.

Матрена Панкратьевна. Я его и не виню, потому, ему Богъ понятія не далъ: все женушка его, она все...

Зоя Евграфовна. Откуда вы, Матрена Панкратьевна, такую сокровищу выкопали?

Матрена Панкратьевна. Богатая, матушка, съ деньгами, только ужъ такая-то идолъ, такая-то огневая баба, словно не изъ купеческаго рода.

Зоя Евграфовна. Изъ чего, голубушка, дѣло вышло?

Матрена Панкратьевна. Самъ-то былъ не въ духѣ, драка у нихъ, что ли, была, не умѣю сказать. Сѣли ужинать, а она, матушка, и надулась: не пьетъ, не ѣстъ, словно ночь темная сидитъ. Данило Григорьичъ косился-косился, да какъ крикнетъ: что ты, говоритъ, словно на менинахъ сидишь? Да на Семенушку: чему ты, дуралей, свою жену учишь? Она какъ вскочитъ! И пошла, и пошла! Я, говоритъ, не такого воспитанія, чтобы надо мной командовали, да помыкали мной. Я, говоритъ, свой капиталъ имѣю. Тотъ, послѣ этихъ словъ, какъ вскипится на нее: кто, говоритъ, смѣетъ въ моемъ домѣ такъ со мною разговаривать! Ну, разъ и ударилъ, не то чтобы шибко, а такъ, для острастки. Та, матушка, ни слова, посоловѣла вся, словно каменная сдѣлалась, пошла и заперлась въ спальнѣ. Ну, ужъ, Данило Григорьичъ, да при своемъ-то характерѣ... мы думали, что и живы не останемся. Утромъ встали, хвать, анъ ихъ и слѣдъ простылъ.

Зоя Евграфовна. Да что-жъ это такое? Да какъ же это возможно?

http://rcin.org.pl

Матрена Панкратьевна. И не знаю, что теперь будетъ. Весь родъ нашъ острамила. Самъ-то ходитъ, да поѣдомъ всѣхъ ѣстъ. А кто виноватъ? Сиьяну женилъ парня-то, ей-Богу, и со мной не посовѣтовался. А теперь, говоритъ, брошу все, да въ Америку уѣду.

Зоя Евграфовна. Въ Америку?

Матрена Панкратьевна. Въ Америку, матушка, какую-то... Кто его знаетъ, что ему на умъ придетъ.

Зоя Евграфовна. Ну, а Дмитрій-то Данилычъ?

Матрена Панкратьевна. О, матушка, Дмитрій Данилычъ такихъ бѣдъ настряпалъ, такихъ чудесъ натворилъ... Какъ же, матушка, въ газетахъ распечатали! Поѣхалъ онъ, отецъ послалъ въ чужіе края по машинной части. На разные-то языки онъ не умѣетъ, переводчика, жиденка какого-то купцаго, нанялъ, по Москвѣ безъ дѣла шлялся. Ну, вотъ, матушка ты моя, пріѣхали они въ какой-то городъ нѣмецкій, а тамъ для короля ихняго, али прынецъ онъ, што ли, какой, феверики приготовили. У Дмитрія-то Данилыча въ головѣ-то, должно-быть, было: зажигай, говоритъ, скорѣй. А тамъ и говорятъ: погодите, почтенный, когда прынецъ пріѣдетъ. — Я, говоритъ, московскій купецъ, за все плачу. Тѣ, голубушка, заглядѣлись, а онъ цыгарку туда, въ феверку-то, и сунулъ,—такъ все и занялось! Самъ ужъ просьбу подалъ, чтобы по этапу его оттеда сюда предоставили. Да какъ поѣхалъ-то, изъ выручки хватилъ; стали лавку-то считать...

ЯВЛЕНІЕ III.

Выходитъ ЕГОРУШКА.

Матрена Панкратьевна. Что ты шляешься безъ пути?

Егоръ. Что-жъ, я мѣшаю, что ли, кому?

Матрена Панкратьевна. Какъ ты это можешь говорить мнѣ! Пошелъ сейчасъ къ хозяину, ищетъ тебя. *(Егоръ уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же безъ ЕГОРУШКИ.

Зоя Евграфовна. Что, Матрена Панкратьевна, на какомъ онъ у васъ положеніи?

Матрена Панкратьевна. Какое его положеніе! Голубей гоняетъ... Да вотъ, нитъ обучился; мальчишка молодой, присмотрѣть-то некому—и ньетъ. На фабрику посылали,—фа-

http://rcin.org.pl

брика у насъ подъ Троицей: пристращали его тамъ, а онъ, со злости, въ озеро бросился... на силу раздѣлались.

Зоя Евграфовна. Ну, Матрена Панкратьевна, истинная вы, ангелъ мой, страдалица. Именно ужъ Богъ... *(Плачетъ).*

Матрена Панкратьевна. Самъ, никакъ, идетъ. *(Встаетъ).* Пойдемъ отсюда; можетъ, не въ духѣ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, ДАНИЛА ГРИГОРЬИЧЪ и АБРАМЪ ВАСИЛЬИЧЪ.

Данила Григорьичъ. А, живая душа!

Зоя Евграфовна. Здравствуйте, батюшка Данила Григорьичъ! Богъ вамъ милости прислалъ. *(Цѣлуетъ въ плечо).*

Данила Григорьичъ *(обращаясь къ Абраму Васильичу).* Ступай съ Богомъ, ступай.

Матрена Панкратьевна. Шелъ бы лучше, старикъ, домой, что толчешься-то тутъ? Помогали вамъ—будетъ. Что у насъ богадѣльня, что-ль?

Абрамъ Васильичъ. Матушка, Матрена Панкратьевна, вы дѣловъ нашихъ не знаете. У насъ большія дѣла были.

Матрена Панкратьевна. Не знаю я твоихъ дѣловъ, а что надоѣлъ ты намъ хуже горькой полыни. Пойдемъ, Евграфовна. *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДАНИЛА ГРИГОРЬИЧЪ и АБРАМЪ ВАСИЛЬИЧЪ.

Абрамъ Васильичъ. Съ малыхъ лѣтъ въ вашемъ домѣ... старался ужъ кажется... душу свою положилъ.

Данила Григорьичъ. Вѣрю, братецъ, я вѣрю.

Абрамъ Васильичъ. И радъ бы работать — зрѣнія нѣтъ, наказалъ меня Богъ.

Данила Григорьичъ. Абрамъ Васильевъ, ты меня, кажется, долженъ знать: я сказалъ...

Абрамъ Васильичъ. Батюшка, Данила Григорьичъ, что-жъ мнѣ дѣлать-то съ малыми-то дѣтьми? Отецъ родной... хоть для нихъ-то. Надѣть нечего. Не для себя я прошу. Самъ я буду терпѣть, такъ мнѣ и надо. Еще мало мнѣ наказанія; можетъ, больше Богъ пошлетъ. Для дѣтей, батюшка, для ребятъ малыхъ. Богу за тебя помолятъ. Вѣдь я по улицѣ хожу—милостыньку прошу. *(Плачетъ).* Вѣдь меня за это два раза въ часть на веревкѣ водили.

http://rcin.org.pl

Данила Григорьичъ. По теперешнимъ временамъ ничего не могу.

Абрамъ Васильичъ. Голубчикъ, съ голоду помираютъ. Жену въ больницу положилъ, другой годъ, голубушка, мается. Вѣдь за грѣхи за мои. А грѣхи-то я для кого дѣлалъ? Взгляни-ка на Бога-то?

Данила Григорьичъ. Что-жъ, тебѣ легче, что ли, отъ этого будетъ?

Абрамъ Васильичъ. Можетъ, совѣсть тебя зазритъ, можетъ, ты очуствуешься. Вспомни-ка, что я для тебя сдѣлалъ! Что я сдѣлалъ-то для тебя! Вѣдь я отъ этого ослѣпъ, зрѣніе у меня Богъ за это отнялъ. Не одна сотня, можетъ-быть, изъ-за моихъ дѣловъ по Москвѣ по міру ходитъ. А для кого я старался-то?

Данила Григорьичъ. Ты, братецъ, въ грѣхѣ, ты и въ отвѣтѣ.

Абрамъ Васильичъ. Да грѣхъ-то нашъ одинъ и дѣла-то наши одни... Фабрику-то сожгли...

Данила Григорьичъ. Кто жегъ-то?

Абрамъ Васильичъ. Я жегъ! Для тебя это я! Какъ собака я тебѣ преданъ былъ.

Данила Григорьичъ. Ты вотъ что: ты старыхъ дѣловъ не трогай. Нынче не тѣ порядки. Нынче вашего брата, кляузника, сотнями на каторгу гонятъ. Пора отъ васъ Москву очистить. Туда улетишь...

Абрамъ Васильичъ. Нѣтъ, ужъ если летѣть, такъ полетимъ вмѣстѣ, врозь намъ съ тобой невозможно. Свидѣтелито, которые живы, по трактирамъ ихъ разыскать можно, да и наслѣдники-то...

(Егорушка показывается въ дверяхъ).

Данила Григорьичъ. Что ты шляешься!.. *(Егорушка скрывается).* Понимаю! Это ты насчетъ... Это дѣло темное.

Абрамъ Васильичъ. Высвѣтлютъ, свѣтло будетъ.

Данила Григорьичъ. Что-жъ ты, слѣпой чортъ, пугать меня пришелъ, что ли?

Абрамъ Васильичъ. Кто тебя теперича съ твоимъ капиталомъ испугаетъ? Кого ты испугаешься? Дѣло сдѣлано: душу мы съ тобой продали, наслѣдниковъ ограбили, концы схоронили. Работа наша чистая! Малымъ дѣтямъ моимъ помоги: ни въ чемъ они неповинны.

Данила Григорьичъ. Сказано и сдѣлано.

Абрамъ Васильичъ. Ну, человѣкъ! Господи! Правъ твой судъ надо мною. Сказано: зубы грѣшниковъ сокрушу. Со-

http://rcin.org.pl

круши меня, Господи! сокруши меня за мои дѣла неправыя. Кирюша! (*Входитъ мальчикъ*). Пойдемъ, батюшка. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ДАНИЛА ГРИГОРЬИЧЪ.

Ишь ты, подхалимъ какой! Смиреніе напустилъ! Пользовался,—будетъ. Бывало сундукъ трещитъ, успѣвай только для него деньги подкладывать. Знаемъ мы тебя, выжигу: очень намъ хорошо всѣ твои дѣла извѣстны. Да-съ! Ишь, лазаря поетъ: другой какой, можетъ, и повѣритъ. Не въ тѣ ворота ходите, напротивъ пожалуйте, тамъ подаютъ, а у насъ всѣ живы. Да-съ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ДАША, БАБУШКА, ЕГОРУШКА и ДѢВУШКИ.

1-я дѣвушка. Сейчасъ Сергѣй Ильичъ мимо насъ въ колескѣ пролетѣлъ... Сидитъ такъ важно.

Даша. Его танцмейстеръ училъ.

Егорушка. Въ колескѣ-то сидѣть? (*Смѣется*).

Даша. Что-жъ ты смѣешься?

Егорушка. Чему-жъ тутъ учиться?

Даша. Что съ тобой, дуракомъ, говорить? ты развѣ что понимаешь?

Егорушка. Ты много понимаешь!

Даша. Ну, можешь ли ты въ колескѣ проѣхать, чтобы не смѣшно было?

Егорушка. Я лучше его проѣду. (*Всѣ смѣются*). Опъ глаза-то какъ-то выворотитъ, руки растопыритъ, словно его казнить везутъ.

Даша. Егорка, поцѣлъ вонъ!

Егорушка. Что-жъ тебѣ мѣста мало, что ли?

Даша. Мѣста много, а потому что ты невѣжа, не знаешь обращенія.

Егорушка. О!

Даша. Егорка, ты не груби! Знаешь, что тебѣ за это?

Егоръ. Ухъ, какъ страшно!

2-я дѣвушка. Егорушка, вамъ бы жениться пора. (*Егоръ ухмыляется*). Право! Что вы не женитесь?

Егорушка. Еще невѣста не выросла.

2-я дѣвушка. А когда выростетъ, вы не прочь?

Егорушка. Что-жъ, извѣстно.

http://rcin.org.pl

1-я дѣвушка. Женитесь на мнѣ. *(Егоръ хохочетъ).* Чему же вы смѣетесь?

Егорушка. Да какъ же такъ сразу...

1-я дѣвушка. Мы бы съ вами въ паркъ въ колескѣ поѣхали.

2-я дѣвушка. Вотъ опять Сергѣй Ильичъ ѣдетъ. *(Всѣ смотрятъ въ окно).*

Егорушка. Стрюцкой!

Даша. Егорка, разозлишь ты меня... смотри!

Егорушка. Ну, Богъ съ тобой, не буду. *(Идетъ).*

2-я дѣвушка. Куда же вы идете изъ нашей компаніи? Значитъ, вамъ съ нами непріятно?

Егорушка. Нѣтъ, ничего, да надо голубямъ корму задать.

1-я дѣвушка. Стало-быть, вы барышень на голубей хотите промѣнять! Хорошъ кавалеръ!

Егорушка. Да вѣдь голуби-то что дѣвицы—тоже ѣсть хотятъ. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же безъ ЕГОРУШКИ.

1-я дѣвушка. Какой онъ у васъ чудной!

Даша. На него находитъ. Бываетъ, что онъ по три дня не говоритъ ни съ кѣмъ.

Бабушка. Били его больно махонькаго-то. Столько этотъ парень побой принялъ,—какъ еще онъ живъ-то! Бывало, Данило Григорьичъ, выпивши когда, начнетъ на немъ зло срывать—парень почернѣетъ весь. Разъ до смерти было убилъ, за попомъ посылали, причащали и исповѣдывали.

2-я дѣвушка. Сирота вѣдь онъ?

Даша. Онъ намъ двоюродный братъ. *(Молчаніе).*

1-я дѣвушка. Мы зимой Еруслана и Людмилу въ театрѣ видѣли: какъ отлично разыгрываютъ, какъ танцуютъ!

Бабушка. Заиграешь, матушка, затанцуешь, какъ жрать-то нечего. Куда только душу-то свою уготовляютъ.

2-я дѣвушка. Да вѣдь въ этомъ, бабушка, грѣха нѣтъ.

Бабушка. Почитай въ умныхъ книжкахъ, что тамъ про это. Почитай-ка, да чтобы съ чувствомъ, такъ узнаешь. Намедни Володя читалъ эту книжку, да послѣ сталъ у воротъ, да всякому, кто ни пройдетъ—мужикъ ли, баринъ ли, всѣмъ въ ноги кланялся, плачетъ да кланяется: простите, говоритъ, меня окаяннаго.

http://rcin.org.pl

1-я дѣвушка. Зачѣмъ же онъ въ ноги кланялся?

Бабушка. Книжка ужъ такая. Все, говоритъ, Ѳекла Герасимовна, мое сердце растопилось. Ужъ и я-то, на его глядя, наплакалась.

1-я дѣвушка. А кто это Володя?

Бабушка. Старичокъ тутъ у насъ... Почетный гражданинъ, потомственный, большой капиталъ имѣлъ, только разумомъ помутился; въ ямѣ онъ долго сидѣлъ, — отъ этого, говорятъ.

Даша. Да полноте! Это онъ отъ бѣлой горячки. Докторъ сказалъ, что у него бѣлая горячка, онъ все и безобразничаетъ.

Бабушка. А блаженные-то люди...

ЯВЛЕНІЕ X.

Кухарка *(впопыхахъ)*. Барышня! Татьяна Матвѣевна пріѣхала! Ѳекла Герасимовна, упреди ты ее, матушка! Данила-то Григорьичъ еще не уѣхалъ.

(За сценой голосъ Матрены Панкратьевны).

Батюшка, Данила Григорьичъ, не убей ты ее!

Кухарка. Ну, на самого, знать, наткнулась.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ДАНИЛА ГРИГОРЬИЧЪ и ТАТЬЯНА МАТВѢЕВНА.

Матрена Панкратьевна. Батюшка!

Данила Григорьичъ. Вонъ всѣ отсюда!

Бабушка. Полно, батька, что съ тобой!

Данила Григорьичъ. Маменька, я себя понимаю! Кто я и что я—очень я это хорошо знаю. Это до васъ не касающее.

Бабушка *(къ Татьянѣ Матвѣевнѣ)*. Поклонись, матка: — нехорошо, грѣхъ.

Данила Григорьичъ. Подите всѣ вонъ. *(Всѣ уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ XII.

Данила Григорьичъ. Такъ вы вотъ какъ! Ловко! Что-жъ мнѣ теперича... Что долженъ дѣлать? Убить, напримѣръ, тебя, такъ ты этого не стоишь...

Татьяна Матвѣевна. Убить вамъ меня не за что.

Данила Григорьичъ. Гм! Я такъ понимаю: когда ежели я съ кѣмъ говорю, стоять долженъ такой человѣкъ передо мною.

http://rcin.org.pl

Татьяна Матвѣевна. Я женщина.

Данила Григорьичъ. Ты-то? Развѣ есть тебѣ какое званіе окромя...

Татьяна Матвѣевна. Я къ вамъ пришла не ссориться, я пришла къ вамъ за дѣломъ.

Данила Григорьичъ. А я полагалъ за другимъ чѣмъ. Я полагалъ: ежели меня кто отрамилъ...

Татьяна Матвѣевна. Никто васъ не срамилъ.

Данила Григорьичъ. Кто ежели меня на всю Москву ославилъ...

Татьяна Матвѣевна. Что вы кричите!

Данила Григорьичъ. Ты мнѣ не смѣй указывать! Что ты меня учить, что ли, пришла?

Татьяна Матвѣевна. Я пришла къ вамъ за дѣломъ, а вы не хотите меня слушать.

Данила Григорьичъ. Какія промежду насъ могутъ быть дѣла? Я васъ знать не знаю! Ежели вы, теперича, умнѣй меня стали, значитъ мнѣ до васъ дѣла нѣтъ. Ступайте на всѣ четыре стороны. Промежду нами все кончено! А съ Сенькой мы разсчитаемся. Я ему покажу!

Татьяна Матвѣевна. Да опъ ни въ чемъ не виноватъ.

Данила Григорьичъ. Дѣло понятное! Гдѣ ему, дураку, такое колѣно выдумать! Знаемъ, что ты эту статью обработала.

Татьяна Матвѣевна. Да, я.

Данила Григорьичъ. Ну, такъ и проваливай, никто тебя за хвостъ не держитъ. Наше вамъ-съ! А за непочтеніе родительское мы съ нимъ раздѣлаемся.

Татьяна Матвѣевна. Я пойду, только отдайте мои деньги.

Данила Григорьичъ. Какія деньги?

Татьяна Матвѣевна. У васъ мои деньги.

Данила Григорьичъ. Что ты очумѣла, что-ль? Какъ воры какіе изъ дому родительскаго ушли... вѣдь вы воры!..

Татьяна Матвѣевна. Не обижайте меня, Данила Григорьичъ.

Данила Григорьичъ. Ушли, напримѣръ...

Татьяна Матвѣевна. Я ушла потому, что жить у васъ невозможно.

Данила Григорьичъ. Да, безобразничать нельзя. Этого я не люблю. Дѣйствительно, вамъ жить у меня дѣло неподходящее, на слободѣ вамъ лучше. Ежели теперича со стороны кто послушаетъ: взяли ее въ домъ, можно сказать, какъ дочь, а она сейчасъ завела разстройство, сына на-

http://rcin.org.pl

противъ отца научила, благо дуракъ, и за это самое чтобъ ей денегъ! Ты очумѣла, братъ.

Татьяна Матвѣевна. Я вашихъ не прошу, я хочу получить свои.

Данила Григорьичъ. Да я у тебя бралъ?

Татьяна Матвѣевна. Да я вамъ на другой день послѣ сватьбы своими руками отдала деньги, которыя мнѣ бабушка подарила.

Данила Григорьичъ. А свидѣтели у тебя есть?

Татьяна Матвѣевна. Какъ свидѣтели, зачѣмъ свидѣтели? Я при мужѣ вамъ отдала.

Данила Григорьичъ. А развѣ можетъ ему довѣріе быть, если онъ, напримѣръ, отъ отца своего убѣжалъ?

Татьяна Матвѣевна. Данила Григорьичъ!

Данила Григорьичъ. И ежели я вамъ въ своемъ домѣ все скопировалъ, напримѣръ, въ лучшемъ видѣ.

Татьяна Матвѣевна. Послушайте!

Данила Григорьичъ. Слушать мнѣ тебя нечего, потому какъ ты есть пустая баба, и разговаривать я съ тобой не согласенъ.

Татьяна Матвѣевна. Что же это такое?

Данила Григорьичъ. Ничего! Ступай откуда пришла. Мужъ хоша и дуракъ, а умнѣе тебя, чувствуетъ свою провинность—не лѣзетъ, а ты лѣзешь—значитъ, ты пустая баба и есть.

Татьяна Матвѣевна. Да вѣдь нельзя же такъ, Данила Григорьичъ!

Данила Григорьичъ. Денегъ нѣтъ.

Татьяна Матвѣевна. Маменька знаетъ, что деньги вамъ отданы.

Данила Григорьичъ. Нѣтъ у меня денегъ никакихъ. Ступай откуда пришла.

Татьяна Матвѣевна. Я не знаю... Какъ же это такъ? Я попрошу дяденьку Артемья Сергѣича. Я его къ вамъ пришлю.

Данила Григорьичъ. Да, присылай, да только поскорѣе, а то его въ яму посадятъ: пожалуй, не успѣешь. Покуда на слободѣ-то, пусть придетъ провѣтрится, ему это въ пользу. А этому бѣлогубому-то, мужу-то своему, скажи, чтобы онъ мнѣ и на глаза не попадался.

Татьяна Матвѣевна. Прощайте.

Данила Григорьичъ. Да и матери-то своей скажи: стыдно ей на старости лѣтъ. Чѣмъ лясы-то точить со странниками-то, она бы лучше тебя добру учила.

http://rcin.org.pl

Татьяна Матвѣевна. Маменька дурному меня не учитъ.

Данила Григорьичъ. Дѣло это на виду, чему она тебя обучила-то.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и МАТРЕНА ПАНКРАТЬЕВНА.

Матрена Панкратьевна. Другая бы хорошая баба, на твоемъ мѣстѣ, въ ногахъ досыта навалялась, а ты фыркаешь.

Данила Григорьичъ. Пусть поломается, ничего. За деньгами пришла. Ты это какъ понимаешь?

Матрена Панкратьевна. Какія деньги, безстыдница! Какія твои деньги? Даромъ что ли васъ съ мужемъ-то...

Татьяна Матвѣевна. Прощайте. *(Поспѣшно уходитъ).*

Матрена Панкратьевна. Полно ботвить-то! Ужли ты взаправду... Тьфу тебѣ... Чтобы и духу твоего здѣсь не было! Да вотъ, Данила Григорьичъ, воля твоя, а съ Егоркой сладу нѣтъ. Вчера напился, да съ фабричными сталъ въ присядку плясать.

Данила Григорьичъ. А вотъ послѣ сватьбы его на фабрику, а Лукерью замужъ.

Матрена Панкратьевна. Что-жъ на фабрику: опять уйдетъ. Теперича въ кухнѣ какими-то деньгами похваляется: у меня, говоритъ, скоро свой капиталъ будетъ.

Данила Григорьичъ. Какой капиталъ?

Матрена Панкратьевна. Кто его знаетъ, какія его рѣчи. Пригрози ты ему, чтобъ не болталъ пустого. Народу у насъ всякаго много. *(Подходитъ къ двери).* Кликните энтого оглашеннаго-то.

Данила Григорьичъ. Это ужъ, напримѣръ, день такой вышелъ, всѣ разстраиваютъ. Словно сговорились всѣ.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и ЕГОРУШКА.

Данила Григорьичъ *(становится въ важную позу).* Ты кто такой? *(Егоръ молчитъ).* Я тебя спрашиваю: что ты за человѣкъ?

Егорушка. Что-жъ, человѣкъ, обнаковенно.

Матрена Панкратьевна. Какой такой у тебя капиталъ? *(Егорушка улыбается).* Что зубы-то скалишь? Покажи, коли есть. *(Молчанье).* Отодрать бы тебя хорошенько, чтобъ не болталъ зря.

http://rcin.org.pl

Данила Григорьичъ. Егоръ, ты меня знаешь. Ты знаешь, что я, ежели кто пустыя слова какія говоритъ...

Матрена Панкратьевна. Абрамка, что ли, тебя...

Данила Григорьичъ. Молчи! *(Подходитъ близко къ Егорушкѣ).* Про какія, значитъ, ты это деньги говорилъ?

Егорушка. Что-жъ, бей!

Матрена Панкратьевна. Экая эхида мальчишка!

Егорушка. Бей! ну!

Матрена Панкратьевна. Вотъ злющій-то!

Данила Григорьичъ. Съ кѣмъ ты такъ это говоришь?

Егорушка. Съ тобой говорю. Ну!

Данила Григорьичъ. А я кто такой?

Егорушка. Воръ! *(Прыгаетъ въ окно).*

Матрена Панкратьевна. Батюшки! Опять, пожалуй, утопится!

КАРТИНА ВТОРАЯ.

(Зала, убранная для бала).

ЯВЛЕНІЕ I.

АЛЕШКА и ОФИЦІАНТЪ.

Алешка. Вчера нашего хозяина судили... при всей публикѣ! Что страму было! Всѣ медали надѣвалъ, думалъ, страшно будетъ.

Офиціантъ. Засудили?

Алешка. Само собой! Потому, у Татьяны Матвѣвны деньги зажилилъ, и сейчасъ всѣ отдать велѣно. Какъ сталъ онъ тамъ говорить, такъ публика вся и покатилась со смѣху, словно въ кіатрѣ. Разозлился, борода распушилась!.. Пріѣхалъ домой—ужъ онъ меня лупилъ, лупилъ, за то, что я на его страмъ глядѣть ходилъ. Я, говоритъ, тебя живого въ гробъ заколочу... Невозможно!.. *(Хохочетъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

ДАНИЛА ГРИГОРЬИЧЪ и ИВАНЪ ПРОХОРОВЪ.

Данила Григорьичъ. Скажи ему: хоша окружной судъ и засудилъ меня, но что, молъ, это неправильно, и денегъ я ей не отдамъ. И какъ, напримѣръ, теперича у меня сватьба...

Иванъ Прохоровъ. Онъ говоритъ, коли-ежели хозяинъ платить не хочетъ, такъ на воротахъ объявленіе прибьютъ.

http://rcin.org.pl

Данила Григорьичъ. Это очень хорошо будетъ. По крайности, народъ будетъ видѣть, какъ нынче съ родителями-то... Гдѣ онъ?

Иванъ Прохоровъ. Въ конторѣ сидитъ.

Данила Григорьичъ. Я самъ пойду переговорю съ нимъ. *(Къ офиціанту).* Чтобы все было въ аккуратѣ... И какъ сейчасъ женихъ пріѣдетъ, долженъ ты докладать.

Офиціантъ. Слушаю-съ. Порядки знаемъ. *(Уходятъ—офиціантъ, Алешка и Иванъ Прохоровъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

МАТРЕНА ПАНКРАТЬЕВНА и ДАША.

Матрена Панкратьевна. Данила Григорьичъ, что съ дѣвкой-то сдѣлалось? Ревмя-реветъ.

Данила Григорьичъ. Терпѣть я этого не могу!

Матрена Панкратьевна. Разговори ты ее.

Данила Григорьичъ. Дарья, какъ я долженъ это понимать?

Даша. Мнѣ скучно. *(Плачетъ).*

Данила Григорьичъ. Дарья!

Матрена Панкратьевна. Что ты, Богъ съ тобой! За маіора за военнаго выходитъ, да скучно. Да другая бы на твоемъ мѣстѣ, такъ-бы носъ-то вздернула, да хвостъ растопырила...

Даша. За что-жъ я должна за старика идти?

Данила Григорьичъ. Это не твое дѣло! Значитъ, мнѣ это нужно, для моихъ дѣловъ. *(Даша плачетъ).* Что я задумалъ, никто этого знать не можетъ. А ваше дѣло, что я приказываю—кончено! Не мерзавецъ я въ своей жизни, а чувствую свою дѣятельность. Учить вамъ меня нечего. Отецъ съ матерью должны за дѣтей своихъ Богу отвѣчать, стало-быть, они знаютъ.

Матрена Панкратьевна. Вотъ ты и слушай, что отецъ-то тебѣ говоритъ.

Даша. Полноте, маменька! *(Плачетъ).*

Данила Григорьичъ. Дарья, чтобъ я этого не видалъ, слышишь? *(Къ женѣ).* Это твое дѣло; ты должна все произвести. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Зоя Евграфовна *(входя).* Это она, ангелъ мой, просто отъ волненія. Какъ готовится Дарьѣ Даниловнѣ перемѣна въ жизни, опять же эдакое счастіе—за военнаго выходитъ, такъ они этого равнодушно перенести и не-могутъ. Это я

http://rcin.org.pl

вамъ вѣрно говорю. Да вотъ я на Угрешу ходила, такъ одна дама...

Даша. Ахъ, батюшка! *(Уходитъ съ Матреной Панкратьевной).*

Зоя. Скажите, пожалуста! Кто со стороны посмотритъ, можетъ, и повѣритъ. Терпѣть я не могу, какъ эти лапотницы привередничаютъ. Ну, что разрюмилась-то! Мало ей, видишь, маіора! Что-жъ тебѣ, генерала что ли?.. А можетъ, я и грѣшу; можетъ, ей, и вправду не нравится; хошь и маіоръ, а не подъ кадрель онъ ей! Что за женихъ... такъ бодрится только, а ужъ, пожалуй, на два аршина въ землю смотритъ... Господи, прости ты мое великое согрѣшеніе! Сказано: не суди...

ЯВЛЕНІЕ V.

Егорушка *(входитъ).*

Зоя. Здравствуйте, батюшка Егоръ Пантелѣичъ.

Егорушка. Здравствуйте.

Зоя. Что это вы, батюшка, какой невеселый?

Егорушка. Радоваться-то нечему.

Зоя. Какъ нечему, ангелъ вы мой! Сватьба у васъ въ домѣ. *(Егорушка смѣется).* Чему же вы, батюшка, смѣетесь?

Егорушка. Потому, смѣшно! *(Передразниваетъ жениха).*

Зоя. Именно, батюшка, именно! *(Хохочетъ).* Ахъ вы, потѣшникъ этакой! Ну, что, красавецъ, какъ вы поживаете? *(Егорушка оглядывается кругомъ).* Вы меня, голубчикъ, не бойтесь, я жалѣючи васъ спрашиваю.

Егорушка. Въ острогѣ лучше.

Зоя. Содомъ у васъ въ домѣ-то, какъ я посмотрю. Вамъ я, знаете, что бы посовѣтовала. *(Входитъ офиціантъ. Егорушка уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЗОЯ ЕВГРАФОВНА и ОФИЦІАНТЪ.

Зоя. А, вотъ мой батюшка... ты кандитеръ?

Офиціантъ. Офиціантъ... все одно-съ.

Зоя. Скажите мнѣ, сударь ты мой, что къ ужину наготовлено?

Офиціантъ. Первое дѣло—ветчина.

Зоя. Съ горошкомъ?

Офиціантъ. Съ горошкомъ.

Зоя. Ну, а второе?

http://rcin.org.pl

Офиціантъ. Галантиръ будетъ.

Зоя. Вотъ это, сударь ты мой, я очень люблю—этотъ галантиръ. Ежели его оттянуть хорошенько...

Офиціантъ. Повора оттягиваютъ.

Зоя. А больше ничего?

Офиціантъ. Какъ возможно-съ! Жаркое фазаны...

Зоя. Какъ это все безподобно!

Офиціантъ. Пирожное мислероде и померанцовые зефиры.

Зоя *(ударяя его по плечу)*. Расчудесно, милостивый государь! Вотъ что теперь, батюшка, имени отечества я вашего не знаю.

Офиціантъ. Осипъ Яковлевъ.

Зоя. Осипъ Яковличъ! Попрошу я у тебя. *(Оглядывается кругомъ и шепчетъ на ухо)*.

Офиціантъ. Съ великимъ удовольствіемъ! Сколько угодно-съ...

Зоя. Такъ, небольшую. Оно бы и не слѣдовало мнѣ... ну, да по немощамъ по моимъ.

Офиціантъ. Это завсегда можно-съ.

Зоя. Я въ садъ пройду... туда.

Офиціантъ. Слушаю-съ. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

(Черезъ сцену проходятъ гости; нѣкоторые остаются на сценѣ).

Дама. Что вы къ намъ никогда не зайдете?

Кавалеръ. Это зависитъ, если вы меня пригласите.

Дама. Пріѣзжайте къ намъ въ воскресенье на дачу.

Кавалеръ. Коли случай выйдетъ—пріѣду. *(Проходитъ важная купчиха-старуха, одѣта по-русски)*.

Кавалеръ. Наше почтеніе, Домна Степановна!

Купчиха. Здравствуй, батька! Ишь ты кортеколъ какой напялилъ...

Кавалеръ. Что вы, Домна Степановна, это спинжакъ.

Купчиха. Одна ему цѣна-то. *(Уходитъ)*.

Кавалеръ. Не любитъ! По старой вѣрѣ, по-преображенскому. *(Изъ боковой двери входятъ дѣвицы и мужчины)*.

Иванъ Макаровичъ. Нѣтъ, политика-съ!

Дѣвица. Никакой въ этомъ политики нѣтъ.

Иванъ Макаровичъ. Коли-ежели не политика—докажите! А я вамъ сейчасъ докажу. Давеча Прасковья Титовна говоритъ...

http://rcin.org.pl

Прасковья Титовна. Вы меня, пожалуйста, въ ваши дѣла не путайте. Я себя очень хорошо понимаю.

Иванъ Макаровичъ. Ну, значитъ, и разговору конецъ! А между прочимъ, я все-таки буду говорить, коли человѣкъ съ чувствомъ, онъ завсегда женскія дѣла понимать можетъ.

Дѣвица. Не всякая женщина дастъ себя понимать.

Иванъ Макаровичъ. Надо, чтобы взаимнообразно. Мы и это можемъ.

Дѣвица. Вы женились-бы лучше, чѣмъ изъ пустого въ порожнее пересыпать.

Иванъ Макаровичъ. Нѣтъ, ужъ это зачѣмъ же-съ!

Дѣвица. Что вы это говорите! Всѣ люди женятся. Вы богатый женихъ, можете составить партію...

Иванъ Макаровичъ. Въ пирамиду, пожалуй, а на эти дѣла я не согласенъ. Такъ помаемся, пока Богъ грѣхамъ терпитъ.

Дѣвица. Ну, давайте, мы васъ величать будемъ, хоша и не стоите вы этого.

Иванъ Макаровичъ. Я не стою?

Прасковья Титовна. Не стоите.

Иванъ Макаровичъ. Да опосля этого...

(Дѣвушки запѣваютъ).

Царскій сынъ королекъ,
Войди, сударь, въ городокъ.
Стань, низко поклонись,
Любешенько поцалуй.

Иванъ Макаровичъ. Всѣхъ цаловать, али кого на выборъ? *(Всѣ смѣются).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Калинъ Власовъ *(входитъ, обнявши чиновника).*

Офиціантъ *(вноситъ мороженое).*

Калинъ Власовъ. Мы, вишь ты, простые мужики, а вы благородные.

Чиновникъ. Все равно, Калинъ Власьичъ! Кто имѣетъ благородную душу...

Калинъ Власовъ. Это дѣйствительно! Кто сжели что умѣетъ, онъ сейчасъ! Вѣрно? А женихъ пріѣдетъ, я ему сейчасъ въ ноги. Потому, какъ родитель нашъ былъ простой мужикъ, и мы, значитъ, мужики простые. Дѣло я говорю? Ваше благородіе, вѣрно? Ахъ, ты мой батюшка! Поцалуй ты меня, мужика простого, неучонаго...

http://rcin.org.pl

Чиновникъ. Что вы, Калинъ Власьичъ! *(Цѣлуются).*

Калинъ Власовъ. Ахъ, ты мой голубчикъ!.. А живемъ мы, слава тебѣ Господи! Дай Богъ всякому... и капиталъ имѣемъ... и большой мы капиталъ имѣемъ.

Иванъ Макаровичъ. Въ три вѣка вашего капиталу-то не прожить, Калинъ Власьичъ.

Калинъ Власовъ. Вѣрно! Видишь? *(Показываетъ на медаль).* Простой я человѣкъ, а? А я казну знаю... наскрось я ее, матушку, знаю! Дѣвушки, повеличайте меня... мы заплатимъ. А это дочка моя... вишь, желтинькая-то... Параней прозывается. Параша, какъ ты своего отца понимаешь?

Дѣвушка. Что вы ее конфузите?

Калинъ Власовъ. Ничего, пущай скажетъ, какъ она меня понимаетъ. Дѣти должны своихъ родителевъ... Она у меня неучоная, не то, что какъ другія прочія, а дѣвушка настоящая, во всей формѣ.

Офиціантъ. Иванъ Макаровичъ, пожалуйте!

Иванъ Макаровичъ. Готово? До пріятнаго свиданія.

Дѣвица. Что-жъ вы, Иванъ Макаровичъ, оставляете нашу компанію?

Иванъ Макаровичъ. Да вѣдь ужъ подано. Пропустить этого никакъ невозможно. Съ градомъ! Стоять двѣ рядомъ! *(Уходитъ).*

Дѣвица. Ну, и мы пойдемъ съ вами. *(Уходитъ).*

Калинъ Власовъ. Баринъ, я тебя полюбилъ! Будешь жениться, приходи ко мнѣ, я тебѣ помогу. Не то, что къ примѣру... денегъ дамъ, за простоту за твою. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

СЕРГѢЙ ИЛЬИЧЪ и ЗОЯ ЕВГРАФОВНА.

Сергѣй Ильичъ. Ты, Зоя Евграфовна, кажется, тамъ на вольномъ-то воздухѣ рюмочку протащила?

Зоя. Не солгу: былъ грѣхъ! Что-жъ за важное дѣло! Вѣдь экіе вы, право! *(Сергѣй Ильичъ пристально смотритъ на нее).* Что это вы на меня такъ смотрите?

Сергѣй Ильичъ. Такъ, я... *(Ухмыляется).*

Зоя. Ей-Богу, только одну маленькую.

Сергѣй Ильичъ. Нѣтъ, я не насчетъ этого, а что ты тамъ на молодыхъ ребятъ больно засматривалась.

Зоя. Что вы, ангелъ мой, куда мнѣ! Иногда и придетъ эдакая мечта, да сейчасъ и разсыплется, словно облако.

http://rcin.org.pl

Да полноте на меня такъ смотрѣть! Эдакой у васъ взглядъ язвительный! Ужъ вѣрно задумали что-нибудь.

Сергѣй Ильичъ. Задумать-то я задумалъ, только будешь ли ты для меня стараться-то?

Зоя. Для эдакаго красавчика-то! Всю землю наскрозь произойду.

Сергѣй Ильичъ. Всю?

Зоя. Съ этого мѣста мнѣ не сойти.

Сергѣй Ильичъ. Коли все сдѣлаете такъ точно — сто серебра... сотельную. Да не токма сотельную, а приходи въ контору, открой сундукъ, да и бери сколько захватишь.

Зоя. Ухъ, какой ты тонкій молодецъ-то!

Сергѣй Ильичъ. Поняла?

Зоя. Толковать еще! Ахъ ты, Господи! Какія этимъ мужчинамъ могутъ приходить мысли въ голову.

Сергѣй Ильичъ. Ну, да ужъ тамъ... Такъ вѣрно?

Зоя *(ударяя по рукѣ Сергѣя Ильича).* Кончено!

Сергѣй Ильичъ. Кабы этой бабы на свѣтѣ не было, нашему бы брату въ тѣ-поры совсѣмъ погибать надо. Просто ложись да умирай. Пойдемъ еще по рюмочкѣ, по одной.

Зоя. Нѣтъ, соколикъ, я ужъ и такъ согрѣшила. Эхъ, кабы этотъ раскрасавецъ жениться задумалъ, какую-бы я ему невѣсту!..

Сергѣй Ильичъ. Баловство-то меня, Зоя Евграфовна, ужъ больно одолѣло! Опять-же, по моей простотѣ...

Зоя. Скажите! Кабы всѣ такіе простые-то были...

Сергѣй Ильичъ. Что вы! Я простой человѣкъ! Что — вы смѣетесь? Ей-Богу! Я самый простой, во мнѣ этой хитрости никакой нѣтъ. Меня малый ребенокъ обманетъ... Отъ этого отъ самаго я и жениться-то боюсь... пожалуй, такъ налетишь...

Зоя. А сколько изъ-за васъ, изъ-за холостежи, дѣвокъ даромъ пропадаетъ. Вотъ хоть-бы Лукерья Пантелевна. Положимъ, сирота, приданаго нѣту...

Сергѣй Ильичъ. Ну, коли хочешь, чтобъ женился — женись на этой. Эта вотъ совсѣмъ по мнѣ, въ самую препорцію. Ужъ давно я на нее зарюсь.

Зоя. Такъ что-жъ ты чешешься-то? Кто-жъ тебѣ мѣшаетъ?

Сергѣй Ильичъ. Да смѣлости во мнѣ нѣтъ! Опять-же и бабъ кругомъ себя не имѣю, некому похлопотать за меня. Вѣдь одинъ въ домѣ-то, инда страшно... Просто бѣда моя!..

http://rcin.org.pl

Зоя. За что-жъ тебя мужчиной-то зовутъ? Да ты... Ну, ужъ сй-Богу!.. видно, придется мнѣ тебя въ руки взять.

Сергѣй Ильичъ. Да возьми! Сдѣлай милость, возьми! Дѣлай со мной, что хочешь, только не обманывай — терпѣть не могу!

Зоя. Ну хочешь, я насчетъ Лунки все тебѣ оборудую? Женишься?

Сергѣй Ильичъ. Глазомъ не моргну!.. А съ чортомъ-то какъ-же?

Зоя. Да тебѣ что съ чортомъ-то разговаривать! Чортовы-то дѣла теперича плохи. Онъ не знаетъ, какъ и свою дочь съ рукъ сбыть. Маіоръ-то теперича думаетъ, что за ней денегъ много, а онъ его смазать хочетъ, денегъ-то за ней онъ ни гроша не дастъ. Опять-же Егорушка его теперь безпокоитъ. Слышалъ?

Сергѣй Ильичъ. Нѣтъ. А что?

Зоя. Вѣдь Данила Григорьичъ послѣ покойника Пантелѣя Григорьича все къ рукамъ прибралъ, да послѣ колоколъ въ монастырь слилъ, кунпулъ позолотилъ — молитесь, говоритъ, братія, за раба грѣшнаго Данпла. Теперича Егорушка-то всѣ эти дѣла прозналъ, да и позорить его гдѣ пи попало. Онъ хоть и дурашный, а продувной парень... Ухъ, какой прозжоный!

Сергѣй Ильичъ. Ну, такъ сватай, что-ли! Тысячу тебѣ серебра! Человѣкъ, молъ, смирный, капиталъ большой...

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ-же и ЕГОРУШКА *(вбѣгаетъ)*.

Егорушка. Да за что это такая мука мученская! Что я кому сдѣлалъ? *(Плачетъ)*.

Зоя. Должно быть, опять побилъ.

Сергѣй Ильичъ. Что ты, Егорушка?

Егорушка. Батюшки! Смерть моя!

Сергѣй Ильичъ. Экой злодѣй!

Зоя. О, батюшка, есть ли еще такіе! Извергъ рода человѣческаго!

Егорушка. Издохнуть-бы скорѣй, легче-бы было.

Зоя. Полно, Егорушка, не грѣши!

Егорушка *(рыдаетъ)*. Да вѣдь больно! Какъ голова-то моя держится!..

http://rcin.org.pl

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ-же и ЛУША *(входитъ).*

Луша. Егорушка пойдемъ отсюда. *(Беретъ его за руку).*

Егорушка. Опять меня, голубушка, избили.

Луша. Что-жъ дѣлать, Богъ съ нимъ! Ну, что-жъ ты плачешь-то, какъ тебѣ не стыдно!

Сергѣй Ильичъ. Егорушка, пойдемъ жить ко мнѣ, будешь все одно, какъ у отца родного.

Зоя. Вотъ это бы расчудесно было! Человѣкъ ты холостой, деньжищевъ этихъ у тебя пропасть...

Сергѣй Ильичъ. Коли хочешь, я съ великимъ удовольствіемъ. Лукерья Пантелевна, позвольте...

Луша. Благодарю васъ, Сергѣй Ильичъ, только я не знаю... Мнѣ кажется, что сдѣлать этого нельзя.

Сергѣй Ильичъ. Да что-жъ за важное дѣло! По крайности, мы не однѣхъ синицъ ловить, а, можетъ, дѣло будемъ съ нимъ дѣлать: я его въ амбаръ посажу. Егорушка, пойдемъ. Я вѣдь, Лукерья Пантелевна, не то что такъ, а вѣрно.

Луша. А какъ же дяденька-то?

Зоя. Да что дяденька! Можетъ, у васъ такое дѣло выдетъ... Мало ли что?—ей-Богу! Ты дѣвушка молодая, онъ человѣкъ самъ по себѣ.

Луша *(сконфузясь).* Что вы, Зоя Евграфовна?

Зоя. Да я бы на вашемъ мѣстѣ и думать-то долго не стала...

Сергѣй Ильичъ *(ухмыляясь).* Полноте, Зоя Евграфовна...

Зоя. Да что, полноте! Извѣстно, ужъ это не отъ насъ, а какъ Богу угодно. Я только къ примѣру говорю. А ты вотъ что: тащи ты его отсюда.

Луша. Онъ разсердится.

Сергѣй Ильичъ. Въ судъ ужъ его разъ сволокли, еще стащимъ, коли что. Не прежнее время! Это прежде, бывало, коли человѣкъ съ деньгами, хоть всю Москву разнеси: нынче и на своемъ дворѣ бунтовать-то не велятъ.

Зоя. Это истинно! Вотъ Иванъ Назарычъ, богачъ, именитый, кучеру своему плюху закатилъ... *(За сценой смѣхъ и голосъ Даниды Григорьича):* Эй, офиціантъ! *(Луша и Егорушка уходятъ).* Поди въ садъ, поговори, можетъ, что... Наше женское дѣло—чуть мужчина глазъ накинулъ тутъ она и есть... Да ступай, что зѣваешь-то! *(толкаетъ его).*

Сергѣй Ильичъ. А коли мнѣ отъ нея конфузъ будетъ, ты ужъ лучше такъ и умирай, пока я тебя не убилъ. *(Уходятъ)*

http://rcin.org.pl

ЯВЛЕНІЕ XII.

На сцену входятъ гости.

Данила Григорьичъ *(офиціанту)*. Ты обнесъ бы гостей-то надеркой, али тамъ чѣмъ; можетъ, которые и выкушать желаютъ. Али вотъ что: давай сюда шампанскаго. Полагаю, теперь время самое настоящее. Садиться милости просимъ. Мы будемъ пить, а насъ будутъ величать, а можетъ кто и проплясать вздумаетъ. Матрена Панкратьевна, что-жъ твоя команда плохо дѣйствуетъ? Барышни, что же намъ почету отъ васъ не будетъ? *(Дѣвушки запѣваютъ пѣсню, по окончаніи которой за сценой музыка играетъ персидскій маршъ. Всѣ встаютъ).*

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Офиціантъ *(громко)*. Маіоръ Карташевъ!

Маіоръ *(въ дверяхъ)*. Какую мнѣ парадную встрѣчу! Съ музыкой! *(Цѣлуется)*.

Данила Григорьичъ. Это ужъ у насъ такіе порядки, чтобы, напримѣръ, съ музыкой. Милости просимъ. Домна Степановна, пожалуйте рядомъ. Милости просимъ. *(Усаживаетъ)*. Это значитъ, Домна Степановна, первая по нашему дому, можно сказать...

Купецъ. Основанія...

Маіоръ *(протягивая руку)*. Прошу припять меня въ ваше расположеніе. Я цѣню расположеніе людей пожилыхъ и опытныхъ.

Данила Григорьичъ. Это первое дѣло! Это я завсегда говорю: коли человѣкъ, къ примѣру, пожилой, и, значитъ, имѣетъ...

Купецъ. Достатки... Это такъ, то истинно.

Данила Григорьичъ. Я такое разсужденіе имѣю: ежели человѣкъ... *(Офиціантъ подаетъ вино)*. Пожалуйте! Домна Степановна! *(Отказывается)*. Нельзя! Хоть пригубить надо.

Купецъ *(беретъ бокалъ)*. Примѣръ этотъ соблюсти.

Данила Григорьичъ. Невѣста и ты должна откушать.

Маіоръ. Прошу меня не конфузиться.

Данила Григорьичъ. За здоровье дорогого жениха! *(Музыка играетъ туш)*.

Маіоръ. Нѣтъ, ужъ теперь музыку въ сторону.

Данила Григорьичъ. Это дѣйствительно! Дѣвицы! Что же вы? Вашъ чередъ.

(Дѣвушки поютъ).

http://rcin.org.pl

Маіоръ. Я въ полной мѣрѣ доволенъ! Я истинно доволенъ! *(Домнѣ Степановнѣ).* Я ужасно люблю русскую пѣсню. Во время моей боевой службы, я только и любилъ лихую тройку и русскую пѣсню.

Купецъ. На тройкѣ важно!

Маіоръ. Какъ-то увлекаешься! Что-то этакое необъяснимое! *(Дѣвицамъ).* Ещо разъ благодарю и прошу принять отъ меня мою благодарность. *(Дѣвушка подходитъ, онъ даетъ деньги).* Вы вполнѣ ее заслужили.

Калинъ Власовъ. Она заслужитъ! Параша, ты у меня старайся! *(Треплетъ ее по плечу).* Это, ваше превосходительство, дочка мнѣ будетъ.

Маіоръ. Очень пріятно.

Калинъ Власовъ. А это, Домна Степановна, тоже намъ сродственница. Ваше превосходительство, такъ будемъ говорить: простые мы мужики, только съ деньгами.

Маіоръ. А это главный рычагъ въ жизни и есть. Слава что? Слава—дымъ!

Петръ Савичъ. Въ клубѣ этто у насъ разговоръ былъ...

Калинъ Власовъ. Домна Степановна, матушка! Изъ чего мы съ твоимъ покойникомъ произошли? Изъ мужиковъ изъ простыхъ...

Офиціантъ. Лимонадію зажгли.

Данила Григорьичъ. Въ садъ, на вольный воздухъ, пожалуйте... милости просимъ... и чтобы музыку туда. *(Всѣ уходятъ. Маіоръ и Даша остаются).*

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Маіоръ. Скажите мнѣ откровенно: чувствуете вы ко мнѣ расположеніе?

Даша. Да-съ.

Маіоръ. Я не столь молодъ, какъ бы, можетъ-быть, вы желали, но я вамъ замѣню отца. Я вамъ буду отецъ, а не мужъ.

Даша. Мнѣ все равно.

Маіоръ *(обнимая).* Ваше сердце, можетъ, ужъ занято?

Даша. Совсѣмъ напротивъ.

Маіоръ. Выслушайте меня...

Даша. Пойдемте въ садъ.

Маіоръ. Зачѣмъ же въ садъ?

Даша. Какъ же можно, здѣсь никого нѣтъ.

Маіоръ. Готовъ. Ваше дѣло теперь приказывать, мое—исполнять. *(Уходятъ: сцена остается пуста).*

http://rcin.org.pl

ЯВЛЕНІЕ XV.

ЛУША, СЕРГѢЙ ИЛЬИЧЪ и ЗОЯ ЕВГРАФОВНА.

Луша *(сквозь слезы)*. Голубчикъ, Сергѣй Ильичъ, дѣлайте со мною, что хотите, только, ради Бога, возьмите меня отсюда.

Сергѣй Ильичъ. Конечно!

Зоя. Вотъ мы съ тобой какъ живо эту статью-то обработали. Только пока ни гу-гу! *(Уходитъ)*.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

ЯВЛЕНІЕ I.

АВДОТЬЯ и ЗОЯ ЕВГРАФОВНА.

Зоя. Что-жъ теперь будетъ-то?

Авдотья. А то и будетъ... сказала бы... тьфу!.. Только дѣвушку раздразнили. Ужъ она выла-выла, ревѣла-ревѣла...

Зоя. Да какъ не выть-то, сама посуди! Развѣ это шутка? Дѣвушка ко всему приготовилась...

Авдотья. Что говорить!

Зоя. Это и въ наши года возьми... Вотъ такъ разъ! *(Хохочетъ)*.

Авдотья. Да! Вотъ ты и думай!

Зоя. Шаферъ-то пріѣхалъ къ нему: пожалуйте, говоритъ, Ардаліонъ Ардаліонычъ, невѣста готова.—А деньги, говоритъ, готовы?—Данила Григорьичъ приказалъ сказать, что послѣ они съ вами расчетъ сдѣлаютъ, имъ теперь недосугъ. И мнѣ, говоритъ, тоже некогда; я, говоритъ, въ Сокольники долженъ ѣхать. Нѣтъ, голубушка, это—военный человѣкъ, не нагрѣешь. Его вся Москва знаетъ, вѣдь онъ въ комитетѣ по снабженію служитъ.

Авдотья. Такъ, такъ! Нашъ туда сукно ставилъ. А ужъ какіе пріятели-то были! Какъ-то въ саду это запили, ужъ они цѣловались-цѣловались, словно бы вотъ мужъ съ женой. Помнишь, говоритъ: тебѣ было хорошо и мнѣ было хорошо.

Зоя. Я вѣдь была у него послѣ.

Авдотья. Была?

Зоя. Какъ же, была. Просвирку снесла. Вошла я въ залу-то, а на меня, матушка ты моя, огромная собака: такъ я и затряслась вся, а онъ и выходитъ... Орелъ, голубушка ты моя! Картина! Не бойтесь, говоритъ, почтен-

http://rcin.org.pl

нѣйшая, эта собака даже къ женскому полу привязана. Что, говоритъ, скажете хорошенькаго? Богъ, говорю, милости вамъ прислалъ, Ардаліонъ Ардаліонычъ. Благодарю васъ, садитесь. И пошелъ, и пошелъ!.. Что онъ, говоритъ, шутить со мной вздумалъ! Развѣ онъ не знаетъ, кто онъ и кто я! Я, говоритъ, 15 лѣтъ на конѣ сидѣлъ! Хоша я теперь по непріятностямъ въ отставку и вышелъ, а я, говоритъ, страмить себя не позволю. Безъ денегъ-то, говоритъ, всякая бы дворянка за меня съ радостью пошла. Ежели я жениться вздумалъ, то это потому, что дѣла мои разстроились. А я ему, будто спроста: полноте, говорю, сударь, безпокоиться, развѣ мало по Москвѣ этого товару. Нѣтъ, ужъ я, говоритъ, обожгся, теперь я буду умнѣе; теперь ужъ я, говоритъ, какъ посмотрѣлъ невѣсту, такъ и деньги, сейчасъ деньги, сію минуту, вотъ сюда на столъ... всѣ... Да по столу-то кулачищемъ какъ грохнетъ! Думаю: какъ звизнетъ онъ меня съ сердцовъ этимъ кулачищемъ— на мѣстѣ оставитъ. Смотрю, матушка, чай подаютъ. Я со страху-то оскоромилась—со сливками выпила, ей-Богу! забыла, что и пятница-то на свѣтѣ. Ужъ онъ, матушка ты моя, ругалъ-ругалъ, страмилъ-страмилъ. Я, говоритъ, его подлеца—Господи, прости Ты мое великое согрѣшеніе—я, говоритъ, его, подлеца этакого, отъ каторги спасъ! Да, ладно, говоритъ: я про него еще одно дѣло знаю; только бы, говоритъ, оно наружу вышло, съ колокольнымъ звономъ подъ присягу пойду, Ей-Богу! Это онъ, должно быть, насчетъ Егорушки.

Авдотья. Тотъ теперь, матушка, такъ въ трубу и трубитъ. Вотъ-тѣ и Егорушка, вотъ-тѣ и дуракъ! Вчера мимо насъ разъ двадцать на извозчикѣ проѣхалъ. Ужъ ловить примались, да въ трактирѣ у Серпуховскихъ спрятался.

Зоя. А хоть-бы и поймали, что съ нимъ сдѣлаешь? Не родной сынъ.

Авдотья. Ничего не сдѣлаешь: два судейскихъ съ нимъ ѣздятъ. Вѣдь ужъ, говорятъ, гербовую бумагу подалъ. Да вѣдь я такъ полагаю, что папъ откупится.

Зоя. Нѣтъ, голубушка, невозможно. При мнѣ вѣдь просьбу-то писали. Такого сутягу нашли, изъ острога недавно выпустили. Первое за жестокое обращеніе, а второе, что имущество послѣ покойника Пантелѣя Григорьича скрылъ. И свидѣтели, матушка, есть, свидѣтели. Такую бумагу написали, что волосы у меня дыбомъ стали. Какъ покойникъ-то захворалъ, такъ Абрамъ Васильичъ три недѣли въ подвалѣ

http://rcin.org.pl

сидѣлъ, книги какія-то переписывалъ: съ чиновникомъ это они орудовали. И чиновника-то этого разыскали, въ писаряхъ въ кварталѣ служитъ. Такую кашу заварили, страсть! Абрамъ-то Васильичъ говоритъ: терять мнѣ нечего, я слѣпой человѣкъ, пускай меня судятъ!

Авдотья. Ишь ты! Ахъ ты, батюшки!

Зоя. Да еще... ужъ тебѣ по секрету скажу: вѣдь ужъ у Луши съ Сергѣй-то Ильичемъ все покончено; хочетъ жениться на Лушѣ-то, нынче объявлять пріѣдетъ.

Авдотья. Что ты?! Ну, на части разорвутъ теперь дѣвку! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и МАТРЕНА ПАНКРАТЬЕВНА.

Матрена Панкратьевна. Такъ вотъ и хожу, какъ полоумная! Ничего не вижу, ничего не слышу! Экой стыдъ, экой срамъ! Вотъ до чего мы дожили, подумай-ка!

Зоя. Нехорошо, Матрена Панкратьевна, нехорошо! Нехороши дѣла! А Егорку этого, Матрена Панкратьевна, прости Ты, Господи, мое великое согрѣшеніе... удавить мало... мало его удавить! А ужъ Абрамку...

Матрена Панкратьевна. Вотъ какого аспида выростили, какого изверга выняньчили на свою голову... И что онъ затѣялъ, что онъ затѣялъ.

Зоя. Подучили, моя красавица, подучили; гдѣ ему, дураку, самому выдумать!

Матрена Панкратьевна. Лушка эта смирная была, теперь тоже себя показывать. Я, говоритъ, тиранить себя не позволю. А кто ее тиранитъ, кто?

Зоя. Ахъ, враговъ у васъ много, Матрена Панкратьевна, много у васъ враговъ! А все это Татьяна Матвѣевна: она у васъ все мутитъ. Дочь она ваша, хошь и не родная, а, извините вы меня, этакая ядовитая бабенка, этакая-то...

Матрена Панкратьевна. Она, матушка, она...

Зоя. Ахъ, кабы я была на мѣстѣ Даниды Григорьича, вотъ-бы какъ я скрутила, вотъ-бы какъ всѣхъ перевернула, ни одинъ-бы не пикнулъ. Господи, прости Ты мое великое согрѣшеніе! можетъ, я и грѣшу, а ей-Богу...

Матрена Панкратьевна. Самъ-то худой такой сталъ, ходитъ словно ночь черная и угодить ему не знаешь чѣмъ. Взглянешь на него: что ты, говоритъ, смотришь—на меня? узоровъ не написано. Не глядишь—опять бѣда: что я звѣрь, что-ли, въ своемъ семействѣ, съѣлъ я, что-ли, кого?

http://rcin.org.pl

А вчера ночью... *(плачетъ)* боюсь, чтобъ съ нимъ недоброе что-нибудь не сдѣлалось.

Зоя. Что это вы, Матрена Панкратьевна?

Матрена Панкратьевна. Вчера ночью пѣсню запѣлъ!

Зоя. Какую пѣсню?

Матрена Панкратьевна. Протяжную такую тянулъ...

Зоя. Что-жъ за важность такая?

Матрена Панкратьевна. Да вѣдь никогда отъ роду, вотъ двадцать лѣтъ живемъ, никакихъ онъ этихъ пѣсенъ не пѣлъ, пьяный никогда голосу своего не давалъ. Вотъ до чего его довели. *(Плачетъ).* Вотъ до какого разстройства! Егорку теперь другую недѣлю ловятъ, поймать не могутъ. И Абрамку этого не найдутъ нигдѣ; то, бывало, отъ воротъ не отгонишь, а вотъ какъ нужно-то, его и нѣту.

Зоя. Я вчера его у Скорбящей видѣла, съ нищими стоялъ. Онъ завсегда тамъ. Совсѣмъ опустился, потерянный сталъ человѣкъ, даже жалко. Благодействовалъ прежде, а теперь... Это мнѣ даже удивительно! Что значитъ Богъ... если кого захочетъ. Вотъ она гордость-то, Матрена Панкратьевна...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и ДАНИЛА ГРИГОРЬИЧЪ.

Данила Григорьичъ. Ты по всей Москвѣ день-то деньской снуешь, не видала ли этого прощалыгу-то?

Зоя. Много я, Данила Григорьичъ, непутнаго народу знаю: тебѣ кого нужно-то?

Данила Григорьичъ. Абрашку... Абрамъ Васильева.

Матрена Панкратьевна. У Скорбящей, говорятъ, побирается съ нищими.

Зоя. Вчера я за рапней тамъ была—видѣла!

Данила Григорьичъ. Слетай-ка завтра туда опять, чтобъ сюда пришелъ. *(Молчаніе).* Фу!.. Дѣла, дѣла.

Зоя. Что-жъ вамъ безпокоиться, ваше дѣло правое. Ужъ, неужли, прости ты, Господи, мое великое согрѣшеніе, всякой рвани повѣрятъ!

Данила Григорьичъ. Вѣдь это, къ примѣру, грабежъ!

Зоя. Именно, грабежъ!

Данила Григорьичъ. Деппой разбой!

Зоя. Какъ есть разбой!

Данила Григорьичъ. Опосля этого на свѣтѣ жить нельзя.

Зоя. Ежели всякаго именитаго почетнаго гражданина, да

http://rcin.org.pl

всякая голь, можно сказать, будетъ въ судъ таскать. Да по какому праву? Да что это за времена пришли?

Данила Григорьичъ. Времена пришли тяжкія! Не то что, напримѣръ, что, а всякій норовитъ, какъ бы тебя за воротъ, да къ мировому. Грѣшнымъ дѣломъ загуляешь, въ газетахъ отпечатаютъ. Развелось теперича этой сволочи: за рубль серебромъ такъ тебя опозоритъ, и въ городъ не показывайся. По ряду-то идешь, словно сквозь строй, всѣ на тебя смотрятъ, чуть не подсвистываютъ. Читали мы, думаютъ, про твои дѣла! А какія дѣла? За свои деньги пошумѣли. Экія дѣла важныя!

Зоя. Про нашу сестру тоже описываютъ.

Данила Григорьичъ. Въ старину, бывало, на перекресткахъ шарманки игрывали, али кто раекъ показывалъ: извольте, городъ Парижъ, какъ доѣдешь, угоришь... Никому обиды не было. А нынче на перекресткахъ-то, какъ собаки, на тебя бросаются съ этими газетами. Извольте получить описаніе, какъ вчерашняго числа такіе-то купцы въ Сокольникахъ всю посуду перебили. Занятное происшествіе, оттого и дѣти къ родителямъ страху не имѣютъ. Сынъ не долженъ знать, что отецъ дѣлаетъ. А теперича онъ прочитаетъ въ газетахъ... Про тятеньку-то вонъ что означено, говоритъ, вонъ какія дѣла: стало быть и мнѣ можно, и давай чертить. Отъ этого отъ самаго.

Зоя. Ужъ именно, Данила Григорьичъ, можетъ я и грѣшу, а что... ей-Богу!..

Данила Григорьичъ. А этотъ, маіоръ-то! Вотъ выжига-то! Какъ было онъ меня смазалъ-то! На какую штуку поддѣть-то хотѣлъ.

Зоя. Ужъ захотѣли вы!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Кучеръ *(входитъ)*. Какъ угодно, а поймать нѣтъ никакой возможности... одинъ стрямъ.

Данила Григорьичъ. Гдѣ же онъ теперь?

Кучеръ. Въ Роговскую ударился, тамъ гдѣ-нибудь. Городового просили, чтобъ подержалъ. Намъ, говоритъ, невозможно. Коли ежели онъ что укралъ, объявку подайте, а ежели по своей волѣ идетъ—ничего. Намъ, говоритъ, притѣснять публику не велѣно. Пущай, говоритъ, ходитъ: Москва велика.

Данила Григорьичъ. Дуракъ! Ты долженъ былъ говорить, что этотъ молодецъ отъ своего хозяина скрывается.

http://rcin.org.pl

Кучеръ. Говорили, да ничего не подѣлаешь. Мы, говоритъ, подозрительныхъ людей останавливаемъ. Ежели бы, говоритъ, онъ ночью, напримѣръ, шелъ... съ узломъ...

Данила Григорьичъ. Вотъ, пошли дурака-то.

Кучеръ. Какъ угодно, а что невозможно... *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Данила Григорьичъ. Одинъ сынъ распутный, другой изъ дому родительскаго убегъ, племянникъ говоритъ, что я его ограбилъ... Что же я, напримѣръ? Какъ ты меня понимаешь?

Зоя. Одна неблагодарность! Истинно, можно сказать...

Данила Григорьичъ. Молчи! *(Къ женѣ).* Какъ по твоему?

Матрена Панкратьевна. Что съ тобой, батюшка?

Данила Григорьичъ. Это я къ тому, напримѣръ, что всѣ противъ меня пошли. *(Матрена Панкратьевна плачетъ).* Эти самыя твои слезы съ дѣтей взыщутся, потому все это они...

Матрена Панкратьевна. Батюшка, Данила Григорьичъ, послушай ты моего бабьяго разуму: выгони ты изъ нашего дому это отродье проклятое, пущай хошь по-міру ходятъ.

Зоя. Вотъ тогда и узнаютъ, что вы для нихъ значили. Этакая неблагодарность, этакая черная неблагодарность! Господи, прости ты мое великое согрѣшеніе...

Данила Григорьичъ *(къ женѣ).* Это ты такъ точно! Конченое дѣло! Эй, кто тамъ? *(Показывается въ дверяхъ дѣвушка).* Этакъ будетъ вѣрнѣе. *(Къ Зоѣ Евграфовнѣ).* Такъ ты лети сейчасъ, тутъ недалеко. *(Женѣ).* Дай ей два пятиалтынныхъ на извозчика. Можетъ, онъ тамъ за вечерней. Лети, и чтобы онъ, напримѣръ, сюда шелъ: молъ, Данила Григорьичъ пристроить хочетъ, будетъ, молъ, пляться... Чтобы безпремѣнно.

Зоя. Мигомъ я тебѣ это дѣло обработаю.

Данила Григорьичъ. Старайся. Ты меня знаешь?

Зоя. Если бы, кажется... *(Махнувъ рукой).* Ну, да ужъ что говорить!.. *(Утираетъ слезы).*

Данила Григорьичъ. Лукерью давай.

Матрена Панкратьевна. Лушу?

Данила Григорьичъ. Дѣло понятное! Живо!

Матрена Панкратьевна. Пойдемъ, матушка. *(Уходитъ).*

http://rcin.org.pl

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДАНИЛА ГРИГОРЬИЧЪ и ИВАНЪ ПРОХОРОВЪ.

Данила Григорьичъ. Конченое дѣло! Ежели теперича это дѣло такъ оставить... *(Въ размышленіи).* Шабашъ! Объявку сейчасъ, что, напримѣръ, укралъ и скрывается. *(Иванъ Прохоровъ входитъ).* Ты мнѣ, братецъ, здѣсь не нуженъ, на твое мѣсто я нашелъ другого.

Иванъ Прохоровъ. Кажется, я ни въ чемъ не причиненъ. Старался, кажется...

Данила Григорьичъ. Я тебя на фабрику, тамъ тебѣ мѣсто очистилось. И чтобы, напримѣръ, какъ ты молодой человѣкъ, долженъ ты жениться. Первое дѣло — баловства меньше, а второе дѣло—будешь ты подъ главнымъ приказчикомъ, значитъ, безъ этого тебѣ невозможно.

Иванъ Прохоровъ. Вся ваша воля хозяйская, только жениться по нынѣшнимъ временамъ...

Данила Григорьичъ. Ну-да, вотъ ты еще разговаривать будешь!

Иванъ Прохоровъ. Я не къ тому, а что боязно безъ привычки. Въ головѣ опять же этого не держалъ, все больше, главная причина, такую центру имѣешь, какъ бы хозяину угодить, а на то, чтобы, напримѣръ, что-нибудь... пустяки какіе...

Данила Григорьичъ. И какъ я теперича свою племянницу отдаю за тебя, значитъ будешь ты мой сродственникъ *(Иванъ Прохоровъ кланяется въ ноги)* и, стало-быть, долженъ все это ты понимать и, главное, чувствовать, что какъ ничтожный ты, можно сказать, человѣкъ. Христа ради, за материны слезы, я тебя взялъ и въ люди вывелъ...

Иванъ Прохоровъ. Очень я это чувствую. *(Кланяется въ ноги).*

Данила Григорьичъ. По бѣдности твоей, тебѣ бы въ солдатахъ быть, а за тебя охотника нанялъ. *(Иванъ Прохоровъ кланяется въ ноги).* Теперича какъ ты сейчасъ женишься, поѣдешь на фабрику, возьми съ собой Егорку и чтобы строго съ нимъ, чтобы не болталъ лишняго.

Иванъ Прохоровъ. Главная причина, не въ рукахъ онъ здѣсь; въ руки ежели теперича взять его, онъ смирный будетъ.

Данила Григорьичъ. Это уже твое дѣло.

Иванъ Прохоровъ. У меня онъ, Данила Григорьичъ, мягче пуху будетъ. Вашей милости, извѣстно, по вашимъ

http://rcin.org.pl

дѣламъ, некогда съ нимъ заниматься, а у меня онъ взгляду бояться будетъ. Какъ, значитъ, всѣ я его достоинства знаю и болтать ему невозможно, потому онъ у меня, первымъ долгомъ, будетъ въ струнѣ находиться.

Данила Григорьичъ. А коли ежели что, я съ тебя взыщу.

Иванъ Прохоровъ. Будьте же покойны-съ. Выправимъ... не такихъ учили... И ежели которые онъ пустяки говорилъ—больше не будетъ. *(Молчаніе).* Прикажите написать въ деревню къ матушкѣ?

Данила Григорьичъ. Объ чемъ?

Иванъ Прохоровъ. Такъ какъ ваша такая милость, насчетъ Лукерьи Пантелевны... Чтобы ей на старости лѣтъ...

Данила Григорьичъ. Пиши.

Иванъ Прохоровъ. А имъ теперича что я долженъ говорить?

Данила Григорьичъ. Кому?

Иванъ Прохоровъ. А Лукерьѣ Пантелевнѣ? Какъ есть теперича ваше приказаніе и какъ имъ будетъ угодно?

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же, МАТРЕНА ПАНКРАТЬЕВНА и ЛУША.

Данила Григорьичъ. Гдѣ братъ-то?

Луша. Я не знаю.

Данила Григорьичъ. А кто-жъ знаетъ? Вѣдь ему за его дѣла въ острогѣ сидѣть придется, я такъ полагаю.

Матрена Панкратьевна. Экихъ бѣдъ натворилъ этотъ парень!

Данила Григорьичъ. Ежели его теперича поймаютъ...

Иванъ Прохоровъ. Поймаютъ — бѣда! Потому, безъ паспорта по Москвѣ ходитъ. По какимъ дѣламъ? По какому праву? *(Молчаніе).*

Данила Григорьичъ. Что-жъ ты молчишь?

Луша. Что-жъ мнѣ говорить?

Данила Григорьичъ. Родной братъ тебѣ: должна бы, кажется, отвести его отъ худого.

Луша. Я его худому не учила.

Данила Григорьичъ. Не учила?! Кажется, пора понимать тебѣ, не маленькая, въ какомъ ты есть положеніи. Сиротъ васъ взяли, одѣваютъ, обуваютъ... Собаку ежели кормятъ, и та благодарность чувствуетъ, а то на-поди!

Луша. Я вамъ очень благодарна.

Данила Григорьичъ. Развѣ въ этомъ благодарность состоитъ, что по Москвѣ бѣгать, да кляузы распущать?

http://rcin.org.pl

Луша. Я никогда не бѣгаю и никакихъ кляузъ не распускаю.

Данила Григорьичъ. Да я не про тебя и говорю.

Матрена Панкратьевна. Про Егорку толкуютъ. Ты слушай, что говорятъ.

Луша. Я за него не отвѣчаю.

Данила Григорьичъ. А я долженъ за всѣхъ за васъ отвѣчать. Ты вотъ теперича на возрастѣ, и, напримѣръ, сирота круглая: кто объ тебѣ подумаетъ? Пристроить теперича надо: чье это дѣло?

Луша. Объ этомъ вы не безпокойтесь.

Данила Григорьичъ. Должонъ безпокоиться, потому вы безъ меня по-міру пойдете. Безъ меня ты-бы, можетъ, теперича на Кузнецкомъ у портнихи у какой сидѣла, али бы...

Луша. Дяденька!

Данила Григорьичъ. Что, тетенька? А я объ васъ забочусь. Жениха тебѣ подыскалъ. Легко мнѣ все это? Хорошо, что добрый человѣкъ нашолся, съ рукъ монхъ взять тебя хочетъ.

Матрена Панкратьевна. Да ужъ и пора.

Данила Григорьичъ. Я полагаю отдать ее за Ивана Прохорова: ты какъ?

Матрена Панкратьевна. Ну, что-жъ! Ну, и... вотъ и слава Богу! Зачѣмъ дѣло стало! *(Иванъ Прохоровъ кланяется въ ноги Матренѣ Панкратьевнѣ).*

Луша. Я за него не пойду.

Данила Григорьичъ. Какъ не пойдешь?

Луша. Такъ, не пойду.

Иванъ Прохоровъ. Лукерья Пантелевна!.. Ваше дѣло сиротское...

Луша. Ну-съ?

Иванъ Прохоровъ. Я къ тому, напримѣръ...

Луша. Къ чему?

Иванъ Прохоровъ. Какъ вамъ угодно-съ. Вся воля хозяйская.

Данила Григорьичъ. Иванъ Прохоровъ, ступай въ свое мѣсто. Позову, когда нужно будетъ. *(Иванъ Прохоровъ уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же безъ ИВАНА ПРОХОРОВА.

Матрена Панкратьевна. Да какъ же это ты не пойдешь-то?

Данила Григорьичъ. Постой, постой. Словно я не все

http://rcin.org.pl

понялъ, что она говоритъ. Ежели, напримѣръ, я тебѣ приказываю.

Луша. Вы не имѣете права мнѣ приказывать идти замужъ за кого вамъ вздумается.

Матрена Панкратьевна. Да какъ же это ты можешь такъ говорить? Это ее Татьяна Матвѣевна настроила!..

Луша. У меня есть женихъ, я себѣ выбрала.

Данила Григорьичъ. Женихъ есть! *(Къ женѣ).* Ты чего-жъ смотришь?

Матрена Панкратьевна. Чортъ за ними усмотритъ, прости ты меня Господи! Не разорваться мнѣ стать. Цѣлый день подъ окошкомъ торчитъ; можетъ и правду навернулся какой проходимецъ. Мало-ли ихъ въ нашей сторонѣ шляется.

Луша. Напрасно вы обижаете моего жениха: онъ не проходимецъ.

Данила Григорьичъ. Такъ вотъ какія дѣла завелись у меня въ домѣ! Дѣвки сами начинаютъ жениховъ себѣ подбирать! Этакъ, пожалуй, и дочери мои... Это очень прекрасно!

Матрена Панкратьевна. И та, глядя на нее, словно сбѣсилась! Вечеромъ изъ саду домой не загонишь. Ты бы вотъ велѣлъ щели въ заборѣ всѣ заколотить.

Данила Григорьичъ. Такъ вотъ что!

Матрена Панкратьевна. Ну, кто-жъ твой женихъ—сказывай.

Луша. Сергѣй Ильичъ.

Матрена Панкратьевна. Да что ты, бѣлены, что-ль объѣлась? Возьметъ тебя Сергѣй Ильичъ!

Луша. Возьметъ.

Матрена Панкратьевна. Да что за тобой есть-то? Дымъ да коноть! Ему нужна невѣста богатая, а не голь какая, прости Господи! Да ежели бы онъ за мою дочь присватался, такъ я бы неугасимую лампаду повѣсила, а то возьметъ онъ тебя!

Луша. Возьметъ.

Матрена Панкратьевна. Да что-жъ, Дарья-то Даниловна хуже тебя, что-ли? По Москвѣ, можетъ, первая невѣста, и съ большимъ капиталомъ, и сватали за него... Ишь ты, что въ голову забрала! Милліонщикъ на тебѣ женится! Нѣтъ, голубушка, очень для тебя это высоко, очень высоко! Всякая-бы этакъ-то захотѣла, да руки коротки.

Данила Григорьичъ. Это дѣло разобрать надо.

http://rcin.org.pl

Матрена Панкратьевна. Вотъ и разбери! Этакое-то ты зелье, Лукерья Пантелевна, этакая ты неблагодарная!

Луша. За что-жъ вы меня браните, что я вамъ сдѣлала?

Матрена Панкратьевна. Да какъ же, мать моя! Опять же и то: кто тебя отдастъ за него.

Луша. Я сама пойду.

Матрена Панкратьевна. Сама? Ну, не зелье ты? Да какъ ты можешь такъ говорить? Что я воли, что-ли, надъ тобой не имѣю?

Луша. Никакой.

Матрена Панкратьевна. Господи! Да что же это такое? Данила Григорьичъ, тутъ что-нибудь да есть.

Данила Григорьичъ. Стачка. Очень я это хорошо понимаю. Дѣло это теперича на виду. Это съ Егоркой одна компанія. Значитъ, ты теперича ступай вонъ изъ моего дому.

Луша. Хорошо. *(Идетъ).*

Матрена Панкратьевна. Куда-жъ ты, безпутная, пойдешь-то? *(Луша уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ-же, ДАША, СЕРГѢЙ ИЛЬИЧЪ и НЕТРЪ САВИЧЪ.

Матрена Панкратьевна. Тьфу ты, пакостница этакая! *(Къ мужу).* Ужли это она и взаправду, аль тамъ какое ехидство придумала?

Данила Григорьичъ. Это дѣло надо разобрать.

Даша *(вбѣгаетъ).* Маменька! Сергѣй Ильичъ съ Петромъ Савичемъ пріѣхали.

Матрена Панкратьевна. Вотъ и допроси его.

Данила Григорьичъ. Все это дѣло сейчасъ обозначится. *(Идетъ къ двери).* А, милости просимъ!

Матрена Панкратьевна. Рады дорогимъ гостямъ.

Петръ Савичъ. Рады не рады, а ужъ мы тутъ... ха, ха, ха!

Сергѣй Ильичъ. Извините, можетъ, не во-время.

Петръ Савичъ. Вотъ-то еще разговаривать—не во-время! Для насъ съ тобой, для такихъ орловъ, всегда время. Такъ я говорю, Матрена Панкратьевна?..

Матрена Панкратьевна. Это ужъ именно, завсегда рады... Это ужъ что говорить.

Данила Григорьичъ. Садиться милости просимъ! Чѣмъ потчивать дорогихъ гостей.

Петръ Савичъ. Окромя ласки намъ ничего не требуется.

http://rcin.org.pl

Намъ чтобы уваженіе только... Такъ я говорю, Матрена Панкратьевна? Опять же мы за дѣломъ пріѣхали. Вотъ ежели дѣло кончимъ, тогда другой разговоръ будетъ... а пока такъ. *(Садится).* Я полагаю намъ сразу!.. Ну, начинай, Господи, благослови!

Сергѣй Ильичъ. Постой.

Петръ Савичъ. За постой деньги платятъ, чего стоять! Катай сразу.

Данила Григорьичъ. Ты все балагуришь!

Петръ Савичъ. Нѣтъ, не то, а у него до тебя дѣло есть, а человѣкъ онъ смирный. Денегъ много, а разговаривать не умѣетъ. Гмъ! Вчера энто мы были въ клубѣ... говоритъ, что-ли?

Сергѣй Ильичъ. Говори.

Петръ Савичъ. Были, значитъ, въ клубѣ, выпили сколько намъ нужно и впослѣдствіи времени—поѣхали въ паркъ. Дорогой онъ мнѣ и говоритъ,—жениться, говоритъ, задумалъ. Такъ я говорю?

Матрена Панкратьевна. Это доброе дѣло, Сергѣй Ильичъ.

Данила Григорьичъ. Будетъ болтаться-то.

Петръ Савичъ. Хочу, говоритъ, я жениться и безпремѣнно на Лукерьѣ Пантелеевнѣ. Съ ней ужъ, говоритъ, я все обдѣлалъ, только самому сказать надо. *(Молчаніе).*

Данила Григорьичъ. Да вѣдь ты, можетъ, думаешь, что она при деньгахъ? Денегъ за ней нѣтъ.

Петръ Савичъ. У насъ своихъ много. Такъ я говорю, Матрена Панкратьевна? Своихъ много.

Данила Григорьичъ. Развѣ что такъ, а то...

Матрена Панкратьевна. А мы такъ полагали, Сергѣй Ильичъ, что вамъ богатая невѣста нужна.

Петръ Савичъ. Зачѣмъ богатую? Бѣдную дѣвушку осчастливить: та, по крайности, будетъ вѣкъ Бога молить. Такъ я говорю? Потому, она понимать это будетъ. Опять же и Богъ заплатитъ за это, что онъ сиротой не погнушался. Сиротская слеза, Матрена Панкратьевна *(показываетъ наверхъ)*, вонъ она гдѣ! Я самъ на сиротѣ женатъ и въ лучшемъ видѣ!...

Матрена Панкратьевна. Ваше дѣло, я ничего не знаю.

Данила Григорьичъ. Оченно я всему этому, что ты мнѣ теперича говорилъ, вѣрю, только дать ей свое разрѣшеніе не могу.

Матрена Панкратьевна. Хоша она наша и племянница, а она въ сиротскій судъ приписана...

http://rcin.org.pl

Петръ Савичъ. Ты объ этомъ не сомнѣвайся; ужъ она такую бумагу составила, чтобы тебя прочь, а его, значитъ, попечителемъ.

Матрена Панкратьевна. Какъ! Дядю-то прочь? Чужому человѣку...

Петръ Савичъ. Да онъ свой будетъ... значитъ, мужъ.

Матрена Панкратьевна. Вотъ это хорошо! Это за нашу-то хлѣбъ-соль?

Петръ Савичъ. Да вѣдь, съ рукъ долой, это вамъ лучше.

Матрена Панкратьевна. Отстань-ко, Петръ Савичъ, не съ тобой говорятъ. Батюшка, Данила Григорьичъ, что это у насъ дѣлается?

Сергѣй Ильичъ. Кажется, съ нашей стороны обиды вамъ нѣтъ никакой.

Матрена Панкратьевна. Какъ нѣтъ обиды, помилуйте? Я мать дѣтей... Покорно васъ благодаримъ, Сергѣй Ильичъ! Очень мы вамъ благодарны!

Данила Григорьичъ. Молчи, не суйся не въ свое дѣло!

Матрена Панкратьевна. Да кто я такое? Что-же это, ей-Богу!..

Данила Григорьичъ. Лукерью сюда!

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ-же, ЗОЯ ЕВГРАФОВНА и АБРАМЪ ВАСИЛЬЕВИЧЬ *(впопыхахъ).*

Зоя Евграфовна. Приволокла!

Данила Григорьичъ. Вонъ!

Зоя Евграфовна *(Петру Савичу).* Пойдетъ баталія! Я старичонку-то настрочила.

Абрамъ Васильичъ. Кого вонъ? Меня что-ли? Нѣтъ, ужъ я теперь отсюда скоро не уйду?

Данила Григорьичъ. Не уйдешь?!

Абрамъ Васильичъ. Не уйду! Я тебя стрампть буду. Мнѣ терять теперь, братъ, нечего, я все потерялъ, и честь потерялъ, и зрѣніе потерялъ, и жену вчера схоронилъ. Ничего у меня теперь нѣтъ, только душа въ тѣлѣ осталась, и та поганая: опоганилъ я ее съ тобой. Ничего, сталобыть, ты мнѣ не сдѣлаешь!..

Данила Григорьичъ. Ахъ, ты пьяница! Смѣешь такія слова говорить со мной!

Абрамъ Васильичъ. Это еще что за слова! Такія-ли я тебѣ слова говорить пришелъ. Разбойникъ ты—разбойникъ!

http://rcin.org.pl

Господи! Какъ это ты насъ, этакихъ людей, огнемъ не спалишь? Видно, еще слезы-то до тебя не дошли.

Данила Григорьичъ. Абрамъ, полно!

Матрена Панкратьевна. Батюшка! Онъ помутился!

Абрамъ Васильичъ. Не помутился я, врешь ты! Я не помутился! Матушка, Лукерья Пантелевна, не вижу я тебя. *(Становится на колѣна).* Голубица ты моя чистая, прости ты меня, матушка.

Луша. Полноте, Абрамъ Васильичъ, вы ничего не сдѣлали.

Абрамъ Васильичъ. Какъ, голубушка! Мы тебя ограбили съ дядей твоимъ. У покойника твоего большой капиталъ былъ. Каюсь передъ тобой! Передъ всѣми каюсь! Много мы съ Данилой Григорьевымъ народу ограбили.

Данила Григорьичъ. Извольте видѣть, какъ онъ меня конфузитъ!

Абрамъ Васильичъ. Надъ покойникомъ-то, Пантелѣемъ Григорьичемъ, псалтырь читали, душенька-то еще, голубчика, не остыла, а мы...

Петръ Савичъ. Будетъ, Абрамъ Васильичъ! Что старое поминать...

Абрамъ Васильичъ. Никакъ, Петръ Савичъ? Батюшка, Петръ Савичъ, вотъ до чего я дошелъ! И смерти-то Господь за грѣхи мои не даетъ, велитъ на землѣ мучиться.

Петръ Савичъ. Слова эти самыя твои теперича не къ разу, потому какъ Лукерья Пантелевна замужъ выходитъ, значитъ и шабашъ, все кончено! Мало кто что сдѣлалъ.

Данила Григорьичъ. Да что же это, напримѣръ? Нашло въ мой домъ чужого народу и теперича могутъ они командовать! Да кто-жъ я такой! Сманили дѣвку... Матрена Панкратьевна! Да кто-жъ я? Всѣ вонъ изъ моего дому!

Петръ Савичъ. Что ты расходился-то? Коли не нравится— мы уйдемъ. Только худого отъ насъ тебѣ ничего не было.

Данила Григорьичъ. Вонъ всѣ.

Петръ Савичъ. А ты попробче, а то нестрашно.

Данила Григорьичъ *(къ Лушѣ).* Пошла на свое мѣсто!

Луша. Я пойду къ Петру Савичу.

Данила Григорьичъ. Нѣтъ, ужъ ты не пойдешь. Коли я, напримѣръ, что хочу, такъ это ужъ будетъ по моему. *(Беретъ за руку; Луша вырывается).*

Петръ Савичъ. Ты только это себѣ хуже, потому теперича тебѣ ничего невозможно. Ежели она что желаетъ, значитъ, ея это дѣло. Опять же мы не позволимъ.

http://rcin.org.pl

Данила Григорьичъ. Да ты кто такой?

Петръ Савичъ. Я-то?

Данила Григорьичъ. Ты-то?

Петръ Савичъ. Петромъ Савичемъ прежде звали. Почетный гражданинъ. Довольно хорошо! Ты думаешь, на тебя суда, что-ли, нѣтъ? Нынче судъ есть.

Данила Григорьичъ. Что ты судомъ-то мнѣ тычешь! Что мнѣ судъ, ежели я въ своемъ домѣ...

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ-же и ИВАНЪ ПРОХОРОВЪ.

Иванъ Прохоровъ. Объявку отъ судебнаго слѣдователя принесли, чтобы завтрашняго числа...

Данила Григорьичъ. Матрена Панкратьевна! За нашу-то хлѣбъ-соль вотъ съ нами какую статью обработали.

Матрена Панкратьевна. Батюшка! что у тебя глаза-то какіе страшные?

Данила Григорьичъ. Вѣдь тебя за это въ Сибирь рѣкнатъ.

Матрена Панкратьевна. Господи! Меня-то за что-же?

Данила Григорьичъ. Всѣхъ насъ эти разбойники подвели. *(Къ Абраму).* А тебя, выжигу, уморю въ острогѣ. *(Уходитъ съ женой).*

Абрамъ Васильичъ. Самъ прежде сядешь.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Сергѣй Ильичъ. А ты, дѣдушка, ступай жить къ намъ— мѣста много. Помаялся, будетъ. А дѣтей пристроимъ.

Абрамъ Васильичъ. Голубчикъ ты мой, Сергѣй Ильичъ! Пошли тебѣ, Господи! *(Плачетъ).*

Луша. Успокойтесь, Абрамъ Васильичъ.

Зоя Евграфовна. *(Ивану Прохорову).* А ты-было и слюни распустилъ на Лукерью Пантелевну.

Иванъ Прохоровъ. Намъ все единственно... воля хозяйская. *(Уходитъ).*

Алешка. Петръ Савичъ, когда его судить будутъ? Я опять пойду. *(Смѣется).* Очень я это люблю.

http://rcin.org.pl

ПРОСТО — СЛУЧАЙ *).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Иванъ Петровичъ Вихровъ, купецъ, 50-ти лѣтъ.
Настасья, жена его.
Дарья Спиридоновна, двоюродная сестра его.
Акулина Андреевна, купчиха, вдова.
Петръ Амосовичъ, обѣднѣвшій купецъ, проживающій въ домѣ Вихрова.
Щурковъ, неопредѣленная личность.
Кухарка въ домѣ Вихрова.

ЯВЛЕНІЕ I.

НАСТАСЬЯ КЛИМОВНА сидитъ за столомъ и плачетъ. ДАРЬЯ СПИРИДОНОВНА входитъ.

Настасья Климовна. А ужъ я, кумушка, за тобой посылать хотѣла.

Дарья Спиридоновна. Что это вы, сестрица? Что съ вами?

Настасья Климовна. Нужна ты мнѣ больно. Садись-ка.

Дарья Спиридоновна. Крестникъ вамъ кланяется, сестринька. Вѣдь ужъ онъ у насъ, сестрица, на Покровъ сталъ дыбочекъ стоять... А я всѣ эти дни-то измучилась, сестринька: вѣдь у меня, внизу, жилецъ третій мѣсяцъ ни копѣечки не платитъ.

Настасья Климовна. Что твое горе, кумушка!.. Моего-то ты горя не знаешь.

Дарья Спиридоновна *(съ удивленіемъ)*. Да что у васъ такое?

*) Первое произведеніе И. Ѳ. Горбунова, напечатанное въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1855 г.

http://rcin.org.pl

Настасья Климовна *(сквозь слезы)*. Вѣдь Иванъ-то Петровичъ четвертый день домой глазъ не показываетъ.

Дарья Спиридоновна. Что вы? Да какъ же это?

Настасья Климовна. Такъ. Уѣхалъ къ городовому*), да вотъ...

Дарья Спиридоновна. На своей лошади-то?

Настасья Климовна. На своей. Да и лошади-то нѣтъ. Богъ знаетъ, что съ нимъ дѣлается теперь. *(Плачетъ).*

Дарья Спиридоновна. Что-жъ вы такъ убиваетесь-то, сестрица? Его дѣло мужское: можетъ что и нужное дѣлаетъ.

Настасья Климовна. И вѣдь никогда съ нимъ этого не было. Вотъ двадцать лѣтъ живемъ—впервой такая оказія.

Дарья Спиридоновна. Вы бы, сестрица, на картахъ разложили.

Настасья Климовна. Раскладывала, да ничего не дѣйствуетъ. Вѣришь ли Богу, кумушка, вся душенька-то у меня выболѣла. Чего-чего ужъ я не придумала: и убили-то его, и утонулъ-то онъ, и съ Ивана Великаго какъ не упалъ ли...

Дарья Спиридоновна. Что это вы какія мнительныя! Молоденькій, что ли, онъ?.. Пойдетъ онъ на Ивана Великаго!.. Его и на парадное крыльцо ведутъ подъ руки...

Настасья Климовна. Да вѣдь все можетъ быть... Вотъ нонче сонъ опять какой страшный...

Дарья Спиридоновна. А вы что видѣли, сестрица?

Настасья Климовна. Охъ!.. Вотъ вишь ты: будто бы я стою на горѣ...

Дарья Спиридоновна. Да-съ.

Настасья Климовна. Только будто бы Иванъ-то Петровичъ, пьяный-распьяный, стоитъ да на меня пальцемъ грозитъ.

Дарья Спиридоновна. Ишь страсти какія!

Настасья Климовна. А лошадь-то, будто бы...

Дарья Спиридоновна. Вы бы, сестрица, къ Ивану Яковлевичу съѣздили. Я къ нему за всякимъ дѣломъ хожу. Вотъ, бывало, мой покойникъ запьетъ—я и къ нему. Бывало, только и спросишь: Иванъ Яковлевичъ, что будетъ рабу Симіону? Сейчасъ скажетъ, али такъ на бумажкѣ напишетъ.

Настасья Климовна. Боюсь я одного, кумушка, какъ онъ да нехристіанскою смертью померъ-то. *(Плачетъ).*

---

*) Городовыми называются иногородные купцы въ Москвѣ.

http://rcin.org.pl

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и АКУЛИНА АНДРЕЕВНА.

Настасья Климовна. Матушка, Акулина Андреевна, не знаешь ты моего горя... не пожалѣешь ты меня...

Акулина Андреевна. Пожалѣла бы я тебя, когда бы не такъ глупа была.

Настасья Климовна *(вскакивая со стула).* Да вы развѣ, голубка, слышали что?

Акулина Андреевна. Это вотъ ты тутъ на боку-то лежишь, а я всѣ документы развѣдала.

Настасья Климовна *(бросаясь къ ней).* Матушка, успокой ты меня, скажи, что съ нимъ сдѣлалось? Какой онъ смертью-то померъ?

Акулина Андреевна. Еще онъ насъ съ тобой переживетъ... Да кабы на мой ндравъ такія дѣла, да я бы его... На что это похоже? Пристало ли старику...

Настасья Климовна. Да гдѣ же онъ?

Акулина Андреевна. Да у меня волосъ дыбомъ сталъ, какъ мнѣ сказали... И ты дура будешь, если не сдѣлаешь по моему. Да я бы изъ его бороды весь пухъ повыщипала! Онъ, матушка ты моя, не тебѣ будь сказано, изволитъ въ Марьиной рощѣ съ цыганками...

Настасья Климовна. Ахъ!..

Акулина Андреевна. Все съ себя пропилъ. Лошадь-то ваша теперь въ депѣ, вчера въ депо взяли: пьяный Тимошка задавилъ кого-то.

Дарья Спиридоновна. Что это вы, Акулина Андреевна, во снѣ, или къ зубамъ? Да развѣ братецъ пьетъ?

Акулина Андреевна. Ужъ молчи, коли тебя Богъ обидѣлъ... Потакай пьяницамъ-то! Твой такой же соколъ былъ, вспомни-ка, сколько разъ...

Дарья Спиридоновна. Ужъ вы всегда бѣдныхъ-то людей.

Акулина Андреевна. Да ты роли-то не представляй! *(Обращаясь къ Настасьѣ Климовнѣ).* Ну, что ты, матушка, стоишь-то? Одѣвайся. Тащи его домой, да онозорь его хорошенько, да въ бороду-то ему наплюй при всемъ честномъ народѣ, чтобъ онъ блажь-то въ голову не запускалъ.

Дарья Спиридоновна. Что-жъ, сестрица, поѣзжайте! Можетъ съ братцемъ, въ самомъ дѣлѣ, какое несчастіе: онъ васъ-то скорѣй послушаетъ?

Настасья Климовна. А ну, какъ онъ да безъ насъ сюда пріѣдетъ!

http://rcin.org.pl

Акулина Андреевна. Точи лясы-то! *(Беретъ ее за руку и уводитъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Кухарка *(изъ дверей).* Что, матушка, искать поѣхали? Да ужъ гдѣ найтить! Ты, Спиридоновна, этому не дивуйся: это онъ отъ ней и бѣдствуетъ-то. Я, матушка, у господъ жила, да такой маи-то не привидывала. Бывало, барыня прикажетъ тебѣ распорядиться тамъ, а эта день-то-деньской торчитъ все въ кухнѣ, да по горшкамъ нюхаетъ. А ругаться-то пойдетъ... да я такой обидчицы въ жизнь мою не привидывала! И такая-то ты, и сякая-то ты... тьфу! Вѣдь у нихъ, матушка, за что дѣло-то вышло: намедни сидятъ они такъ-то за чаемъ, а она ему все въ уши: пиши, говоритъ, духовную: не ровенъ часъ—помрешь, меня по міру пустишь. А онъ такъ-то залился слезами: да что-жъ, говоритъ, ужъ ли тебѣ, говоритъ, моей смерти пожелалось?.. Ужъ она у насъ, матушка, такая клятая; у нихъ и родъ-то весь такой. Вотъ когда сестра ея придетъ, семь разовъ въ день самоваръ поставишь...

Дарья Спиридоновна. Вижу, красавица, сама вижу, какія она съ нимъ язвы-то дѣластъ. Ужъ она испоконъ вѣку такая мытарка была: черезъ ея милость и мы въ бѣдность произошли. Это братца Богъ наказываетъ за то, что онъ родныхъ не послушалъ, противъ нашей воли женился. Мы ему тогда говорили: погодите, братецъ, мы вамъ худа не желаемъ, свѣтъ-то вѣдь не клиномъ сошелся, мы вамъ найдемъ невѣсту богатую, изъ хорошаго рода.—Нѣтъ, говоритъ, не могу съ своимъ сердцемъ управиться. Вотъ теперь и управляйся!

Кухарка. Да она, должно, приворожила его.

Дарья Спиридоновна. Нѣтъ, матушка, ему судьба такая, его опутали. Взялъ-то онъ ее въ одномъ платьишкѣ; обулъ, одѣлъ ее, салоповъ ей разныхъ нашилъ. Какъ поступила она въ богатство-то—и давай мудровать! И то не такъ, и другое не такъ. Иванъ-то Петровичъ терпѣлъ-терпѣлъ, да съ горя-то, должно быть, и запилъ.

Кухарка. Э!

Дарья Спиридоновна. Такъ мы, матушка, и обмерли! Да четыре года послѣ этой оказіи и курилъ. Чего-чего тогда съ ними не дѣлали, чѣмъ-чѣмъ не лѣчили...

Кухарка. Какъ же остановили-то?

Дарья Спиридоновна. А вотъ, вишь ты. Сидимъ мы такъ-то

http://rcin.org.pl

разъ да и плачемъ. Экое, я говорю, нашему роду пострамленіе! А молодая-то хозяюшка стоитъ передъ зеркаломъ да ломается. Я и говорю: что это, говорю, Настасья Климовна, неужели на тебѣ креста-то нѣтъ! Мы, говорю, всѣ въ такомъ несчастіи находимся, а тебѣ и горюшка мало! Она, этакъ, вывернулась фертомъ: мнѣ-ста, говоритъ, что за дѣло? Я его не неволю пить-то... Такое-то меня зло взяло! Я, съ сердцовъ-то, и наступила на нее. Да отъ кого-жъ онъ, говорю, пьетъ-то? Ты, говорю, въ нашъ домъ несчастье принесла! Только мы кричимъ, а Иванъ-то Петровичъ что-то и застучалъ. Я къ двери-то, думаю, — не померъ ли. А онъ, матушка ты моя, ходитъ по горницѣ, да все руками отмахивается... такъ-то все отмахиваетъ... Махалъ, махалъ, да какъ грохнется!.. и сдѣлался вотъ, надо-быть, мертвый. Какъ очнулся то и говоритъ: мнѣ, говоритъ, было видѣніе? Я и говорю: какое же вамъ, братецъ, было видѣніе?—Не велѣно, говоритъ, сказывать. Все, говоритъ, можно сказать, только одного слова нельзя говорить.

Кухарка. Да, вотъ тоже, какъ я у господъ жила, такъ барской камардинъ такъ-то померъ, — запилъ тоже, да на другой день и очнулся. Стали его допрашивать,—все сказалъ, только одного слова не допросили.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и АМОСОВИЧЪ.

Амосовичъ. Что, матушка, не слыхать-ли чего.

Дарья Спиридоновна. Ахъ, Амосычъ, пропала наша головушка! Вѣдь запилъ!

Амосовичъ. Въ такую, знать, компанію попалъ... въ пьющую... Эхма! Слабостямъ-то мы, матушка, больно подвержены; тѣшимъ плоть свою на семъ свѣтѣ, а объ часѣ-то смертномъ не подумаемъ. А вѣдь окаянному это на руку: онъ въ тѣ-поры такъ за нами и ходитъ, такъ въ грѣховныя узы-то насъ и опутываетъ...

Дарья Спиридоновна. Давно я тебя не видала, Петръ Амосычъ. Что дочка-то твоя?

Амосовичъ. Ничего... живетъ. Видѣлъ намедни въ соборѣ. Хотѣлъ-было подойти, да боюсь-огорчишь: вѣдь барыня; противъ другихъ совѣстно будетъ, вишь я какой! А то вотъ зимой-то ходилъ съ ангеломъ поздравить, да на глаза-то не пріяла: гостей, говоритъ, много. Посидѣлъ тамъ у

http://rcin.org.pl

нихъ въ кухнѣ, погрѣлся. Спасибо, кухарка у нихъ такая добрая, рюмочку поднесла, да обѣдать съ собою посадила... А экономка съ лакеемъ двугривенничекъ выслала... все добрые люди, матушка. Вотъ теперь хоть-бы Иванъ Петровичъ: фатерку мнѣ даетъ, все у меня свое тепло есть, а то, зимнее-то дѣло, ложись да помирай. Что говорить, матушка, не легко ѣсть чужой хлѣбъ, коли самъ народъ кормилъ... Совѣстно матушка! Иной разъ пораздумаешься — кусокъ въ горло нейдетъ...

Дарья Спиридоновна. Что-жъ вы у дочери-то не живете? Неужели на ней креста-то нѣтъ, что она васъ на старости и согрѣть не хочетъ? Неужели она не боится божескаго наказанія?

Амосовичъ. Ну, Богъ съ ней! Вѣдь Богъ все видитъ!.. Отецъ и денно, и нощно пекся объ ней, а она противъ родителя... Захотѣлось вишь благородной, барыней быть захотѣлось!.. Вѣдь она, матушка, безъ моего благословенія съ бариномъ подъ вѣнецъ-то пошла. (*Плачетъ*). Да я ей, матушка, и то простилъ. Я ей все отдалъ: все, что еще старики накопили, я ей отдалъ. На, дочка, живи, да нашу старость покой, а она... ну, Богъ съ ней! Ты подумай, матушка, кабы я пьяница былъ... (*За сценой голосъ Ивана Петровича: «въ гостяхъ хорошо, а дома лучше»*).

ЯВЛЕНІЕ V.

ВИХРОВЪ очень навеселѣ и ЩУРКОВЪ.

Вихровъ (*входя*).

Ты, Настасья, ты, Настасья,
Отворяй-ка ворота.

Вотъ мы къ тебѣ вся компанія!

Амосовичъ. Эхъ, Иванъ Петровичъ, на старости ты лѣтъ...

Вихровъ. Что ты мнѣ можешь препятствовать? Вонъ сейчасъ! Ты моей милостью на свѣтѣ живешь. Я тебя съ лица земного сотру! Вонъ!

Дарья Спиридоновна. Здравствуйте, братецъ.

Вихровъ. А, сестрица любезная! А гдѣ жена?

Дарья Спиридоновна. Ея нѣтъ, братецъ.

Вихровъ. Зачѣмъ-же ты на мои глаза показалась?

Дарья Спиридоновна. Я навѣстить васъ пришла, братецъ.

Вихровъ. Ладно, ступай въ свое мѣсто. (*Обращаясь къ Щуркову*). Ну, ты, прощалыга! представляй кіятры.

Щурковъ. Это можно-съ, только гитарки-то нѣтъ-съ.

http://rcin.org.pl

ЯВЛЕНІЕ VI.

Настасья Климовна *(вбыстъ)*. Да что это ты, батюшка, вздумалъ на старости лѣтъ крамбольничать-то?

Вихровъ. Молчать! Ходи тъ страхѣ! Топну ногой—понимай что значитъ.

Настасья Климовна *(къ Щуркову)*. Ты что за человѣкъ?

Вихровъ. Гони его по шеѣ: это грабитель.

Щурковъ. Въ гости звали, да и гнать-съ!

Вихровъ. Сволочь! Вотъ мы какъ объ тебѣ понимаемъ. *(Опускаетъ голову на столъ)*.

Настасья Климовна. Вонъ, вонъ!..

Щурковъ. Конечно, сударыня, средства мои не позволяютъ мнѣ быть хорошо одѣтымъ, но и въ несчастномъ положеніи я сохранилъ благородныя чувства. Конечно, благодѣтель мой въ такомъ видѣ, и отрекомендовали меня...

Настасья Климовна. Ступай, ступай!

Щурковъ. Позвольте мнѣ, какъ благородному человѣку, просить рюмку водки.

Настасья Климовна. Да съ чего ты взялъ? Пришелъ въ чужой домъ незваный и непрошеный...

Щурковъ. Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ съ вами проститься.

Настасья Климовна. Прощай, батюшка, ничего...

Амосовичъ. Ступай, коли говорятъ, ступай... *(Щурковъ подходитъ къ Настасьѣ Климовнѣ и протягиваетъ ей руку)*.

Настасья Климовна. Это ты что еще выдумалъ?

Щурковъ. Я уважаю васъ, какъ строгую женщину, а потому прошу позволенія поцѣловать вашу руку.

Настасья Климовна. Нѣтъ, батюшка, мы отродясь такими дѣлами не занимаемся.

Щурковъ. Какъ вамъ угодно-съ. Впрочемъ, если вамъ не будетъ составлять безпокойства, позвольте мнѣ рюмку водки.

Настасья Климовна. Вонъ! *(Щурковъ медленно уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же безъ ЩУРКОВА.

Вихровъ *(подымая голову)*. А гдѣ мои гости? Давай намъ музыку. Аленка, валяй въ присядку.

Ты, Настасья, ты, Настасья,
Отворяй-ка ворота...

http://rcin.org.pl

Настасья Климовна. Опомнись, Иванъ Петровичъ...

Вихровъ. Прочь! Гдѣ моя подруга жизни?

Настасья Климовна. Досталось твоей подругѣ-то жизни; тебя бы...

Вихровъ. Меня? не смѣй!.. Меня грабить!.. Я загулялъ, а меня грабить!.. Дарья Спиридоновна, я въ Марьину рощу попалъ, а за что они меня били? Деньги были мои... три тысячи серебромъ денегъ-то было... За что они меня били?..

Всѣ. Кто же тебя билъ-то?

Вихровъ. Всѣ меня били!.. Тимошка, ты хочешь лошадь пронить, потому хозяинъ этого чувствовать не можетъ... Врешь!.. Меня ограбили!.. Меня ядомъ напоили, я помереть долженъ!.. Я пропащій человѣкъ! За что они меня били?.. Цыганка... она меня у... уду... удушить хотѣла!.. За что они меня били? *(Опускаетъ голову на столъ).*

Дарья Спиридоновна. Должно быть, сестрица, и вирямъ его опутали.

Настасья Климовна. За что же они его били-то?

Амосовичъ. Такая ужъ компанія... пьющая!

Дарья Спиридоновна. Да ничего, сестрица. Съ моимъ покойникомъ часто бывали такія оказіи-то. Пройдетъ!

http://rcin.org.pl

ЖИВЕМЪ ВЪ СВОЕ УДОВОЛЬСТВІЕ.

СЦЕНЫ ИЗЪ КУПЕЧЕСКАГО БЫТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Никонъ Никонычъ, купецъ, 45 лѣтъ. Говоритъ важно, притворяется умнымъ, ходитъ во фракѣ.
Василій Финогеичъ, 30 лѣтъ, мелкій фабрикантъ.
Иванъ Трифонычъ, старикъ, почетный гражданинъ.
Николай Герасимычъ, 50 лѣтъ, судопромышленникъ.
Аристархъ Захарычъ, купеческій братъ, безъ занятій и безъ капитала.
Назаръ Артемьичъ, старичокъ, чѣмъ-то торгуетъ.
Семенъ Еремеичъ, пожилой купецъ.
Яша, главный конторщикъ Никона Никоныча.
Гордѣй, пѣсенникъ, играетъ на бубнѣ.
Цыгане.
Слуга.

Дѣйствіе происходитъ на Нижегородской ярмаркѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

На сценѣ—комната въ гостинницѣ.

ИВАНЪ ТРИФОНЫЧЪ, ВАСИЛІЙ ФИНОГЕИЧЪ и НИКОЛАЙ ГЕРАСИМЫЧЪ играютъ въ карты. НАЗАРЪ АРТЕМЬИЧЪ сидитъ въ углу на стулѣ. ЯША смотритъ на играющихъ.

Иванъ Трифонычъ. Кушлъ.

Николай Герасимычъ. Пасъ.

Василій Финогеичъ. Какими товарами торгуете?

Иванъ Трифонычъ *(разбирая карты).* Товарами-то?.. товарами-то?.. А вотъ какими товарами... червонными.

Василій Финогеичъ. Какую цѣну имъ поставите?

http://rcin.org.pl

Иванъ Трифонычъ. А цѣна имъ будетъ—семь.

Василій Финогеичъ *(раздумываетъ)*. Семь... семь... Это очень превосходно... Такъ ваша игра семь?.. Ну-ко, Николька, открой. Семь... *(Ходитъ)*. Какъ поживаешь, дѣдушка? *(Беретъ взятку; ходитъ)*. Семь... домашніе ваши здоровы-ли? *(Беретъ взятку, ходитъ)*. Семь... Этихъ вамъ не требуется?

Иванъ Трифонычъ *(въ недоумѣніи)*. Я полагалъ...

Василій Финогеичъ. И я полагалъ! *(Ходитъ)*. Восчувствуй! *(Беретъ взятку; Иванъ Трифонычъ задумывается)*. Одной короче что-ли?

Иванъ Трифонычъ *(бросаетъ карты)*. Безъ двухъ.

Василій Финогеичъ. Такъ мы въ книгу и занесемъ. Семь черви... *(Записываетъ)*, да за безчестье...

Иванъ Трифонычъ *(со вздохомъ)*. Вотъ народъ-то!

Василій Финогеичъ. Народъ плутъ!

(Голосъ изъ другой комнаты). Кого это вы нагрѣваете?

Василій Финогеичъ. А вотъ по первой-то гильдіи... потомственнаго-то пашпариваемъ... медаль они получили...

Иванъ Трифонычъ *(къ слугѣ)*. Поднеси, что-ли.

Василій Финогеичъ. Опосля этакого разу какъ не выпить.— всѣ выпьемъ. Съ наступающимъ, дѣдушка! Дай Богъ завсегда такъ. Яшенька, по рюмочкѣ.

Яша. Во что это вы пьете-то?

Василій Финогеичъ. Въ свое удовольствіе. *(Ударяетъ его по животу)*. Эхъ ты, милый! Садись на счастье. Ну-ка, обидчикъ, сдавай.

Иванъ Трифонычъ *(сдаетъ)*. Обидишь васъ!

Василій Финогеичъ. И—да!...

Иванъ Трифонычъ. Мы торговцы мелкіе!

Василій Финогеичъ. Мелкіе!

Иванъ Трифонычъ *(про себя)*. Обидѣть насъ не долго.

Назаръ Артемьичъ. Всякое дыханіе да хвалитъ Господа!

Василій Финогеичъ. Вонъ оно что!

Назаръ Артемьичъ. Немощи наши!

Василій Финогеичъ. Немощи ваши! Ужъ ты, братъ, не ворчи, ужъ это до завтрашняго числа не поправишь. Только не шевелись, а то сей часъ замутитъ. Травникомъ, что-ли, ошибся-то?

Назаръ Артемьичъ. Всего было!..

Василій Финогеичъ. Травникъ этотъ—бѣда! Никого не помилуетъ!

Назаръ Артемьичъ. Боже, очисти мя грѣшнаго!

http://rcin.org.pl

Василій Финогеичъ. Недостойнаго раба твоего. Ну, кто что? Купилъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

НИКОНЪ НИКОНЫЧЪ выходитъ изъ другой комнаты съ СЕМЕНОМЪ ЕРЕМЕИЧЕМЪ.

Никонъ Никонычъ *(важно)*. Коли онъ не жластъ, значитъ—промежду нами все кончено. Я баловства терпѣть не могу и никому не позволю.

Семенъ Еремеичъ. Извѣстно, уваженіе должно сдѣлать.

Никонъ Никонычъ. Бросьте-ко на время ваше занятіе. *(Къ слугѣ)*. Подавай. Холодненькаго по стаканчику. Пожалуйте! Иванъ Трифонычъ... Николя... Василій Финогеичъ... милости просимъ!.. Яковъ!..

Яша. Благодарю васъ, не пью.

Никонъ Никонычъ. А еще въ коммерческомъ судѣ учился.

Яша. Въ коммерческомъ училищѣ.

Никонъ Никонычъ. Все одно, къ тому-же клонитъ.

Василій Финогеичъ. Да ты хоть въ руку-то возьми. Возьми въ руки-то, подержись, что за важное дѣло!

Николай Герасимычъ. Господа, позвольте предложить тостъ за здоровье хозяина. Онъ сдѣлалъ намъ уваженіе, собралъ наше обчество, и мы должны ему эту политику соблюсти.

Всѣ. Ура!

Никонъ Никонычъ. Кушайте во здравіе.

Николай Герасимычъ. Только чтобы, господа, условіе теперича такое, пить не отставая отъ другихъ судопромышленниковъ; обгонять можно, а отставать нельзя, у насъ такъ и въ контрактахъ сказано. А то произойдетъ сконленіе судовъ, заднія баржи и коноводки, которыя будутъ имѣть притѣсненіе, а хозяевамъ, значитъ, ущербъ!

Никонъ Никонычъ. Вѣрно!

Всѣ. Ура.

ЯВЛЕНІЕ III.

Входитъ АРИСТАХЪ ЗАХАРЫЧЪ.

Всѣ. А!!... Другу!...

Аристархъ Захарычъ. Вижу—свѣтъ; думаю: не пьютъ-ли, не зайти-ли на всякой случай?

Никонъ Никонычъ. Откуда, старый грѣшникъ?

Аристархъ Захарычъ. Въ самомъ дѣлѣ что-ли пьете, али такъ, примѣръ одинъ?

http://rcin.org.pl

Никонъ Никонычъ. Откуда, старый грѣшникъ? Въ непоказанный часъ... въ пьяномъ образѣ...

Аристархъ Захарычъ. Нѣтъ, еще маковой росинки въ роту не было, а вотъ коли вы въ настоящую пьете, такъ мы подъ васъ подражать будемъ. *(Смотритъ на всѣхъ).* Сумнительно мнѣ что-то: лики-то у васъ у всѣхъ чистые...

Василій Финогеичъ. Не отчего, любезненькій, загорѣть-то!

Назаръ Артемьичъ. Господи, прости наше великое согрѣшеніе!

Василій Финогеичъ. Главная причина, чтобы не умереть безъ покаянія.

Назаръ Артемьичъ. Жизнь наша!

Василій Финогеичъ. Жизнь хорошая! Лѣтнее дѣло, поѣдешь провѣтриться въ паркъ, али тамъ куда, ляжешь на травку: птички поютъ, цвѣтики пахнутъ, душенька твоя радуется... Думаешь: Господи, за что Ты взыскалъ меня, недостойнаго? Думаешь, думаешь...

Аристархъ Захарычъ. Да и къ буфету!

Василій Финогеичъ. Дѣло понятное! Налей!.. А тутъ еще кто подъѣдетъ...

Аристархъ Захарычъ. Да коли кто пьющій подвернется: дорогъ въ этомъ разѣ бываетъ.

Никонъ Никонычъ. Первый человѣкъ!

Аристархъ Захарычъ. Повымерли настоящіе-то пьяницы, мало ужъ ихъ осталось. Бывало, въ Нижномъ-то земля стонетъ, какъ они разойдутся, а нынче сжели и пьютъ, такъ—одна политика.

Василій Финогеичъ. Пьютъ, значитъ, положенное, кому сколько слѣдуетъ, для фантазіи; пріѣхали въ Нижній, безъ этого, словно, нельзя.

Семенъ Еремеичъ. Покойникъ дяденька тоже современемъ этими пустяками занимались. Бывало, пріѣдутъ изъ Нижняго, лица ихняго распознать нельзя, синіе этакіе сдѣлаются, говорятъ все такое неподходящее...

Аристархъ Захарычъ. На разные языки. Бываетъ! *(Смѣется).*

Семенъ Еремеичъ. И это даже удивительно: все будто по нимъ жуки ползаютъ; ничего мы этого не видимъ, а имъ все явственно. Сеня, говоритъ—въ тѣ-поры я еще маленькой былъ—задави жука. Гдѣ, говорю, дяденька?.. Вишь, говоритъ, ползетъ. Это, значитъ, окаянные къ нему свою привязку дѣлали.

http://rcin.org.pl

Аристархъ Захарычъ. Разно бываетъ: кому жуки, кому шмели, а кому, по грѣхамъ, и въ своемъ видѣ покажется.

Назаръ Артемьичъ. Не къ ночи слово!

Василій Финогеичъ. Что, али въ ожиданіи? Къ концу-то ярманки, можетъ, навѣстятъ.

Назаръ Артемьичъ. Все это отъ винъ, отъ сладкихъ... Это они меня... *(Вздыхаетъ).* Вотъ пакость-то, тьфу!..

Никонъ Никонычъ. Что-жъ, господа, налито—простынетъ. Кушайте во славу Божью. *(Всѣ берутъ стаканы и пьютъ).* Блаженный!

Назаръ Артемьичъ *(беретъ стаканъ).* Вотъ грѣхъ-то! Все неразуміе наше!.. Скотина—и та... *(Пьетъ).*

Никонъ Никонычъ. А ты не думай!

Николай Герасимычъ. Коли человѣкъ много думаетъ, это ему хуже, потому заберешь въ голову и никакъ сообразить невозможно, и сейчасъ на тебя страхъ нападетъ, все словно ты чего боишься, словно за тобой бѣжитъ кто...

Василій Финогеичъ. Со мной было. Въ самой чистый понедѣльникъ на Москворѣцкомъ мосту караулъ закричалъ.

Аристархъ Захарычъ. Послѣ заговѣнья это со многими.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Слуга. Гордѣю приказывали придти: пришолъ-съ. *(Гордѣй входитъ).*

Никонъ Никонычъ. Милости просимъ, Гордѣюшка. Поднеси ему. Выкушай. За общее молъ здоровье. *(Слуга наливаетъ рюмку водки и подноситъ).*

Гордѣй. Водки я не кушаю-съ.

Никонъ Никонычъ. Ну мадерцы, что-ли. *(Слуга подноситъ).*

Гордѣй. Съ ярманкой честь имѣемъ поздравить.

Никонъ Никонычъ. И тебя также, другъ сердечный.

Гордѣй *(пьетъ).* Покорнѣйше благодаримъ.

Никонъ Никонычъ. Дмитрій, перемѣни посуду.

Василій Финогеичъ. Что-то это у тебя глазки-то?

Гордѣй. У Семена Ивановича наскрось всю ночь.

Никонъ Никонычъ. Публика была?

Гордѣй. Персюковъ угощали. Изъ кіятра какой-то пѣсни пѣлъ. Семенъ Иванычъ гитару ихнюю сломалъ, только верешечки остались. Двѣ красненькихъ отдалъ, да плису на брюки приказалъ отрѣзать, а въ Москвѣ, говоритъ, новую купимъ. У артельщика опосля гармонію достали: подъ

http://rcin.org.pl

гармонію-то пѣть не сталъ... Семенъ Иванычъ два раза передъ нимъ на колѣни становился—не сталъ.

Василій Финогеичъ. Ну, а ты-то, голубчикъ, выручалъ-ли?

Гордѣй. Три пѣсни сдѣлалъ, да опосля по Кунавину приказали съ бубномъ пройти.

Никонъ Никонычъ. Все, значитъ, благородно, ничего такова не было?

Гордѣй. Ничего-съ. *(Ухмыляется).* Семена Иваныча опосля въ полицію вытребовали.

Аристархъ Захарычъ. Значитъ, загулъ какъ быть слѣдуетъ.

Никонъ Никонычъ. Хорошо!

Аристархъ Захарычъ. Битва была?

Гордѣй. Битвы чтобы этой безобразной—не было, а только, примѣру, они жида раздавили.

Никонъ Никонычъ. До смерти?

Гордѣй. Нѣтъ-съ, испугъ онъ только получилъ, а главное—сорвать захотѣлось. Играетъ онъ, это, примѣрно, на своихъ цинбалахъ, а Семенъ Иванычъ подошелъ къ нему, да были-то немножко...

Никонъ Никонычъ. Понимаю...

Гордѣй. Посклизнулся, да на него и упалъ. А жидъ этотъ самый, что ни на есть дрянной, выскочилъ на улицу, да на все Кунавино и кричитъ: «помогите, купецъ мнѣ кишки выдавилъ». Мы было за руки его ухватили, а Семенъ Иванычъ: бросьте, говоритъ, его, потому цѣна ему—грошъ.

Назаръ Артемьичъ. Пустите меня, пожалуйста, сдѣлайте милость... невозможно мнѣ!.. Звѣрь, и тотъ теперича... тьфу!.. Все путро выжгло!.. Горитъ!..

Василій Финогеичъ. Погоди, еще не то будетъ. *(Всѣ смѣются).* Ну-ко, Гордюша, махни! Какъ бишь ее... *(Запѣваетъ).*

Какъ женила молодца
Чужа, дальня сторона.

Гордѣй *(съ бубномъ подхватываетъ).*

Чужа, дальня сторона
Макарьевска ярманка.

Василій Финогеичъ. Дѣлай!

Гордѣй.

И случилася бѣда
И у Сафронова купца.

Назаръ Артемьичъ. Катай!..

http://rcin.org.pl

Василій Финогеичъ. Очуствовался!

Назаръ Артемьичъ. Катай, катай!..

Гордѣй.

И не сто рублевъ пропало,
И не тысяча его...

Назаръ Артемьичъ. Тьфу!.. Смерть моя!

Василій Финогеичъ. Схоронимъ. *(Вмѣстѣ съ Гордѣемъ).*

Пропадала у него
Дочь любимая его.

Никонъ Никонычъ. Дмитрій! Цыганъ сюда, чтобы всѣ... *(Слуга уходитъ).*

Василій Финогеичъ. Этотъ бубенъ кому хошь сердце растопитъ. Грохни, Гордюша, грохни! *(Поютъ вмѣстѣ).*

Ужъ искали ту пропажу
По болотамъ, по лѣсамъ,
По макарьевскимъ кустамъ...

Никонъ Никонычъ. Шшъ!.. *(Останавливаются).* Не побрезгуйте. *(Всѣ берутъ стаканы).*

Василій Финогеичъ. Эхъ, Гордюша! *(Беретъ его за бороду).* Цѣны ты себѣ не знаешь!

Николай Герасимычъ. Да. Когда, напримѣръ, обчество... выпили и, значитъ, у всѣхъ меланхолія, и кто можетъ объ эту пору на какомъ струментѣ распорядиться — большихъ денегъ такой человѣкъ стоитъ.

Василій Финогеичъ. Ну-ко, особенную.

Гордѣй *(запѣваетъ).*

Торжествуетъ вся наша...

ЯВЛЕНІЕ V.

(За дверью хохотъ, входятъ цыгане).

Василій Финогеичъ. А, милые!.. Къ самому разу!..

Аристархъ Захарычъ. А, чавалы!.. Вотъ теперь пойдетъ самое настоящее!..

Никонъ Никонычъ. Дмитрій! *(Показывая на столъ съ закуской).* Все сызнова и дверь... чтобы лишній кто не вошолъ.

http://rcin.org.pl

ЖЕСТОКІЕ НРАВЫ.

Васенька, молодой купецъ, щеголевато одѣтый, бѣлокурый, выраженіе лица тупое.
Настенька, его жена, красавица, лѣтъ 19.

Настенька. Вася, да полно же, наконецъ! Вѣдь это ужасно скучно!

Васенька. А мнѣ весело!

Настенька. Пріятно, что ли, терпѣть твое безобразіе-то? Два мѣсяца какъ женился и ни одной почти ночи даже не ночевалъ.

Васенька. Какъ ни одной? Третьяго дня не ночевалъ, это точно. Ну, сегодня...

Настенька. Ну, вотъ сегодня: въ которомъ ты часу пріѣхалъ?

Васенька. Въ раннюю обѣдню. На Болвановкѣ ударили, какъ я подъѣхалъ. У Никона Никоныча страженье было и засидѣлись...

Настенька. Какое сраженье?

Васенька. Обнаковенно какое: въ трынку играли. Послѣ на тройкѣ сдѣлали... у Натрускина цыганъ послушали. Все честь-честью, какъ слѣдуетъ. Дай только Богъ, чтобы это не въ послѣдній разъ въ сей нашей кратковременной жизни..

Настенька. Ну ужъ и жизнь... Господи!

Васенька. Тяжелая! Такъ вчерашняго числа наша компанія лики свои растушевала, такіе на нихъ колера навела, даже до невозможности. До сапей-то насилу доползли.

Настенька. И ты такъ говоришь объ этомъ спокойно.

Васенька. Что жъ, плакать, что ли? Ну, напились, что

http://rcin.org.pl

за важность! Мадера такая попалась... Въ нее не влѣзешь: чортъ ихъ знаетъ, изъ чего они ее составляютъ. Пьешь—ничего, а какъ всталъ—кусаться хочется. Обозначено на ярлыкѣ «Экстра, этикетъ утвержденъ», ну, и давай. Послѣ къ Яру заѣзжали. Иванъ Гаврилычъ пѣвицу чуть не убилъ.

Настенька. Фу, какая гадость!

Васенька. Ничего тутъ нѣтъ особеннаго, цѣловаться лѣзъ, а та препятствовала. Счастья своего не понимала. Поцѣловала бы разъ, другой—сотенная и въ карманѣ.

Настенька *(съ отвращеніемъ).* Тьфу!

Васенька. Да и человѣка-то острамила: протоколъ составили, къ мировому потянутъ.

Настенька. Ахъ, какъ я рада!

Васенька. Чему радоваться-то? Съ человѣкомъ несчастіе, а она радуется. Ежели у него такой характеръ?

Настенька. Обижать женщину!?

Васенька. Да какая въ этомъ есть обида? За свои деньги...

Настенька *(съ упрекомъ).* Вася, зачѣмъ ты женился?

Васенька. Что-жъ мнѣ вредъ, что ли, отъ этого? Окромя удовольствія, ничего!

Настенька. А мнѣ-то какое удовольствіе?

Васенька *(поетъ).*

Что мнѣ до шумнаго свѣта,
Что мнѣ друзья и враги...

Обожаю! Растопится твое сердце... Да полно плакать ты, дура!

Что мнѣ до шумнаго свѣта...

Настенька. Скоро же твоя любовь прошла...

Васенька. Да она не проходила! Развѣ въ этомъ любовь состоитъ, чтобы дома сидѣть. Любовь въ томъ состоитъ—взвился теперь, закружился, выпилъ что слѣдуетъ, удовольствовалъ свою душу—домой! Все у тебя тихо, смирно, хорошо. Вотъ это любовь!

Настенька. Да я-то при чемъ же тутъ?

Васенька.

Что мнѣ до шумнаго свѣта,
Что мнѣ друзья и враги...

Теперь бы хорошо мочененькаго яблочка. Душа послѣ вчерашняго ноетъ. Порфирій, скажи бабушкѣ, чтобы моченыхъ яблоковъ...

http://rcin.org.pl

НАНА.

— Ну, какое же, Василій Ивановичъ, теперича ваше положеніе опосля папашиной смерти?

— Хуже быть нельзя... острогъ! При тятенькѣ хоша и строгое положеніе было, а все терпѣть можно, а теперь... Ты думаешь—я купеческій сынъ? Арестантъ я и больше ничего! При тятенькѣ, помнишь, въ Парижѣ разъ съ бухгалтеромъ ѣздилъ, въ Нижнемъ крутился... И не приберетъ ее Господъ Царь небесный!

— Кого, сударь?

— Бабушку! Вѣдь она опекуншей назначена. Ну, и набапгъ! Ни направо, ни налѣво! Сидитъ съ монашенками, Библью али Чикминей по складамъ разбираютъ... Т. е., завтра она умретъ, а послѣ завтра я всему оставшему капиталу рѣшеніе сдѣлаю... весь капиталъ, съ радости, пропью! Двухъ старцевъ теперича ко мнѣ приставили для наставленія. Одинъ-то еще ничего... пьетъ; а другой, окромя кровоочистительныхъ капель, ничего не трогаетъ. Намедни они меня до того довели: — бабушка, говорю, Маланья Егоровна, я очумѣю! — Это, говоритъ, тебѣ на пользу... Вѣришь ты!.. *(Плачетъ).* Подъ векселя никто не дастъ—опасаются—несовершеннолѣтній, а этого случая надо еще два года ждать. За это время она мнѣ всю душу вымотаетъ. Сестру тоже поѣдомъ ѣстъ... Ну, той ничего! Та дѣвушка такая—за ней хоть въ подзорную трубу смотри—ничего не увидишь.

— Ну, а дяденька какъ?

— Тотъ дуракъ! Только кажетъ-то умнымъ, а заставь тремъ свиньямъ щи разлить—не сумѣетъ. Ужъ то возьми: въ баню идетъ—медаль надѣваетъ! Дуракъ естественный!

http://rcin.org.pl

Я всѣхъ умнѣй, изъ всей нашей фамиліи, но только я самый что ни на есть несчастный человѣкъ! Вотъ хошь бы теперь въ бѣду попалъ—за что? Стремъ теперича пойдетъ по всему городу. Ужъ изъ «С.-Петербургскаго листка» приходили опрашивать. Дворникъ сказалъ дома нѣтъ, скрывается.

— Въ чемъ же бѣда-то ваша?

— Видишь ты, милый человѣкъ: иду я по Невскому, смотрю — большое стеченіе публики. Къ городовому: — по какому случаю? А по такому, говоритъ, случаю — картину разсматриваютъ. А господинъ какой-то говоритъ, Нана выставлена. Взошелъ, посмотрѣлъ—ничего нѣтъ удивительнаго, а какъ обнаковенно. Старичокъ только какой-то, въ черненькомъ паричкѣ, хотѣлъ рукой погладить, да не досталъ. И сейчасъ этотъ старичокъ оборотился ко мнѣ съ разговоромъ: вы, говоритъ, еще не видали? Нѣтъ, говорю. А я, говоритъ, десятый разъ смотрю и все налюбоваться не могу. Что-жъ, говорю, Бабелина чудесная. А вы, говоритъ, романъ *Нана* читали? Нѣтъ. Почитайте, вамъ, какъ молодому человѣку, очень пріятно будетъ. Тамъ, говоритъ, всѣ обстоятельства обозначены во всю! И глазъ это у него такъ и завертѣлся. И слова на ихъ счетъ такія, что и пропечатать на нашемъ языкѣ невозможно, надо по-французски. И вонзилъ онъ мнѣ въ самое сердце такой кинжалъ—какъ ни старался—не могъ вытащить. Давай *Нана* да и шабашъ! Книжку купилъ, пошелъ къ одному знакомому приказчику въ перинную линію, хвастался, что умѣетъ по-французски. Тотъ словъ пять разобралъ — бросилъ: не при немъ писано. Ну, а мнѣ все одно хошь умирать! И сказали мнѣ, что въ Казанской улицѣ живетъ съ матерью дѣвица и французскимъ языкомъ орудовать можетъ. Къ ней. Бѣдная, худая, волосы подрѣзаны въ скобку; мать тоже старуха старая, слѣпая... Видно, что дня три не ѣли... Грусть на меня напала! Вотъ, думаю, обдѣлилъ Господь. Можете, говорю, перевести на нашъ языкъ французскую книжку? Посмотрѣла. Извольте, говоритъ. Что это будетъ стоить? Семьдесятъ пять рублей. Это, говорю, мы не въ силахъ... За пятнадцать рубликовъ нельзя ли? Она такъ глаза и вытаращила, а глаза такіе добрые, чудесные... Инда мнѣ совѣстно стало. Вы, говорю, не обижайтесь: мы этимъ товаромъ не торгуемъ, цѣнъ на него не знаемъ. Я, говоритъ, съ васъ беру очень дешево и то потому, что намъ съ мамашей ѣсть нечего, а по щекамъ слезы, словно ртуть,

http://rcin.org.pl

скатились. Жалко мнѣ ее стало, чувствую этакой переворотъ въ душѣ. Извольте, говорю, только-чтобъ переводъ былъ сдѣланъ на чести, чтобы всѣ слова и обстоятельства... Покончили. Зашелъ какъ-то черезъ недѣлю навѣдаться, смотрю—сидитъ, строчитъ. Матери не въ зачетъ рубль далъ на кофій. Покончила она все это дѣло, да, не дождамшись меня, на Калашникову и приперла. Вошла въ калитку-то, собаки какъ залаются:—чужого народу къ намъ не ходитъ... А бабушку въ это время въ экипажъ усаживали, въ баню везти, бобковой мазью оттирать... Что за человѣкъ? Зачѣмъ? Къ кому? По какому случаю? Все дѣло-то и обозначилось. Ужъ они меня съ дядей терзали, терзали, старцы-то меня точили, точили... Хотѣлъ удавиться!.. Сестра упросила глупости этой не дѣлать. Бабушка взяла эту книжку и тетрадку, да въ печку бросила. И *Нана*, и всѣ слова, и всѣ обстоятельства, все сгорѣло!.. Въ четвергъ повѣстка... къ мировому! Бабушку за безобразіе, меня, должно быть, за малодушество, а дядю, какъ онъ есть дикій, нескладный человѣкъ, за грубое обращеніе... Ищу адвоката. Былъ у одного, да не понравился. Чѣмъ, говорю, прикажете васъ вознаградить, потому какъ всю нашу фамилію судить будутъ? Всталъ этакъ, выпрямился:—Мнѣ кажется, говоритъ, что опосля изобрѣтенія денежныхъ знаковъ вашъ вопросъ совершенно лишній. Въ домѣ теперь смятеніе. Бабушка боится, что ее будутъ къ присягѣ пригонять; дядя сумнѣвается насчетъ своихъ словъ нехорошихъ, а я третій день дома не ночую—пью безъ просыпа...

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

СЦЕНЫ ИЗЪ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ.

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

ЗАТМЕНІЕ СОЛНЦА.

СЦЕНА ИЗЪ МОСКОВСКАГО ЗАХОЛУСТЬЯ.

— Что это за народъ собрамши?

— Богъ ихъ знаетъ... съ утра стоятъ.

— Не насчетъ ли солонины?

— Какой солонины?

— Да вѣдь какъ же: этотъ хозяинъ кормилъ фабрику солониной, но только теперича эту самую солонину запечатали, потому ѣсть ее нѣтъ никакой возможности.

— Это вы насчетъ солонины-то? Нѣтъ, ужъ онъ имъ три кедра поставилъ: распечатали, опять жрутъ...

— Да, ужъ эта солонина!..

— Что это за народъ собрамши?

— Разно говорятъ: кто говоритъ — на небѣ не ладно, кто говоритъ—купецъ повѣсился...

— А мы изъ Нижняго ѣхали... пьяные... Ѣдемъ мы пьяные и сейчасъ эта комета прямо къ намъ въ тарантасъ... инда хмѣль соскочилъ!.. Я говорю: Петръ Семеновъ, смотри! — Я, говоритъ, ужъ давно вижу... а самъ такъ и трясется...

— Затрясешься, коли значитъ... Богу ежели что... Всѣ мы люди, всѣ человѣки...

— Не оборотить ли, говоритъ, намъ назадъ?.. Богъ милостивъ, говорю, отъ судьбы не уйдешь, давай лучше выньемъ, а она, матушка, можетъ, стороной пройдетъ. Хвостъ ужъ очень разителенъ!.. Такой хвостъ, я тебѣ доложу, что просто...

— Грѣхи наши тяжкіе... Слабъ есть человѣкъ! Вотъ хоть бы теперь! этакое наказанье божеское, а сколько народу пьянаго.

http://rcin.org.pl

— Безъ этого нельзя: иной опасается, а другой такъ опосля вчерашняго поправляется.

— Нѣтъ, вы докажите!

— И докажу!

— Одно ваше невѣжество!

— Извольте говорить, мы слушаемъ. Вы говорите...

— Я васъ очень хорошо знаю: вы — московскій мѣщанинъ и больше ничего!

— Оченно это можетъ быть, а вы про затменіе докажите. Вы только народъ въ сумнѣніе привели!.. Изъ-за вашихъ пустыхъ словъ теперича этакое собраніе!.. Городовой!.. Городовой!..

— Вотъ онъ тебѣ покажетъ затменіе!..

— Да, нашъ городовой никого не помилуетъ!

— Докажите!

— Живемъ мы тихо, смирно, благородно, а вы тутъ пришли—всѣхъ взбудоражили.

— Хозяйка наша въ баню поѣхала и сейчасъ спрашиваетъ: зачѣмъ народъ собирается? А кучеръ-то, дуракъ, и ляпни: затменія небеснаго дожидаются... Сырой-то женщинѣ!..

— Образованіе!

— Такъ та и покатилась! Домой подъ-руки потащили...

— Онъ съ утра здѣсь путается. Спервоначалу зашелъ въ трактиръ и сталъ эти свои слова говорить. Теперича, говоритъ, земля вертится, а Иванъ Ильичъ какъ свиснетъ его въ ухо!.. Развѣ мы, говоритъ, на вертушкѣ живемъ?..

— Дикая ваша сторона, дикая!..

— Мы довольны, слава тебѣ, Господи!..

— Господинъ, проходите!

— Баринъ, ступай лучше, откуда пришелъ, а то мы тебѣ лопатки назадъ скрутимъ...

— Смотри-ко, что народу подваливаетъ.

— Горяченькіе пирожки! У меня со вкусомъ! Такъ и кипятъ!

— Что это за народъ собравши?

— Вонъ пьяный какой-то выскочилъ изъ трактиру, наставилъ трубочку на солнышко, говоритъ—затменіе будетъ.

— А гдѣ-жъ городовой-то?

— Чай пить пошелъ.

— Надо бы въ часть вести.

— Сведутъ, ужъ это безпремѣнно...

— За такія дѣла не похвалятъ.

http://rcin.org.pl

— Все въ трубку глядитъ; можетъ, что и есть.

— У насъ, на Кавказѣ, на правомъ флангѣ, у ротнаго командира во какая труба была... все наскрозь видно... Ночью ли, днемъ ли — какъ наставитъ... шабашъ: что-нибудь да есть.

— Начало затменія! Вотъ, вотъ, вотъ... Сейчасъ, сейчасъ...

— А вотъ и городовой идетъ.

— Сейчасъ выручитъ!

— Вотъ, г. городовой, теперича этотъ человѣкъ...

— Осади назадъ!

— Теперича этотъ человѣкъ.

— Неизвѣстный онъ намъ человѣкъ...

— Позвольте, спервоначалу здѣсь былъ... Вышелъ онъ, примѣрно, изъ трактира... но только народъ, извѣстно, глупый... и сталъ сейчасъ...

— Не наваливайте... которые!.. Осадите назадъ!

— Иванъ Павлычъ, ты нашъ тѣлохранитель, выручи! Вышилъ я за свои деньги...

— Вы тогда поймете, когда въ дискѣ будетъ.

— Почтенный, вы за это отвѣтите!

— За что?

— А вотъ за это слово ваше нехорошее...

— Выскочилъ онъ изъ трактира...

— Сейчасъ затмится!

— Можетъ и затмится, а вы, господинъ, пожалуйте въ частокъ. Этого дѣла такъ оставить нельзя.

— Какъ возможно!

— Можетъ хозяйка-то наша теперича на тотъ свѣтъ убралась по твоей милости.

— Хотѣлъ на божью планиду, а попалъ въ часть...

— На Кавказѣ бы за это...

— Сколько этого глупаго народу на свѣтѣ!..

http://rcin.org.pl

ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬ.

СЦЕНА.

ОКОЛО ВОЗДУШНАГО ШАРА ТОЛПА НАРОДА.

— Скоро полетитъ?

— Не можемъ знать, сударь. Съ самыхъ вечеренъ надуваютъ; раздуть, говорятъ, невозможно.

— А чѣмъ это, братцы, его надуваютъ?

— Должно кислотой какой... Безъ кислоты тутъ ничего не сдѣлаешь.

— А какъ онъ полетитъ—съ человѣкомъ?

— Съ человѣкомъ... Самъ нѣмецъ полетитъ, а съ нимъ портной.

— Портной!?

— Портной нанялся летѣть... Купцы наняли...

— Портной!..

— Пьяной?

— Нѣтъ, черезвый, какъ слѣдуетъ.

— Портной!.. Зачѣмъ же это онъ летитъ?

— Запутался человѣкъ, ну и летитъ. Вѣстимо, отъ хорошаго житья не полетишь, а, значитъ, завертѣлся...

— Мать его тамъ, старушка, у воротъ стоитъ, плачетъ... На кого ты, говоритъ, меня оставляешь.—Ничего, говоритъ, матушка, слетаю, опосля тебѣ лучше будетъ. Знать, говоритъ, мнѣ судьба такая, чтобы, значитъ, летѣть.

— Давай мнѣ теперича, при бѣдности моей, тысячу цѣлковыхъ, да скажи: Петровъ, лети!..

— Полетишь?

— Я-то?

— Ты-то?

http://rcin.org.pl

— Низачто! Первое дѣло—мнѣ и здѣсь хорошо, а второе дѣло—ежели теперича этотъ портной летитъ, самый онъ выходитъ пустой человѣкъ... Пустой человѣкъ!.. Я теперича осьмушечку выпилъ, Богъ дастъ—другую выпью и третью, можетъ, по грѣхамъ моимъ... а летѣть мы не согласны. Такъ ли я говорю?—Не согласны!..

— Гдѣ же теперича этотъ самый портной?

— А вонъ ему купцы водки подносятъ.

— Купецъ ублаготворитъ, особливо ежели самъ выпивши.

— Всѣ пьяные... Ужъ они его и угощали и цѣловать пробовали—все дѣлали. А одинъ говоритъ:—ежели, Богъ дастъ, благополучно прилетишь, я тебя не забуду.

— Идетъ, идетъ... Портной идетъ...

— Кто?

— Посторонись, братцы...

— Портной идетъ...

— Это онъ самый и есть?

— Онъ самый...

— Летишь?

— Летимъ; прощайте.

— Насъ прости, Христа ради, милый человѣкъ.

— Прощай, братъ!.. Кланяйся тамъ... Несчастный ты человѣкъ, вотъ я тебѣ что скажу! Мать плачетъ, а ты летишь... ты хошь бы подпоясался...

— Это дѣло наше...

— Но только ежели этотъ пузырь вашъ лопнетъ, и какъ ты оттедова турманомъ... въ лучшемъ видѣ... только пятки засверкаютъ...

— Смотри-ка, братцы, купцы его подъ руки повели; сейчасъ, должно, сажать его будутъ...

— Ты что за человѣкъ?..

— Портной...

— Какой портной?

— Портной съ Покровки, отъ Гусева. Купцы его лѣтѣть наняли.

— Летѣть! Гриненко, сведи его въ часть.

— Помилуйте...

— Я-те полечу!.. Гриненко!.. Извольте видѣть!.. Летѣть!.. Гриненко, возьми...

— Поволокли!..

— Полетѣлъ голубчикъ!.

— Да, за этакія дѣла...

http://rcin.org.pl

— Народъ-то ужъ оченно избаловался, придумываетъ что чуднѣй!..

— Что это, мошенника повели?

— Нѣтъ, сударь, портнова...

— Что же, укралъ онъ что?

— Никакъ нѣтъ, сударь... Онъ, изволите видѣть... бѣдный онъ человѣкъ... и купцы его наняли, чтобы сейчасъ, значитъ, въ шару летѣть.

— На воздусяхъ...

— А квартальному это обидно показалось...

— Потому—безпорядокъ...

— Летитъ, братцы, летитъ... Трогай!..

— И какъ это возможно безъ начальства летѣть?!.

http://rcin.org.pl

У ПУШКИ.

— Ребята, вотъ такъ пушка!
— Да!..
— Ужъ оченно, сейчасъ умереть, большая!..
— Большая!..
— А что, ежели теперича эту самую пушку, къ примѣру, зарядятъ да пальнутъ...
— Да!
— Особливо, ядромъ зарядятъ.
— Ядромъ ловко, а ежели, бонбой, ребята,—лучше.
— Нѣтъ, ядромъ лучше!
— Да бонбой дальше.
— Все одно, что ядро, что бонба!
— О, дуракъ—чортъ! Чай ядро особь статья, а бонба особь статья.
— Ну, что врешь-то!
— Вѣстимо! Ядро теперича зарядятъ, прижгутъ: оно и летитъ.
— А бонба?
— Чаво бонба?
— Ну, ты говоришь—ядро летитъ... а бонба?
— А бонба другое.
— Да чаво другое-то?
— Бонбу ежели какъ ее вставятъ, такъ-го... туда...
— Такъ что-же?
— Бонбу...
— Ну?..
— Вставятъ... и ежели оттеда...
— Чаво оттеда...
— Ничаго, а какъ собственно... Пополъ къ чорту!

http://rcin.org.pl

МАСТЕРОВОЙ.

— Что ты:

— Да я, Кузьма Петровичъ, къ вашей милости...

— Что?

— Такъ какъ, значитъ, оченно благодарны вашей милостью... почему что съизмальства у васъ обиходъ имѣемъ...

— Такъ что же?

— Ничаво-съ!.. Таперича я, значитъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ... матушку, выходитъ, схоронилъ...

— Ну, царство небесное.

— Вѣстимо, царство небесное, Кузьма Петровичъ... московское дѣло... за гульбой пойдешь...

— Да что-жъ ты лясы-то все точишь?

— Извѣстно, какое наше дѣло...

— Денегъ, что-ли?

— Благодаримъ покорно... Туточка вотъ у Гужонкина ундеръ живетъ... у его, значитъ, сторожъ...

— Да.

— А она и его дочь...

— Ну?

— Въ прачешной должности состоитъ и портпому обучена...

— Тебѣ-то какое же дѣло?

— То-есть... выходитъ... по своему дѣлу, а онъ у его... сторожъ...

— Такъ тебѣ-то что же?

— Законнымъ бракомъ хотимъ.

— Ну, такъ женись.

— То-то. Я вашей милости доложить пришелъ.

http://rcin.org.pl

У КВАРТАЛЬНАГО НАДЗИРАТЕЛЯ.

Квартальный надзиратель.
Григорьевъ, его слуга.
Купецъ.
Иванъ Ананьевъ, фабричный.

Квартальный надзиратель *(сидитъ утромъ въ канцеляріи и читаетъ бумаги).* «А посему Московская Управа Благочинія...» Григорьевъ!

Григорьевъ. Чего звольте, ваше благородіе?

Квартальный надзиратель. Вели мнѣ приготовить селедку съ яблоками.

Григорьевъ. Слушаю, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель *(читаетъ).* «Навести надлежащія справки...»

Купецъ *(входитъ).*

Квартальный надзиратель *(оборачиваясь).* Кто тутъ?

Купецъ. Это, батюшка, я-съ.

Квартальный надзиратель. Что за человѣкъ?

Купецъ. Я здѣшній обыватель.

Квартальный надзиратель. Что тебѣ нужно?

Купецъ. Я къ вамъ, батюшка, со всепокорнѣйшею просьбой.

Квартальный надзиратель. Напримѣръ?

Купецъ. У меня есть до васъ, батюшка, казусное дѣло.

Квартальный надзиратель. Казусное? Какого роду?

Купецъ. Дѣло, батюшка, вотъ какого роду: не безсудьте, ваше благородіе, позвольте вамъ для домашняго обиходу три рублика...

Квартальный надзиратель. Прошу васъ садиться.

Купецъ. Постоимъ, ваше благородіе... Постоять можемъ...

Квартальный надзиратель. Какое ваше дѣло?

Купецъ. Не безызвѣстно вашей милости, что у меня въ вашемъ фарталѣ находится домъ и деревяннымъ заборомъ обнесенный...

Квартальный надзиратель. Да.

http://rcin.org.pl

Купецъ. Въ оноемъ самомъ домѣ у меня производится фабрика, ткутъ разныя матеріи.

Квартальный надзиратель. Потомъ?

Купецъ. Былъ я, сударь...

Квартальный надзиратель. Садитесь, садитесь...

Купецъ. Ничего-съ. Былъ я, сударь, въ субботу въ городѣ, да маленько, признаться, замѣшкамшись... Бѣгу изъ городу-то, почитай-что бѣгомъ, думаю, хозяйка ждетъ, по семейному дѣлу, чай пить...

Квартальный надзиратель. Ну да, дѣло семейное...

Купецъ. А на фабрикѣ у меня есть крестьянинъ Иванъ Ананьевъ...

Квартальный надзиратель. Что-же онъ пьянъ, что-ли, напился?.. буйства, что-ли, какія надѣлалъ?

Купецъ. Это бы, сударь, ничего, это при емъ-бы и осталось: онъ у меня укралъ *срѣжу*.

Квартальный надзиратель. Что такое—*срѣжу*?

Купецъ. А это, выходитъ, какъ ежели теперича собственно матерія, которая, значитъ, по нашему дѣлу...

Квартальный надзиратель. Понялъ!

Купецъ. Я ему говорю: Иванъ Ананьевъ, пойдемъ къ фартальному. Я-ста, говоритъ, твоего фартальнаго не боюсь.

Квартальный надзиратель. Какъ такъ? Григорьевъ!..

Купецъ. Я говорю: какъ не боишься? Всякій благородный человѣкъ ударитъ тебя по мордѣ и ты ничего не подѣлаешь, а наипаче фартальный надзиратель...

Квартальный надзиратель. Григорьевъ!

Купецъ. Вѣдь оно, ваше благородіе, нашему брату безъ сумлѣнія кажинную вещь пропущать нельзя, потому что всего капиталу рѣшишься...

Квартальный надзиратель. Григорьевъ!

Купецъ. Опять-же говорю, что фартальный у насъ, якобы, значитъ... примѣрно... выходитъ...

ГРИГОРЬЕВЪ, потомъ ИВАНЪ АНАНЬЕВЪ.

Григорьевъ. Чего звольте, ваше благородіе?

Квартальный надзиратель. Дуракъ.

Григорьевъ. Слупаю, ваше благородіе!

Квартальный надзиратель. Дай мнѣ сюда Ивана Ананьева.

Григорьевъ *(отворяя дверь)*. Кондратьевъ! И де винъ тутъ Иванъ Ананьевъ... Который? Давай его къ барину... Иванъ Ананьевъ!..

(Иванъ Ананьевъ входитъ).

http://rcin.org.pl

Квартальный надзиратель. Какъ тебя зовутъ?

Иванъ Ананьевъ. Сейчасъ умереть, не бралъ.

Квартальный надзиратель. Чего?

Иванъ Ананьевъ. Не могу знать чего.

Квартальный надзиратель. Отправь его въ частный домъ.

Иванъ Ананьевъ. Кузьма Петровичъ только мораль на меня пущастъ, почему что какъ я ни въ какомъ художествѣ не замѣченъ...

Квартальный надзиратель. Возьми его!

Григорьевъ. Кондратьевъ!..

Купецъ. Благодаримъ покорно. Больше ничего не требуется?

Квартальный надзиратель. Тамъ въ канцеляріи напишите объявленіе.

Купецъ. Слушаю. *(Уходитъ).*

Квартальный надзиратель. Григорьевъ!

Григорьевъ. Чого звольте, ваше благородіе?

Квартальный надзиратель. Дай мнѣ мундиръ.

Григорьевъ. Да винъ увесь у пятнахъ, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель. Какъ?!

Григорьевъ. Не могу знать.

Квартальный надзиратель. А можно ихъ вывести?

Григорьевъ. Можно, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель. Чѣмъ?

Григорьевъ. Не могу знать.

Квартальный надзиратель. Я думаю, скипидаромъ.

Григорьевъ. И я думаю, що скопидаромъ.

Квартальный надзиратель. Да вѣдь вонять будетъ...

Григорьевъ. Вонять будетъ, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель. А можетъ, не будетъ...

Григорьевъ. Ничего не будетъ, ваше благородіе... *(Приноситъ обратно).* Готовъ, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель. Что?

Григорьевъ. Ничого.

Квартальный надзиратель. Воняетъ?

Григорьевъ. Воняетъ, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель. Скверно.

Григорьевъ. Скверно, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель. Да вѣдь, я думаю, незамѣтно.

Григорьевъ. И я думаю, що незамѣтно. Звольте надѣвать.

http://rcin.org.pl

РАЗВЕСЕЛОЕ ЖИТЬЕ.

СЦЕНА.

Купецъ. Наслышаны мы объ васъ, милостивый государь, что, напримѣръ, ежели что у мирового—сейчасъ вы можете человѣка оправить.

Адвокатъ. А у васъ дѣло есть?

Купецъ. Дѣло, собственно, неважное, пустяки, выходитъ... Не мы первые, не мы послѣдніе... извѣстно глупость наша...

Адвокатъ. Скандалъ сдѣлали?

Купецъ. Шумъ легонькой промежду насъ былъ.

Адвокатъ. Въ публичномъ мѣстѣ?

Купецъ. Какъ слѣдуетъ... при всей публикѣ.

Адвокатъ. Нехорошо!

Купецъ. Дѣйствительно, хорошаго мало.

Адвокатъ. Гдѣ же это было?

Купецъ. На Владимірской... такое заведеніе тамъ прилажено.

Адвокатъ. Въ Орфеумѣ?

Купецъ. Въ этомъ самомъ. *(Молчаніе).* Ежели я теперича, милостивый государь, человѣка ударю, что мнѣ за это полагается?

Адвокатъ. Въ тюрьмѣ сидѣть.

Купецъ. Такъ-съ!.. Долго?

Адвокатъ. Смотря какъ... недѣли три... мѣсяцъ...

Купецъ. А ежели я купецъ, напримѣръ, гильдію плачу.

Адвокатъ. Тогда дольше: мѣсяца два, а то и три.

Купецъ. Конфузъ!.. *(Молчаніе).* А ежели онъ, съ своей

http://rcin.org.pl

стороны, тоже дѣйствовалъ, и оченно даже... можно сказать, сокрушить хотѣлъ?

Адвокатъ. Да разскажите мнѣ все, что было. Садитесь. Разскажите по порядку.

Купецъ. Порядокъ извѣстный—напились и пошли чертить. Вотъ изволите видѣть: собралось насъ, примѣрно, цѣлое обчество, кампанія. Ну, а въ нашемъ званіи, извѣстно, разговору безъ напитку не бываетъ, да и разговоръ нашъ нескладный. Вотъ собрались въ Коммерческую, ошарашили два графина, на шампанское пошли. А шампанское теперича какое? Одно только ему званіе шампанское, а такой составъ пьемъ—смерть! Глазъ выворачиваетъ!.. Который непривычный человѣкъ, этимъ ежели дѣломъ не занимается, съ одной бутылки на стѣну лѣзетъ.

Адвокатъ. А не пить нельзя?

Купецъ. Для восторгу пьемъ. Больше дѣлать нечего. Ну, заправились какъ должно—поѣхали. Путались-путались по С.-Петербургу-то, метались-метались — въ Эльдорадо пріѣхали. Опять та же статья, съизнова. Поѣхали по домамъ-то, одинъ изъ нашего обчества и говоритъ; давайте, говоритъ, прощальный карамболь сдѣлаемъ, разгонную бутылку выпьемъ, чтобы всѣ чувствовали, что мы за люди есть. Сейчасъ на Владимірскую. Мыслей-то ужъ въ головѣ нѣтъ, стыда этого тоже, только стараешься какъ бы все чуднѣй, чтобы публика надъ тобой тѣшилась. Набрали этого самаго женскаго сословія—тамъ его видимо-невидимо—угощать стали. Угощали, угощали—безобразничать. Подошелъ какой-то—не то господинъ, не то писарь: нешто, говоритъ, такъ съ дамами возможно? Это, говоритъ, ваше одно необразованіе. Кто-то съ краю изъ нашей кампаніи сидѣлъ, какъ свиснетъ его: вотъ, говоритъ, наше какое образованіе. Такъ тотъ и покатился. Ну, и пошло!.. Вся эта нація завизжала! Кто кричитъ — полицію, кто кричитъ—бей!

Адвокатъ. А вы били кого-нибудь?

Купецъ. Раза два смазалъ кого-то... подвернулся.

Адвокатъ. Прежде вы за буйство не судились?

Купецъ. При всей публикѣ?

Адвокатъ. Да,—у мирового судьи?

Купецъ. У квартальнаго раза два судился прежде. Тогда проще было: дашь, бывало, письмоводителю—и кончено. А теперича и дороже стало, и страму больше.

Адвокатъ. Сраму больше.

http://rcin.org.pl

Купецъ. Въ газетахъ не обозначатъ?

Адвокатъ. Напечатаютъ.

Купецъ. А ежели, напримѣръ, пожертвовать на богадѣльню, или куда?..

Адвокатъ. Ничего не поможетъ.

Купецъ. Безпремѣнно ужъ, значитъ, сидѣть?

Адвокатъ. Я думаю.

Купецъ. Все одно, какъ простой человѣкъ съ арестантами?

Адвокатъ. Да.

Купецъ. Изъ-за пустого дѣла!.. Хлопочи вотъ теперь, траться. Сейчасъ былъ тоже у одного адвоката, три синенькихъ отдалъ.

Адвокатъ. За что?

Купецъ. За разговоръ. Я, говоритъ, твое дѣло выслушаю, только мнѣ, говоритъ, за это пятнадцать рублей и деньги сейчасъ. Ну, отдалъ, разсказалъ все какъ слѣдуетъ...

Адвокатъ. Что же онъ?

Купецъ. Взялъ онъ эти деньги: «уповай, говоритъ, на Бога».

Адвокатъ. И больше ничего?

Купецъ. Ничего! Уповай, говоритъ, на Бога, и шабашъ!

http://rcin.org.pl

У МИРОВОГО СУДЬИ.

КАМЕРА МИРОВОГО СУДЬИ. ПЕРЕДЪ СТОЛОМЪ СТОЯТЪ ДВА ПРИКАЗЧИКА ИЗЪ АПРАКСИНА ДВОРА.

Мировой судья. Вы обвиняетесь въ томъ, что въ гостинницѣ «Ягодка» вымазали горчицей лицо трактирному служителю...

Первый. Бушевали мы—это точно.

Мировой судья. Разбили зеркало...

Первый. За все за это заплачено и мальчишкѣ дадено что слѣдуетъ.

Мировой судья. Такъ вы признаете себя виновнымъ?

Первый. Какая же въ этомъ есть моя вина?.. Ежели я за свои деньги...

Мировой судья. Вы вмѣстѣ были?

Второй. Такъ точно!..

Мировой судья. Признаете себя виновнымъ?

Второй. Никакъ нѣтъ-съ!

Мировой судья. Въ протоколѣ написано, что вы...

Второй. Что-жъ, я за два двугривенныхъ какой угодно протоколъ напишу.

Мировой судья. Вы такъ не выражайтесь.

Второй. Тутъ выраженьевъ никакихъ нѣтъ.

Мировой судья. Разскажите, какъ дѣло было.

Свидѣтель. Про которыя они про деньги говорятъ, я ихъ не получалъ. А что какъ они пришли и между прочимъ выпимши и сейчасъ приказали, чтобы селянку и большой графинъ, а опосля того бутылку хересу. Какъ сейчасъ выпили, такъ и закуражились...

Первый. Ежели я тебѣ лицо мазалъ...

Мировой судья. Молчите.

http://rcin.org.pl

Первый. Какъ угодно, только онъ все вретъ...

Защитникъ. Позвольте предложить свидѣтелю вопросъ.

Мировой судья. Вы кто такой?

Защитникъ. Въ качествѣ защитника.

Мировой судья. Послѣ.

Свидѣтель. Сейчасъ закуражились и сейчасъ стали меня терзать.

Мировой судья. Какъ терзать?

Свидѣтель. За волосы.

Мировой судья. Кто изъ нихъ?

Свидѣтель. Вотъ они.

Первый. Собственно, все это пустяки.

Защитникъ. Позвольте предложить вопросъ свидѣтелю.

Мировой судья. Я вамъ сказалъ, что послѣ.

Свидѣтель. Ну, опосля того мазать меня горчицей стали. Гость одинъ и говоритъ: что вы, господа купцы, безобразничаете, а они говорятъ: мы за свои деньги.

Мировой судья. Такъ это было?

Первый. Можетъ,—я былъ очень выпимши,—не помню. А что ежели и смазали маленько — бѣды тутъ большой нѣтъ; если бы мы его скипидаромъ смазали... опять и деньги мы за это заплатили. Коли угодно, виноватымъ я буду.

Мировой судья. А вы?

Второй. Мы остаемся при своемъ показаніи.

Защитникъ. Теперь можно защитнику?

Мировой судья. Можно.

Защитникъ. Г. мировой судья! Чистосердечное раскаяніе, принесенное въ судѣ, на основаніи новаго законоположенія, ослабляетъ... Законъ разрѣшаетъ вамъ по внутреннему убѣжденію, а потому я прошу васъ судить моего довѣрителя по внутреннему убѣжденію. Я отвергаю здѣсь всякое преступленіе. Я долго служилъ въ Управѣ Благо...

Мировой судья. Позвольте, г. защитникъ. Вы въ какомъ видѣ?

Защитникъ. Чего-съ?

Мировой судья. Вы въ какомъ видѣ пришли сюда?

Защитникъ Въ какомъ-съ?

Мировой судья. Я васъ штрафую тремя рублями. Извольте выйти вонъ.

Защитникъ. Скоро, справедливо и милостиво!

http://rcin.org.pl

ДОМАШНІЯ СЦЕНЫ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Елизавета Яковлевна, барыня средней руки.
Сергѣй Ивановичъ, ея племянникъ, лѣтъ 17-ти, воспитывается въ пансіонѣ Штрикъ, огромнаго роста, лицо все въ угряхъ.
Астровзоровъ, знакомый Елизаветы Яковлевны толстый мужчина, съ бородой, говоритъ протяжно на *о;* въ разговорѣ разглаживаетъ бороду и возводитъ глаза въ потолокъ.
Макарка—15 лѣтъ } слуги Елизаветы Яковлевны.
Григорій—40 лѣтъ }
Глѣбъ Тимофѣевъ, кучеръ.
Сторожъ изъ пансіона.

Въ передней.

Григорій. Что, Макарка, въ пинсіёнъ ѣздили, аль нѣтъ?

Макарка. Какъ же. Барышню отпустили, а Сергѣя Иваныча не отпущаютъ... проштрафился.

Григорій. Значитъ, на хлѣбъ—на воду... ха-ха-ха!

Макарка. Надо, думать, такъ... Да ужъ ему не въ первой.

Григорій. Самой-то докладывали?

Макарка. Гдѣ докладывать!.. нянюшку-то развѣ не знаешь.

Григорій. А спроситъ?

Макарка. Ну, спроситъ, тогда доложатъ.

Глѣбъ *(въ дверяхъ).* А... помѣщики!.. Наше вамъ... Сама дома, что ли?

Макарка. А что?

Глѣбъ. Доложите, Григорій Петровичъ, что барышню сдалъ мадамѣ, а Сергѣй Иваныча не отпущаютъ.

Григорій *(смѣясь).* Плохо, значитъ, просилъ.

Глѣбъ. Да коли ежели не отпущаютъ—проси не проси,

http://rcin.org.pl

все одно. Говорили ужъ мы съ ундеромъ-то:—невозможно, говоритъ, этого, не можемъ мы, потому, говоритъ, нонѣ строго стало, не тѣ порядки.

Григорій. А самого-то видѣлъ?

Глѣбъ. Какъ же. Высыпало это ихъ на лѣстницу видимо-невидимо — и махонькіе, и всякіе, а нашъ-то ото всѣхъ отличаетъ, — всѣхъ, почитай, больше... Тетенька, говорю, кланяться приказала, домой васъ дожидаетъ. Хотѣлъ онъ, должно, что-то говорить, а тутъ нѣмецъ къ нимъ вышелъ и разогналъ всѣхъ. Ундеръ говоритъ, вишь, говоритъ, какъ нонѣ у насъ!.. Такъ я и уѣхалъ. Прощайте. *(Уходитъ).*

Григорій. Теперь, Макарка, держись!

Макарка. А что?

Григорій. Будетъ тебѣ!

Макарка. Я этому не причиненъ.

Григорій. Задастъ она тебѣ!.. Покажетъ, какъ съ барномъ синицъ ловить!.. Онъ долженъ въ рехметику вникать, доходить до всего, а вы съ синицами... Постой!.. *(Слышенъ звонокъ; Макарка стремлавъ бѣжитъ къ двери; входитъ Серный Ивановичъ).*

Сережа. Тетенька уѣхала?

Григорій. Никакъ нѣтъ-съ, дома.

Сережа. Который часъ?

Макарка. Восемь било.

Сережа. Никого у насъ нѣтъ?

Григорій. Степанъ Полуехтычъ сидитъ.

Сережа *(выходитъ и быстро возвращается).* Не спрашивали меня?

Григорій. Сейчасъ хотѣли идти докладывать.

Сережа *(въ волненіи).* Объ чемъ?

Макарка. Глѣбъ Тимоѳеичъ сказалъ, что васъ не отпущаютъ... *(Ухмыляется).*

Сережа. Вретъ онъ! Вотъ что, Макарка... *(Говоритъ ему что-то на-ухо).*

Макарка. Никакъ нѣтъ-съ.

Сережа. Поди, достань. *(Тихо).* Няня дома?

Григорій. У всюношной.

Сережа *(Макаркѣ).* У Петровны спроси.

Макарка. Слушаю-съ. *(Подмигиваетъ лукаво Григорію и уходитъ).*

Сережа. Нынче, Григорій, что за обѣдомъ было?

Григорій. Три блюда, съ пирожнымъ—четыре.

http://rcin.org.pl

Сережа *(охорашивается передъ зеркаломъ)*. Что, я блѣденъ?

Григорій *(смотритъ пристально)*. Какъ обнаковенно. *(Молчаніе)*.

Сережа. Гдѣ сидятъ?

Григорій. Въ зеленой гостиной.

Макарка *(входитъ)*. У Петровны нѣтъ-съ.

Сережа. Какъ-же быть-то?

Макарка *(тихо)*. У Григорья Петровича попросите: онъ дастъ, слова не скажетъ.

Сережа. Нѣтъ ужъ я лучше... *(Уходитъ въ залу)*.

Макарка *(хохочетъ)*.

Григорій. Что смѣешься-то, чортъ!..

Макарка. Теперь опять карамболь извозчикъ подыметъ.

Григорій *(мрачно)*. Опять пріѣхалъ?

Макарка. Опять!

Григорій. Что нужно-то?

Макарка. Полтора цѣлковыхъ, да намедни тоже у Петровны взялъ два... что страму-то было! Нянюшка до самой-то не довела.

Григорій. Безобразіе!

Въ гостиной.

(Елизавета Яковлевна и Астровзоровъ сидятъ за чайнымъ столомъ).

Елизавета Яковлевна. Что, дѣти пріѣхали?

Горничная. Барышня пріѣхала, а Сергѣй Иваныча не пустили.

Елизавета Яковлевна. Опять!.. Вообразите, Степанъ Полухтовичъ, какъ притѣсняютъ ребенка; рѣшительно нѣтъ никакой жалости къ дѣтямъ. Ребенку непремѣнно нуженъ отдыхъ... *(Горничная уходитъ)*.

Астровзоровъ. Можетъ лѣнится.

Елизавета Яковлевна. Какое—лѣнится, помилуйте! Извѣстно, ребенокъ... что онъ понимаетъ?

Сережа *(входитъ)*.

Елизавета Яковлевна *(съ удивленіемъ)*. Тебя оставили?

Сережа *(цѣлуетъ руку)*. Нѣтъ-съ, это, тетенька, по ошибкѣ.

Елизавета Яковлевна. Какъ, по ошибкѣ?

Сережа *(смѣло)*. Ей-Богу, тетенька, по ошибкѣ. Это Петрова 3-го инспекторъ не велѣлъ отпускать—онъ стекло разбилъ, а надзиратель перемѣшалъ, да меня оставилъ.

Елизавета Яковлевна. Скажи, какія низости!

http://rcin.org.pl

Сережа. Ему выговоръ за это.

Елизавета Яковлевна. А хорошо-ли ты учился?

Сережа. Хорошо-съ: во всю недѣлю ни одной двойки, а изъ Закону вчера пять.

Астровзоровъ. Это прекрасно!

Елизавета Яковлевна. Покажи Степану Полуехтовичу билетъ. Вѣдь, этого, батюшка, утаить нельзя: тамъ имъ даютъ каждый разъ такой листокъ, въ которомъ все написано—какъ ребенокъ велъ себя, какъ учился...

Сережа. Инспекторъ хочетъ намъ каски выхлопотать.

Елизавета Яковлевна *(нетерпѣливо).* Билетъ-то покажи.

Сережа *(шаритъ въ карманахъ).* Тетенька, я забылъ-съ.

Елизавета Яковлевна. Фу, какой ты разсѣянный! Какъ же это можно?..

Сережа. Заторопился давеча, да въ спальнѣ и оставилъ.

Астровзоровъ. Учитесь, Сергѣй Иванычъ, учитесь!.. Наука—ключъ къ жизни. Будете хорошо учиться—начальство васъ будетъ любить и тетенька, въ преклонныхъ лѣтахъ своихъ, коли Господь приведетъ имъ дожить, будетъ имѣть подпору. А какіе нынче классы были?

Сережа. Нынче легкіе.

Астровзоровъ *(съ усмѣшкой).* А развѣ трудные есть?

Сережа. Какже-съ. Вотъ, напримѣръ, нѣмецкій классъ. Нѣмецъ очень строгъ—всѣмъ единицы ставитъ, такъ, занапрасно.

Астровзоровъ. Строги они, это точно, а умный народъ. Теперь, хоть-бы посмотрѣть, эти воздушные шары: страхъ беретъ, какъ можетъ человѣкъ въ безпредѣльную высь подняться? А кто все?—Все нѣмцы.

Елизавета Яковлевна. Ужъ это они, Степанъ Полуехтовичъ, такіе отчаянные...

Астровзоровъ. Конечно, и это можетъ-быть... *(Слышенъ звонокъ; въ дверяхъ показывается Григорій; Сережа быстро бѣжитъ въ переднюю и черезъ минуту возвращается).*

Елизавета Яковлевна. Что тамъ такое?

Сережа. Ничего-съ.

Астровзоровъ. Ну-съ, такъ какіе же еще-то трудные классы?

Елизавета Яковлевна. Да вы его хорошенько, Степанъ Полуехтовичъ, спросите—вы ученый человѣкъ.

Сережа. Сегодня изъ исторіи всему классу учитель хотѣлъ по единицѣ поставить.

Астровзоровъ. За что, любопытствую?

http://rcin.org.pl

Сережа. О Крестовыхъ походахъ спрашивалъ, да такой вопросъ задалъ...

Астровзоровъ. Какой же это вопросъ, любопытно знать?

Сережа. Почему, говоритъ, Крестовые походы не начались столѣтіемъ раньше или столѣтіемъ позже?

Астровзоровъ *(вкрадчиво).* А почему?

Сережа. Никто не знаетъ.

Астровзоровъ *(важно).* Да, это вопросъ трудный. Вотъ, когда вы возмужаете, тогда это само собой придетъ, а теперь нельзя.

(Слышенъ звонокъ; Сережа опрометью бросается къ двери).

Елизавета Яковлевна. Да что ты все бѣгаешь, какъ угорѣлый? *(Григорій показывается въ дверяхъ).*

Сережа. Я сейчасъ.

Григорій *(тихо).* Воля ваша, сударь, онъ все звонить будетъ.

Елизавета Яковлевна *(оборачиваясь).* Что тамъ такое? Кто тамъ все звонитъ?

Сережа *(Григорію).* Тссъ!..

Григорій. Извозчикъ дожидаетъ.

Елизавета Яковлевна *(встаетъ).* Кого? Что такое?

Григорій. Сергѣй Иванычъ пріѣхали.

Елизавета Яковлевна *(въ недоумѣніи).* Что это значитъ? Забылъ выслать деньги? *(Сережа тупо смотритъ и молчитъ).* Нѣтъ у тебя, что-ли?

Сережа *(шопотомъ).* Нѣтъ-съ.

Елизавета Яковлевна. Отчего-жъ ты не спросишь?

Сережа *(послѣ долгаго молчанія).* Мнѣ совѣстно было.

Елизавета Яковлевна. Сколько ему нужно?

Григорій. Полтора цѣлковыхъ, говоритъ.

Елизавета Яковлевна. На что-же это полтора цѣлковыхъ?.. Стало-быть, ты цѣлый день ѣздилъ; съ утра изъ пансіона ушелъ?.. Говори, гдѣ ты былъ?

Сережа. Ей-Богу, тетенька...

Елизавета Яковлевна. Какъ-же ты могъ проѣздить полтора цѣлковыхъ, когда ты сейчасъ изъ пансіона?

Сережа *(молчитъ).*

Григорій *(мрачно).* Цѣлковый у него деньгами брали.

Елизавета Яковлевна. А, такъ вотъ что!.. На что тебѣ деньги? *(Молчаніе).* Да вѣдь я отъ тебя не отстану: зачѣмъ ты бралъ деньги?

Астровзоровъ. Молодой человѣкъ, не хорошо быть скрытнымъ...

http://rcin.org.pl

Елизавета Яковлевна. Я, вѣдь, назадъ въ пансіонъ отправлю.

Григорій. Ундеръ тамъ за ними пришелъ, дожидается; они оттеда безъ спросу ушли.

Елизавета Яковлевна. Господи, да что-же это такое?.. Ты меня убить совсѣмъ хочешь! Я объ тебѣ хлопочу, забочусь, а ты вотъ чѣмъ платишь за мою любовь! Вѣдь ты меня сраминь! Я тебѣ все вѣрила, никому не позволяла пикнуть про тебя, а ты... Ну, ужъ теперь кончено! Сейчасъ-же въ пансіонъ и не ходи ко мнѣ больше. *(Сережа уходитъ съ Григоріемъ).*

Въ передней.

Глѣбъ *(сторожу).* Ну, что-жъ, братецъ мой, такъ ты его теперича и поведешь?.. *(Сторожъ молчитъ).* Надо полагать, Макарка, его теперича запрутъ на смиреніе...

Макарка. Что врешь-то!.. Ничего ему не будетъ! *(Сторожъ косится на Макарку; Сережа входитъ).*

Сторожъ *(строго).* Пожалуйте! Надѣвайте такъ-то шинель-то.

Сережа. Что, дежурный тотъ-же?

Сторожъ *(невнимательно).* Пожалуйте, тамъ разберутъ дѣло.

Глѣбъ *(смѣясь).* Комиссія!

http://rcin.org.pl

ВИЗИТЪ.

СЦЕНЫ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Никита Николаевъ, управляющій, изъ крѣпостныхъ.
Прасковья Петровна, жена его.
Алексѣй Алексѣевъ, лакей, кумъ Никиты, 45 лѣтъ, росту 2 арш. 9 верш., рябой, постоянно на-веселѣ.
Елена Дмитріевна, жена его, изъ горничныхъ; бывала за границей; имѣетъ претензію на щегольство; говоритъ въ носъ.
Иванъ Петровъ Клыгинъ, молодой человѣкъ, барскій камердинеръ, жилъ въ Петербургѣ.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.

Небольшая комната; на стѣнахъ виситъ нѣсколько литографированныхъ картинъ; на столѣ стоитъ самоваръ, закуска и водка.

ЯВЛЕНІЕ I.

НИКИТА читаетъ „Ключъ къ таинствамъ натуры“ Эккартсгаузена. ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА хлопочетъ около стола.

Никита *(оставляя книгу)*. Вотъ все прочиталъ, а въ голову забрать ничего не могу, потому науки не знаю... не обучонъ.

Прасковья. Экъ вы когда хватились насчетъ науки. Въ науку-то съ малыхъ лѣтъ отдаютъ... Барчатъ тогда въ офицеры-то обучать по десятому году свезли.

Никита. Если-бы и меня съизмалѣтства обучали, и я-бы до всего дошелъ.

http://rcin.org.pl

Прасковья. Вы господамъ служили, а господину зачѣмъ ваша наука?.. Науки вашей ему не нужно.

Никита *(строго)*. Много ты смыслишь! Человѣкъ, который ежели обучонъ, онъ все можетъ. Баба ты... молчать должна, коли съ тобой говорятъ. На сердце только наводишь.

Прасковья. Чѣмъ-же я васъ на сердце навожу?

Никита. Тѣмъ-же?

Прасковья. Я вамъ ничего такого обиднаго не сказала. Извѣстно, хошь-бы по вашей, по лакейской части, ученья этого вамъ совсѣмъ не нужно. Опять же покойница барыня, царство ей небесное, терпѣть не могла кто книжки читаетъ.

Никита. Ну, и молчи, потому понимать ты ничего не можешь...

Прасковья. Вы только все понимаете!

Никита. Я все понимаю!

Прасковья. А намедни дьячку отвѣта не могли сдѣлать.

Никита. Пошла вонъ!

Прасковья *(робко)*. Завсегда только себя разстроиваете.

Никита. Не говори со мной!

Прасковья. Мнѣ Богъ съ вами!.. Вонъ садовникъ читалъ, читалъ книги-то, да безъ вѣсти и пропалъ.

Никита. Отъ книгъ, что-ли, онъ пропалъ-то?

Прасковья. Извѣстно!

Никита *(смѣется)*. Ахъ ты, дурацкій разумъ! Твое дѣло бабье — ты и понимай это. Зачѣмъ ты на свѣтъ создана, знаешь-ли?

Прасковья. Зачѣмъ?

Никита. Покоряться. Ну, ты и покоряйся!

Прасковья. Я и такъ во всемъ вамъ покоряюсь... иной разъ отъ простоты что скажешь...

Никита. А ты лучше молчи. Вотъ Алексѣй съ женой пріѣдетъ, говори съ ней что хочешь.

Прасковья. Гдѣ ужъ мнѣ съ ней разговоръ имѣть; люди мы простые...

Никита. А она-то что?

Прасковья. Извѣстно, ужъ она на дворянскую ногу все...

Никита. Не велика птица... тоже барыня — чьихъ господъ... Только форсу-то задастъ, а все одно—ничего... не страшно.

Прасковья. Все-таки...

Никита *(смотритъ въ окно)*. Вонъ и они подъѣхали!.. *(Идутъ навстрѣчу)*.

http://rcin.org.pl

ЯВЛЕНІЕ II.

АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢЕВЪ, ЕЛЕНА ДМИТРІЕВНА и КЛЫГИНЪ.

Алексѣй *(въ дверяхъ).*
Куманечекъ, побывай у меня!
Животочекъ, побывай у меня!

Елена Дмитріевна *(тихо).* Вѣчно съ пошлостями!

Алексѣй. Куму! *(Цѣлуется).* Прасковья Петровна, ручку... *(Цѣлуетъ руку).*

Елена Дмитріевна. Мое почтеніе, Прасковья Петровна. *(Протягиваетъ руку).*

Алексѣй *(къ Клыгину).* Иванъ Петровъ, поди сюда! *(Клыгинъ подходитъ).* А это, кумъ мой любезный, нашего петербургскаго барина камардинъ... Вотъ онъ... вишь ты...

Никита. Вы съ бариномъ изволили пріѣхать?

Клыгинъ. Нѣтъ-съ, я его оставилъ; промежду насъ неудовольствія вышли. Онъ мнѣ не потрафилъ, а я ему не уважилъ...

Алексѣй. Его, братецъ ты мой,—какъ бы тебѣ сказать не солгать,—баринъ прогналъ.

Елена Дмитріевна. Ну, что ты врешь-то!

Алексѣй. Прогналъ!.. Потому, онъ молодой человѣкъ, а насчетъ услуги не можетъ.

Клыгинъ. Какъ-же вы говорите, не разузнамши дѣла?

Алексѣй. Алексѣй Алексѣевъ не знаетъ?!

Клыгинъ. Довольно это для меня странно...

Алексѣй. Ну, теперь мы выпьемъ. *(Подходитъ и пьетъ).*

Никита *(къ Еленѣ Дмитріевнѣ).* Вы что-то похудѣли, сударыня.

Елена Дмитріевна. Я все хвораю, все грудь болитъ. Такая ужъ слабая конплекція.

Прасковья Петровна. А вы-бы на ночь грудного чайку попили... говорятъ, помогаетъ... А то взять...

Алексѣй. Ничего не надо. Къ доктору, къ Филиппу Іонычу.

Елена Дмитріевна. Твой Филиппъ Іонычъ только вѣдь мужиковъ можетъ лѣчить.

Алексѣй *(закусывая).* Онъ отъ сорока восьми недуговъ знаетъ лѣчить. Я, говоритъ, только черепъ поднимать не могу, а то все... по наукѣ. *(Садится къ столу).*

Елена Дмитріевна. Еще меня теперь деревенскій воздухъ поправилъ. *(Къ Клыгину).* Вы, вѣроятно, Иванъ Петровичъ,

http://rcin.org.pl

забыли мои папиросы взять? Знаете, что я безъ нихъ жить не могу.

Клыгинъ. Какъ-же я могъ забыть, когда было на то ваше приказаніе. Зачѣмъ вы такъ несообразно говорите? *(Подаетъ папиросы).*

Елена Дмитріевна. Дайте мнѣ огня.

Клыгинъ *(съ улыбкой).* Какого-съ?

Елена Дмитріевна. Пожалуста безъ комплиментовъ. *(Закуриваетъ папиросу).* Деревенскій воздухъ на меня очень подѣйствовалъ. А когда мы были съ княгиней за границей, такъ я такъ была больна, что всѣ лучшіе доктора отказались: она, говорятъ, не можетъ вынести этой боли, потому что нѣжнаго воспитанія...

Прасковья *(подавая чай).* Позвольте васъ просить.

Алексѣй. А меня, кумушка, чаемъ ты не потчуй, мы съ кумомъ... Куманекъ, ну-ка! *(Наливаетъ водки).* Иванъ Петровъ, приложись и ты.

Елена Дмитріевна. Не будетъ ли, Алексѣй Алексѣичъ?

Алексѣй. Я тебѣ скажу, когда будетъ.

Елена Дмитріевна *(съ ироніей).* Ужасно глупо!

Алексѣй. И я такъ полагаю. *(Пьютъ всѣ).* Скажи мнѣ, куманекъ мой любезный, читалъ ты вѣдомости? Правда-ли описываютъ, что гдѣ-то, братецъ ты мой, городъ провалился?

Никита. Есть этому описаніе... въ книжкѣ я читалъ... давно ужъ это...

Алексѣй. Недавно! Господа за столомъ нонче говорили.

Никита. Нѣтъ, про это не писано.

Алексѣй. А про что-же?

Никита. Прописано, что короли тамъ ихніе...

Алексѣй. А много тамъ королей?

Никита. На каждую землю по королю. А въ Туречинѣ султанъ... онъ все одно—король, а султаномъ прозывается... И вѣра у нихъ турецкая.

Алексѣй. И языки у нихъ у всѣхъ разные?

Елена Дмитріевна. Насмотрѣлась на нихъ за границей...

Прасковья. Я думаю, Елена Дмитріевна, за границей за этой все иначе, какъ у насъ?

Елена Дмитріевна *(съ презрѣніемъ).* Какое же сравненіе, Прасковья Петровна! Тамъ вы выѣзжаете туда, сюда, и все это такъ деликатно. А здѣсь что? Здѣсь всякій считаетъ себя тебѣ равнымъ, норовитъ на твой счетъ сказать что-нибудь этакое... язвительное, а тамъ все рѣшительно изъ-подъ политики.

http://rcin.org.pl

Прасковья. Хоша я, Елена Дмитріевна, воспитанья большого не получила, а все это очень хорошо понимаю. У насъ въ домѣ теперь лакеи никому проходу не даютъ, все какъ-бы въ насмѣшку, да какъ-бы все въ критику...

Елена Дмитріевна. Конечно, и тамъ есть критиканты, безъ этого нельзя-же...

Прасковья. Опять-же, вотъ я вамъ что доложу: охальства у ихняго брата, у лакея, очень много...

Алексѣй. Это намъ все равно! Я свою часть знаю! Барыня говоритъ: ты, говоритъ, Алексѣй, хмѣлемъ занимаешься, а я на тебя не огорчаюсь. Вотъ оно что! Напримѣръ, сто персонъ кушаютъ: тутъ ума много нужно—гдѣ, какъ, что... а я могу! и насчетъ сервировки, и насчетъ услуги—все могу. Нонче, матушка Прасковья Петровна, нѣтъ, настоящихъ лакеевъ, нѣту ихъ! Нонче лакей барину тарелку подаетъ, а самъ выше себя понимать хочетъ... Сдѣлалъ-бы онъ это при покойникѣ, при Прокофьѣ Абрамычѣ... въ землю-бы его живого покойникъ зарылъ—и стонтъ! Ежели господинъ кушаетъ, ты долженъ, чтобы все въ настоящемъ видѣ, стрѣлой летать долженъ... фить, фить! *(Ходитъ по комнатѣ и дѣлаетъ разные жесты).*

Елена Дмитріевна. Вообразите, Прасковья Петровна! Никакъ не могу его отучить,—только у него и словъ, какъ господа кушаютъ! Не все-ли равно какъ я, какъ...

Алексѣй. Далеко! Какъ настоящіе господа—нельзя!..

Елена Дмитріевна *(съ презрѣніемъ).* Да что съ тобой, дуракомъ, говорить...

Алексѣй. И я полагаю, что молчать лучше...

http://rcin.org.pl

СЪ ЛЕГКОИ РУКИ.

РАЗСКАЗЪ ИЗВОЗЧИКА.

— На троичкѣ, ваше сіятельство, прокатилъ-бы... По первопутку-то теперь чудесно!..

— Къ Сергію.

— Можно-съ. Взадъ—назадъ?—Долго-ли тамъ пробудете?

— Часа три.

— А откеда васъ взять-то?

— Да вотъ сейчасъ и поѣдемъ.

— Десять рубликовъ положьте.

— Ужли, сударь, на эфтой тройкѣ поѣдите?

— Молчи, желтоглазый! На твоей что-ли ѣхать?.. Развѣ у тебя лошади!..

— Далеча-ли ѣхать-то? Пожалуйте, мы на графскихъ доставимъ.

— Полно трепаться-то, дьяволъ! Пожалуйте, ваше сіятельство!..

— Со мной, ваше сіятельство!..

— За шесть рубликовъ доставлю, ваше сіятельство.

— Со мной пожалуйте... съ первымъ. Покрайности заслужу вашей милости.

— Садись.

— Покорми дорогой-то.

— Всю Расею не кормя проѣдемъ. Микитка, поправь шлею-то... съ Богомъ!.. Эхъ вы, милыя, дѣйствуй!..

— А ты—веселый.

— Я, ваше сіятельство, блажной!

— Какъ блажной?

— Такъ. Коли сжели который мнѣ баринъ понравится—цѣну собью, а ужъ его повезу... въ убытокъ, зна-

http://rcin.org.pl

читъ... Обижаются на меня на биржѣ-то, да ничего не подѣлаешь,—ндравъ у меня такой.

— А у тебя своя тройка.

— Собственная. У насъ заведенье свое... съ дядей мы пять троекъ держимъ.

— Славныя лошади.

— Бѣдовыя! Коли ежели кто охотникъ, садись теперича на эту самую тройку, да скажи: Локтевъ, дѣлай!—Ну, и молись Богу! Птица! Намедни въ Колпино энарала возилъ—оченно онъ одобрялъ. Этой-бы тройкѣ, говоритъ, на моей энаральской конюшнѣ стоять, а не мужику владать ею.

— А ты водку пьешь?

— Нѣтъ, Богъ миловалъ, не пью. Господа ежели когда хорошенькимъ угощаютъ, ну, не брезгую.

— Какое-же это хорошенькое-то?

— Мадера тамъ, что-ли... какъ она у нхъ прозывается...

— А мадеру любишь?

— Люблю. Купцовъ когда трафится возить съ дамочками, ежели заслужишь—угощаютъ...

— А купцы все съ дамочками ѣздятъ?

— И купцы, и офицеры... Кто-жъ съ ними не ѣздитъ... Баловниковъ тоже по Питеру-то много; только, ваше сіятельство, супротивъ прежнихъ годовъ, насчетъ этого тише стало...

— Отчего-же?

— Такъ ужъ, значитъ... времена такія подошли. А бывало тысячи на Средней Рогаткѣ проживали. Отецъ-покойникъ разсказывалъ...

— А у тебя померъ отецъ?

— Замерзъ. Зашибался онъ. Повезъ купца одного въ Красненькой, и все съ нимъ это они пили... Купецъ вѣдь, ежели онъ пьяный, нашимъ братомъ не гнушается—садись съ нимъ вмѣстѣ и все это... денегъ ежели у его попросить, хоть умирай, не дастъ, а насчетъ пьянства—первый ты ему благопріятель.

— А ты почему знаешь?

— Какъ намъ, ваше сіятельство, не знать! Десятый годъ ѣзжу, видалъ народу-то всякаго; опять-же и отъ своего брата слышишь...—На нашемъ дворѣ стоитъ Ванька, Талицкой онъ прозывается.

— Лихачъ?

— Лихачъ, ваше сіятельство! Такой-то сорванецъ, какъ

http://rcin.org.pl

есть оглашенный! Купчиху одну онъ все возилъ, такъ та, за его услугу, лошадь ему подарила; теперича, можетъ, первый извозчикъ сталъ по всему Питеру.

— Что-жъ онъ?

— Инный разъ пойдетъ это свои оказіи разсказывать... страсть! Онъ такъ съ обнаковеннымъ человѣкомъ и не поѣдетъ—у его все знакомые; опъ и на биржу-то выѣзжаетъ такъ, чтобы побатвить только.

— Про что-же онъ разсказываетъ?

— Про разное...

— Да онъ вретъ, можетъ.

— Что-же ему врать—врать ему нечего.

— И деньги у него есть?

— Большія.

— А у тебя, чай, тоже денегъ-то много?

— Какія у насъ, сударь, деньги—изъ-за хлѣба на квасъ выручаемъ. Это кому счастье, а нашему брату Богъ-бы привелъ кое-какъ, да кое-какъ... Опять-же эти деньги... грѣха отъ ихъ оченно много.

— Отчего-же?

— Какъ, сударь, отчего?—Баловства съ ими много. Теперича все стараешься все-бы какъ лучше; а какъ есть у тебя въ мошнѣ—ни объ чемъ тебѣ не думается, все норовишь какъ-бы въ трактиръ, да какъ-бы что хуже еще...

— А ты женатый?

— Женатый. Да вѣдь какъ попадетъ въ голову-то, сударь, самъ съ собой не сообразишь. Нашъ братъ, извѣстно—дуракъ: коли ежели пьянъ напился, такъ ему все одно. Озорниковъ тоже много по нашей части! Эхъ вы, голубчики... дѣлай!... Ухъ, тю-лю-лю!.. Фі—у!..

«Ужъ какъ за недѣлюшку,
«Ахъ, да сердце чуяло»...

— Не ной: горло простудишь.

— Мы, ваше сіятельство, простуды не имѣемъ... это у насъ безъ сумлѣнія.

«Оно бѣду слышало»...

— Держи правѣй-то!.. Держи, лѣшій... заснулъ!.. Экой обломъ!.. Не по чугункѣ ѣдешь.

— Что ты лаешься-то! Аль тебѣ дороги-то мало?!..

— Мало!.. Эхъ, молодчики!.. Барышня эта, сударь, съ офицеромъ... что сейчасъ-то насъ опередила...

— Что-же?

— Моя знакомая... Я и тетеньку ея знаю... Она и сей-

http://rcin.org.pl

часъ въ нѣмкахъ въ Средней Мѣщанской живетъ... въ ключницахъ у мадамы...

— А почемъ ты знаешь?

— Я-то? хмъ!.. Я знаю... Я съ ихней милостью ѣзжалъ. Первый сортъ барыня... обходительная... два серебромъ завсегда на чай даетъ.

— Очень ужъ много.

— Что-жъ, деньги у ей вольныя. Скажетъ своему барину:—душенька, требуется мнѣ, хошь-бы, напримѣръ, сто рублевъ... хошь сто, хошь двѣсти... ну и, значитъ, получай... отказу ей нѣтъ. Силу она надъ нимъ большую имѣетъ.

— Надъ бариномъ?

— Да, надъ старикомъ-то.

— А онъ старикъ?

— Старикъ ужъ древній... пять домовъ у его здѣсь... Чинами его всякими жалуютъ... ужъ оченно богатый... А насчетъ гульбы какой!.. Даромъ что старый, молодой супротивъ его не можетъ потрафить, потому онъ два раза на войнѣ былъ, на страженьи.

— Такъ гулять любитъ?

— Шибко! Какъ закатится это когда къ цыганкамъ. али съ мадамами къ Дюсѣ: хочу, говоритъ, я, чтобы всѣ чувствовали, что я есть за человѣкъ на семъ свѣтѣ: требуй кому что желается—за все плачу! А мадамы эти вѣстимо... другой и вся цѣна-то грошъ, а сама себя за барыню почитаетъ, ну, и требуетъ.

— Такъ ты почему ту барыню-то знаешь, что проѣхала-то?..

— Да это вотъ какъ, сударь: годовъ десять назадъ, зимою дѣло было, только что дорога стала. Выѣхалъ я на биржу, да и думаю—Богъ-бы привелъ починъ сдѣлать. Извѣстно, тройка—не одиночка, иный разъ и недѣлю такъ простоишь. Такъ этакъ въ вечерни, идетъ баринъ, высокій такой,—можетъ и купецъ, а по-нашему, извѣстно, всякаго бариномъ обзываешь. Тройку, говоритъ, нужно. Далеча-ли ѣхать? говорю. Куда, говоритъ, прикажу. Мы, говорю, такъ не можемъ, а куда вашей милости угодно—вы скажите. Осерчалъ.—Я, говоритъ, съ тобой, дуракомъ, вниманія не хочу имѣть говорить-то. Помилуйте, говорю, сударь, у насъ дѣло любовное: угодно вашей милости—повеземъ, а коли ежели неугодно—на биржѣ стоять будемъ.—Я, говоритъ, куда разсужу, туда и поѣду. Такъ на часы

http://rcin.org.pl

прикажите ѣхать. Ладно, говоритъ:—въ 7 часовъ, будь, братецъ, въ Гороховой, стой на углу Краснаго моста. Далъ задатокъ, посмотрѣлъ нумеръ—ушелъ. Въ семомъ часу я пріѣхалъ. Такъ этакъ черезъ полчаса идетъ мой баринъ,—надо быть купецъ по обличью-то.—Стань, говоритъ, къ сторонкѣ, и какъ я сейчасъ сяду, такъ ты и пошелъ на Красненькій. Вышли это двѣ барыни,—одна толстая такая, а другая молоденькая. Промежъ себя долго это они говорили; толстая взяла ее за ручку и ведетъ къ санямъ. Та говоритъ;—хоша вы меня, говоритъ, убейте, а я не поѣду. А баринъ-то ей:—отчего-же вы, говоритъ, съ вашей тетенькой ѣхать не желаете? Это, говоритъ, имъ будетъ даже оченно обидно. Мы, говоритъ, только прокатаемся, по той причинѣ, что теперича оченно прекрасно, погода, говоритъ, чудесная.—Тетка ей сейчаєъ по-нѣмецкому, та ей тоже по-нѣмецкому, а сама въ слезы; а баринъ-то, должно, по ихнему-то не умѣетъ, стоитъ, словно-бы статуй какой. Поговорили, поговорили—сѣли. Баринъ-то сѣлъ съ молоденькой, а тетку посадили насупротивъ. Пошелъ! Старайся, говоритъ: три серебра, коли хорошо сдѣлаешь. А дамочка ко мнѣ это:—тише, говоритъ, шагомъ ступай; я говоритъ—боюсь. Ладно, думаю: три серебра посулили... Подобралъ вожжи-то, да какъ пустилъ голубчиковъ-то... Взвейся выше, понесися! Что тамъ они промежъ себя говорили, про какія такія дѣла—Господь ихъ знаетъ. Доставилъ! Тетка это съ купцомъ вышла, а барышня моя сидитъ. Вы, говоритъ, собственно меня, тетенька, передъ людьми страмить хотите! Я, говоритъ, этого не желаю и управу на васъ завсегда найду. Коли-бы ежели, говоритъ, человѣкъ мнѣ ндравился, то никто мнѣ препятствовать не можетъ, а что я, говоритъ, не согласна. А тетка ей что-то по-ихнему сказала:—пошли. Часу до четвертаго я ждалъ.

— А скучно дожидаться-то?

— Нѣтъ, мы къ этому привычны—ничего... то тебѣ дремлется, то думается.

— Объ чемъ думается?

— Все на счетъ своихъ дѣловъ: какъ-бы, значитъ, все лучше произойти, да чтобы, напримѣръ, супротивъ своего брата не остраміться... Вѣстимо, что по нашей части, то и думаешь. Поѣхали мы назадъ-то, нѣмка, подгулямши, должно, была, всю дорогу пѣсни пѣла, а барышня все плакала, ровно-бы вотъ у нея мамынька родная померла. Оченно ужъ мнѣ ее жаль стало...

http://rcin.org.pl

— А купецъ-то?

— Купецъ что?—купецъ ничего. Сѣлъ на козлы, подобралъ вожжи:—самъ, говоритъ, хочу надъ твоей тройкой хозяйствовать. Пристяжную замучилъ, три четвертныхъ отдалъ, слова не сказалъ.—Только, сударь, годовъ ужъ шесть прошло. Въ Петергофъ я господъ возилъ, зимой тоже, и дамочки съ ими были. Вышли они изъ гостинницы-то, а я стою у подъѣзда, трубку курю.

— А ты куришь?

— Балую; давно ужъ этому обучился. Дядя оченно за это ругается, да ничего не подѣлаешь. Курю это я трубку-то, а дамочка и говоритъ одному господину: этого, говоритъ, извозчика, я даже оченно хорошо знаю. Почемъ ты, говоритъ, миленькая, его знаешь? А потому, говоритъ, я его знаю, что Гавриломъ его зовутъ. Точно-ли, говоритъ, братецъ, барыня эта тебя знаетъ? Не могу, говорю, знать, ваше благородіе, потому мы господъ возимъ оченно много. А она сейчасъ: а помнишь, говоритъ... Тутъ я ее и призналъ. Дай, говоритъ, ему, душенька, три серебра на чай, потому, я съ его легкой руки жить попала. Господинъ мнѣ сейчасъ и отдалъ.

— А старика-то ея ты почемъ знаешь?

— Въ запрошломъ году всю зиму съ имъ ѣздилъ...

— Налѣво остановись.

— Слушаю, ваше сіятельство... Тпрру! Замаялъ тройку-то... Дорога-то больно... На чаекъ-бы съ вашей милости... Заслужилъ...

http://rcin.org.pl

СЪ ШИРОКОЙ МАСЛЯНИЦЕЙ!

СЦЕНЫ.

(Трактиръ въ московскомъ захолустьѣ. За столами сидятъ купцы, мѣщане, мастеровые и т. п.).

— Съ широкой масляницей имѣю честь поздравить!

— И васъ также.

— Масляница—сила большая! Насквозь всю имперію произойди—всякій ее почитаетъ. Хотя она не праздникъ, а больше всякаго праздника. Теперича народъ такъ закрутится, такъ завертится—давай только ему ходу!.. Сторонись, пироги: блины пришли! Кушай душѣ на утѣшенье, поминай своихъ родителевъ.

— Да ужъ, именно... увеселенье публикѣ большое!...

— Вчера нашъ хозяинъ ужъ разрѣшеніе сдѣлалъ: часу до четвертаго ночи портеромъ восхищались.

— Православные, съ широкой масляницей: Дай Богъ всѣмъ! Теперича масляница, а опосля того покаяніе! Ежели, примѣрно, воровалъ, али что хуже—во всемъ покаемся и сейчасъ сызнова начнемъ. Всѣ люди, всѣ человѣки! Трудно, а Богъ милостивъ! Мнѣ бы теперь кисленькаго чего... я бы, можетъ, человѣкъ былъ...

— Бѣдный я человѣкъ, неимущій, можно сказать—горе горецкое, а блинковъ поѣлъ!.. Благодарю моего Господа Бога! Такъ поѣлъ, кажется...

— Дорвался!

— Дорвался! Вѣрное твое слово—дорвался. Штукъ тридцать безъ передышки! Инда въ глазахъ помутилось!

— Что жъ, вѣдь обиды ты никому не сдѣлалъ...

http://rcin.org.pl

— Кухарку, можетъ, обидѣлъ, заставилъ стараться, а то никого...

— Семенъ Иванычъ, блины изволили кушать?

— Да я крещеный человѣкъ, али нѣтъ? Эхъ ты... образованіе!..

— Что, у васъ сюжетъ насчетъ масляницы? Такъ я вамъ могу доложить, что супротивъ прежнихъ годовъ обстоятельства ея оченно измѣнились и ежели гдѣ справляютъ ее по настоящему, такъ это у папы рымскаго, но только, между прочимъ, замѣсто блиновъ, конфеты ѣдятъ.

— Тьфу! Развѣ можетъ конфета противъ блина выстоять?

— Блинъ покруче конфеты, какъ возможно! Конфетѣ съ человѣкомъ того не сдѣлать, что блинъ сдѣластъ.

— Блинъ, ежели онъ хорошій, толстый, да ежели его ѣсть безъ разума—объ дунѣ задумаешься.

— Иному ничего, ѣшь его только съ чистымъ сердцемъ...

— Я больше со сметаной обожаю...

— И сейчасъ это папа рымскій выдетъ на балконъ, благословитъ публику съ широкой масляницей и сейчасъ всѣ начнутъ дѣйствовать кто какъ умѣетъ: которые колесомъ ходятъ, которые пѣсни поютъ, которые на гитарѣ стараются, а которые въ умѣ помутятся—мукой въ публику кидаютъ и обиды отъ этого никому нѣтъ, потому всѣмъ разрѣшеніе чтобы какъ чуднѣй. Огни разложатъ... Превосходно!

— Въ старину и у насъ было весело. Идешь, бывало, по улицѣ-то—чувствуешь, что она, матушка, на дворѣ!.. Воздухъ совсѣмъ другой, такъ тебя блинами и обдаетъ, такъ тебя и обхватываетъ... На послѣднихъ-то дняхъ одурь возьметъ... Постомъ-то не скоро на путь истинный попадешь...

— Послѣ хорошей масляницы человѣкъ не вдругъ очувствоваться можетъ: и ликъ исказится и все...

— Съ широкой масляницей! Можно мастеровому человѣку себѣ отвагу дать? Гг. купцы, есть я мастеровой человѣкъ и, значитъ, трудящій!... Можно ему? Какой мнѣ отъ васъ отвѣтъ будетъ? Вотъ вы и не знаете! А я вамъ сейчасъ предъясню! Масляница для всѣхъ пріустановлена. Видите! И значитъ я долженъ всѣ порядки соблюсти. Вѣрно я говорю? Наскрозь всю масляницу! Безъ купцовъ намъ жить невозможно, голубчики! Не осудите меня! Запили заплаты, загуляли лоскутки!

http://rcin.org.pl

— Въ балаганахъ-то теперь стонъ стоитъ!...

— Ужъ теперь народъ сорвался!...

— И что значитъ этотъ блинъ... лепешка и больше ничего! А вотъ ежели нѣтъ его на масляницѣ—словно бы человѣкъ самъ не свой...

— Ужъ бѣдный который—и тотъ...

— Семенъ! Графинчикъ, да поподжаристѣй пяточекъ. только чтобъ зарумянилъ хорошенько.

— А вѣдь за масляницу-то одолѣютъ эти блины!.. Мы съ понедѣльника благословились...

— У насъ бабушка вперемежку: день блины, да день оладьи—оно и не такъ чувствительно.

— У меня къ блинамъ больше пристрастія. Снетокъ ежели хорошій...

— Съ лукомъ тоже прекрасно! Глазками его нарѣзать... ароматъ!..

— У насъ Домна Степановна кадушку-то сперва-наперво святой водой сполоснетъ, положитъ муку-то да молитвы начнетъ шептать, такъ у ней блинъ-то... Господи!.. такъ самъ тебѣ въ душу и лѣзетъ! Въ понедѣльникъ архимандрита угощали:—ну говоритъ, Домна Степановна, постный я человѣкъ, а возношу вамъ мою благодарность. А дьяконъ только вздыхалъ...

— Отъ хорошаго блина глаза выскочатъ! А вотъ я посмотрю на господъ... Какіе они къ блинамъ робкіе: штуки четыре съѣстъ и сейчасъ отстанетъ...

— Кишка не выдерживаетъ!

— Нашъ лѣкарь Василій Петровичъ сказывалъ: кто ежели, говоритъ, мозгами часто шевелитъ, значитъ, по книгамъ доходитъ, али выдумываетъ что—тому блины вредъ. Потому, говоритъ, разнесетъ человѣка, распучитъ, воздуху забрать въ себя не можетъ, ну и кончено, дѣйствовать ужъ и не можетъ....

— А вотъ мы не думамши живемъ, а, слава тебѣ Господи, не хуже другихъ! И капиталъ скопировали и народъ по своимъ достаткамъ кормимъ... Богу онъ за насъ молитъ. И какое есть намъ отъ Бога положеніе—блины, все прочее...

— У насъ безъ сумлѣнія!...

— Да объ чемъ сумлѣваться-то? Одинъ разъ живемъ!

— Маланья Егоровна, по корпусу-то своему, свинья сущая, едва ходитъ, съ лѣстницы подъ руки водятъ, а какой умъ въ себѣ имѣетъ! Намедни протопопу какое

http://rcin.org.pl

слово брякнула! Камилавку снялъ, ну, говоритъ, мнѣніе ваше необыкновенное!... А вѣдь никакихъ книгъ не читала и ни объ чемъ никогда не думала, а ужъ, значитъ, Богъ вложилъ... Любопытно это, съ учителемъ она вчера за блинами сцѣпилась насчетъ разговору. Тотъ говоритъ, у васъ, говоритъ, въ помышленіи все насчетъ ѣды... А она, говоритъ, мы, говоритъ, творимъ еже предуставлено. Какъ старики наши жили, такъ и мы живемъ. Вы, говоритъ, кушайте во славу Божью, коли епекитъ у васъ есть, а нашимъ порядкамъ не мѣшайте. Вы, говоритъ, молодой человѣкъ, а я и въ Кіевѣ была, и у Соловецкихъ сподобилась... Тотъ прикусилъ языкъ-то, да такъ и остался.

— Оборвать слѣдовало! Человѣкъ за блинами, плоть этого требуетъ, а онъ съ пустыми словами...

— Слова самыя пустыя, нестоющія... Человѣку надо раздышаться, тогда съ нимъ говори...

— Бывало—теперешнее дѣло подъ Новинскимъ стонъ стоитъ!..

— Мелокъ народъ сталъ!

— То-есть такъ народъ измельчалъ, хуже быть нельзя...

— Подъ другія націи больше потрафляютъ... Отъ родителевъ-то какіе порядки заведены бросили, а въ новыхъ-то запутались. Форму-то, значитъ, потеряли: купецъ не купецъ, баринъ не баринъ, а такъ, примѣрно...

— Все одно—ничего!

— Вѣрно ваше слово—ничего! Оттого и масляницѣ настоящей нѣтъ и соблюдать ее некому.

— Ваше степенство, мы соблюдаемъ! Видите!.. До послѣдняго грошика все пропилъ! Вотъ что значитъ московскій мѣщанинъ! Вы души нашей не знаете! У насъ душа вотъ какая: графинъ на столъ! живо! Запили заплаты, загуляли лоскутки!..

http://rcin.org.pl

САРА БЕРНАРЪ.

Въ одномъ изъ петербургскихъ клубовъ, въ столовой, сидитъ нѣсколько человѣкъ и ведутъ бесѣду.

— Пріѣхала?

— Нѣтъ еще, въ ожиданіи. Секретарь ихній пріѣхалъ, орудуетъ, чтобы какъ лучше... Книжку сочинилъ, все тамъ обозначено: какого она званія, по какимъ она землямъ ѣздила, какое вино кушаетъ...

— Нашего, должно быть, не употребляетъ, потому отъ нашего одна меланхолія, а игры настоящей быть не можетъ.

— По Невскому теперича мальчишки съ портретами ея бѣгаютъ...

— А какая у нихъ игра: куплеты поютъ, али что?

— Игра разговорная. Очень, говорятъ, чувствительно дѣлаетъ. Такіе поступки производитъ—на удивленіе!.. Ты то возьми: разъ по двѣнадцати въ представленіе переодѣвается!..

— Пожалуй, на чугункѣ встрѣча будетъ.

— Ужъ теперь народъ разгорячился! Теперь его не уймешь! Давай ходу!.. Билеты-то выправляли—у конторы три ночи ночевали. Вѣрно говорю: три ночи у конторы народъ стоялъ, словно на Святой у заутрени. Насчетъ тѣлеснаго сложенія, говорятъ, не совсѣмъ, а что игра—на совѣсть! Убѣдитъ! Дарья Семеновна, на что ужъ женщина равнодушная, словъ никакихъ понимать не можетъ, а и та ложу купила.

— Которые ежели непонимающіе...

— Да она не за понятіемъ и идетъ, а больше для близиру, образованность свою показать. Капиталъ-то виденъ, а все прочее-то доказывать надо.

http://rcin.org.pl

— Сырой-то женщинѣ, словно, не пристало...

— Пущай попрѣетъ, за то говорить будутъ: Дарья Семеновна Сару Бернаръ смотрѣла. Лестно! Опять и цыганы-то въ домѣ надоѣли. Вѣдь самъ-то, окромя цыгановъ, никакихъ театровъ переносить не можетъ. Ему чтобъ дьяконъ многолѣтіе сказывалъ, а цыганы величальную пѣли. Въ театрѣ сиди, говорить, сложимши руки—ни выпить тебѣ по настоящему, въ полную душу, ни развернуться какъ слѣдуетъ; а цыганы свои люди—командуй какъ тебѣ угодно.

— Ну, да вѣдь не Рашель же, даже и не Ристори!

— Да вѣдь ты не видалъ ни ту, ни другую: какъ же ты можешь судить?

— Нѣтъ, видѣлъ... То есть, Рашель не видалъ, а Ристори видѣлъ.

— А Сару Бернаръ не видалъ: какъ же ты можешь ихъ сравнивать?

— Да ты прочти...

— Что мнѣ читать!.. Я обѣихъ видѣлъ.

— Господа, я васъ помирю. Когда здѣсь была Арну Плесси...

— Это къ нашему спору не относится; мало ли кто здѣсь былъ. Онъ не признаетъ Сару Бернаръ, а для меня она—высшее проявленіе драматическаго искусства.

— Съ вами спорить нельзя...

— Вы бы лучше бутылку велѣли, чѣмъ пустяки-то говорить. Каждый человѣкъ на своемъ мѣстѣ. Что намъ путаться въ чужія дѣла. Давай бутылку...

— Нѣтъ, Иванъ Гавриловичъ, творчество великое дѣло!

— Такъ что же?

— Поважнѣй бутылки!..

— Такъ ты поди съ нимъ и цѣлуйся, а намъ не мѣшай.

— Я помню, когда Рашель произнесла свое знаменитое «jamais»—весь театръ дрогнулъ!..

— Въ чемъ это?

— Теперь ужъ я не помню...

— Завели вы эти темные разговоры, ничего нестоющіе. На языкахъ на ихнихъ вы производить не умѣете...

— Да вѣдь вы ходите въ итальянскую оперу, а языка не понимаете...

— Такъ что же! Это я только для семейства порядокъ соблюдаю. Женѣ съ дочерью требуется, а мнѣ одна тоска. Кабы буфета не было...

http://rcin.org.pl

— Кабы у насъ поменьше буфетовъ-то было...

— Что-жъ ты думаешь — лучше? Буфетъ на потребу, безъ него нельзя... Прибѣжище!.. Все одно — маякъ на морѣ...

— Я вамъ скажу, что Сара Бернаръ...

— Да что она тебѣ родня, что ли? Ну, дай ей Богъ добраго здоровья!..

— Ахъ, Иванъ Гавриловичъ, милый вы человѣкъ, я, извините меня, невѣжа.

— А ты выпей. Это тебя сократитъ, можетъ что поумнѣе скажешь. Хотя я невѣжа, это ужъ такъ Богу угодно, а только я на чести: чего понимать не могу, объ томъ и разговору не имѣю. Ты, можетъ, четыре рихметики обучилъ, гдѣ-жъ мнѣ съ тобой сладить. Одно осталось — выпить съ горя. Прости меня Господи!.

— Да вы не обижайтесь...

— Зачѣмъ обижаться...

— Сара Бернаръ дѣйствительно явленіе! Легко къ ней относиться нельзя. Это дочь парижской улицы, какъ мѣтко и справедливо сказано въ одной газетѣ. Вѣдь не даромъ же Европа и Америка преклонились передъ ея дарованіемъ.

— Пущай къ намъ пріѣдетъ. Наши тоже разберутъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, небывалая вещь: отличный рисовальщикъ, изумительный скульпторъ и очаровательная актриса!..

— Вы помните Віардо?

— Она пѣвица была...

— Виноватъ, не Віардо, а какъ ее...

— Фанни Эльслеръ?

— Не записано ли у васъ еще кого-нибудь въ вашемъ поминаньѣ-то? Валяй всѣхъ за упокой и за здравіе.

— Василій, сходи къ повару. Пусть онъ дастъ стерлядь à la Сара Бернаръ...

— Слушаю-съ...

— Постой! Спроси у экономa: есть у насъ въ клубѣ вино, которое пьетъ Сара Бернаръ?

— Публика просто съ ума сходитъ! Представьте, у театральной конторы по цѣлымъ суткамъ стоитъ.

— А вы видѣли на Невскомъ показываютъ женскія тѣлеса, разными красками разрисованныя? Стеченіе публики тоже большое. Старичокъ одинъ подошелъ къ картинкѣ-то, да такъ и замеръ. Что, думаю, дѣдушка, хорошо!.

— Это картина Сухаровскаго?

http://rcin.org.pl

— Ужъ тамъ я не знаю чья, но только... я вамъ доложу!.. Для избалованнаго человѣка можетъ великое удовольствіе, а для чистой души...

— То-есть такого русопета, какъ Иванъ Гавриловичъ...

— Я вѣрно говорю! Соблазъ! Ничего нѣтъ хорошаго.

— А въ Пештѣ-то она провалилась.

— Кто?

— Сара Бернаръ.

— Да вѣдь это газетная сплетня! Это ненависть венгерской прессы къ Россіи.

— Что тутъ общаго: Сара Бернаръ и Россія... Что она русская подданная, что ли?..

— А въ Одессѣ не провалилась! А въ Филадельфіи не провалилась. Ну, пусть наши сыграютъ такъ, какъ Сара Бернаръ!..

— Ну, пусть Сара Бернаръ сыграетъ такъ что-нибудь изъ нашего репертуара...

— Поваръ не знаетъ, какъ приготовить стерлядь — по-русски или паровую?

— Дура онъ! Ему сказано—à la Сара Бернаръ... Пусть чего-нибудь покрошитъ... Ну, чортъ его возьми, давай паровую.

— А вина тоже нѣтъ.

— Глупо!

— А вы достали билетъ?

— Два посыльныхъ, дворникъ, да три пролетарія у конторы три ночи ночевали и...

— И?..

— Шишъ!..

— Однако!..

— Время-то она нехорошее выбрала... Лѣтнее бы дѣло въ «Аркадіи»—публикѣ-то полегче бы было, и вѣеркомъ обдуетъ, и все... А въ театрѣ жарко...

— Повѣрьте, что ея слава газетами раздута...

— Не раздуешь, какъ раздувать нечего!

— Повѣрьте, все можно раздуть!

— Даромъ народъ кричать «ура!» не станетъ! Даромъ за каретой народъ не побѣжитъ!..

— Я не побѣгу!

— А я побѣгу!

— Я не буду васъ останавливать.

— А я не буду васъ больше убѣждать.—Василій! дай мнѣ судака ограталъ.

http://rcin.org.pl

— Господа, будемте справедливы, не будемъ на себя рукъ накладывать. Неужели русская актриса не можетъ возвыситься до Сары Бернаръ? Неужели г-жа...

— Позвольте!

— Да не перебивайте же меня, дайте мнѣ досказать. Неужели г-жа...

— Я знаю, что вы хотите сказать... Никогда не можетъ! Все будетъ доморощенное, а не европейское. Языкъ не тотъ! Съ нашимъ языкомъ только можно до Кіева дойти, дальше онъ не дѣйствуетъ, а по-французски говоритъ весь свѣтъ.

— При чемъ тутъ языкъ? Мартыновъ игралъ по-русски и заставлялъ передъ собою преклоняться.

— Но не Европу!

— Нѣтъ. Европу! Лучшихъ драматическихъ художниковъ Европы.

— Я вчера разговаривалъ съ нашими театральными рецензентами. Всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что раньше шестого декабря ничего нельзя сказать положительнаго.

— Когда здѣсь была Арну Плесси!..

— Честной компаніи!..

— Василью Ивановичу! Откуда изволили?

— Изъ «Ливадіи».

— Что сегодня—«Фатиница»?

— Чортъ ее знаетъ! Мы въ буфетѣ сидѣли. Вотъ скандалище-то заворотили! Вотъ вертуновъ-то надѣлали! Околоточный два часа протоколъ составлялъ...

— Что долго? Стихами что ли?

— На Сару Бернаръ достали?

— Нельзя же-съ! Да вѣдь я только для шуму... Я люблю очень шумъ въ театрѣ. Этакъ у меня часто: пошлю артельщика съ ребятами въ воскресенье въ театръ, навалитъ ихъ человѣкъ сорокъ. А отъ меня такое приказаніе: кто бы ни вышелъ — старайся! Такой шумъ заведутъ — страсть! Кричатъ bis да и шабашъ...

— Не угодно ли стаканчикъ?

— Спасибо, не хочется.

— Въ видѣ опыта—выкушайте.

— Право, не хочется...

— За здоровье Сары Бернаръ! Дай ей Господи огрѣть хорошенько публику, а намъ за нее порадоваться, да поблагодарить за настаѳленіе, что она нами не побрезговала.

— Экой дикій народъ-то! Печенѣги!

http://rcin.org.pl

— Дикій... вѣрно! Деньги на темную ставимъ... Своего купеческаго званія не роняемъ. Кто хошь пріѣзжай — заплатимъ.

— Когда здѣсь была Арну Плесси...

— Это еще какая? Ты гдѣ сидишь-то — помнишь ли? Проснись!

— Пора домой... Я такъ удрученъ...

— Пьянехонекъ, вѣрно! Иди потихоньку, а то все расплещешь... Итакъ, за ихнее здоровье!..

http://rcin.org.pl

ОБЩЕЕ СОБРАНІЕ ОБЩЕСТВА ПРИКОСНОВЕНІЯ КЪ ЧУЖОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

Большая зала. Столъ покрытъ зеленымъ сукномъ. На столѣ, противъ предсѣдательскаго мѣста, изящная малахитовая чернильница и колокольчикъ; противъ мѣста членовъ правленія — бумага и карандаши. Зала переполнена публикой. Раздается звонокъ предсѣдателя. Всѣ занимаютъ мѣста.

«М. г. Имѣю честь объявить общее собраніе открытымъ. Первый и главный вопросъ, который будетъ предложенъ вашему обсужденію, это—увеличеніе содержанія тремъ директорамъ; второй—сложеніе съ кассира невольныхъ прочетовъ; третій—преданіе забвенію, въ виду стѣсненнаго семейнаго положенія, неблаговиднаго поступка одного члена правленія; четвертый—о назначеніи пенсіи супругѣ лишеннаго всѣхъ особыхъ правъ состоянія нашего члена; наконецъ, пятый—о расширеніи правъ правленія по личнымъ позаимствованіямъ изъ кассы.

— Ого!

— Что это «ого»? Прошу васъ взять назадъ это «ого». Я не могу допустить никакихъ «ого». Если вы позволите себѣ во второй разъ дѣлать подобныя восклицанія, я лишу васъ слова. Всѣ эти вопросы существенно необходимы, въ виду особыхъ обстоятельствъ, которыя выяснятся изъ преній. Вамъ угодно говорить?

http://rcin.org.pl

— Это я воскликнулъ «ого», и не съ тѣмъ, чтобъ оскорбить васъ. Я сторонникъ расширенія всякихъ правъ и— услыхавъ вопросъ о расширеніи правъ правленія — воскликнулъ «ого»! Это значило—я доволенъ.

— Въ такомъ случаѣ, я беру назадъ свое замѣчаніе.

— Прошу слова. Какъ ежели директоръ, хранитель нашего портфеля, обязанный, напримѣръ, содѣйствовать... и все прочее... А мы, значитъ, съ полнымъ уваженіемъ... и ежели теперича директоръ, можно сказать, лицо... Я къ тому говорю: по нашимъ коммерческимъ оборотамъ...

— Вамъ что угодно сказать?

— Я хочу сказать, когда, напримѣръ, затрещалъ скопинскій банкъ...

— Вы задерживаете пренія и ставите ихъ на отвлеченную почву. Нельзя ли вамъ просто выразиться, такъ сказать, реально: да или нѣтъ.

— Когда, напримѣръ, разнесли скопинскій банкъ, ограбили вдовъ и сиротъ... можетъ и теперь сиротскія-то слезы не обсохли...

— Все это вѣрно, но эти слезы область поэзіи. Правленію никакого дѣла нѣтъ до сиротскихъ слезъ. Позвольте вамъ повторить мое предложеніе—стать на реальную почву.

— Мы не знаемъ этой вашей почвы, а грабить не приказано...

— Стало-быть, мы грабили. Правленіе общества обращается съ протестомъ къ общему собранію.

Голоса:

— Вонъ его! Вонъ!

— Милостивые государи. Я позволилъ бы себѣ такъ понять это столкновеніе. Почтеннѣйшій членъ не совсѣмъ уяснилъ себѣ предложеніе предсѣдателя, не понялъ, такъ сказать...

— Какъ не понять! Я говорилъ насчетъ грабежу. У насъ отъ этого правленія въ одномъ карманѣ смеркается, а въ другомъ заря занимается.

— Господа! Ревизіонная комиссія...

— Въ милютиныхъ лавкахъ устрицы ѣстъ ваша ревизіонная комиссія.

— Г. предсѣдатель, прекратите этотъ печальный эпизодъ и позвольте продолжать пренія. Я прошу слова. Если провести демаркаціонную линію между правленіемъ и вкладчиками...

— М. г. Я прошу, я требую, я настаиваю, чтобы об-

http://rcin.org.pl

щество выразило порицаніе члену, оскорбившему нашего предсѣдателя.

Голоса:

— Баллотировать! Шарами! Простымъ вставаніемъ... *(Шумъ).*

— Я ставлю вопросъ на баллотировку простымъ вставаньемъ. *(Считаетъ).* Разъ... два... семь... десять. За выраженіе порицанія десять. *(За правленскимъ столомъ нѣкоторое смущеніе).* Прошу приступить къ преніямъ.

— М. г. Вопросъ объ увеличеніи содержанія весьма важенъ. Къ важнымъ вопросамъ нельзя относиться халатно. Я полагалъ бы этотъ вопросъ оставить безъ обсужденія и передать его въ комиссію.

Голоса:

— Въ комиссію! Въ комиссію!

— Въ комиссію! Въ комиссію!

— Невольные прочеты съ кассира взыскать или передать ихъ въ вѣдѣніе прокурорскаго надзора, а о неблаговидномъ поступкѣ одного изъ членовъ правленія приступить къ преніямъ. Нельзя ли насъ познакомить съ неблаговиднымъ поступкомъ члена правленія.

— Съ юридической точки зрѣнія поступокъ этотъ... наша юстиція очень рѣзко разграничиваетъ дѣянія, совершенныя...

— Стащилъ, вотъ тебѣ и естюція...

— Совершенныя по злой волѣ... Принимая во вниманіе семейное положеніе...

— Ну, стащилъ, это вѣрно!

— Въ терминологіи нашей юстиціи нѣтъ слова — стащилъ.

— Ну, можно нѣжнѣе сказать: укралъ.

— Господа, гдѣ мы и что мы? Насъ пригласили въ общее собраніе и хотятъ вывороти ть наши карманы. Намъ предлагаютъ увеличить директорамъ содержаніе. За что? Намъ предлагаютъ прикрыть хищеніе кассира. Почему? Насъ просятъ предать забвенію какой-то мерзкій поступокъ члена правленія. Просятъ отереть пенсіей слезы супруги лишеннаго правъ состоянія хищника; наконецъ, ходатайствуютъ о расширеніи правъ членовъ правленія...

— Отдай имъ сундукъ съ деньгами, а они туда тебѣ, замѣсто ихъ, бронзовыхъ векселей наворотятъ... Чудесно!

— Бронзовые, какъ вы изволили выразиться, векселя, нисколько не отягощаютъ кассу, если... *(Сдержанный смѣхъ).*

http://rcin.org.pl

Позвольте мнѣ докончить... Позвольте васъ остановить. Бронзовые векселя не имѣютъ ничего общаго съ предложеніемъ объ увеличеніи директорамъ содержанія. А такъ какъ этотъ вопросъ довольно преніями исчерпанъ, то я ставлю его на баллотировку. Не угодно ли вамъ, милостивые государи, приступить къ баллотировкѣ по вопросу объ увеличеніи гг. директорамъ содержанія. Предупреждаю васъ, что отказъ вашъ весьма невыгодно повліяетъ на наше прочно установившееся общество...

Страшный шумъ. Предсѣдатель звонитъ изъ всѣхъ силъ и закрываетъ собраніе.

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

МОНОЛОГИ.

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

СПРЯТАЛСЯ МѢСЯЦЪ ЗА ТУЧИ.

(монологъ).

Вотъ она жизнь-то моя какая! Капиталу много, а тоски и еще больше! *(Поетъ):*

Спрятался мѣсяцъ за тучки,
Больше не хочетъ гулять.

Кабы въ этомъ разѣ цыгановъ не было — помирать бы пришлось. Фараоны, въ линію! Конокрады, по мѣстамъ!

Спрятался мѣсяцъ за тучи,
Больше не хочетъ гулять.

За любовь претерпѣлъ! Такъ нашего брата, дурака, и надо. Отдай деньги, да и пошелъ прочь! Поцѣлуй пробой, да ступай домой. То-есть такъ обидно, кажется... Фараоны! Веселую!

Ай береза, ты моя берёза!

Иду я довольно равнодушно по улицѣ, никого не трогаю, смотрю: изъ окна высунулась барышня... Словно она меня кипяткомъ ошпарила. Тутъ, думаю, вся моя погибель!.. Всѣ свои глупости бросилъ, только по три раза на день въ цырульню завиваться ходилъ, на ликъ красоту наводилъ. Собаку ихнюю пріучилъ, чтобы не лаяла, а съ кухаркой дружбу завелъ, чтобы записки носила. Путался, путался— надоѣло: сваху подослалъ. Приняли меня отличнѣйшимъ манеромъ. Дяденька ихній сталъ со мной въ трынку играть, а маменька съ дочкой на фортопьянахъ меня учить, а опосля того маменька приказали домъ въ голубую окрасить: очень я, говоритъ, нѣжный цвѣтъ люблю. Что этой

http://rcin.org.pl

слякоти сродственниковъ повылѣзало — все на мой счетъ. Жри! купецъ заплатитъ!.. Порѣшили — опосля ярманки сватьба. Проводили меня въ Нижній честь-честью. Маменька два раза плакать принималась, спиртъ для воодушевленія нюхала. Такая въ Нижнемъ-то меня тоска взяла; подойду къ буфету-то, посмотрю, какъ бутылки стоятъ, да и прочь: боялся сорваться на прежнее положеніе. Насилу дотерпѣлъ до конца ярманки. Пріѣхалъ въ Москву, завился и сейчасъ къ невѣстѣ. Не дождались меня — за повѣреннаго выдали! Какъ чумовой я бросился въ Грузины, да двѣ недѣли безъ просыпу тамъ и орудовалъ. Отъ коньяку шею свело!.. Два протокола составили! Въ тюрьмѣ сидѣлъ за безобразіе! Въ сѣромъ пальтѣ ходилъ! Одно только теперича и осталось: фараоны, въ линію! Конокрады по мѣстамъ...

Спрятался мѣсяцъ за тучки,
Больше не хочетъ гулять...

http://rcin.org.pl

БЛОНДЕНЪ.

Только приходимъ мы съ приказчикомъ, съ Иваномъ Ѳедоровымъ, смотримъ: народу видимо-невидимо, такъ валомъ и валитъ. Иванъ Ѳедоровъ говоритъ: тутъ одинъ на канатѣ ломается. Пойдемъ, посмотримъ... что за важное дѣло!.. Пришли въ кассу. Какое, другъ сердечный, представленіе?—Грамотѣ, говоритъ, умѣете?—По печатному разбирать можемъ. Иванъ Ѳедоровъ по печатному оченно превосходно... Сейчасъ прочиталъ:—будетъ, говоритъ, великое восхожденіе по канату, съ нѣмцемъ, въ пятьсотъ фунтовъ. Что, другъ сердечный, вѣрно на афишкѣ обозначено, на чести, подвоху нѣтъ? Вѣрно, говоритъ. А нѣмца таскать будутъ? — Будутъ. Живаго? — Живаго. Почемъ билеты? — Вамъ, почтенные, въ какія мѣста угодно? Которыя попроще... Цѣлковый рубъ отдали. Вышелъ сейчасъ этотъ Блонденъ и пошелъ... Шелъ, шелъ—сорвался! Барыни которыя—такъ и завизжали!.. А вѣдь онъ, сударь мой, не упалъ... Слово, что-ли, такое знаетъ, али такъ счастье ему: зацѣпился штаниной, повисъ на воздусяхъ—виситъ! Я говорю: Иванъ Ѳедоровъ, когда-жъ нѣмца-то? Вишь тащутъ. Смотрю: нѣмецъ какъ есть настоящій и человѣкъ, надо полагать, степенный. Ну, думаю, шабашъ братъ, адью! Умора, сударь мой, какъ онъ его поволокъ: ухватилъ такъ-то... трогай! Батюшка, говоритъ, господинъ Блонденъ, пусти душу на покаяніе. Нѣтъ, говоритъ, Карла Иванычъ, сиди, а то уроню. Намъ, говоритъ, публику обманывать не приказано, вишь: квартальный стоитъ. Протащилъ его, колѣно сдѣлалъ — ему фору, а мы, грѣшнымъ дѣломъ, въ трактиръ, по рюмкѣ померанцовой горечи перекувырнули— домой пошли.

http://rcin.org.pl

TRAVIATA.

А то разъ мы тоже съ приказчикомъ, съ Иваномъ Ѳедоровымъ, шли мимо каменнаго театру. Иванъ Ѳедоровъ почиталъ-почиталъ объявленіе: — понять, говоритъ, невозможно, потому не нашими словами напечатано. Господинъ, что на афишкѣ обозначено? Прочиталъ. Говоритъ: Фру-фру. Въ какомъ, говоримъ, смыслѣ? Это, говоритъ, на ихнемъ языкѣ обозначаетъ настоящее дѣло. Такъ-съ! Покорнѣйше благодаримъ... Господинъ городовой, вы человѣкъ здѣшній, можетъ слыхали: какъ намъ понимать эту самую Фру-фру? Ступайте, говоритъ, въ кассу — тамъ все отлепортуютъ. Пришли въ кассу. Пожалуйте два билета, на самый на верхъ, выше чего быть невозможно. — На какое представленіе?—Фру-фру. Здѣсь, говоритъ, опера. Все одно, пожалуйте два билета, намъ что хошь представляй. Иванъ Ѳедоровъ, трогай! Ступай! Пришли мы, сѣли, а ужъ тальянскіе эти самые актера дѣйствуютъ. Сидятъ, примѣрно, за столомъ, закусываютъ и поютъ, что имъ жить оченно превосходно, такъ что лучше требовать нельзя. Сейчасъ г-жа Патти налила стаканчикъ красненькаго, подаетъ г-ну Канцеляри:—выкушайте, милостивый государь. Тотъ выпилъ, да и говоритъ: оченно я въ васъ влюбленъ. — Не можетъ быть!—Вѣрное слово!—Ну такъ, говоритъ, извольте идти куда вамъ требуется, а я сяду, подумаю объ своей жизни, потому, говоритъ, наше дѣло женское, безъ оглядки намъ невозможно... — Сидитъ г-жа Патти, думаетъ объ своей жизни, входитъ нѣкоторый человѣкъ...

— Я, говоритъ, сударыня, имени-отчества вашего не знаю, а пришелъ поговорить насчетъ своего парнишки: парнишка мой запутался и у васъ скрывается — турните вы его от-

http://rcin.org.pl

сюда.—Пожалуйте, говоритъ, въ садъ, милостивый государь, на вольномъ воздухѣ разговаривать гораздо превосходнѣе. Пошли въ садъ. Извольте, говоритъ, милостивый государь, сейчасъ я ему такую привелегію напишу, что ходить ко мнѣ не будетъ, потому я сама баловства терпѣть не могу. Тутъ мы вышли въ калидоръ, пожевали яблочка, потому жарко оченно, разморило. Оборотили назадъ-то—я говорю:— Иванъ Ѳедоровъ, смотри хорошенько.—Смотрю, говоритъ.— Къ чему клонитъ? — А къ тому, говоритъ, клонитъ, что парнишка пришелъ къ ней въ своемъ невѣжествѣ прощенья просить: я, говоритъ, ни въ чемъ не причиненъ, все дѣло тятенька напуталъ. А та говоритъ: хоша вы, говоритъ, меня при всей публикѣ острамили, но, при всемъ томъ, я васъ оченно люблю! Вотъ вамъ мой патретъ на память, а я, между прочимъ, помереть должна... Попѣла еще съ полчасика, да Богу душу и отдала.

http://rcin.org.pl

ОТЪ МИРОВОГО.

Какое вчерашняго числа съ нами событіе случилось... Просто, на удивленье міру! Въ нашемъ купеческомъ сословіи много разныхъ дѣловъ происходитъ, а еще этакой операціи, такъ думаю, никогда не бывало. Зашли мы къ Москворѣцкому мосту въ погребокъ. Намъ сейчасъ новый прейсъ-курантъ поднесли. «Давно желанное сліяніе интеллигенціи съ капиталомъ совершается. Интеллигенція идетъ навстрѣчу капиталу. Капиталъ, съ своей стороны, не остается чуждъ взаимности. Въ этихъ видахъ паша фирма настоящаго русскаго шампанскаго и прочихъ виноградныхъ винъ, къ предстоящей масляницѣ, приготовила новую марку шампанскаго, не бывалую еще въ продажѣ и отличающуюся отъ другихъ марокъ своею стойкостію и некторальнымъ вкусомъ. Москворѣцкій монополь № 1. Игристый № 2. Самый игристый, пробка съ пружиной. При откупориваніи просятъ остерегаться взрыва. № 3 Или! свадебное. № 4 Нижегородскій монополь съ краснымъ отливомъ. Высокій. Въ нашемъ же складѣ продаются слѣдующія иностранныя вина: Борисоглѣбская мадера съ утвержденнымъ этикетомъ, мѣстнаго разлива, Хересъ Кашинскій въ кувшинахъ— аликантъ, старый. Ромъ Ямайскій—жестокій. Тенерифъ...» На тенерифъ-то мы и приналегли и такъ свои лики растушевали, такіе колера на нихъ навели, что Иванъ Семенычъ всталъ, да и говоритъ: «долженъ я, говоритъ, констатировать, что всѣ мы пьяные и по этому прейсъ-куранту пить больше намъ невозможно, а должны мы искать другого убѣжища». А у самого на глазахъ слезы. Мы испугались, а приказчикъ говоритъ — «не безпокойтесь: этотъ тенерифъ многіе не выдерживаютъ, потому онъ въ чувство

http://rcin.org.pl

вгоняетъ человѣка». Вышли мы, сѣли на тройку и полетѣли поперекъ всей Москвы. Народъ по сторонамъ такъ и мечется, не можетъ себѣ въ понятіе взять, что, можетъ, вся наша жизнь рѣшается. Городовые свистятъ! Иванъ Семенычъ плачетъ навзрыдъ. Яша кричитъ ямщику: «вези ужъ прямо къ мировому: все равно, завтра къ нему силой потащатъ». Пріѣхали въ Стрѣльну, сдѣлали тамъ что-то такое, должно быть, не хорошее. Помню, что шумъ былъ большой, пѣсельница изъ русскаго хора плакала, участковый протоколъ писалъ. Черезъ три дня — пожалуйте! Вышелъ мировой, солидный человѣкъ, сѣдой наружности. «Не угодно ли вамъ, господа, сюда къ столу пожаловать?» Публика... срамъ!.. «Швейцаръ, разскажите все какъ было». Тотъ сейчасъ показываетъ на меня: «ухо, говоритъ, они мнѣ укусили». — Не помню, говорю. Да ежели бы и помнилъ, такъ непріятно объ этомъ разсказывать. Въ изступленіи ума находился отъ тенерифу. Зачѣмъ начальство допускаетъ такой тенерифъ? Послѣ него человѣка убить можно, а не то что ухо отгрызть. «А онъ что дѣлалъ?» показываетъ на Ивана Семенова.—«Но могу, говоритъ, при публикѣ доложить. Всѣ прочіе, которые только шумѣли, а они... просто, говоритъ, выразить не могу». Писалъ, писалъ этотъ мировой... «Прошу, говоритъ, встать». Всѣ стали. По указу... тамъ все прочее... На двѣ недѣли въ казенномъ халатѣ ходить!.. Иванъ Семеновъ: «у меня, говоритъ, двѣ медали на шеѣ».—«Жалко, говоритъ, вы раньше не сказали: я бы васъ на мѣсяцъ посадилъ». Вотъ тебѣ и тенерифъ! Изъ-за пустяковъ какой срамъ вышелъ...

http://rcin.org.pl

ВЪ ДЕНЬГАХЪ СЧАСТЬЕ.

Говорятъ,—«не въ деньгахъ счастье», а это, по нашему разсужденію, пустыя бабьи слова: въ деньгахъ все счастье, вся сила въ нихъ. Другому, по его положенію, цѣна грошъ, нестоющій онъ никакого вниманія, а ежели ему такая фортуна выдетъ: къ хозяину въ выручку хорошо слазитъ или другой какой оборотъ фальшивый сдѣлаетъ, ему сейчасъ и цѣна высокая. Да вотъ на моей памяти случай былъ: хозяйская дочь мальчика, безъ роду безъ племени, съ улицы въ домъ привела, грамотѣ его обучила, а какъ сталъ подростать, сейчасъ его къ должности опредѣлила, спервоначалу хозяйскіе сапоги чистить, аль тамъ салопы въ театрѣ стеречь, а послѣ къ лавкѣ приставили. Смотримъ, паренекъ выходитъ шустрый, за получкой ежели небольшой къ покупателю пошлешь—изъ души вытянетъ. И такое ему далъ Богъ насчетъ этого понятіе, какъ съ покупателя деньги стребовать, даже намъ было удивительно!.. Выровнялся паренекъ и сталъ во всей формѣ, хозяева стали его съ собой за столъ сажать, а тамъ и приказчикомъ сдѣлали. Хозяйка была ужъ ладила за него дочь отдать—кривобокенькая у нихъ она была, никто не бралъ; только амбиція купеческая не позволяла: какъ есть изъ ничтожныхъ людей, голый мѣщанинъ. А тотъ взялъ это себѣ сейчасъ въ понятіе и говоритъ хозяину: «вся ваша воля, а существовать безъ вашей дочки я не могу». А та къ матери: «какъ угодно, говоритъ, въ своемъ саду на яблонѣ удавлюсь, если за него не отдадите». Подумали хозяева, со сродственниками посовѣтовались. Одинъ сродственникъ и говоритъ: «товаръ, сами видите, не первосортный, за стекло не выставишь. Отдавайте какъ есть. Вы его благодѣтели и будетъ онъ для васъ стараться. Дѣлать нечего». Обручается рабъ Божій Василій рабѣ Божіей Гликеріи... И фукнулъ черезъ три года этотъ рабъ Божій Василій своего тестя, раба Божія Тарасія, по-родственному, и такъ фукнулъ, что отъ него только пухъ полетѣлъ, и супругу свою назадъ къ родите-

http://rcin.org.pl

лямъ прислалъ. Извольте обратно получить, больше не требуется... ублаготворенъ; промежду арфистками не въ примѣръ есть красивѣе. Обругали его въ публикѣ спервоначалу разными словами, а опосля опять въ хорошіе люди записали. Придетъ онъ въ клубъ, сядетъ за столъ, выставитъ бутылку шампанскаго, да, какъ перепеловъ, на нее мимоходящую публику и наманиваетъ. «Милости просимъ стаканчикъ»... «Покорнѣйше благодаримъ, очень пріятно». И такъ превозвысился на хозяйскія деньги, благотворительнымъ членомъ гдѣ-то сдѣлался, въ депутаціяхъ разныхъ сталъ ходить, слова за обѣдомъ говорить, на бѣгъ своихъ рысаковъ выпущать, въ трактирѣ комнату велѣлъ на свой вкусъ отдѣлать, чтобъ ему тамъ съ арфистками завсегда присутствовать, арапа какого-то заблудящаго въ холуи нанялъ, —смотримъ—въ банкъ директоромъ сѣлъ. Всѣ около него такъ и вьются, такъ и корчатся. Сила! И сталъ онъ подчищать этотъ банкъ, сначала помаленьку, пока въ настоящую дѣловъ не распозналъ, а тамъ пошибче, а тамъ ужъ и въ газетахъ стали печатать, что въ банкѣ дѣло не чисто, —года два печатали, а деньги тамъ все подсылали. Кто-то догадался — внезапную назначили. Собралась эта внезапная во французскомъ ресторанѣ, сговорилась какъ дѣйствовать и налетѣла въ банкъ. «Пожалуйте книги».— Извольте получить.—«Позвольте освидѣтельствовать наличность». — Мы наличности не касались, мы подписывали; наличностью завѣдывалъ Василій Сергѣевичъ».—«Василій Сергѣевичъ, позвольте наличность». Только носъ обтеръ— вотъ тебѣ и наличность... И завизжали вкладчики на двѣнадцать голосовъ. Потащили директора въ судъ. Прокуроръ говоритъ: расхитилъ чужую собственность, тяжкимъ трудомъ и лишеніями скопленныя бѣднымъ народомъ деньги; защитникъ говоритъ: никакъ невозможно, чтобы человѣкъ, самъ вышедшій изъ народа, воспитанный въ благочестивомъ купеческомъ семействѣ, рѣшился на мошенничество. Тутъ какое-нибудь недоразумѣніе. Присяжные говорятъ: воровалъ съ полнымъ разумѣніемъ; судъ говоритъ: лишить его всѣхъ особенныхъ правъ, а директоръ себѣ говоритъ: всѣ права мои при мнѣ, въ карманѣ, а особенныхъ мнѣ не надобно. Свезли его въ мѣста не столь отдаленныя и живетъ онъ тамъ припѣваючи, приговаривая: «чудесно въ сихъ отдаленныхъ мѣстахъ жить съ деньгами».

http://rcin.org.pl

ТОСТЪ ГЕНЕРАЛА ДИТЯТИНА.

«Мм. гг. Вы собрались сюда чествовать литератора 40-хъ годовъ Ивана Тургенева... Я противъ этого ничего не имѣю, и, по приглашенію гг. директоровъ, явился сюда не приготовленнымъ встрѣтить здѣсь такое собраніе россійскаго ума и образованности. Хотѣлось бы и говорить, но говорить, находясь среди васъ, трудно: во 1-хъ, разница нашихъ взглядовъ, во 2-хъ, мое официальное положеніе, въ 3-хъ, присущая людямъ нашей эпохи осторожность: насъ учили болѣе *осматриваться*, чѣмъ *всматриваться;* больше *думать*, чѣмъ *говорить;* однимъ словомъ, насъ учили тому, чему, къ сожалѣнію, уже не учатъ теперь. Мм. гг.! Вы слишкомъ молоды. Изъ васъ нѣтъ ни одного, который былъ бы свидѣтелемъ того перелома и треска въ литературѣ, котораго я былъ свидѣтелемъ.

«Въ началѣ 30-хъ годовъ, — выражаясь реторическимъ языкомъ,—среди безоблачнаго неба, тайный совѣтникъ Дмитріевъ внезапно былъ обруганъ семинаристомъ Каченовскимъ. Подняли шумъ... Критикъ скрылся... Далѣе, генералъ-лейтенантъ, сочинитель патріотической исторіи 12-го года, Михайловскій-Данилевскій, былъ обруганъ. Были приняты мѣры... стало тихо. Но на почвѣ, усѣянной, удобренной мыслителями 30-хъ годовъ, показались всходы; эти всходы заколосились и первый тучный колосъ, сорвавшійся со стебля въ 40-хъ годахъ, были «Записки Охотника», принадлежащія перу чествуемаго вами литератора, отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева.

«Въ простотѣ солдатскаго сердца, я взялъ эту книгу думая найти въ ней записки какого-либо военнаго охотника... оказалось, что подъ поэтической оболочкой скры-

http://rcin.org.pl

ваются такія мысли, о которыхъ я не рѣшился не доложить графу Закревскому. Графъ сказалъ: «я знаю». Я въ разговорѣ упомянулъ объ этомъ князю Сергію Михайловичу Голицыну. Онъ говоритъ: «это дѣло администраціи, а не мое». Я сообщилъ конфиденціально митрополиту Филарету. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что это «вѣяніе времени».

«Я увидалъ, что совершается что-то странное,—и посторонился.

«Теперь я, мм. гг., стою въ сторонѣ, пропускаю мимо себя нестройные ряды идей, мнѣній, постоянно сбивающіеся съ ноги, и всѣмъ говорю: хорошо! Но мнѣ уже никто не отвѣчаетъ: «рады стараться, ваше превосходительство!», а только взводные кивають съ усмѣшкой головой. Я кончилъ».

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ.

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

ИЗЪ МОСКОВСКАГО ЗАХОЛУСТЬЯ.

(Разсказъ).

I.

Давно ужъ это было, въ 30-мъ году, въ первую холеру. Тихо жили тогда въ Москвѣ. Вставали на восходѣ, ложились на закатѣ. Движенье было только въ городѣ, да на большихъ улицахъ. и то не на всѣхъ, а въ захолустьяхъ, особенно въ будни, цѣлый день ни пѣшаго, ни проѣзжаго. Ворота заперты, окна закрыты, занавѣски спущены. Что-то таинственное представляло изъ себя захолустье. Огромная улица охранялась однимъ будочникомъ. Днемъ онъ сидѣлъ на порогѣ своей будки, теръ табакъ, а ночью постукивалъ въ чугунную доску и по временамъ кричалъ во всю глотку на всю улицу: «по-сма-три-вай»!.. хотя некому было посматривать и не на что: пусто и темно, только купеческіе псы заливались, раздражаемые его крикомъ. Полагалось четыре фонаря на всю улицу и тѣ освѣщали только собственный свой столбъ, на которомъ были утверждены.

— Если ты такъ кричать будешь, я къ квартальному пойду... Всю ночь спать не даешь!—замѣчалъ купецъ будочнику.

— Приказано,—отвѣчалъ будочникъ,—чтобы какъ можно кричать. Мало ли тутъ непутеваго народу.

— Въ нашей-то сторонѣ?!

— Бываетъ. Намедни тутъ днемъ у калачника тѣсто украли.

— Поймали?

— Гдѣ поймать—ушелъ!

— Что-жъ ты крикомъ-то испугаешь его, что ли?

http://rcin.org.pl

— Все-таки опаска ему есть...

— Какая же ему опаска: ты кричишь «посматривай», а въ переулкѣ кричатъ «караулъ».

— Это не у насъ: въ Тупичкѣ извозчика грабили. Два часа голый у меня въ будкѣ сидѣлъ.

Былъ въ захолустьѣ домъ, очень красивый, старинной архитектуры, съ колоннами; онъ стоялъ пустой, заколоченный. Ходила молва, что въ немъ обитаетъ нечистая сила. Одинъ купецъ видѣлъ ее собственными глазами. Этому вѣрили всѣ—и Нѣмецкая Слобода, и Замоскворѣчье, и Сыромятники.

Горѣло захолустье очень часто. Эпохи его считались отъ пожаровъ.

— Это еще до большого пожара было.

Или:

— Это еще когда Балканъ не горѣлъ.

Ни врачей, ни аптекъ въ то время ни въ захолустьѣ, ни близко въ окружности не полагалось, да и незачѣмъ было: всѣ подъ Богомъ, говорили обыватели. Въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и то къ очень богатымъ людямъ приглашался штабъ-лѣкарь Воскресенскій. Болящіе прибѣгали или къ своимъ средствамъ—чередѣ, бузинѣ, бобковой мази, разнымъ ладонкамъ съ наговоромъ; или обращались къ капитаншѣ Мирзоевой—отъ золотухи и отъ ушибовъ лѣчила; къ сапожнику Разумову—отъ лихорадки пользовалъ и отъ килы зналъ лѣкарство; къ баньщику Ильичу—накожныя сыпи понималъ; къ цырюльнику Ефиму Филиппову—отворялъ кровь «заграничнымъ инструментомъ» и помогалъ отъ запоя—«пьянаго червяка» замаривалъ. На вывѣскѣ у него значилось: «Съ дозволенія правительства медицинской конторы засѣданія г-дъ врачей, въ семъ залѣ отворяютъ кровь заграничнымъ инструментомъ піявочную, баночную и жильную, прическа невѣстъ, бандо, стрижка волосъ, завивка и бритье и прочія принадлежности мужскаго туалета, по желанію на домъ, по соглашенію. Экзаменованный фельдшерный мастеръ Ефимъ Филипповъ и дергаетъ зубы».

Жила въ захолустьѣ въ собственномъ домѣ привилегированная повивальная бабка Юлія Янсонъ, но къ помощи ея никто не обращался и вывѣска у ней болталась для собственнаго удовольствія.

За воротами дома такъ же тихо и однообразно, какъ на улицѣ. Чисто выметенный дворъ, до того огромный, что на

http://rcin.org.pl

немъ можно выстроить свободно эскадронъ кавалеріи. Большой садъ, въ немъ рдѣютъ піоны, прозябаетъ калуферъ, божье дерево, цвѣтутъ бархатцы, шапочки, анютины глазки; десятка два яблонь бѣлаго наливу, нѣсколько кустовъ крыжовника и смородины. Въ домѣ необыкновенная чистота, т. е. въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ не живутъ хозяева, а принимаютъ гостей. Мебель тяжелая, краснаго дерева; въ углу, въ большихъ раззолоченныхъ кіотахъ божье милосердіе; на стѣнѣ часы съ боемъ; на окошкѣ канарейка въ клѣткѣ. Вотъ и все украшеніе комнаты. Тишина. Установленный издревле порядокъ никогда не нарушался. Какъ въ прошломъ году на святкахъ ставили мѣломъ на дверяхъ кресты, такъ и въ этомъ году будутъ ставить; какъ въ прошломъ году 9 марта пекли изъ тѣста жаворонковъ, такъ и въ этомъ будутъ печь ихъ.

Я сказалъ, что въ рѣдкихъ случаяхъ въ захолустьѣ появлялся докторъ. Эти случаи бывали обыкновенно послѣ масляницы. Въѣзжала широкая масляница въ купеческій домъ

Съ пирогами, съ оладьями,
Съ блинами, съ орѣхами.

За недѣлю до ея прихода въ семьѣ устанавливался порядокъ встрѣчи ея и проводовъ. Съ котораго дня приступить къ блинамъ—вопросъ былъ важный; рѣшался онъ на семейномъ совѣтѣ и утверждался самимъ хозяиномъ.

— Ну, съ понедѣльника, такъ съ понедѣльника, пущай такъ,—говорилъ онъ.

— А аладьи съ четверга,—предлагала хозяйка.

— А то кухаркамъ не управиться,—замѣчала бабушка.

— Ну, съ четверга,—соглашался хозяинъ.

— А лепци каждый день пойдутъ.

— Само собой, что ихъ жалѣть-то...

Въ понедѣльникъ, рано утромъ, по всему дому распространяется блинный запахъ. Коты замурлыкали, даже въ щеляхъ тараканы зашевелились. Шарикъ давно ужъ сидитъ въ кухнѣ, облизывается и поглядываетъ на кухарокъ.

— Блиновъ, старый чортъ, дожидаешься!—говоритъ ему дворникъ.

Шарикъ ласково бросается къ нему на шею.

— Только я посмотрю, какъ ты опосля лаять будешь, а то опять я тебя на постную пищу.

Лица у кухарокъ отъ жару кажутся обтянутыми краснымъ сафьяномъ.

http://rcin.org.pl

Столъ накрытъ. Выходятъ хозяева; ведутъ подъ руки разбитаго параличомъ дѣдушку, который только три раза въ годъ появляется въ обществѣ, а остальное время комнаты своей не покидаетъ; входитъ дальняя родственница Дарья Гавриловна, въ молодости имѣвшая романъ съ секретаремъ магистрата, который пропилъ все ея состояніе и «на всю жизнь оставилъ только одну меланхолію». Бѣдная я женщина, говоритъ она, но во мнѣ столько благородства, хотя и купеческаго, что я никому не позволю. За ней слѣдуетъ еще родственница Марѳа Степановна; постоянное выраженіе ея лица такое, точно она проситъ милостыню; шествіе замыкаютъ купеческій племянникъ Кирюша, съ одутловатой физіономіей, мужчина лѣтъ пятидесяти; наконецъ Анна Герасимовна, пожилая, бойкая купеческая вдова, имѣющая въ захолустьѣ домъ съ большимъ старинымъ садомъ. Садъ этотъ она весь взрыла и ископала, отыскивая кладъ, зарытый кѣмъ-то въ 1812 году.

Свернувши блинъ въ трубку и обмакивая его въ сметану—«въ радости дождамшись», говоритъ хозяинъ.

Лица всѣхъ просіяли. Дѣдушка хотѣлъ-было выразить удовольствіе улыбкой, но мускулы лица его не дѣйствовали и онъ только пошевелилъ лѣвой рукой.

Марѳа Степановна, взявши первый блинъ, прослезилась и глубоко вздохнула.

Сынъ Семушка взвизгнулъ.

Дѣдушка лѣвой рукой подбрасывалъ блинъ и хваталъ его на-лету, на подобіе собаки, ловящей муху. Полное молчаніе. Семушка сбился со счета.

— Манька, я забылъ, сколько съѣлъ.

— Грѣхъ, батюшка, считать-то,—замѣтила ему бабушка:— кушай такъ, во славу Божью.

Глаза начинаютъ съуживаться; лица у всѣхъ сдѣлались влажными, утомленными. Къ послѣдней партіи блиновъ съ семгой никто не касается.

— Дай Богъ добраго здоровья,—началъ Кирюша, вставая изъ-за стола.

— А ты бы еще ѣлъ.

— Много довольны... не могу!

— Что ты, Кирюша, подѣлываешь?—обратилась къ нему Анна Герасимовна.

Кирюша глупо улыбнулся.

— Ничего!

— Я тебѣ говорила—женись.

http://rcin.org.pl

— Жениться... по нынѣшнимъ временамъ...
Ну, торговлю бы открылъ...
— Торговать тоже... по нынѣшнимъ временамъ...
— Куда жъ теперь пойдешь?
— Туда...
— Куда?
— Къ тетенькѣ Василисѣ на Зацѣпу спать пойду.
— Ты у ней живешь-то?
— Нѣтъ.
— А гдѣ-же?
— Въ монастырѣ...
— Что-жъ ты душу свою соблюсти хочешь?—вмѣшался хозяинъ.
— Звоню. Колоколъ у насъ большой, край только у него треснулъ... Шелапутиху хоронили, онъ и треснулъ...
— Какъ же, братецъ ты мой,—продолжалъ хозяинъ:— купеческій ты племянникъ, на линіи, можно сказать, почетнаго гражданина, а какимъ пустымъ дѣломъ занимаешься, не купеческимъ...

Кирюша, уныло повѣсивъ голову, обтеръ рукавомъ скатившуюся слезу.

— Тетенька Василиса изъ дому выгнала... Ступай, говоритъ, вонъ!.. Холодно было... Всю ночь ходилъ по Яузѣ... Изъ Андроньева монахи взяли... Звони, говорятъ... Сапоги дали. Теперь въ теплomъ соборѣ служатъ, а холодный который—запертъ... Вчера отецъ казначей на Солянку за рыбой ѣздилъ...
— Стало-быть, вы тамъ хорошо ѣдите?
— Монахи ѣдятъ,—поспѣшно подхватилъ Кирюша:—мы звонимъ. Сегодня раннюю звонилъ...
— Ну, ступай съ Богомъ! Не ближній тебѣ путь на Зацѣпу-то,—сказала хозяйка.

Кирюша, положивши въ ротъ указательный палецъ, робко обвелъ всѣхъ глазами и, тихо пробираясь по стѣнкѣ, вышелъ изъ комнаты. Кухарка дала ему на дорогу пару лещей.

— Прими Христа-ради,—сказала она.

Кирюша поклонился ей въ ноги, промолвивъ:

— Благодаримъ за неоставленіе.

Первый блинъ, какъ говорится, комомъ. Цѣлый день ходили всѣ вялые. Коты не сходили съ хозяйской постели. Ночь проведена безпокойно: хозяйка во снѣ вздрагивала, хозяинъ метался всю ночь, Семушка бился головой объ

http://rcin.org.pl

стѣну и неистово кричалъ: Шарикъ, къ величайшему огорченію дворника, всю ночь не лаялъ.

«Но ужъ только съ завтрашняго числа я тебя лаять заставлю! Ты у меня на разные голоса лаять будешь,—думалъ дворникъ, перевертываясь съ боку на бокъ: — теперь дѣло масляничное, дворъ у насъ большой, улица глухая... Ужъ самъ я за тебя лаять не буду».

Въ слѣдующіе затѣмъ дни, желудки попривыкли и стали ладить

Съ пирогами, съ оладьями,
Съ блинами, съ орѣхами.

Дворника все безпокоили лещи, которыхъ куплено было очень много.

— Какъ возможно такую силу лещей съѣсть,—говорилъ онъ кухаркѣ:—никто не одолѣетъ. Порѣшили, что, должно быть, въ прощенный день раздадутъ нищимъ.

— А вотъ у Гужонкина мастеръ англичанинъ,—замѣчалъ дворникъ:—весь постъ будетъ скоромное ѣсть. По нашей, говоритъ, вѣрѣ все возможно. Намедни ребята его спрашиваютъ: ужли, говорятъ, Ричарда Ѳомичъ, и на страшной у васъ говядину ѣдятъ? Съ великимъ, говоритъ, удовольствіемъ. Вѣдь они въ пѣтуха вѣруютъ.

— Въ пѣтуха?!—съ удивленіемъ воскликнула кухарка.

— Въ пѣтуха, вѣрно тебѣ говорю,—окончилъ дворникъ.

Въ чистый понедѣльникъ жирный блинный запахъ смѣнился чѣмъ-то кисло-удушливымъ, отвратительно дѣйствующимъ на обоняніе. Рѣзкій переходъ къ постной пищѣ сильно подѣйствовалъ на бабушку. Она захворала. Прибѣгли къ домашнимъ средствамъ—не подѣйствовало. Послали за Ефимомъ Филипповымъ,—тотъ сразу чигнулъ старуху заграничнымъ инструментомъ и выпустилъ ей фунтъ крови. Болѣзнь обострилась. Рѣшили пригласить доктора. И вотъ вечеромъ къ воротамъ дома подъѣхала въ парныхъ саняхъ необыкновенно толстая фигура, въ медвѣжьей шубѣ, въ четырехугольномъ картузѣ уланскаго покроя, съ кисточкой. Это былъ штабъ-лѣкарь Иванъ Алексѣевичъ Воскресенскій. Вѣра въ него въ захолустьѣ была необычайная по двумъ причинамъ: во-первыхъ, онъ имѣлъ право носить шпагу, а во-вторыхъ, онъ одному умершему купцу всыпалъ въ ротъ порошокъ, тотъ всталъ, подписалъ духовную и опять умеръ.

— Ну, что тутъ у васъ дѣлается?—началъ онъ, входя въ переднюю.

http://rcin.org.pl

Хозяинъ бросился помогать ему снимать шубу.

— Ни, ни, ни!—остановилъ его докторъ:—всегда самъ—и надѣваю, и снимаю всегда самъ. Самъ себѣ господинъ, самъ себѣ и слуга. Старушка у васъ захворала. Вылѣчимъ. Тѣлеснаго вы врача пригласили, значитъ за душевнымъ посылать еще рано. Посмотримъ,—окончилъ онъ, вынимая изъ уха вату.

— Кровь мы ей отворили, чтобы дрянь-то очистить,—робко сказалъ хозяинъ.

— Хорошо. Крови жалѣть не надо, матеріалъ недорогой. Максимъ Мудровъ говоритъ—крови не жалѣй.

Доктора ввели въ комнату, гдѣ лежала бабушка.

— Вотъ она гдѣ, Божья-то старушка. — началъ онъ ласково.

— Кровь, батюшка, отворяли,—едва внятнымъ голосомъ произнесла старушка.

— Что-жъ тебѣ, матушка, жалко ея, что ли...

— Да вотъ пособороваться хочу.

— Рано. Я скажу, когда нужно. Вотъ мы узнаемъ, въ чемъ дѣло, и выпишемъ изъ латинской кухни порошковъ цѣлительныхъ.

Узнавши въ чемъ дѣло, докторъ вышелъ изъ комнаты. Въ залѣ его ожидала толпа паціентовъ. Благо пріѣхалъ, за одно ужъ всѣхъ лѣчить-то. Первой подошла Дарья Гавриловна.

— У меня,—начала она:—господинъ докторъ, по ночамъ подъ сердце подкатываетъ. Словно бы этакое забвеніе чувствъ и вдругъ этакъ... даже сама не понимаю... Вдругъ этакъ, знаете... даже удивительно! И такъ, знаете, вздрогнешь...

Докторъ, многодумно и терпѣливо выслушавъ, назначилъ лавровишневыя капли.

Подвели дѣдушку. Онъ потрепалъ доктора по плечу лѣвой рукой и промычалъ что-то непонятное.

— Какъ тебя, Савелій Захарычъ, ярманки-то уходили,—отнесся къ нему ласково докторъ.

Дѣдушка хотѣлъ улыбнуться, но не вышло.

— Онъ, батюшка, Иванъ Алексѣевичъ, все слышитъ, все понимаетъ, только Господь у него слова всѣ отнялъ,—вмѣшалась хозяйка:—и отчего это съ нимъ?

— Пилъ, матушка, много... ну, да и...

— Насчетъ нашей сестры большой былъ проказникъ,—ввернула Анна Герасимовна.

http://rcin.org.pl

— Бывало говоритъ мнѣ: ежели, Антоша, разлить теперь по бутылкамъ все, что я на своемъ вѣку выпилъ,— погребокъ открыть можно и торговать три года.

Дѣдушка покачалъ головой въ знакъ согласія.

Приказано въ ѣдѣ не отказывать.

— Самому здоровенному плотнику не съѣсть столько, сколько нашъ дѣдушка обработаетъ,—отозвалась кухарка, предъявляя обрѣзанный до кости палецъ.

Прописана примочка.

Силой притащили Семушку, у котораго голова была развита непропорціонально туловищу. Докторъ побарабанилъ по ней пальцами, оттуда раздались звуки, какъ изъ спѣлаго арбуза. Семушка заплакалъ.

Лѣченья никакого не назначено.

Хозяинъ спросилъ, на чемъ полезнѣе водку настаивать: на цапъ-цапарели или на милофоли?

И то и другое одобрено.

Прописавши рецепты и давши просто совѣты, докторъ вышелъ и сѣлъ въ сани. Въ воротахъ остановилъ его дворникъ: у него чесалось сердце и на лѣвомъ плечѣ вскочилъ веред. Приказано выпариться въ банѣ, а на веред положить сапожнаго вару.

Черезъ недѣлю весь домъ былъ здоровъ.

Ни внутренней, ни внѣшней политикой захолустье не занималось и подъ словомъ «политика» разумѣло учтивое обращеніе. «Политичный человѣкъ, политиканъ, сейчасъ видно, что политикъ». Жили всѣ изо-дня-въ-день, день да ночь—сутки прочь, и не чаяли, что на Москву бѣда идетъ.

Дни, послѣ сильныхъ дождей, стояли жаркіе. Изъ Яузы, Самотеки и другихъ московскихъ источниковъ смердѣло. По переулкамъ захолустья ходить было невозможно—грязь невылазная. Душно. Воскресный день. Еще до благовѣста церковнаго на Серединкѣ, у трактира «Сѣверный Океанъ» стояли лоскутниковскіе пѣвчіе—сборная братія. Одинъ басъ безграмотный ходитъ съ хоромъ для октавы. Тенора одѣты франтами, альты и дискантъ гладко выстрижены. Басы *поправлялись* въ трактирѣ.

— Безъ приготовки не выдержишь,—говоритъ одинъ басъ, закусывая мятнымъ пряникомъ.

— Поворкуемъ, ничего,—ободрялъ его другой.—Я вчера у Спаса въ Наливкахъ апостолъ читалъ за ранней, да вечеромъ на свадьбѣ, и ничего.

Ударили въ колоколъ. Улица начинаетъ оживляться.

http://rcin.org.pl

Разряженные обыватели идутъ къ обѣдни. Вотъ богатѣйшій купецъ Рожновъ идетъ съ своей семьей: три дочери и два сына. Отъ дочерей пахнетъ гвоздичной помадой. Сыновья глупые, бѣлокурые. Пробовали ихъ отдавать «въ ученье», но оказалось невозможнымъ. Старшій сталъ пугать мать членовредительствомъ, а у младшаго оказались припадки родимчика. По объясненію бабушки, это произошло отъ того, что его въ младенчествѣ опоили макомъ. Плетется весьма почтенный, съ добрыми черными глазами, одѣтый въ рубище проторговавшійся купецъ Дягилевъ, нѣсколько лѣтъ томившійся въ «ямѣ». Онъ почтительно поклонился купцу Рожнову, тотъ отвернулся отъ его поклона: «за низкость себѣ поставилъ кланяться горькому человѣку, вниманія не стоющему».

Старикъ проводилъ его своими добрыми глазами и съ горькой улыбкой, покачавъ головой, промолвилъ:—Не воздымайся! Самъ, можетъ, хуже будешь.

Озорникъ фабричный, въ новомъ картузѣ, поддакнулъ своему хозяину: проходя мимо бѣднаго человѣка, онъ отвѣсилъ ему низкій поклонъ, промолвивъ:

— Милліонщику!

— Ахъ ты, пустой человѣкъ! Такихъ, какъ ты-то, я, можетъ, три тысячи кормилъ.

— Первостатейному!—окончилъ фабричный, завернувъ за уголъ.

Распахнулись ворота; жирный жеребецъ вывезъ жирную купчиху Романиху. Первый человѣкъ она въ захолустьѣ по капиталу, и по общественному положенію:—кума частнаго пристава.

Изъ цырюльни Ефима Филиппова несетъ паленымъ: приказчики завиваются.

— Продай, Петровичъ, соловья,—обращается къ Дягилеву чиновникъ.

— Никакъ невозможно-съ!

— Я бы деньги хорошія далъ.

— Нельзя-съ этого. Это такой соловей, что, кажется, умереть мнѣ легче, чѣмъ его лишиться. Вчера онъ, батюшка, какъ пошелъ это вечеромъ орудовать, думаю—не въ царствѣ ли я небесномъ? Вотъ какой соловей! А перепеловъ не видали?

— Нѣтъ.

— Тоже, я вамъ доложу, перепела! Вчера одинъ какой-то—продай перепела. Тутъ, говорю, два: вотъ перепелъ и

http://rcin.org.pl

вотъ перепелъ. Вотъ этого, говоритъ. Этому, говорю, цѣны нѣтъ. Почему? Потому говорю, у этого раскатъ и у этого раскатъ.

Старикъ воодушевился и началъ подражать перепелу.

— Вотъ вы, говорю, и знайте, какой это есть перепелъ. Птицу, батюшка,—ее любить надо, надо понимать ее. Скворецъ у меня говорилъ все одно какъ человѣкъ и любилъ меня какъ отца родного... Будилъ меня утромъ. Бывало, сядетъ на подушку: вставай, Петровичъ, вставай, Петровичъ!

Старикъ все болѣе и болѣе воодушевлялся, черные глаза его разгорѣлись.

— Дочь у меня въ родахъ мучилась, письмо написала: тятенька, помоги. Всю ночь я, батюшка, Василій Егорычъ, проплакалъ. Утромъ всталъ, взялъ его, голубчика, закрылъ клѣтку платкомъ, да и понесъ въ Охотный рядъ. Несу, а у самого слезы такъ въ три ручья и текутъ, а онъ оттуда, изъ клѣтка-то: куда ты меня несешь? куда ты меня несешь? да таково жалобно...

Старикъ былъ убѣжденъ, что все это какъ было.

— Сѣлъ я на тумбочку, да и реву, какъ малый ребенокъ. Идетъ какой-то баринъ. О чемъ ты, старичекъ, плачешь? Купите, говорю, сударь, скворца. Всю жизнь бы съ нимъ не разстался, да бѣда пришла. Что говоритъ, стоитъ? Что дадите, говорю:—дочь помираетъ. Далъ двѣ синенькихъ, неси, говоритъ, его съ Богомъ домой. Вотъ, батюшка...

Раздался трезвонъ. Собесѣдники скорыми шагами направились къ церкви.

Обѣдня кончена. Всѣ тѣмъ же порядкомъ возвращаются домой. Улица опустѣла. Обѣдъ и сонъ. Но какой сонъ! Сонъ съ храпомъ, со свистомъ, со скрежетомъ зубовнымъ. Все спитъ! Спятъ хозяева, спятъ дѣти, спятъ коты, спятъ куры. На улицѣ жарко, тихо и мертво, ни малѣйшаго признака жизни, даже птицы попрятались, даже въ саду вѣтви деревъ не колышатся. Бѣда идетъ.

II.

Послѣ вечерень, по Большой Мѣщанской улицѣ, по направленію къ Сухаревой башнѣ, бѣжалъ, едва переводя духъ, парень, безсмысленно ища чего-то глазами.

— Гдѣ тутъ, сударь, аптека?—торопливо спросилъ онъ, наткнувшись на какого-то прохожаго.

— А ты осторожнѣй! Выпучилъ бѣльма, да и летишь сломя голову.

http://rcin.org.pl

— Намъ аптеку требовается, хозяинъ у насъ нездоровъ,— отвѣчалъ парень, устремляясь впередъ.

— Служба, гдѣ тутъ аптека?—обратился онъ стоящему на часахъ будочнику.

Будочникъ зѣвнулъ во весь ротъ такъ сильно, что лѣвая рука его непроизвольно приподняла алебарду на аршинъ отъ земли, а стоявшая рядомъ извозчичья лошадь вздрогнула.

— Проходи, проходи,—промычалъ онъ.

— Давай пятачекъ, найдемъ,—предложилъ извозчикъ.

Парень, махнувъ рукой, помчался дальше.

— Пожалуйте кровоочистительныхъ капель на 20 коп.,— сказалъ онъ, переступивъ порогъ аптеки.

Аптекарь флегматически, не спѣша, взялъ стклянку, долго теръ ее полотенцемъ, налилъ туда какой-то жидкости, заткнулъ ее пробочкой, завернулъ бумажкой, запечаталъ сургучикомъ и отпустилъ.

Парень побѣжалъ обратно. У воротъ дома купца Рожнова онъ встрѣтился съ Ефимомъ Филипповымъ.

— Шабашъ, братъ, не поспѣлъ.

— А что?

— Хозяинъ твой порѣшился.

Парень остолбенѣлъ. Дворникъ стоялъ блѣдный, какъ смерть. Подошелъ священникъ съ дьякономъ и дьячками. Всѣ приняли благословеніе.

— Что плохо лѣчилъ, Филиппычъ,—началъ священникъ, обращаясь къ Ефиму Филиппову.

— Что дѣлать, батюшка,—отвѣчалъ цырюльникъ:—въ четырехъ мѣстахъ кидалъ, инструментъ не дѣйствуетъ. Въ одномъ мѣстѣ, кажется, жилу пополамъ разсѣкъ. Это ужъ не отъ насъ.

— Да, не отъ насъ. Всѣмъ намъ одинъ путь,—окончилъ священникъ, входя въ калитку.

Утро. Не поведу читателя туда, гдѣ теперь раздается надгробное рыданіе, гдѣ слышится раздирающій душу стонъ, гдѣ изъ глубины растроеннаго сердца льются горячія слезы; будемъ стоять у воротъ дома и смотрѣть, что происходитъ на улицѣ.

Вотъ въ калитку юркнули два худенькихъ человѣчка въ сибирочкахъ, а за ними еще двое... еще... Это гробовщики. Вышли всѣ назадъ, столпились въ кучу, постояли, поговорили, опять ушли въ калитку... опять вышли. Трое отдѣлились, взяли отступного и ушли.

http://rcin.org.pl

въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ на тумбахъ расположились какія-то неопредѣленныя личности. Одинъ во фризовой шинели, другой въ длинномъ истрепанномъ халатѣ, третій въ истасканномъ до-нельзя вицъ-мундирѣ, четвертый... Это нищіе.

Фризовая шинель обращается къ дворнику:

— А что, почтенный, подавать нынче будутъ?

— Что вы за народъ такой... — отвѣчалъ сердито дворникъ: — только-что панафиду начали, а ужъ вамъ подавать.

— Самое бы теперь настоящее время подавать.

— Есть которые благочестивые, — поддакнула нищая женщина:—сейчасъ подаютъ.

— Можетъ и завтра-то подавать не будутъ. Вы не мѣшайтесь тутъ, отходите... Не до васъ теперь.

— Слушай команду — проходи,—скомандовалъ вицъ-мундиръ.

— Ты бы самъ-то проходилъ,— замѣтила фризовая шинель:—стыдился бы! Пуговицы свѣтлыя имѣешь, а побираешься. Мы ночевать здѣсь будемъ, а не уйдемъ.

Около пяти часовъ вечера вся улица запружена была нищей братіей.

— Эко рвани-то, рвани-то что понаперло, пушкой не прошибешь,—замѣчаетъ дворникъ.

— Кормимся, почтенный, кормимся,—отвѣчаетъ фризовая шинель:—ты думаешь, лестно ходить по Москвѣ-то...

— Безъ нихъ бы и кабаки не стояли, — ввернулъ сидѣвшій на козлахъ кучеръ.

— Тебѣ, жирному чорту, хорошо тамъ сидѣть-то!..

— Мнѣ чудесно! Лучше требовать нельзя.

— Ну, такъ и сиди, тебя не трогаютъ.

— Еще бы ты тронулъ! Я те такъ трону... Тпру! Балуй!—отнесся онъ къ безпокоившейся лошади.

Вицъ-мундиръ былъ уже пьянъ и ссорился съ своею братіею. Онъ разсказывалъ, какъ фризовая шинель по гостиному двору на мертвое тѣло сбиралъ и для этого носилъ съ собой деревянный ящикъ, въ которомъ лежала селедка. Селедка и изображала мертвое тѣло.

— А помнишь, какъ ты въ Ножовой линіи у разносчика блинъ стащилъ...

— Помню! А ты помнишь ли, какъ тебя на цѣпи, какъ собаку, по всей Москвѣ провели.

— А ты вотъ что помнишь ли, какъ тебя за фальши-

http://rcin.org.pl

вую присягу въ острогѣ гноили: животворящій ты крестъ цѣловалъ...

— Полноте вамъ,—замѣтилъ благочестивый старичекъ-нищій:—Божьимъ именемъ пришли просить... Стыда-то въ васъ нѣтъ.

Отъ сильнаго напора нищихъ потребовалась вооруженная сила, которая и не замедлила явиться въ лицѣ двухъ будочниковъ. Сначала они увѣщевали разойтись, потомъ пригрозили холоднымъ оружіемъ—тесаками или, по московскому выраженію, селедками — не подѣйствовало; тогда воины врѣзались въ толпу и начали крушить направо и налѣво, и, не кончивши кампаніи, отошли.

— Хошь бей, хошь нѣтъ — ничего съ нами не сдѣлаешь. Такіе купцы не каждый день помираютъ,—замѣтилъ одинъ изъ нищихъ: — теперь не токмо вы—самъ частный ничего не сдѣлаетъ. Вишь народъ какъ разъярился—онъ всѣ три дня здѣсь стоять будетъ...

Но вотъ открылось окно, высунулась оттуда въ черномъ платкѣ голова старухи.

— Подходите которые,—обратилась она къ толпѣ.

Нищіе хлынули къ окну. Давка, визгъ, крики.

— Поминайте въ вашихъ молитвахъ раба Василія,— сказала она, залившись слезами.

— Дарья Карпѣвна, вамъ несподобно, позвольте, я буду, — предупредилъ ее молодой приказчикъ:—подходите помаленьку, не всѣ чтобы вдругъ, всѣмъ будетъ. За упокой души Василія,—проговорилъ онъ, опуская въ руку нищаго мѣдный пятакъ.

Долго шла раздача, толпа мало-по-малу рѣдѣла.

— Ты сколько разъ подходилъ?

— Раза четыре. Въ послѣдній разъ не далъ, примѣтилъ.

Сосѣдній кабакъ торговалъ на славу. Цѣловальникъ съ чувствомъ принималъ нищихъ-гостей.

— Божьи люди, мои голубчики! Кушайте на доброе здоровье. Съ утра стояли, устали чай, да и бока-то вамъ понамяли, — приговаривалъ онъ, отмѣривая крючкомъ пѣнникъ.

Виць-мундиръ бесѣдовалъ съ какими-то кабацкими завсегдателями.

— Неужели тебѣ не стыдно побираться?

— Стыдно! Очень стыдно! Мнѣ вотъ какъ стыдно: разрѣжь ты мою грудь да и посмотри, что у меня тамъ теперь. Горе!

http://rcin.org.pl

— Вѣдь тебя изъ консисторіи-то выгнали.

— Выгнали! По третьему пункту! А ты знаешь, что это значитъ? Это значитъ: вотъ я теперь съ тобой говорю, а меня нѣтъ на свѣтѣ.

— Гдѣ-жъ ты?

— Меня нѣтъ! Нѣтъ меня! Вотъ что значитъ третій пунктъ.

— За что же это тебя?

— За добрыя дѣла! Каюсь!

— Такъ и быть, поднесемъ стаканчикъ, сказывай. Дай секлетарю стаканчикъ.

— Коллежскій секретарь!

— Богъ тебя знаетъ, какой ты тамъ есть, знаемъ, что секлетарь прокутимшій.

Мальчикъ поднесъ стаканъ водки и два сухарика. Вицъ-мундиръ, взявъ стаканъ, сталъ въ позу и началъ:

— Благоденственное и мирное житіе...

— Пей такъ, не безобразничай.

Выпивъ водки, онъ схватился за голову и забормоталъ:

— Стыдно, стыдно, стыдно! не осудите меня! Столоначальникъ говоритъ: приходи, Куняевъ, по бѣдности твоей, въ судъ подшивать журналы. Могу я это?

— Дѣло не хитрое!

— А я что—портной? Портной я?

Я не портной журналы шить,
Не изъ такихъ я негодяевъ!
Никакъ портнымъ не можетъ быть
Коллежскій секретарь Куняевъ...

пропѣлъ вицъ-мундиръ торжественно.

— Такъ разсказывай, за что тебя выгнали-то?

— А вотъ видишь ты: нужно было купцу Кочеврягину... знаешь Ивана Семенова?

— Слыхали.

— Нужно ему было родственниковъ ограбить.

— Дѣло хорошее!

— Ну, на что ужъ лучше! Вотъ вы и слушайте. А по ходу-то дѣла, надо было изъ консисторіи метрику украсть. Лишеніе всѣхъ правъ, конная, Сибирь!.. Вотъ онъ къ Бабушкину:—тысячу рублей. Къ Захарычу:—двѣ тысячи. Къ тому, къ другому — всѣ на одномъ стоятъ. Ко мнѣ. Перекрестился я, да и думаю: 'возьмусь за это дѣло. Сойдетъ съ рукъ — въ монастырь уйду; не сойдетъ—туда мнѣ, собакѣ, и дорога. Извольте, говорю, за триста рублей обору-

http://rcin.org.pl

дую. Ну, говоритъ, орудуй, отъ меня забытъ не будешь. И сталъ я орудовать. Первое дѣло—архиваріусъ. Онъ въ консисторію, и я за нимъ; онъ изъ консисторіи, и я за нимъ, какъ свѣчка я передъ нимъ теплился. Полюбился я ему за это, позвалъ меня къ себѣ,—на Якиманкѣ онъ жилъ. И сдѣлался я у него первымъ человѣкомъ. Дѣтей его сталъ грамотѣ учить, а старшенькаго на скрипкѣ.

— А ты и на скрипкѣ играешь?

— Я?! Я первый скрипачъ по Москвѣ былъ. Только вотъ теперь въ рукахъ трясеніе, смычка держать не могу. Вотъ разъ онъ мнѣ и говоритъ: тебя, Куняевъ, я выпросилъ у секретаря къ себѣ въ архивъ на подмогу. Какъ вошелъ я туда въ первый-то разъ, такъ у меня сердце-то словно каленымъ желѣзомъ... Думаю, вѣдь я разбойникъ!.. Прошелся по алфавиту—есть! Что-жъ вы думаете, други сердечные, я сдѣлалъ? Укралъ? Зачѣмъ воровать — за воровство бьютъ. А я вотъ передъ вами, какъ передъ Богомъ...

— Выпей еще стаканчикъ. Поднеси.

— Выпью! Ничтожный я человѣкъ, оплеванный... Одно мнѣ осталось...

Давайте веселиться,
Давайте пить вино!
Не грѣхъ вина напиться—
Оно на то дано.

— Тебѣ бы театры разыгрывать!..

Взявъ стаканъ, онъ съ чувствомъ произнесъ:

— Посторонись, душа, оболью!

— Такъ что-жъ ты сдѣлалъ-то?

— Не укралъ! Вотъ запекись моя гортань кровью, коли я укралъ. Я взялъ да въ эту папку, гдѣ значилась метрика, положилъ двѣ сальныхъ свѣчки. Какова штука! Умственная, а?

— Зачѣмъ же это ты?

— Постой! Ровно черезъ годъ изъ сиротскаго суда справка объ этой метрикѣ. Цапъ! а въ папкѣ-то дыра одна! Крысы за годъ-то все скушали. Налетѣли! Архиваріусъ-то какъ сидѣлъ, такъ и остался. Меня, раба Божьяго, въ Тверскую часть... въ острогъ, въ уголовную!.. Дѣло-то до правительствующаго сената восходило, а правительст...

Рѣчь разсказчика мгновенно прервалась, ротъ искривился, глаза помутились: точно пронизанный пулей, отшатнувшись въ сторону, онъ грохнулся на полъ. Собесѣдники

http://rcin.org.pl

вскочили и бросились вонъ. Цѣловальникъ загородилъ имъ дорогу.

— Нѣтъ, у насъ такъ не дѣлается. Вмѣстѣ пили, вмѣстѣ и отвѣчать будете.

— Мы ни въ чемъ не причинны...

— Нѣтъ, позвольте! У насъ такіе разы бывали. Еще вы то возьмите въ разсужденіе: его теперича потрошить будутъ: какъ же его можно потрошить безъ свидѣтелевъ? Нѣтъ, ужъ вы сдѣлайте милость! Вы думаете, мнѣ-то пріятность какая? Пріятности мнѣ никакой нѣтъ, а сущее раззореніе! Никитка, бѣги на улицу, кричи «караулъ». Водка, она тоже никого не помилуетъ,—окончилъ онъ, закрывая трупъ грязной рогожей.

Цѣлые три дня около дома купца Рожнова толпились нищіе и по захолустью стали ходить безпокойные слухи, что скоропостижная смерть купца Рожнова не есть первая, что точно такъ же окончили дни свои мѣщанинъ Заключевъ, шорникъ изъ Тупого переулка, лавочникъ, а въ Хамовникахъ народъ такъ и валитъ. Слухамъ этимъ не придавали особенной вѣры; мало ли что народъ болтаетъ.

Не успѣли нищіе очувствоваться послѣ помынокъ Рожнова, какъ вновь были приглашены къ себѣ купчихою Романихою, которая, несмотря на усилія извѣстнѣйшихъ въ то время врачей Лодера и Гааза, окончила жизнь въ нѣсколько часовъ. Слухи о чемъ-то неладномъ увеличивались. Рѣдкій день, чтобы по Серединкѣ не проводили отъ сорока до пятидесяти покойниковъ. Вдругъ дотолѣ неслыханное слово «холера» разнеслось по захолустью. Народъ оцѣпенѣлъ!

Гнѣвъ Божій!

Полиція приколачиваетъ на заборахъ печатныя объявленія о предосторожности. Ихъ никто не читаетъ.

Ефимъ Филипповъ обезсилѣлъ отъ практики, онъ ужъ отворяетъ кровь на улицѣ. Церковныя колокола не умолкаютъ. Погребальныя дроги и просто фуры тянутся къ Пятницкому кладбищу съ утра до ночи. Гнѣвъ Божій! Нѣтъ помощи, нѣтъ спасенія! Захолустье потеряло больше половины своихъ обывателей. Осталось одно утѣшеніе—молитва. И вотъ посреди улицы воздвигнули помостъ и пригласили духовенство сосѣднихъ церквей съ крестнымъ ходомъ. Лишь только пѣвчіе возгласили «Царю Небесный», народъ, измученный страхомъ и ожиданіемъ смерти, палъ на колѣни и зарыдалъ, какъ одинъ человѣкъ. Священно-

http://rcin.org.pl

служители не выдержали своего высокаго положенія—тоже зарыдали. Протодіаконъ Успенскаго собора читалъ апостолъ и лишь дошелъ до словъ «да смертію упразднитъ имущаго державу смерти», съ ближайшей колокольни раздался троекратно ударъ колокола—вѣсть о смерти настоятеля — голосъ его прервался и онъ едва могъ кончить чтеніе. Во время молебствія, по захолустью проскакалъ взводъ казаковъ, съ полиціймейстеромъ во главѣ.

— Бунтъ!—разнеслось по захолустью.

— Мастеровщина взбунтовалась, — закричалъ лавочникъ.

Въ трактиръ Адріанополь собралась мастеровая чернь—шорники, сапожники, позументщики и т. п. Кто-то изъ компаніи сказалъ, что народъ морятъ. Пошелъ на эту тему разговоръ. Пьяный портняга сказалъ, что всему дѣлу причина Ефимъ Филипповъ, что онъ все кровь отворяетъ, что предлагалъ и ему, да онъ не согласился.

— Развѣ возможно христіанскую кровь выпущать!

— Мы ему докажемъ!

— Ежели онъ, значитъ, кровь отворялъ и, значитъ... по какому праву? — подхватилъ тщедушный, чахоточный сапожникъ: — надо, значитъ, къ нему и сейчасъ, значитъ...

— Своимъ судомъ!

— Покажи струментъ! По какому праву?

Трактирщикъ началъ было успокоивать, но избитый бросился въ кварталъ и донесъ о случившемся. Мастеровщина бросилась въ кабакъ, въ которомъ кончилъ дни свои коллежскій секретарь Куняевъ. Цѣловальникъ ничего не возражалъ.

— Лопайте, черти! Все равно вамъ издыхать-то,—сказалъ онъ и вышелъ на улицу.

Обезумѣвъ отъ пѣнника, пьяная голь ринулась къ цирюльнѣ Ефима Филиппова. У цирюльни было тихо и не пахло, какъ бывало, паленымъ. Стеклянная дверь разлетѣлась въ дребезги и пьянымъ глазамъ представилось тяжелое зрѣлище. Ефимъ Филипповъ лежалъ на столѣ бездыханный и Петровичъ нараспѣвъ произносилъ стихъ изъ псалтиря: «яко духъ пройдетъ въ немъ и не будетъ, и не познаетъ къ тому мѣста своего». Толпа отхлынула и была окружена казаками.

— Ахъ, какъ это народъ-отъ мретъ! Господи, ты Боже нашъ! Царица ты наша небесная! — говорилъ живши въ

http://rcin.org.pl

захолустьѣ на большой улицѣ кривой купецъ, мимо дома котораго провозили жертву смерти.

— И что это теперича будетъ? Вся Москва, почитай, вымерла. Испытуетъ насъ Господь или наказываетъ — Его святая воля. Въ городѣ-то пусто; мимо Минина вчера проѣхалъ—хоть бы-те одинъ человѣкъ былъ... жутко; только заблудящій какой-то, Бога-то знать въ смъ нѣтъ, сталъ середь площади, да пѣсней такъ и заливается... Что, говорю, просторно тебѣ? Просторно, говоритъ, господинъ купецъ! Никто не препятствуетъ. Индо руками я всплеснулъ!.. Этакое Божеское наказаніе, а онъ...

— Что значитъ непутевый-то человѣкъ!—замѣтила старуха жена...

— Диву я дался! Молодой парень—дворовый, али такъ какой... На смиреніе-то, говорю, взять тебя некому. Живыхъ, говоритъ, теперича не трогаютъ, мертвыхъ подбирать впору.

Старики въ глубокомъ молчаніи смотрѣли въ окно.

— Сиротъ-то, сиротъ-то теперича... Господи! — сказала старуха.

— Сироты теперича много!—отвѣчалъ старикъ:—столько теперича этой сироты... и куда пойдетъ она, кто ее вспоитъ-вскормитъ, одѣнетъ-обуетъ... Давеча я посмотрѣлъ... ребенокъ одинъ:—сколь мать свою любитъ, такъ подъ гробъ и бросается... Удивительно мнѣ это это! Махонькой, отъ земли не видать, а сколь у него сердце это къ родительницѣ. Индо слеза меня прошибла! Ѣду, а у самого такъ слеза и бьетъ, ужъ очень чувствительно мнѣ это... Махонькой, а любовь свою... подобно какъ...

Старуха прослезилась.

— Сама была сирота, безъ отца, безъ матери, безъ роду, безъ племени...

— И должна, значитъ, чувствовать сиротское дѣло. Самъ куска не ѣшь — сиротѣ отдай, потому сирота, она ни въ чемъ неповинная... Долженъ ты ее... Вотъ ты теперича плачешь, значитъ—это Богъ тебѣ далъ, чтобы народъ жалѣть. А ежели мы такъ разсудимъ: двое насъ съ тобою; домъ у насъ большой, барскій, заблудиться въ немъ можно: ежели въ этотъ самый домъ наберемъ мы съ тобою ребятокъ оставшихъ, сироту эту неимущую, пожалуй, и Богу угодимъ. Своихъ-то нѣтъ—чужихъ беречи будемъ. И будетъ эта сирота въ саду гулять, да Богу за насъ молиться. Такъ, что ли?

http://rcin.org.pl

Старуха перекрестилась.

— Дай тебѣ Богъ!

Старикъ исполнилъ свое предположеніе. По окончаніи холеры онъ пожертвовалъ свой домъ подъ училище и внесъ большой капиталъ на его содержаніе. Святитель Филаретъ благословилъ иконою добраго старца, а протодіаконъ провозгласилъ: потомственному почетному гражданину, фридрихсгамскому первостатейному купцу Ѳеодору Ѳеодоровичу Набилкову многая лѣта.

http://rcin.org.pl

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

ТИПЪ.

Холодно... или нѣтъ—лучше: вѣтрено... Впрочемъ, можно и такъ: съ моря дулъ сильный вѣтеръ... Предоставляю это, многоуважаемый мною читатель, твоему благосклонному выбору: съ какой тебѣ фразы угодно будетъ начать чтеніе моего разсказа, если ты осчастливишь его своимъ вниманіемъ, съ той и начинай. Если ты сидѣлъ на школьной скамьѣ въ дореформенное время россійской словесности, учился по реторикѣ Кошанскаго и хрестоматіи Пенинскаго, то тебѣ, разумѣется, начало или «приступъ» моего разсказа не понравится. Въ наше время—помнишь!—обыкновенно начинали съ подробнаго описанія природы: «посмотрите, солнце, какъ огневидный лебедь, выплываетъ на кристальный горизонтъ изъ-за синяго лѣса и освѣщаетъ нивы и луга, дотолѣ скрытые подъ пеленою сѣдого тумана». Эти времена прошли безвозвратно. Теперь выработались новые пріемы для описанія природы. Теперь природу описываютъ однимъ штрихомъ. Напримѣръ: «Грязно. Она сидѣла на маленькой кушеткѣ и «выглядѣла» утомленной и т. д.». Или: «На дворѣ снѣгъ. Поднявши воротникъ боброваго пальто, онъ опрометью бѣжалъ по Невскому проспекту и т. д.». Или, если разсказъ изъ народнаго быта: «Деревня. Мужики сидятъ около кабака и т. д.». Ты ужъ самъ, безъ сомнѣнія, можешь вообразить, какъ бываетъ грязно, какъ идетъ снѣгъ, а ужъ про деревню-то и говорить нечего: всѣ деревни, какъ двѣ капли, одна на другую похожи. Если ты хочешь послушаться моего совѣта, то начинай читать мой разсказъ съ третьей фразы, а я сдѣлаю небольшое

http://rcin.org.pl

отступленіе отъ существующихъ пріемовъ и распространюсь нѣсколько въ описаніи природы.

Съ моря дулъ сильный вѣтеръ. Нева вздувалась отъ напора воды, наводняя рѣчки и каналы. Съ бастіона Петропавловской крѣпости раздавались выстрѣлы, извѣщавшіе обитателей Гавани о наступленіи стихійнаго врага. По одной изъ линій Васильевскаго острова, по направленію къ Смоленскому кладбищу, слѣдовали, запряженныя парою исхудалыхъ клячъ, погребальныя дроги; на дрогахъ стоялъ желтый гробъ, покрытый невообразимо грязной тряпицей, носящей, для важности, названіе «покрова». Впереди гроба шелъ съ непокрытой головой отставной служивый въ военномъ сюртукѣ стараго унтеръ-офицерскаго покроя, держа въ рукахъ маленькій образокъ. Мимоходящіе не обращали никакого вниманія на процессію, лавочники не выскакивали изъ своихъ лавокъ съ вопросомъ: кого хоронятъ? У кладбищенскихъ воротъ даже нищіе не привѣтствовали прахъ покойнаго крестнымъ знаменіемъ; одинъ только солдатъ, на деревянной ногѣ, перекрестился и то только потому, что впереди съ образомъ шелъ «ундеръ», свой братъ. Предавши прахъ землѣ въ самомъ отдаленномъ разрядѣ кладбища, ундеръ зашелъ въ попутный трактиръ, выпилъ стаканчикъ водки, посидѣвши—выпилъ другой и предался размышленію.

— Куда же мнѣ себя теперича опредѣлить? Въ швейцары ежели... мѣста есть хорошія—знакомства нѣтъ... безъ знакомства въ швейцары не попадешь...

Бралъ онъ въ расчетъ свою безусловную честность, четыре медали, способность не спать двадцать четыре часа въ сутки и т. д.

— Авось, Господь Богъ милостивъ,—окончилъ онъ свою думу:—пойду къ брату на Пороховые, а тамъ видно будетъ.

Кого же схоронилъ отставной служивый?—Петра Петровича. Кто это Петръ Петровичъ? Да вы, вѣроятно, его видали, да только не обращали вниманія. Онъ былъ невысокаго роста, курносый, гладко выбритый, тщательно причесанный, ходилъ постоянно во фракѣ, изъ-подъ нависшихъ бровей у него сверкали сѣрые кошачьи глаза съ зеленымъ ободкомъ вокругъ зрачковъ. По солидности фигуры его можно было принимать по крайней мѣрѣ за статскаго совѣтника, но онъ не былъ таковымъ, потому что

http://rcin.org.pl

когда его разъ спросили, не въ этомъ ли чинѣ онъ состоитъ, онъ обидѣлся, принявъ это за насмѣшку.

— Такъ что же, не коллежскій же вы регистраторъ, — говорятъ ему.

— Тамъ чиновъ,—отвѣчалъ онъ, указавши пальцемъ на небо:—не спрашиваютъ. Россійскихъ орденовъ онъ неимѣлъ, а имѣлъ персидскую звѣзду «Льва и Солнца» и носилъ ее по установленію, т. е. не открыто, у самаго сердца, а подъ бортомъ фрака, выпуская наружу только частицу лучей, и надѣвалъ ее лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда желалъ имѣть, какъ онъ выражался, входъ за кавалергардовъ, т. е., когда желалъ проникнуть на какое-нибудь торжественное богослуженіе или собраніе, на военный парадъ и т. п.

Жилъ Петръ Петровичъ въ Казанской улицѣ, во дворѣ одного четырехъэтажнаго дома. Квартира его состояла изъ двухъ комнатъ и небольшой передней. Кухни у Петра Петровича не имѣлось, потому что онъ дома никогда не обѣдалъ и слугѣ своему, отставному фейерверкеру Соколову, выдавалъ каждодневно на харчи по 20 коп. Единственно кто бывалъ у него, это — писарь изъ военнаго министерства, переписывавшій ему какія-то бумаги, да разъ, а иногда два въ мѣсяцъ посѣщали его какія-то родственницы, про которыхъ Соколовъ говорилъ: «Знаемъ мы этихъ родственницъ-то!» Петръ Петровичъ наканунѣ предувѣдомлялъ его объ ихъ посѣщеніи.

— Что, Соколовъ, — начиналъ онъ: — у тебя, кажется, братъ на Пороховыхъ живетъ?

— Точно такъ, ваше скородіе.

— Такъ бы навѣстилъ его завтра. Вечеромъ ко мнѣ родственница придетъ... тебѣ дѣлать нечего.

— На Пороховые, ваше скородіе, далече, назадъ не обернешь, а я въ Тентелеву деревню къ кумѣ смахаю...

— Ну, махай!..

На другой день, въ семь часовъ вечера, Петръ Петровичъ приходилъ домой, приносилъ съ собою корзиночку сладкихъ пирожковъ отъ Доминика, полбутылки портвейну и, отпустивъ Соколова въ Тентелеву деревню, садился у окна поджидать родственницу.

Соколовъ, разумѣется, не ходилъ ни на Пороховые, ни въ Тентелеву деревню, а просиживалъ урочное время въ дворницкой или въ мелочной лавкѣ.

— Мнѣ такое счастье, — говорилъ онъ дворнику: — мнѣ все такіе господа попадаются. Нашъ батарейный коман-

http://rcin.org.pl

диръ тоже ухъ какой баловникъ былъ!.. Въ Польшѣ мы тогда стояли, такъ, бывало... Бѣдовый былъ! А польки эти жидкія всѣ—и сейчасъ ежели что—сейчасъ плакать...

Ни одно торжество, освященіе напримѣръ часовни, открытіе пріюта, бенефисъ танцовщицы, а тѣмъ болѣе торжество, на которомъ предполагался завтракъ или закуска, не обходились безъ Петра Петровича. Въ новый годъ или другіе высокоторжественные праздники, въ которые установлено напоминать въ швейцарскихъ и переднихъ о своемъ чинѣ и фамиліи, на испещренныхъ разными почерками листахъ, вездѣ можно было встрѣтить фамилію Петра Петровича. Въ эти дни между нимъ и швейцаромъ происходили недоразумѣнія. Петръ Петровичъ не имѣлъ обыкновенія привѣтствовать швейцаровъ рублемъ, находя это косвеннымъ налогомъ, а швейцары не сходились съ нимъ во взглядахъ и выражали ему полное свое неудовольствіе. Нѣкоторые даже не вставали при появленіи его въ швейцарской.

— Я даже не всталъ, когда онъ пришелъ, — сказалъ одинъ швейцаръ лакею:—пусть почувствуетъ.

Но Петръ Петровичъ, разумѣется, этого не почувствовалъ и до самой кончины своей не далъ ни одному швейцару ни одной копейки.

Торжественное собраніе Академіи Наукъ. Петръ Петровичъ тамъ... сидитъ и слушаетъ рѣчь ученаго мужа, изрѣдка поматывая головой въ знакъ того, что онъ съ его доводами согласенъ, хотя рѣчь шла «о подлинности краледворской рукописи», о существованіи которой онъ даже не слыхивалъ. Публика начинаетъ расходиться, Петръ Петровичъ становится у лѣстницы и творитъ большіе и малые поклоны выходящимъ сановникамъ. Лицо его дѣлается чувствительнѣе стекла, приготовленнаго для снятія фотографическаго портрета: изъ серьезнаго оно мгновенно превращается въ подло-ласкательное, потомъ принимаетъ выраженіе рабской покорности:—«прикажите, ваше превосходительство!» Если въ собраніи присутствовалъ духовный сановникъ, онъ подходилъ къ нему смиренно подъ благословеніе и, принимая оное, тихо шепталъ: молитвами святого владыки нашего, и т. д.

— А, Петръ Петровичъ,—обращается къ нему генералъ, сходя съ лѣстницы:—вѣдь интересно!

http://rcin.org.pl

— Необыкновенное, ваше превосходительство! Превосходное изложеніе!—поспѣшно отвѣчалъ Петръ Петровичъ, помогая генералу всунуть лѣвую руку въ рукавъ пальто.

— Спасибо!.. Крайне интересно...

— А вѣдь тоска, по правдѣ сказать, Петръ Петровичъ...— говоритъ съ апломбомъ бѣлокурый, полнолицый статскій совѣтникъ:—ну, что за интересъ въ любушиномъ судѣ...

— Ха, ха, ха!.. — иронически отвѣчаетъ Петръ Петровичъ:—странно все какъ-то!.. Вы говорите тоска, а вонъ его превосходительство Аверьянъ Александровичъ, только-что вотъ внизъ спустился, говоритъ—превосходно!..

— Да вы-то поняли что-нибудь?

— Да я про себя не говорю... мы—что!.. Мы... ужъ про насъ-то вы не говорите... Только я одно скажу: чѣмъ объ любушиномъ судѣ говорить—на свои-то бы обратили вниманіе. Тамъ, батюшка, теперь...

— Ахъ, Петръ Петровичъ, да вы либералъ!..

— Да что... либералъ... Вѣрно!

Въ одномъ домѣ, въ Ямской улицѣ, поминки по богатомъ купцѣ, около кармана котораго Петръ Петровичъ терся нѣсколько лѣтъ. Онъ ужъ тамъ! Съѣлъ три ложки кутьи, девять блиновъ, не отказывался и отъ прочихъ блюдъ, даже сцапалъ голову поросенка, нарочно выписаннаго изъ Москвы и предназначавшагося только для почетныхъ гостей, сидѣвшихъ, какъ говорится, въ переднемъ углу. Совершилъ онъ это столь мгновенно, что одинъ изъ почетныхъ гостей, разсчитывавшій на эту голову, не успѣлъ опомниться и мысленно произнесъ: «экая скотина!» а сосѣдъ Петра Петровича невольно наклонился, когда голова поросенка перелетѣла на вилкѣ черезъ его голову.

— Вотъ это вещь! Это я понимаю! — заговорилъ Петръ Петровичъ, проникая вилкой во внутренность черепа. — И только въ Москвѣ! Въ одной только Москвѣ! у Тѣстова! Необыкновенно!

Послѣ обѣда, онъ посидѣлъ съ полчаса, вытаращивъ глаза, потомъ повелъ бесѣду съ однимъ изъ родственниковъ покойнаго.

— Любилъ меня покойникъ, другъ мнѣ большой былъ,— началъ онъ:—а умеръ не примирившись со мной... и все изъ-за Станислава.

— Нѣтъ, онъ больше, надо вамъ, Петръ Петровичъ, доложить, изъ-за водянки. Докторъ ему говоритъ: — сократи

http://rcin.org.pl

себя, Маркелъ Мосеичъ, не пей! А онъ, бывало, почнетъ этотъ портфеинъ глушить — только держись! Ну, онъ тамъ въ воду все и обращался.

— Нѣтъ, я про себя-то говорю: хотѣлъ онъ все Станислава въ нетлицу получить...

— Да, это точно... желательно ему было. Бывало говоритъ, хоть въ зеркало на себя бы посмотрѣлъ...

— Ну, а Станиславы-то на улицѣ не валяются и даромъ ихъ не даютъ. Погоди, говорю, выхлопочу.

— Конфузно ему было. Другіе, прочіе которые, превозвышены, а онъ, по своему капиталу, въ забвеніи. Его мысли такія были, какъ бы въ генералы попасть. Разъ, пьяный—весь, говоритъ, свой капиталъ на пріюты-распишу, только бы, говоритъ, мнѣ до такой степени дойти, чтобы въ треугольной шляпѣ ходить. Кажется бы, говоритъ, и спать въ ней согласенъ.

— Жалко,—заключилъ Петръ Петровичъ, направляясь къ выходу:—немножко бы еще подождалъ, ходилъ бы съ Станиславомъ.

Пріемъ у сановника оконченъ. Удовлетворенные и неудовлетворенные просители разошлись. Петръ Петровичъ входитъ въ кабинетъ.

— Честь имѣю кланяться, ваше высокопревосходительство,—говоритъ онъ, почтительнѣйше кланяясь.

— А, здравствуй, Петръ Петровичъ, — отвѣчаетъ почтенный, убѣленный сѣдиной сановникъ.

— Какъ изволите себя чувствовать, в. в...

— Отлично!

— Дай Господи, в. в—ству... При тяжкихъ вашихъ трудахъ...

— Ты что подѣлываешь?

— Вчера, в. в., въ Невской лаврѣ хиротонія была: ректора семинаріи архимандрита Наѳанаила во епископа...

— А балетъ какой вчера былъ?—съ громкимъ смѣхомъ прерываетъ его сановникъ.

— Ваше в—ство, каюсь! Въ беззаконіяхъ зачатъ.

— Да въ балетѣ-то былъ?

— Ваше в—ство!

— Ну, былъ?

— Не смѣю лгать передъ такой особой—былъ!..

— Какъ же это, Петръ Петровичъ, соединить вмѣстѣ—хиротонія и балетъ!.. Ха, ха, ха...

http://rcin.org.pl

— Ваше в—ство, каюсь! Въ беззаконіяхъ зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди мя мати моя.

— Ты зайди къ Елизаветѣ Ивановнѣ, она вчера объ тебѣ спрашивала.

— Боюсь, в. в—ство.

— Чего?—съ живостью спросилъ сановникъ.

— Опять выгонитъ, в. в... Въ прошлый разъ выгнала и не приказала больше являться.

— Ну, я тамъ не знаю, за что вы поссорились, а только ты иди къ ней, а то и мнѣ за тебя достанется.

— Повинуюсь волѣ в. высокопревосходительства.

Елизавета Ивановна супруга сановника. Это была добрѣйшая, еще не старая женщина, немножко взбалмошная, разсѣянная, говорившая рѣзкимъ, повелительнымъ тономъ. Петръ Петровичъ былъ у нея свой человѣкъ. Она давала ему всякія порученія, ругала его за неаккуратное исполненіе, выгоняла вонъ, опять приказывала являться. Петръ Петровичъ безропотно переносилъ всѣ ея капризы.

— Что вы, старый чортъ, пропадаете,—встрѣтила его шутливымъ тономъ Елизавета Ивановна.—Когда васъ нужно, васъ никогда нѣтъ.

— Не смѣлъ явиться, в. в.,—съ низкимъ поклономъ отвѣчаетъ Петръ Петровичъ.

— Я вамъ хотѣла дать порученіе.

— Жду приказаній в. в—ства.

— Мнѣ очень много нужно... Поѣзжайте на дачу и все приготовьте. На будущей недѣлѣ я переѣду.

— Ваше в—ство, не рано ли? Вы и въ прошломъ году въ это время изволили насморкъ получить.

— Не ваше дѣло! Я такъ хочу! Поѣзжайте.

— Слушаю, в. в.

— Что вы дѣлаете?

— Одно мнѣ осталось—съ сокрушеннымъ и смиреннымъ сердцемъ ожидать смертнаго часа...

— Вздоръ! Вы еще здоровы. Вы еще взятки берете...

— В. в—ство!—воскликнулъ растерявшійся отъ неожиданной фразы Петръ Петровичъ.

— Я слышала! Вы, да еще одинъ чиновникъ съ купцовъ взятки берете. Гдѣ строятъ желѣзныя дороги, вы тамъ и берете. Вы не себѣ берете, а кому-то ихъ носите. Это я навѣрное слышала, да!.. Еще я слышала, что вы не хорошій человѣкъ, съ молодыми людьми на Морской кутите... Вотъ вамъ!.. Вы не хорошій!.. Я васъ защищала.

http://rcin.org.pl

Я говорила, что вы богомольный, все къ обѣднѣ ходите, митрополитовъ любите, просвирки ѣдите... Такъ поѣзжайте... сейчасъ. И пожалуйста, обои въ моей спальнѣ новыя... голубыя... Да купите мнѣ, пожалуйста, книжку—маленькая, семь коп. стоитъ. Я у княгини видѣла.

— Какая же это, в. в.?

— Святая, о странникахъ—маленькая. Я у княгини видѣла... семь копеекъ стоитъ.

— Я вамъ нѣсколько принесу, в. в., извольте сами выбрать.

— Пожалуйста, нѣсколько. Я сама выберу. Да съѣздите къ Сережѣ въ училище, скажите, что онъ скверно учится, я на него сердита.

— Ребенокъ, в. в...—хотѣлъ защитить Петръ Петровичъ.

— Не ваше дѣло! Ступайте.

Лакей доложилъ, что подалъ завтракъ.

— Пойдемте завтракать. Хоть вы не стоите, чтобъ васъ кормили, а все-таки пойдемте,—закончила Елизавета Ивановна, направляясь въ столовую.

— Ваше высокопревосходительство,—позвольте оставить на вашемъ столѣ вотъ эту бумажку,—униженно произнесъ Петръ Петровичъ, вынимая изъ кармана вчетверо сложенный листъ бумаги.—Осмѣлюсь, в. в... Лично я не имѣю права обратиться къ Александру Сергѣевичу... А ваше предстательство... Купецъ тутъ иногородній ходатайствуетъ...

Они вошли въ столовую. Какой былъ дальнѣйшій разговоръ между Елизаветой Ивановной и Петромъ Петровичемъ, автору неизвѣстно, но Елизавета Ивановна за купца «предстательствовала».

Въ одномъ изъ кабинетовъ трактира Малоярославецъ въ честь Петра Петровича идетъ пиръ. Приносится ему въ жертву огромная желтобрюхая двинская стерлядь. По седьмой рюмкѣ водки, у пирующихъ развязываются языки и нѣкоторые порываются говорить рѣчи, но какъ-то сдерживаются. Но вотъ полилось шампанское, вмѣстѣ съ нимъ полилось и слово.

— Господа,—началъ кто-то:—позвольте предложить тостъ за здоровье Петра Петровича.

— Ура!..

— Напрасно вы, господа,—встаетъ Петръ Петровичъ:—предложилъ тостъ за мое здоровье прежде хозяйскаго. Что

http://rcin.org.pl

я здѣсь такое? То же, что и вы—простой гость. Дорогой хозяинъ пригласилъ насъ раздѣлить съ нимъ, по русскому обычаю, хлѣбъ-соль, по поводу полученной имъ награды. Я-то тутъ при чемъ? Не я его награждалъ.

— Вѣрно!—воскликнулъ кто-то изъ пирующихъ, удрученный бѣлой померанцевой водкой.

— Шши!..

Тотъ окинулъ всѣхъ мутнымъ взглядомъ и смолкъ.

— Я только...—началъ снова Петръ Петровичъ.

— Нѣтъ, Петръ Петровичъ, если бы не вы,—перебилъ награжденный.

— Позвольте,—прервалъ Петръ Петровичъ:—я только нашелъ возможность, и считалъ себя счастливымъ, замолвить во время слово и не скрою отъ васъ, что я сказалъ. Я сказалъ: представленный къ наградѣ—честнѣйшая русская душа, желающая, посредствомъ благотворительности, стать въ ряды интеллигенціи, снять съ себя смазные сапоги, войти, такъ сказать...

— Сильно сказано! — вновь промычалъ удрученный бѣлой померанцевой:—только смазные сапоги-то тутъ при чемъ?

Раздалось энергическое «шши!»

— Позвольте,—продолжалъ Петръ Петровичъ:—моя рѣчь впереди. Я сказалъ: онъ устроилъ въ своемъ городѣ богадѣльню. Отчего, говорятъ, не училище? Я отвѣчалъ, что училище, по семейнымъ своимъ обстоятельствамъ, онъ устроить не могъ... Родственники его были противъ училища. Вѣрно я сказалъ?

— Вѣрно, Петръ Петровичъ,—отвѣчалъ награжденный:—бабушка наша ни за что!.. Хоть и не ея капиталъ, да силу она у насъ большую имѣетъ. Да намъ, главная причина, награда что!.. Намъ бы только Господь привелъ помереть съ чистымъ покаяніемъ.

— Итакъ, господа...—сталъ-было продолжать Петръ Петровичъ, но долженъ былъ остановиться, потому что ужъ всѣ стали говорить вдругъ, стали цѣловаться, стали обижаться, стали порицать поступки удрученнаго бѣлой померанцевой водкой, который сталъ на стулъ и кричалъ:

— Позвольте, милостивые государи! Отецъ мой вышелъ изъ народа... Мы стоимъ на рубежѣ, когда...

— Еще что!?—закричали пирующіе.

— Ничего! Мы стоимъ на рубежѣ. Я хочу сказать... Наше соціальное положеніе... При всемъ томъ, я не могу

http://rcin.org.pl

понять—почему смазные сапоги, почему не лапти, почему...

— Довольно!

— Для васъ довольно, а для меня мало,—бушевалъ ораторъ.—Хоть я купеческій сынъ, но прежде всего я соціалистъ! Читали вы въ «Петербургскомъ Листкѣ»...

Петръ Петровичъ въ это время велъ разговоръ съ награжденнымъ, въ смежномъ кабинетѣ, изъ котораго изрѣдка доносились отрывочныя фразы: «разумѣется, съѣздите. Онъ человѣкъ бѣдный, тоже содѣйствовалъ. И въ другой разъ будетъ полезенъ».

Въ 12 часовъ ночи, т. е. когда пирующіе уже перестали узнавать другъ друга, когда одинъ изъ нихъ сталъ цѣловаться съ лакеемъ и пить съ нимъ брудершафтъ, Петръ Петровичъ ушелъ потихоньку.

Соціалистъ предложилъ тостъ «за сліяніе сословій» и тоже вышелъ съ лакеемъ брудершафтъ, сказавши ему: дѣйствуй въ извѣстномъ направленіи и сопьешься!

Лакей поблагодарилъ его и сказалъ: не извольте безпокоиться.

Дома у себя Петръ Петровичъ нашелъ записку, вложенную въ изящный конвертъ, который Соколовъ раздушилъ немножко керосиномъ.

— Ты бы мылъ руки-то,— замѣтилъ онъ ему.

— Лампу заправлялъ, ваше скородіе, а она и стучитъ...

— Кто она?

— Сродственница, должно быть... не могу доложить. Отдай, говоритъ... Чтобы безпремѣнно...

«Дорогой Петръ Петровичъ,—было написано въ запискѣ:— вы меня совсѣмъ забыли, но я очень больна, мнѣ нужно васъ видѣть. Пріѣзжайте, а то буду сердита. Магіе».

На другой день, ровно въ часъ, Петръ Петровичъ подавилъ пуговку электрическаго звонка у дверей Марьи Сергѣевны. Скромно, но съ большимъ вкусомъ одѣтая дѣвушка отворила ему дверь. Пудель, шерсть котораго доведена была до снѣжной бѣлизны, сначала изъявилъ неудовольствіе и залаялъ, но узнавши Петра Петровича, бросился къ нему на грудь.

— Что у васъ тутъ такое, Анпушка?—началъ громко Петръ Петровичъ, поправляя передъ зеркаломъ растрепавшіеся виски.

http://rcin.org.pl

— Марья Сергѣевна нездорова,—отвѣчала шопотомъ дѣвушка.

— Сильно?—тоже шопотомъ и вытаращивъ глаза, спросилъ Петръ Петровичъ.

— Вчера докторъ былъ. Никого не приказали принимать, а объ васъ я сейчасъ доложу.

— Погоди, погоди... Ты мнѣ прежде разскажи все хорошенько.

Они вошли въ залу. Петръ Петровичъ одной рукой облокотился на рояль, а другую приложилъ къ уху, такъ какъ Аннушка должна была докладывать шопотомъ. Изъ доклада Петръ Петровичу выяснилось, что въ четвергъ у Марьи Сергѣевны были гости, вертѣли столы, потомъ Марья Сергѣевна пѣла по-цыгански, потомъ былъ ужинъ, ѣли устрицы. Послѣ ужина Марья Сергѣевна приказали привести тройку и пригласили какихъ-то двухъ гостей ѣхать съ ней на Каменный островъ. Егоръ Егоровичъ вышелъ съ ними вмѣстѣ, но сейчасъ же воротился назадъ и до пріѣзда Марьи Сергѣевны ходилъ все по залѣ, истопталъ ногами свою шляпу. По возвращеніи Марьи Сергѣевны, въ спальнѣ былъ шумъ, съ Марьей Сергѣевной сдѣлалась истерика...

«Дѣйствительному-то статскому совѣтнику и не слѣдовало бы такъ горячиться»,—подумалъ про себя Петръ Петровичъ.—Ну, а потомъ?

— Потомъ Егоръ Егоровичъ уѣхалъ... Утромъ Марья Сергѣевна проснулась въ два часа и весь день проплакала.

— Ну, такъ это пустяки, простой капризъ,—заключилъ Петръ Петровичъ.—Поди доложи.

Черезъ минуту Аннушка пригласила Петра Петровича войти въ гостиную. Комнату эту нельзя, впрочемъ, было назвать гостиной, а скорѣе отдѣленіемъ магазина рѣдкихъ вещей. Я не стану ее описывать, потому что это уже своевременно было исполнено судебнымъ приставомъ. Замѣчу только, что на стѣнѣ обращалъ на себя вниманіе портретъ хозяйки, писанный знаменитымъ художникомъ. Петръ Петровичъ взялъ съ этажерки китайскую чашечку, дунулъ въ нее, повертѣлъ въ рукахъ и поставилъ на мѣсто, потомъ осмотрѣлъ еще какую-то вещицу, потомъ перелистовалъ альбомъ съ фотографическими карточками, потомъ поправилъ абажуръ на лампѣ, потомъ невольно встрепенулся: изъ полуотворившейся двери въ спальню послышался голосъ хозяйки.

— Петръ Петровичъ, войдите ко мнѣ. Я больна.

http://rcin.org.pl

Петръ Петровичъ мгновенно пригладилъ виски—это была его привычка—и скорчивъ гримасу, какую дѣлаютъ дѣти передъ тѣмъ какъ хотятъ плакать,—вошелъ въ спальню.

На раззолоченной чернаго дерева кровати, покрытая голубымъ атласнымъ одѣяломъ, лежала Марья Сергѣевна, красавица женщина, лѣтъ тридцати.

— Что съ вами, матушка, Марья Сергѣевна?—началъ Петръ Петровичъ.

— Извините, Петръ Петровичъ, что я васъ такъ принимаю... вы свой человѣкъ. Садитесь, пожалуйста. Аннушка, подвиньте сюда Петру Петровичу стулъ.

Дѣвушка подвинула къ постели табуретку.

— Вѣроятно, легкая простуда... Не берегетесь,—продолжалъ нѣжнымъ тономъ Петръ Петровичъ.—Все это троечки ваши... Хе-хе-хе...

— Я очень люблю на тройкѣ.

— Ну, вотъ! Если бы я былъ на мѣстѣ его превосходительства...

— Я съ нимъ разругалась.

— Съ Егоръ Егорычемъ?!—съ притворнымъ удивленіемъ воскликнулъ Петръ Петровичъ.—Если бы не вы сами мнѣ это сказали... Впрочемъ, это очень хорошо!

— Что же тутъ хорошаго?

— Любовь этими ссорами скрѣпляется... Хе-хе-хе...

— Я не понимаю, какое онъ имѣетъ право меня ревновать?...

— Ревность-то, матушка, Марья Сергѣевна... Какъ бы вамъ это сказать... безъ нея нельзя.

— Почему нельзя?—спросила съ живостью Марья Сергѣевна.

— Да вотъ видите: его превосходительство... вѣдь этотъ титулъ не присвоивается людямъ, у которыхъ материно молоко на губахъ не обсохло, если и есть счастливцы, такъ ихъ можно по пальцамъ перечесть. Ну, знаете, люди въ его годахъ дѣлаются подозрительнѣе, а женщины видятъ, хе-хе-хе... видятъ что... ну, и... Вѣдь вы тоже!.. Кругомъ соблазнъ!.. Я, разумѣется, васъ не виню...

Петръ Петровичъ хотѣлъ сказать что-то особенное, но, разнимый женской красотой, сталъ теряться въ мысляхъ. Плелъ онъ, плелъ несвязныя фразы и совершенно неожиданно для Марьи Сергѣевны поцѣловалъ съ обѣихъ сторонъ ея руку.

— Ахъ вы, старенькій!—проговорила она, улыбнувшись.

http://rcin.org.pl

У Петра Петровича во рту сдѣлалось сухо, въ глазахъ показались зеленыя облатки. Онъ всталъ, прошелся два раза и опять заплелъ.

— Конечно... его превосходительство... я бы такъ думалъ... Знаете, голубушка, Марья Сергѣевна... Я не оправдываю его превосходительство, прежде всего, вы — женщина...

Марья Сергѣевна вывела его изъ затруднительнаго положенія.

— Сядьте, Петръ Петровичъ,—сказала она:—мнѣ нужно съ вами поговорить объ одномъ дѣлѣ.

— Приказывайте, матушка, приказывайте... Для васъ... вѣдь ужъ вы знаете!..—засуетился Петръ Петровичъ, срзая по табурету.

— Достаньте мнѣ денегъ,—начала она, взявши обѣими руками руку Петра Петровича.

У Петра Петровича завертѣлись зрачки.

— Денегъ?—пробормоталъ онъ:—Много?

— Вѣдь вы знаете, я мало не люблю. Доставайте больше.

— Больше? Для такой божественной красоты да не достать денегъ—это тогда и жить не надо! Извольте, матушка. Да на ваше счастье и случай есть. Сибирякъ тутъ одинъ хлопочетъ, три года около него пропитываются чиновники. Человѣкъ онъ робкій, податливый. Вы, съ своей стороны, попросите за него Егоръ Егорыча.

— А вы знаете, что онъ не любитъ, когда я его прошу.

— Не любитъ? А любитъ онъ, когда передъ нимъ совершенство природы? Когда около него... Матушка, позвольте вашу драгоцѣнную ручку поцѣловать... Съ радостью я вамъ это дѣло устрою. Славный человѣкъ, денежный...

— Устройте, голубчикъ Петръ Петровичъ. У Егоръ Егоровича нѣтъ теперь ни копейки. Злой сдѣлался. А чѣмъ я виновата?

Черезъ нѣсколько времени Егоръ Егоровичъ уважилъ ходатайство Марьи Сергѣевны: сибирякъ достигъ желаемаго. Цѣлую недѣлю его можно было встрѣтить съ Петромъ Петровичемъ у Береля завтракающимъ, у Донона обѣдающимъ. Петръ Петровичъ сталъ появляться на улицѣ въ новомъ пальто съ бобровымъ воротникомъ. Марья Сергѣевна подарила сибиряку свою фотографическую карточку, а тотъ обѣщалъ ей выслать изъ Екатеринбурга сибирскихъ камней. Разставанье его съ Петромъ Петровичемъ было

http://rcin.org.pl

самое нѣжное. Послѣ сытнаго обѣда, они отправились на желѣзную дорогу, гдѣ выпили послѣднюю, по выраженію сибиряка, «разгонную» бутылку шампанскаго. Сибирякъ со слезами на глазахъ благодарилъ Петра Петровича и сказалъ, что если бы вино, которое онъ выпилъ въ Петербургѣ со своими благодѣтелями, опять разлить въ бутылки—можно было бы открыть погребокъ.

Въ одномъ изъ кабинетовъ ресторана Бореля

Бушуетъ вѣтреная младость.

Собрались молодые люди, только что оставившіе школьную скамью, и люди, уже вкусившіе, и французскихъ ресторановъ, и балетовъ, и цыганскихъ хоровъ, и всякихъ услаждающихъ душу увеселительныхъ заведеній. Быстро бѣжали они

По тропинкѣ бѣдствій,
Не предвидя отъ того
Никакихъ послѣдствій.

Весело было имъ. Они были увѣрены, что передъ ними скатертью дорога, что въ жизни все приложится имъ. Разговоръ или, вѣрнѣе, шумъ происходилъ на французскомъ языкѣ, потому что женскій элементъ между пирующими—были француженки.

— А!!!—гаркнула въ одинъ голосъ молодежь, бросаясь навстрѣчу вошедшему Петру Петровичу.

— Петръ Петровичъ, чортъ тебя возьми! Гдѣ ты пропадалъ?—закричали одни.

— Ah, Petre Petrovitsch! — воскликнула француженка, бросаясь на шею Петру Петровичу.

— Вася, ты развѣ не знакомъ съ Петромъ Петровичемъ?

— Нѣтъ. Кто онъ такой?

— Да тебѣ не все ли равно... Петръ Петровичъ...

— Какъ его фамилія?

— Да онъ безъ фамиліи. Петръ Петровичъ, вѣдь у тебя нѣтъ фамиліи? Ахъ, ты старый чортъ! Былъ на бѣгу?

— Что это вы, Петенька, какъ неприлично себя ведете—являетесь въ такой поздній часъ,—обращается къ Петру Петровичу одинъ пирующій красавецъ.

— Виноватъ, ваше сіятельство.

— Петръ Петровичъ, поди сюда, я тебя познакомлю съ Ильей Гавриловичемъ. Илья Гаврилычъ... Илюша!..

http://rcin.org.pl

Илья Гавриловичъ сидѣлъ на диванѣ, съ открытыми глазами, но ничего не понималъ, что кругомъ совершается.

— Илюша... позволь тебѣ представить Петра Петровича.

Илюша всталъ, притворился на одну минуту трезвымъ, пожалъ руку Петру Петровичу и, упавши на диванъ, заснулъ.

— Петръ Петровичъ, выпьемъ!—кричалъ одинъ изъ пирующихъ.

— Petre Petrovitsch, выпьемъ!—какъ попугай, подхватываетъ представительница великой націи.

— Выпьемъ, старый чортъ!

— Выпьемъ, стара тшортъ!

Не прошло четверти часа, какъ въ утробу Петра Петровича всадили цѣлую бутылку шампанскаго. Ужъ онъ началъ тяжело дышать и обращаться къ содѣйствію жареная миндаля.

— Петръ Петровичъ, посмотрите, какія я новыя картинки получилъ для стереоскопа. Ей, человѣкъ?.. Татаринъ! Князь, чортъ тебя возьми!..

Вошелъ слуга.

— Тамъ у меня въ пальто картинки... живо!

Приказаніе исполнено. Петръ Петровичъ сталъ разсматривать картинки съ видомъ знатока. Лицо его то оскаблялось, то ухмылялось.

— Вѣдь это вѣнскія?—спросилъ онъ.

— Вѣнскія.

— Ну, что вы хотите, по-моему—парижскія лучше.

— Petre Petrovitsch, парижски лючъ! Выпьемъ!..

— Такъ что же, Петръ Петровичъ, не подается,—спрашиваетъ потихоньку Петра Петровича князь.

— Нѣтъ, батюшка, Павелъ Дмитріевичъ, и думать нечего! По крайней мѣрѣ въ настоящую минуту,—отвѣчалъ уныло Петръ Петровичъ:—стѣна неприступная!

— Да неужели нѣтъ такихъ средствъ?

— Ничего нельзя сдѣлать, ни съ какой стороны подойти невозможно. Ужъ я всю подноготную узналъ. Правилъ безукоризненныхъ, влюблена, какъ кошка, въ какого-то педагога, знаете... нынѣшнія... Тетка не прочь стаканчикъ выкушать и ходитъ къ ней какой-то съ усами, физіономія внушительная... Попробую на тетку навести зажигательное стекло...

— Петръ, ѣдемъ!—приступаетъ къ Петру Петровичу, едва держась на ногахъ, юнона.

http://rcin.org.pl

— Пьетръ, ѣдемъ!—вторитъ ему француженка.
— Куда прикажете?
— Въ Ташкентъ.
— А не поздно?
— Да тебѣ не все ли равно! Садись съ Альфонсиной на мою тройку, да и дуй! А я съ Ильюшей...

Весело, въ сытость, въ полное удовольствіе жилось Петру Петровичу. Здоровье, несмотря на почтенныя лѣта, было несокрушимое. Онъ только одинъ разъ въ жизни былъ боленъ и то въ молодости: на одной изъ чернорѣченскихъ дачъ, за карточнымъ столомъ, онъ получилъ небольшую трепку съ преломленіемъ трехъ реберъ и сильными контузіями лица. Это печальное происшествіе подѣйствовало на него благотворно: онъ навсегда оставилъ карты. Но время беретъ свое, старость стала предъявлять свои права: ужъ не могъ, съ легкостью серны, порхать по лѣстницамъ, память стала ему измѣнять. Молодые люди, съ которыми онъ вечерялъ у Дюссо и у Бореля, возмужали, остепенились и забыли объ его существованіи. Одинъ гдѣ-то командовалъ, другой гдѣ-то управлялъ, третій и т. д. Балетъ потерялъ свое обаяніе и запустѣлъ. Двери особъ разныхъ классовъ передъ нимъ постепенно затворялись. Ужъ онъ сталъ чувствовать свое одиночество и жить воспоминаніями, но аппетитъ его къ устрицамъ и омарамъ, къ стерляжьей ухѣ и московскимъ поросятамъ оставался все тотъ же. Съ грустью останавливался онъ около Милютиныхъ лавокъ и поглядывалъ на выставленную иностранную снѣдь. «Хорошо бы теперь,—размышлялъ онъ:—десяточка два фленсбургскихъ, да кусочекъ брн, да стаканчикъ, другой—третій шабли». И разыгрывалось его воображеніе: вспомнилъ онъ, какъ въ лавкѣ Одинцова онъ былъ когда-то своимъ человѣкомъ.

«Бывало, входишь... Петру Петровичу-съ! Здравствуй, Иванъ Васильевичъ! Что устрицы? Живыя, сударь! Дышутъ и родину свою вспоминаютъ.—А третьяго-то дня подгуляли.—Что дѣлать-то? Ужъ мы въ посольствѣ справки наводили, по какому случаю въ С.-Петербургъ свѣжія устрицы не пришли. Тамъ тоже не знаютъ. Въ морѣ, думаютъ, чего не случилось ли...—А кто вчера былъ?—Три украсителя сѣверной столицы, съ ними двѣ этранжерки, самимъ Наполеономъ третьимъ сюда на развозъ присланныя... Кушали устрицы, переполняли себя виноградными источниками.—Сядешь, бывало, обольешь свою душу водочкой, за-

http://rcin.org.pl

кусишь свѣжей икоркой...—А вѣдь распутная, коли правду-то говорить, жизнь была», — заключилъ онъ мысленно, отходя отъ окна.

Рессурсы его все сокращались и сокращались. Ужъ ему не къ кому было, какъ прежде, обращаться съ тщательно переписаннымъ на толстой министерской бумагѣ прошеніемъ: имѣю честь почтительнѣйше испрашивать милостиваго вниманія вашего превосходительства на болѣзненное мое состояніе и т. д. Въ прежнее время онъ шелъ съ подобнымъ прошеніемъ какъ въ свой карманъ, зная навѣрное, что на поляхъ этого прошенія будетъ немедленно начертано: «50 р. изъ типографскихъ суммъ». Соколовъ не получалъ уже своего пайка и питался собственнымъ заработкомъ — починивалъ башмаки, лакировалъ мебель и т. п., иногда удѣляя изъ этого заработка и Петру Петровичу.

— Соколовъ, тамъ за мной, кажется, три рубля?

— Точно такъ, ваше скородіе!..

— Такъ дай мнѣ еще шесть гривенъ.

— Слушаю, ваше скородіе.

— Я вотъ получу скоро... мы разочтемся.

— Не извольте безпокоиться, ваше скородіе.

Побираясь, такимъ образомъ, то отъ Соколова, то отъ своей старинной знакомой, бывшей знаменитой танцовщицы, то отъ какой-то барыни, въ судьбѣ которой онъ въ молодости ея принималъ участіе, то отъ какой-то Розаліи Ѳедоровны, бывшей буфетчицы одного маленькаго ресторанчика, которой онъ способствовалъ вступить въ законный бракъ съ какимъ-то ошалѣвшимъ отъ пьянства и промотавшимся до нитки графомъ, — Петръ Петровичъ дожилъ, наконецъ, до чернаго дня. Квартирная хозяйка сначала намекала ему, а потомъ рѣшительно объявила, что она болѣе держать его у себя не можетъ, что она сама бѣдная женщина.

— Вы, Петръ Петровичъ, при своихъ «связяхъ» можете поступить въ какую вамъ угодно богадѣльню, вамъ это ничего не стоитъ. Хлопочите,—предложила она ему.

Петръ Петровичъ ничего не могъ возразить, и на старческихъ глазахъ его выступили слезы.

— Гонятъ насъ съ тобой, служба, — обратился онъ къ Соколову по уходѣ хозяйки:—вотъ до чего дожили! Милостыню на паперти долженъ буду просить.

— Богъ милостивъ, ваше скородіе, не сумнѣвайтесь. Мо-

http://rcin.org.pl

жетъ еще какая линія выдетъ — поправитесь,—успокоивалъ его почтенный служивый.

На другой день, послѣ объясненія съ хозяйкой, Петръ Петровичъ, по обыкновенію, пошелъ къ Доминику, тамъ у него было насиженное мѣсто. Билліардная была въ полномъ ходу. Петербургскіе игроки обдѣлывали посредствомъ маркера, выдаваемаго ими за рыбинскаго купца, какого-то пріѣзжаго харьковскаго помѣщика. Игра была настолько интересна, что всѣ мѣста въ билліардной были заняты зрителями, между которыми обратилъ на себя вниманіе Петра Петровича одинъ худощавый, высокій господинъ, хотя въ очень поношенномъ, но щегольскомъ пальто, со стеклышкомъ въ глазу.

«Гдѣ-то я его видалъ», — подумалъ Петръ Петровичъ. Господинъ со стеклышкомъ въ глазу тоже обратилъ вниманіе на Петра Петровича и тоже подумалъ: «Гдѣ-то я его видалъ». По выходѣ изъ билліардной, они столкнулись въ дверяхъ.—Петръ Петровичъ!—воскликнулъ съ изумленіемъ господинъ со стеклышкомъ. — Василій Андреевичъ, голубчикъ! —обрадовался Петръ Петровичъ. Они сѣли за столикъ.

— Триста лѣтъ я не видалъ васъ! — началъ Василій Андреевичъ: —какой вы старикъ-то стали!

— Ну, и вы-то тоже! Изъ этакаго красавца... Я было васъ совсѣмъ не узналъ...

— Мнѣ-то не мудрено. Другой на моемъ мѣстѣ... Пиво пьете?

— Отчего-жъ его не пить, напитокъ хорошій.

— Скверное здѣсь! Человѣкъ, дай двѣ кружки пива. Какъ я радъ васъ видѣть! —продолжалъ любезничать Василій Андреевичъ.— Помните Настасью Матвѣвну?

— Умерла, бѣдная.

— Умерла!

— Въ больницѣ.

— Въ больницѣ?! Скажите! Я изъ прежнихъ своихъ друзей никого не вижу. Да! Петербургъ очень измѣнился... Пятнадцать лѣтъ тому назадъ — ухъ! Что это за время было!.. Помните графа Григорія Дмитрича... Что это за пріемы были!.. Помните, когда онъ жилъ въ Лѣсномъ...

— Какъ же, все помню.

— Ну, какъ вы поживаете, что вы подѣлываете?

Петръ Петровичъ глубоко вздохнулъ и разсказалъ въ краткихъ словахъ свою печальную исторію.

http://rcin.org.pl

— Ну ужъ, батюшка, Петръ Петровичъ, что я перенесъ въ своей жизни,—началъ скорбѣть въ свою очередь Василій Андреевичъ:—такъ это только я могъ выдержать. Выслали меня тогда изъ Петербурга—помните — административнымъ порядкомъ. Какъ, за что, почему, клянусь вамъ прахомъ моей матери, не знаю... Не знаю!—горячился Василій Андреевичъ (Петръ Петровичъ очень хорошо зналъ, за что его выслали).—Рано утромъ, только я воротился изъ клуба, пріѣхалъ полицейскій, отвезъ меня въ канцелярію оберъ-полиціймейстера, тамъ стоитъ жандармъ съ сумкой... Помилуйте, говорю, ваше превосходительство, за что? Это, говоритъ, не по моему распоряженію. И вотъ пятнадцать лѣтъ... Помните, тогда грязное дѣло о подлогахъ было... Да я-то тутъ при чемъ? Я подписывалъ векселя направо и налѣво, но на себя... Я въ подлогахъ не участвовалъ.

— Ну, а теперь, слава Богу, вы опять здѣсь.

— Временно, и, долженъ вамъ, какъ старому другу, сказать, инкогнито. Не возвращаютъ!.. Никакія силы не дѣйствуютъ! Ужъ кто-кто за меня не просилъ. Тетка за границей лично ходатайствовала... Нѣтъ! Да заходите ко мнѣ, Петръ Петровичъ: поговоримъ о старомъ. Я живу на Гороховой. Приходите, милый человѣкъ. А помните, какъ мы у Дюссо. Экая чудная женщина была Настасья Матвѣвна! Да вотъ вы сегодня гдѣ обѣдаете?

Петръ Петровичъ замялся. Ему неловко было отвѣчать, что онъ нигдѣ не обѣдаетъ.

— Приходите къ намъ сегодня. Я говорю — къ намъ, потому что я не одинъ живу. Я васъ познакомлю съ моимъ сожителемъ... Онъ будетъ очень радъ.

Старые знакомые разстались. Петръ Петровичъ прошелся два раза по солнечной сторонѣ Невскаго проспекта, зашелъ потомъ домой, велѣлъ Соколову приколоть къ фраку звѣзду и, выходя изъ дому, потрепалъ его ласково по плечу, сказавши:

— Не робѣй, служба! Молись Богу!

— Слушаю, ваше скородіе,— отвѣчалъ форменнымъ тономъ Соколовъ.

Идучи къ Василію Андреевичу, Петръ Петровичъ припоминалъ прежнія скверныя дѣла его. Вспомнилъ онъ, что Василій Андреевичъ былъ прикосновененъ къ дѣлу «по опоенію дурманомъ одного купца во время карточной игры», вспомнилъ еще два-три гадкихъ дѣла, вспомнилъ,

http://rcin.org.pl

наконецъ, что судебный слѣдователь выразился про него такъ: «нѣтъ такой статьи уложенія, по которой бы нельзя было привлечь его къ отвѣтственности». Поднявшись на лѣстницу, Петръ Петровичъ позвонился въ пятый номеръ. Лакей Демьянъ, атлетическаго сложенія, могущій въ кольцо согнуть кочергу, отворилъ ему дверь.

— Дома Василій Андреевичъ?

— Дома, ваше превосходительство, пожалуйте!

Петръ Петровичъ не безъ удивленія услыхалъ, что онъ титулуется превосходительствомъ и, взглянувши на лакея, вспомнилъ, что подобные дантисты держутся постоянно въ игорныхъ притонахъ на случай спуска съ лѣстницы и вообще для такихъ пріемовъ, гдѣ требуется физическая сила. Онъ вступилъ въ устланную коврами залу, на стѣнахъ которой висѣли кони съ картинъ Шефа и нѣсколько небольшихъ картинокъ въ золоченыхъ рамахъ. Посреди залы было составлено рядомъ три ломберныхъ стола. Не оставалось сомнѣнія, что въ квартирѣ происходитъ игра.

Василій Андреевичъ выбѣжалъ изъ столовой навстрѣчу Петру Петровичу.

— Ахъ, Петръ Петровичъ, а мы ужъ водку пьемъ... Милости просимъ. Сейчасъ я васъ познакомлю съ Иваномъ Даниловичемъ.

Они вошли въ столовую. Иванъ Даниловичъ сидѣлъ въ движущемся на колесахъ креслѣ и уписывалъ свѣжую икру. Около закуски стояло нѣсколько гостей, Петру Петровичу незнакомыхъ.

— Иванъ Даниловичъ, позволь тебя познакомить съ старинымъ моимъ другомъ, Петромъ Петровичемъ.

— Очень радъ! — отвѣчалъ Иванъ Даниловичъ. — Извините, ваше превосходительство, что встать не могу: калѣка.

— Сдѣлайте милость,— перебилъ Петръ Петровичъ.

— Господа! — обращаясь къ гостямъ, продолжалъ Василій Андреевичъ: — Его превосходительство, Петръ Петровичъ.

Гости поочередно подошли и пожали ему руку.

— Болѣе, кажется, намъ ждать не кого. Сядемте,—сказалъ хозяинъ, быстро подкатившись къ столу.

— А чѣмъ ты насъ будешь кормить сегодня? — заговорилъ, усаживаясь, Василій Андреевичъ.

— Не я буду кормить—поваръ,—меланхолично отвѣчалъ Иванъ Даниловичъ: — это его дѣло. Что онъ дастъ, то и будемъ кушать.

http://rcin.org.pl

Василій Андреевичъ взялъ меню и началъ: Господа, прошу вниманія! «Супъ шассеръ съ пирожками. Гарнадингъ изъ телятины ковернезъ. Осетрина по-русски. Жаркое индѣйки. Сильсифи фри. Бордалю кондэ».

Гости размѣстились. Петра Петровича посадили рядомъ съ хозяиномъ, съ которымъ онъ весь обѣдъ проговорилъ о его болѣзни, сожалѣлъ, что онъ въ такихъ лѣтахъ, въ которыя еще можно бы приносить пользу отечеству. Хозяинъ говорилъ, что онъ долго служилъ въ Сибири, долженъ былъ, по обязанностямъ службы, разъѣзжать по снѣжнымъ пустынямъ на собакахъ, откуда у него явился зародышъ болѣзни, приковавшей его впослѣдствіи къ креслу. Передъ ликеромъ одинъ за другимъ послышались звонки, стали появляться еще гости. Пришелъ молодой купеческій сынъ Корнюша, пришелъ какой-то солидный интендантскій чиновникъ, пришелъ штатскій господинъ въ очкахъ, пришелъ еврей, выдававшій себя за итальянца, и т. п. Корнюша сталъ пить портеръ съ шампанскимъ, а другіе гости прикасались кто къ коньяку, кто къ ликеру. Когда подали сигары, Петръ Петровичъ одну закурилъ, а другую, незримо для окружающихъ, положилъ въ карманъ.

— Что же, господа, золотое время терять, — обратился къ гостямъ хозяинъ, быстро повернувши кресло: — не угодно ли...

Всѣ пошли въ залъ. Пропустивши гостей, Василій Андреевичъ остановилъ за руку Петра Петровича.

— Петръ Петровичъ,—началъ онъ:—вы, я вижу, крайне нуждаетесь въ средствахъ. Мы съ Иваномъ Даниловичемъ — это превосходнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ — хотимъ помочь вамъ. Ходите къ намъ, пожалуйста. Я, въ память Настасьи Матвѣевны, съ которой вы были дружны и которую я обожалъ какъ святыню, хочу сдѣлать для васъ доброе дѣло...

Растроганный старикъ прослезился.

— Чувствительнѣйше васъ благодарю, Василій Андреевичъ. Нищій я! Вѣрьте, на улицѣ умереть долженъ. Грошъ мѣднаго взять не откуда. Богъ васъ наградитъ.

Старикъ хотѣлъ упасть на колѣни, но Василій Андреевичъ удержалъ его.

— Полноте, голубчикъ, что вы!..

— Только я вамъ долженъ доложить, — предупредилъ успокоившійся старикъ: — я вѣдь не генералъ, а вы меня величаете превосходительствомъ.

http://rcin.org.pl

— Да вы у насъ за тайнаго совѣтника пойдете,—спокойно произнесъ Василій Андреевичъ.

— Какъ за тайнаго совѣтника?—воскликнулъ съ изумленіемъ Петръ Петровичъ.

— Да не все ли вамъ равно, какъ васъ будутъ называть.

— Да... но...

— Вѣдь вы говорите, что вы нищій?..

— Нищій...

— Ну, а въ чинѣ тайнаго совѣтника вы будете сыты и одѣты.

— Я все не могу понять... — началъ окончательно теряться Петръ Петровичъ.

— Ахъ, Петръ Петровичъ! Стара стала — слаба стала, говорятъ армяне. Вы намъ нужны для декораціи. Понимаете?

— Да!.. то-есть...

— То-есть мы будемъ представлять васъ гостямъ за тайнаго совѣтника. Намъ это нужно...

— Ну, все равно, тайный, такъ тайный, — согласился, махнувъ рукой, Петръ Петровичъ.

Они вошли въ залу, гдѣ уже звенѣло золото, трещали карточныя обложки. Василій Андреичъ занялъ мѣсто въ серединѣ сдвинутыхъ столовъ, взялъ карты, стасовалъ, предложилъ срѣзать и, окинувъ взглядомъ присутствующихъ, произнесъ цинически: «Ну, господа, молитесь Богу». Наступила мертвая тишина, и началось совершаться преступленіе.

Было около двухъ часовъ ночи. Петръ Петровичъ, не разсчитавшій за обѣдомъ силы коньяка, едва сидѣлъ на стулѣ. Интендантъ продулся совсѣмъ и цвѣтъ лица его сравнялся съ цвѣтомъ воротника. Демьянъ бодрствовалъ въ передней, прислушиваясь къ малѣйшему шороху на лѣстницѣ... Въ кухнѣ что-то скрипнуло... Демьянъ навострилъ уши и сдѣлалъ быстрое движеніе. Смолкло. Еще скрипнуло... Онъ устремился впередъ и наткнулся въ коридорѣ на полицейскаго офицера. Мгновеніе — и офицеръ, за нимъ двое городовыхъ и понятые очутились въ дверяхъ залы.

— Господа, покорнѣйше прошу васъ такъ и остаться, какъ вы изволите теперь сидѣть, — произнесъ онъ внушительнымъ тономъ.

Всѣ растерялись, одинъ только Корнюша оказалъ храб-

http://rcin.org.pl

рость. Довольно развязно подойдя къ офицеру, онъ окинулъ его скосившимися отъ портеру глазами и спросилъ:

— Что вамъ угодно?

— Ничего,—спокойно отвѣчалъ офицеръ.

— Позвольте посмотрѣть предписаніе.

— Какое предписаніе?

— А относительно того: по какому праву...

— Не угодно ли вамъ сѣсть на свое мѣсто,—рѣзко произнесъ офицеръ.

— Если вамъ это нравится, извольте, я сяду.

— Позвольте узнать вашу фамилію? — отнесся офицеръ къ Петру Петровичу.

— Тайный совѣтникъ, Петръ Петровичъ...

— Тайный?..—почтительно переспросилъ офицеръ.

— Тайный... виноватъ! Титулярный совѣтникъ Петръ Петровичъ...

— Ну, это немножко поменьше тайнаго,—замѣтилъ иронически офицеръ.—Почему же это у васъ звѣзда-то?

— Это, осмѣлюсь доложить, персидская, — отвѣтилъ въ концѣ растерявшійся Петръ Петровичъ.

Офицеръ приступилъ къ составленію протокола.

Черезъ день въ одной газетѣ было напечатано: «Снѣшимъ передать читателямъ нашей газеты распространившійся въ городѣ слухъ, за вѣрность котораго мы ручаемся. Вчера ночью, по Гороховой улицѣ, въ домѣ подъ № 00 открытъ вертепъ шулеровъ. Въ числѣ арестованныхъ находится одно лицо, состоящее (страшно сказать!) въ чинѣ тайнаго совѣтника. Неужели всякаго рода хищенія и неправда такъ глубоко вѣлись въ организмъ» и т. д.

Въ другой: «Инцидентъ, имѣвшій вчера мѣсто на Гороховой улицѣ, принадлежитъ къ безотраднымъ явленіямъ въ жизни большого города. Подробности завтра».

Въ третьей: «Вскорѣ мы будемъ имѣть счастье присутствовать на громкомъ процессѣ, при благосклонномъ въ немъ участіи одного тайнаго совѣтника, находящагося со вчерашняго дня въ распоряженіи г. прокурора. Собираемъ свѣдѣнія и сообщимъ ихъ читателямъ».

Четвертая разразилась такъ: «Кандалы сюда! Мы не можемъ безъ остервенѣнія слышать распространившагося позорнаго слуха... Приливъ желчи мѣшаетъ намъ въ настоящую минуту назвать по имени арестованнаго вчера интеллигентнаго разбойника... Сообщимъ завтра».

Каково же было ни въ чемъ неповинному Петру Петро-

http://rcin.org.pl

вичу, сидя у Доминика, прочитывать эти строки, зная, что онѣ относятся къ нему. Въ карты онъ не игралъ, никого въ игру не завлекалъ, только плотно обѣдалъ, да коньяку выпилъ. Такъ и въ протоколѣ о немъ записано. А что назвался тайнымъ совѣтникомъ—такъ этого въ протоколѣ не записано. Обмолвился и сейчасъ же поправился: назвалъ настоящій свой чинъ. Бывшій въ понятыхъ грамотѣй-дворникъ былъ виновникомъ газетной тревоги. Въ прихожей камеры мирового судьи онъ разсказывалъ, что ихъ ночью «тревожили» на обыскъ, забрали картежниковъ, одного тайнаго совѣтника. Въ камерѣ былъ репортеръ одного листка, онъ подробно разспросилъ дворника, тотъ ему подробно навралъ, репортеръ...

«Дальше нечего разсказывать».

Какъ бы то ни было, но это происшествіе сильно подѣйствовало на Петра Петровича. Онъ сразу похудѣлъ и осунулся и вдругъ потерялъ разсудокъ.

— Соколовъ, если меня будетъ спрашивать сегодня министръ юстиціи, — сказалъ онъ своему вѣрному слугѣ по возвращеніи изъ камеры судебнаго слѣдователя, куда онъ вызывался въ качествѣ свидѣтеля: — такъ ты скажи ему, что я уѣхалъ въ Старый Іерусалимъ.

Черезъ нѣсколько дней его не стало. Тихо сложилъ онъ съ себя тяжелое бремя своей жизни. Квартирная хозяйка приняла участіе въ похоронахъ Петра Петровича, а Соколовъ заложилъ для этого случая свои серебряные часы.

— Тихій былъ старикъ, добрѣйшій, — сказалъ онъ хозяйкѣ. — Двадцать годовъ мы съ нимъ жили. Надо его справить, какъ должно.

http://rcin.org.pl

ЕЩЕ ИЗЪ МОСКОВСКАГО ЗАХОЛУСТЬЯ.

I.

Комиссаръ.

> Не Богъ сѣтвори комиссара, по бѣсъ начерта его на песцѣ и вложи въ него душу злоправную, исполненну всякія скверны, во еже прицѣпляться и обирати всякую душу христіанскую.

Такъ начинается весьма рѣдкая раскольничья рукопись, озаглавленная такъ: «о нѣкоемъ комиссарѣ, како стяжалъ, и о купцѣ». Въ ней разсказывается, какъ помощникъ квартальнаго надзирателя (въ тридцатыхъ-сороковыхъ годахъ они назывались комиссарами) притѣснялъ купца и какія купецъ принималъ мѣры противъ своего гонителя. Комиссаръ въ то время былъ для захолустья персона важная, важнѣе квартальнаго надзирателя, районъ дѣйствій котораго была канцелярія, а комиссаръ представлялъ изъ себя наружную полицію, и обыватели находились въ полнѣйшей отъ него зависимости. Протоколовъ въ то время не было, а все рѣшалось на словахъ, по душѣ. Сгородилъ купецъ у себя на дворѣ, по собственному рисунку, какую-нибудь невообразимую нескладную постройку: теперь—протоколъ... отступленіе отъ строительнаго устава... Или начнетъ тотъ же купецъ выкачивать изъ своего погреба на улицу смрадную міазматическую жидкость и распуститъ зловоніе по всему захолустью: теперь—протоколъ... несоблюденіе санитарнаго устава... обязательное постановленіе и т. д. А прежде:

— Что это, Иванъ Семенычъ, ты... тово... — говоритъ

http://rcin.org.pl

комиссаръ: — самъ увидитъ, не хорошо!.. И мнѣ за тебя достанется.

Четыре стертыхъ или такъ называвшихся «слѣныхъ» полтинника въ руку и строительный уставъ обойденъ.

Или:

— Что это, Иванъ Семенычъ, ты весь кварталъ заразилъ...

— Мнѣ и самому, братъ, тошно, — отвѣчаетъ купецъ:— да что-жъ дѣлать-то! Три года не выкачивали. Капуста, Ермилъ Николаевичъ, дѣйствуетъ!.. Заходи ужо, милый человѣкъ... Портфеницу по рюмочкѣ выпьемъ...

Санитарная часть обойдена.

Комиссаръ былъ на ногахъ чуть ли не всѣ двадцать четыре часа въ сутки...

То онъ подойдетъ къ будкѣ и свиснетъ по зубамъ задремавшаго старика-будочника (необыкновенный типъ представляли изъ себя будочники. Они выбирались изъ самыхъ неспособныхъ и безсильныхъ солдатъ. Мастеровой и фабричный народъ называлъ ихъ «кислой шерстью»), то околотитъ извозчика, приговаривая: «я давно до тебя, шельма, добираюсь!»

— Ваше благородіе, тамъ на Лузѣ мертвое тѣло къ нашему берегу подплыло. Пожалуйте. Хозяинъ къ вамъ послалъ... опасается. Мы было хотѣли его пониже, къ Устинскому мосту спустить, чтобы изъ нашего квартала... А хозяинъ говоритъ: бѣги къ Ермилу Николаевичу. Надо полагать, давно утопился, по той причинѣ — оченно уже распухъ...

Комиссаръ на мѣстѣ. Кричитъ, ругается, дерется, командуетъ...

— Давай багоръ! Тащи!..

— Я не полѣзу!

— Что-жъ, самъ я, что ли, долженъ лѣзть... Кто я?

— Мы знаемъ, что вы ваше благородіе, а только я ни въ какомъ случаѣ не полѣзу. Въ емъ теперича пудовъ двадцать есть, его и вытащить невозможно.

— Молчать! и т. д.

— Ермилъ Николаевичъ, хозяинъ приказалъ, какъ собственно завтрашняго числа у насъ поминки по Матренѣ Герасимовнѣ, такъ вотъ именно приказали доложить... Архимандритъ хоронить будетъ...

— Стало быть, обѣдъ рыбный будетъ...

— И рыбный и такой—обыкновенный.

http://rcin.org.pl

— Буду.

И сидитъ комиссаръ на почетномъ мѣстѣ съ духовенствомъ, отдавая предпочтеніе свѣжей икрѣ передъ паюсной.

— У кого какой вкусъ! По мнѣ свѣжая икра несравненно лучше паюсной, — говоритъ онъ, забивая ротъ блиномъ, густо наслоеннымъ свѣжей икрой.

— И я того же мнѣнія, — соглашается съ нимъ отецъ протоіерей.

— Ермилъ Николаевичъ, не оставьте насъ своимъ посѣщеніемъ: дочку просватали. Завтра сговоръ.

— Всенепремѣнно!

И сидитъ комиссаръ на купеческомъ сговорѣ въ отдѣльной комнатѣ и дуется съ купцами въ трынку, принимая каждыя четверть часа по стакану лиссабонскаго.

«Предписываю вашему благородію съ полученіемъ сего немедленно произвести опись имущества и охранить оное, несостоятельнаго должника, московскаго третьей гильдіи купца» и т. д.

И ѣдетъ Ермилъ Николаевичъ съ писаремъ, понятыми и добросовѣстными свидѣтелями творить волю пославшаго...

— Шуба соболья!—выкрикиваетъ охранитель.

Писарь записалъ.

— Что ты, въ первый разъ, что ли, на описи-то?—говоритъ тихо Ермилъ Николаевичъ.

Писарь вытаращилъ глаза.

— Пиши: «мѣховая».

— Ложекъ серебряныхъ...

Писарь записалъ.

— Да металлическихъ!.. чортъ тебя возьми! Металлическихъ... Я такого дурака еще не видывалъ!..

Онъ былъ въ своемъ кварталѣ мировой судья.

— Иванъ Семеновъ, помирись ты съ этой анаѳемой. Вѣдь тебѣ же хуже будетъ, если она дѣло направитъ въ управу благочинія.

— Обидно, Ермилъ Николаевичъ, обидно мириться-то, вѣдь я по первой гильдіи.

— Ну, дай ты ей пятнадцать цѣлковыхъ...

— Ну, такъ и быть, получи! Только нельзя ли ее хошь дня на три въ часть посадить...

— Ужъ сдѣлаемъ, что можно.

— Позвольте узнать, въ какомъ положеніи мое дѣло?— спрашиваетъ, подходя къ столу, среднихъ лѣтъ женщина.

— Вы Анна Клюева? — скроивши важную мину, спра-

http://rcin.org.pl

нивается комиссаръ:—вдова сенатскаго копіиста? По происхожденію—дочь унтеръ-офицера карабинернаго полка.

— Да-съ.

— Такъ-съ! А вы давно кляузами изволите заниматься?

— Помилуйте, какія же это кляузы, когда онъ на паперти меня прибилъ...

— А свидѣтели у васъ есть? А докторъ васъ свидѣтельствовалъ?

— Помилуйте....

— Вы *пасъ*, матушка, помилуйте! И безъ васъ у насъ дѣла много. Вы женщина бѣдная, возьмите пять рублей и ступайте съ Богомъ. А то мы васъ сейчасъ должны будемъ отправить къ частному доктору для освидѣтельствованія нанесенныхъ вамъ побоевъ, тотъ раздѣвать васъ будетъ... Что хорошаго—вы дама.

Просительница начинаетъ всхлипывать.

— А какъ тотъ, съ своей стороны, — продолжаетъ спокойнымъ тономъ комиссаръ: — озлится, да приведетъ свидѣтелей, которые подъ присягой покажутъ, что его въ этотъ день не только въ церкви, а и въ Москвѣ не было, такъ васъ за облыжное-то показаніе...

— Помилуйте,—прерываетъ просительница.

— Позвольте, дайте мнѣ говорить... — останавливаетъ комиссаръ.—Вы не бывали на Ваганьковскомъ кладбищѣ?

— Мой мужъ тамъ схороненъ.

— Стало быть, мимо острога проѣзжали. Непріятно вѣдь вамъ будетъ въ острогѣ сидѣть.

— Я правду говорю! Неужели за правду...

— А тѣ святой крестъ и Евангеліе будутъ цѣловать, что вы неправду говорите! Полноте, возьмите пять рублей. Василій Ивановичъ, возьмите съ г-жи Клюевой подписку, что она дѣло прекращаетъ миромъ. Вамъ напишутъ, а вы подпишите.

— Извольте, я подпишу, только пяти рублей не возьму... Богъ съ нимъ!

— Ну, какъ хотите!

Онъ былъ въ своемъ кварталѣ и прокуроръ, только въ рѣдкихъ случаяхъ, это когда считалъ себя оскорбленнымъ кѣмъ-либо изъ купцовъ, обидѣвшихъ его «праздничными» или иными установленными обычаемъ денежными взносами. Тутъ онъ являлся во всемъ величіи своей власти: вызывалъ въ кварталъ дворниковъ, находилъ въ колодцахъ у обывателей утопленныхъ котятъ, отыскивалъ непропи-

http://rcin.org.pl

санные паспорты; простой пьяный шумъ на фабрикѣ принималъ за буйство съ сопротивленіемъ властямъ; но по свиданіи съ обвиняемымъ обывателемъ, преслѣдованіе прекращалось «по недостатку улики».

Онъ былъ и судебнымъ слѣдователемъ.

«Во исполненіе приказанія вашего высокоблагородія,— доносилъ онъ,—я производилъ слѣдствіе съ прикомандированнымъ чиновникомъ (такимъ-то) объ ограбленіи купца (такого-то) въ Водосточномъ переулкѣ, при чемъ грабители, употребивъ насиліе, скрылись, оставивъ на мѣстѣ, по всему вѣроятію принадлежащій имъ ломъ и огарокъ стеариновой свѣчки. То и надо полагать, названные грабители изъ Москвы бѣжали, ибо нахожденіе ихъ въ Москвѣ, при опасности быть пойманными, при нашемъ совмѣстномъ заключеніи, невозможно. При чемъ, по долгу присяги, не могу не отнестись съ большою похвалою къ полицейскому служителю Гаврилову, трое сутокъ, несмотря на сырость и вѣтеръ, сидѣвшему на рѣкѣ Яузѣ подъ полуярославскимъ мостомъ, выслѣживая злодѣевъ».

Онъ былъ и защитникъ.

— Батюшка, ваше благородіе, защити ты меня, отецъ родной, — голоситъ, валяясь въ ногахъ у комиссара, старуха.— Все пропилъ...

— Кто пропилъ?— грозно вскрикиваетъ Ермилъ Николаевичъ.

— Сынъ, батюшка, родной сынъ... Защити ты меня...

— Это ты?— обращается комиссаръ къ молодому, щеголевато одѣтому мастеровому.

— Я,—отвѣчаетъ нахально мастеровой.

— Ты кто такой?

— Цеховой кислощейнаго цеха.

— То-то у тебя и рожа-то кислая!.. Ты знаешь Божью заповѣдь: «Чти отца твоего и матерь твою»?

Бацъ!

Цеховой летитъ въ стѣну.

— Ты знаешь, что твоя мать носила тебя въ своей утробѣ сорокъ недѣль?

— Зн...

Бацъ!

— Ваше благородіе.

— Ступай съ Богомъ! На первый разъ съ тебя довольно. Василій Ивановичъ, возьмите съ него подписку, что впредь онъ будетъ оказывать матери сыновнее почтеніе.

http://rcin.org.pl

Дѣлъ, въ то блаженное время, требующихъ психическаго анализа, юридическихъ знаній, научной подготовки, не возникало. Всѣ дѣла были компетенціи комиссаровъ, квартальныхъ надзирателей, въ рѣдкихъ случаяхъ частныхъ приставовъ, а если дѣло восходило до оберъ-полиціймейстера и обращалось въ управу благочинія, то сейчасъ же переносилось обвиняемыми на консультацію къ Иверскимъ воротамъ, въ институтъ иверскихъ юристовъ, дѣльцовъ, изгнанныхъ изъ московскихъ палатъ, судовъ и приказовъ. Въ числѣ этихъ дѣльцовъ были всякіе секретари — и губернскіе, и коллежскіе, и проворовавшіеся повытчики и бывшіе комиссары и архиваріусъ, потерявшій въ пьяномъ видѣ ввѣренное ему на храненіе какое-то важное дѣло, и вѣдомые лжесвидѣтели, и честные люди, но отъ пьянства лишившіеся образа и подобія Божія. Собирались они въ Охотномъ ряду, въ трактирѣ, прозванномъ ими «Шумла»; ни дома этого, ни трактира теперь уже не существуетъ. Въ этомъ трактирѣ и вѣдалось ими и оберегалось всякое московскихъ людей воровство и поклепы, и волокита. Здѣсь они писали «со словъ просителя» просьбы, отзывы, дѣлали консультаціи; бѣгали расписываться «за неграмотностію просителя». И текла ихъ жизнь, полная лишеній, полная непробуднаго пьянства и угрызеній совѣсти, у кого она оставалась... Съ горечью взирали они на своего брата-дѣльца, подъѣзжавшаго къ сенату на своей лошади, привѣтствуемаго всей служившей братіей.

— Вотъ вѣдь по дѣлу Павла Матвѣича надо бы ужъ давно ему въ Сибири быть, а онъ въ коляскѣ...—замѣчаетъ одинъ изъ дѣльцовъ.

— Suum quique! Не завидуй! — успокоиваетъ его губернскій секретарь Никодимъ Кипарисовъ. — Всѣ сравняемся!

Безумцы стапутъ съ мудрецами,
Съ хапжой столкнется изувѣръ.

— Эхъ, Петя!—сразилъ насъ съ тобой этотъ центифарисъ (центифарисомъ иверскіе юристы называли водку)! Не пей я—кѣмъ бы теперь я былъ? Можетъ быть, епископомъ, можетъ быть профессоромъ, можетъ быть гражданской палатой ворочалъ; а чѣмъ я кончилъ? магистратомъ; да и то съ такимъ формуляромъ, что самому въ него смотрѣть стыдно!.. Epistola non erubescit, а я какъ, глядя на нее, краснѣю!.. Двѣ диссертаціи написалъ по-латыни, да какія! Преосвященный предъ всей семинаріей меня въ

http://rcin.org.pl

примѣръ поставилъ. Кто, говоритъ, у васъ, отецъ ректоръ, писалъ диссертацію на тему: «Mens agit t molem». Никодимъ Кипарисовъ, сынъ заштатнаго дьячка. Велѣлъ мнѣ изъ-за парты выйти и преподалъ благословеніе. Діогенъ въ бочкѣ не переносилъ такихъ лишеній, какія переношу я... У тебя хоть зимняя оболочка есть, а я съ ужасомъ ожидаю пришествія борея: не въ чемъ будетъ на улицу выйти. А никому я не завидую!.. Самъ себѣ такую дорогу проложилъ. Вѣдь, мнѣ придетъ время, «грядетъ часъ и нынѣ есть»—полетимъ мы всѣ внизъ, какъ съ Тарпейской скалы, и «пронесутъ имя наше яко зло». Готовься къ этому и мужайся. Дальше идти нельзя! Другіе къ намъ на смѣну придутъ...

— А другіе-то лучше, что ли, насъ будутъ?—возразилъ дѣлецъ.

— Не знаю! «Темна вода во облацѣхъ воздушныхъ». Но намъ конецъ! Не токмо сенатъ, но и уѣздный земскій судъ затворитъ намъ свои двери. Кромѣ образовательнаго—нравственный цензъ потребуется... Ну!

— Ну?

— Ну и умри!.....

«Правда и милость да царствуетъ въ судахъ!» раздалось съ высоты трона.

Оцѣпенѣли иверскіе юристы.

— «Да сбудется реченное», — воскликнулъ Никодимъ Кипарисовъ.

— Однако! — произнесъ со вздохомъ квартальный надзиратель.

— Теперь ступай къ мировому, а не ко мнѣ, мы больше не годимся, — иронически говорилъ комиссаръ просительницѣ.

— Самъ, батюшка, насъ разсуди! Зачѣмъ я полѣзу къ мировому... Еще кто онъ такой...

— Молодой... Съ золотой цѣпью на шеѣ сидитъ... Хе-хе-хе... да повѣреннаго возьми. Деньги-то есть, что ли?

— Какія у насъ, батюшка, деньги?

— Ну, ужъ это твое дѣло... Теперь тамъ на лѣстницѣ повѣренные стоятъ. Да ты не бойся: не отъ иверскихъ,—теперь ужъ нѣтъ—теперь все новые, хе-хе-хе!

— Кипарисычъ, — говоритъ молодой купецъ иверскому юристу, прозябшему до костей у воротъ московскаго трактира:—говорятъ, вашему брату послѣдній конецъ пришелъ.

— Вѣрно, господинъ коммерсантъ.

http://rcin.org.pl

— Что-жъ, вѣдь замерзнешь безъ дѣла-то.

— По теоріи вѣроятностей долженъ замерзнуть.

— Ты бы къ чему-нибудь пристроился. Говорятъ, еще на Хитровомъ рынкѣ вашимъ братомъ не гнушаются.

— Что-жъ ты смѣешься надо мной? Твой отецъ не только мной не гнушался, а когда его въ яму тащили — въ ногахъ у меня валялся. Выручи! Эхъ, ты! Можетъ быть ты мнѣ обязанъ, что капиталъ у тебя есть. Погоди, вспомнишь и насъ! Мы самимъ Богомъ были устроены для вашего купеческаго права, а съ новыми вамъ придется побарахтаться. Dixi!

— Это насчетъ чего?

— А насчетъ того, что ты немилосердный человѣкъ, смѣешься надъ умирающимъ.

И комиссары московскіе перемерли, и Кипарисычи, и всѣ члены иверской консультаціи отошли въ вѣчность, но на почвѣ, которую они воздѣлывали и удобряли, и на которой въ былыя времена произрастало «крапивное сѣмя»— прозябло новое растеніе, не значившееся прежде въ юридической ботаникѣ и названное, при своемъ появленіи, «аблокатомъ». Аблокатъ не имѣетъ ничего общаго съ людьми, аккредитованными судомъ и съ институтомъ присяжныхъ повѣренныхъ. Онъ торгуетъ безъ патента. Между ними есть незрѣлые шантажисты, дѣянія которыхъ не предусмотрѣны закономъ, но дѣянія эти заставили бы содрогнуться иверскаго юриста. Объ этихъ общественныхъ дѣятеляхъ еще будетъ мое слово.

—

II.

Широкія натуры.

Немилосердный коммерсантъ, смѣявшійся надъ умирающимъ иверскимъ юристомъ Никодимомъ Кипарисовымъ, принадлежалъ къ широкимъ купеческимъ натурамъ.

То время было время широкихъ натуръ, почти уже не существующаго теперь типа загульныхъ людей. Широкая натура проявлялась тогда и въ образѣ промотавшагося интеллигента, прислонившагося къ загульному купцу въ качествѣ «дикаго барина», съ обязанностію откупоривать бутылки, играть на гитарѣ, и «выкидывать колѣна» и т. п., и въ образѣ художника, которому уже перестала повиноваться кисть, и въ образѣ высокодаровитаго артиста, пре-

http://rcin.org.pl

небрегавшаго преклоненіемъ предъ его талантомъ народной массы, и даже въ образѣ баснстаго дьякона. Широкую натуру въ Москвѣ уважали, она даже не теряла уваженія и тогда, когда, растративши матеріальныя, нравственныя и физическія силы, насидѣвшись въ ямѣ и навалявшись въ больницѣ, становилась съ нищими на паперти церковной.

— Ивана Семенова давеча видѣлъ: у Василья Блаженнаго на паперти стоитъ,—говоритъ купецъ сосѣду своему по лавкѣ.

— Хорошъ?

— Весь распухъ, словно стеклянный сталъ, а духу своего не теряетъ. Увидѣлъ меня, словно бы маленько улыбнулся и сейчасъ опять въ сурьезъ вошелъ. Мигнулъ я ему, дескать приходи... Не знаю, понялъ ли.

— Значитъ, гордости своей съ себя не снимаетъ...

— Съ отвагой стоитъ!.. Ужъ и тузъ же былъ!..

— Богатырь!

Всякія безобразія и буйства, несмотря на строгіе въ то время порядки, проходили широкимъ натурамъ даромъ. Развѣ какое-нибудь исключительное проявленіе дикаго права вызывало протестъ со стороны графа Закревскаго, да и то кончалось большею частію только отеческимъ внушеніемъ.

— Ты опять! — встрѣчаетъ строгій графъ широкую натуру,—именитаго купца.

— Виноватъ, ваше сіятельство!.

— Пора исправиться. Ты дурной примѣръ подаешь своимъ дѣтямъ.

Молчаніе.

— Ты ужъ сѣдой!

— По родителю, ваше сіятельство: покойный родитель рано посѣдѣлъ.

— Ступай! Но чтобъ больше этого не было!.. Стыдно! Ты знаешь, я не посмотрю, что ты...

Послѣдняя фраза имѣла большое значеніе. Въ Москвѣ тогда убѣждены были, что графъ Закревскій имѣетъ какіе-то особенные бланки, по которымъ онъ можетъ ссылать въ Сибирь, постригать въ монастырь и т. п.

Приходитъ широкая натура послѣ генералъ-губернаторскаго внушенія въ клубъ.

— Ну, что?—спрашиваютъ.

— Ничего, разговоръ былъ самый обыкновенный... Про

http://rcin.org.pl

матушку спрашивалъ—церковь вѣдь она теперича строитъ... Ну, а послѣ про это дѣло... Мало ли что, говорю, ваше сіятельство, въ своемъ саду дѣлается... Ну, ничего, благородно обошелся... Мнѣ вотъ только дьякона жалко. Къ Николѣ на Перерву его на исправленіе послали.

— А дьякона-то за что?

— Да вотъ изволите видѣть: собрались мы у Назара Ивановича въ саду. Ну, шумъ былъ... Что за важность! Ну, дьяконъ намъ всѣмъ по очереди многолѣтіе сказывалъ.

— Насколько я знаю,—вмѣшивается чиновникъ какой-то палаты:—онъ произносилъ многолѣтіе не такъ, какъ слѣдуетъ.

— Обыкновенно какъ кричалъ многая лѣта, а мы пѣли пьяные.

— Да, все это хорошо! Благоденственное и мирное житіе—это бы еще ничего; а зачѣмъ онъ говорилъ: «на враги же побѣды и одолѣніе коммерціи совѣтнику»... Это весьма важно! Это вѣдь знаете...

— Да вѣдь вашъ братъ какъ пойдетъ привязываться...

— Да это не у насъ, это въ консисторіи.

— Ну, я тамъ не знаю гдѣ, а только очень жалко! Этакого, можно сказать, удивительнаго баса и нашего друга... Ну, конечно, мы на Перерву-то къ нему ѣздимъ, горевать тамъ ему не дадимъ.

Большая часть притоновъ, гдѣ собирались по вечерамъ широкія натуры, теперь уже не существуетъ; память о нихъ сохраняется только въ устномъ преданіи. То были: трактиръ у Каменнаго моста «Волчья долина», трактиръ Глазова на окраинѣ Москвы, въ Грузинахъ, кофейная «справомъ входа для дворянъ и купцовъ», въ Сокольникахъ, трактиръ въ Марьиной рощѣ и разные ренсковые погреба. Въ этихъ притонахъ, широкая натура пила «Лиссабонъ», приводившій человѣка въ неистовство, пила шампанское, приготовлявшееся въ г. Кашинѣ, одной бутылки котораго достаточно было для того, чтобы привести человѣка въ остервенѣніе, била половыхъ, била маркеровъ, била посуду и зеркала, цѣловалась съ арфистками, становилась на колѣни передъ цыганками и щедро оплачивала зорко слѣдившаго за нарушеніемъ общественной тишины и спокойствія квартальнаго надзирателя.

Бывали и такія широкія натуры, которыя, какъ говорится, смѣшивали грѣхъ со спасеніемъ.

— Заходи завтра, Иванъ Левонтьичъ.

http://rcin.org.pl

— Пѣтъ, три дня чертили, отдохнуть надо.

— Да завтра ничего такого не будетъ. Весь хоръ прокофьевскихъ пѣвчихъ только... попоютъ... а чертить не будемъ. Признаться сказать, матушка коситься начинаетъ, въ Воронежъ на богомолье хочетъ ѣхать. На годъ, говоритъ, отъ васъ уѣду.

И вотъ собираются вечеромъ широкія натуры и садятся чинно въ залѣ. Налѣво въ углу въ золоченыхъ кіотахъ «Божье милосердіе», направо столъ, уставленный закусками и разной цвѣтной и безцвѣтной жидкостью акцизно-откупного комиссіонерства. Выходитъ «сама», внушительной полноты женщина, съ заплывшими глазами и тройнымъ подбородкомъ, а за ней «матушка», худая, высокая старуха въ темномъ платьѣ и черномъ платкѣ, говоритъ на о.

— Ѳекла Семеновна, матушка...—вскакиваетъ Иванъ Левонтьичъ.

— И ты, грѣшникъ, здѣсь?—полусерьезно относится къ нему старуха:—ну, тѣ молодые ребята, ихъ и палкой можно, а ты ужъ...

— Матушка, Ѳекла Семеновна, одинъ разъ живемъ!.. Помремъ—все останется... Вѣдь не въ лаптяхъ ходимъ, голубушка, есть на что...

— Крутятся, крутятся... и лба-то перекрестить некогда. И домой-то васъ одна заря вгонитъ, другая выгонитъ. А ты что про лапти говоришь: я сама въ лаптяхъ хаживала. Ты лапти не кори...

— Я не къ тому.

— То-то—не къ тому! Покойникъ сертукъ-атъ надѣлъ, когда весь свой полный капиталъ скопировалъ, да и то, бывало, говоритъ: неловко, Семеновна, давай опять поддевку надѣну, поддевка-то, говоритъ, насъ съ тобой выкормила. Внучки-то вотъ тоже мои куцки себѣ понашили, дѣвки же говорить съ ними стыдятся, словно бы, говорятъ, облупленныя сидятъ и приступиться-то къ нимъ стыдно.

— Матушка, пожалуйте садиться,—прерываетъ сынъ:—сейчасъ весь составъ идетъ... Басы ужъ готовы—закусили въ саду.

И хоръ, или весь составъ прокофьевскихъ пѣвчихъ, входитъ, имѣя во главѣ своего хозяина и регента, ямщика Прокофьева. Хоръ этотъ гремѣлъ по Москвѣ; безъ него не обходился ни одинъ храмовой праздникъ, ни одна купеческая свадьба. Онъ былъ многочисленный, содержалъ его страстный любитель пѣнія, купецъ Прокофьевъ, но

http://rcin.org.pl

профессіи ямщикъ, содержатель лошадей и тарантасовъ. Спавшій съ голоса или отставленный по какимъ-либо причинамъ синодальный или чудовскій пѣвчій, любители пѣнія—чиновники, мѣщане и всякаго званія люди въ хору были. Былъ даже одинъ пѣвчій безграмотный, и становился на клиросѣ, чтобы, какъ говорили, «пущать октаву». И октава была у него необыкновенная. Басы въ Москвѣ, въ то время, да и теперь, цѣнились дорого. Свадьба не въ свадьбу, если апостолъ будетъ прочитанъ теноромъ. Жалко, что перомъ нельзя передать тѣхъ звуковъ, которые вылетали изъ груди прокофьевскихъ басовъ.

— Ты ужъ, Николай Иванычъ, къ завтрашнему дню «приготовься», — упрашивалъ старшій приказчикъ одного купца, на вѣнчаніи дочери котораго долженствовалъ читать апостолъ Николай Иванычъ:—то возьми во вниманіе: одна дочь, опять же и родство большое.

— Ужъ сдѣлаю, успокоивалъ его Николай Иванычъ: сегодня у меня, у Троицы въ Вешнякахъ парамеи за всенощной; ну, да я какъ-нибудь проворчу полегонечку, а у васъ завтра пущу во всю...

— Голубчикъ, грохни!

— У Егорья на Вспольѣ на прошлой недѣлѣ вѣнчали, худенькая такая невѣста, на половинѣ апостола сморщилась, а какъ хватилъ я «жену свою спце да любитъ», такъ она такъ на шафера и облокотилась...

— Нѣтъ, папа выдержитъ! Папа даже до пушекъ охотница... Вотъ когда въ царскій день палятъ... А ужъ ты дѣйствуй во всю, сколько тебѣ Господь Богъ голосу послалъ.

— Съ вечера-то я сегодня, можетъ, согрѣшу, а завтра утромъ «оттяну», оно и будетъ такъ точно.

За человѣка становилось страшно, когда «оттянувшій» по утру басъ, вечеромъ забирался въ верхніе слои своихъ голосовыхъ средствъ. Глаза его наливались кровью, грудь выступала впередъ, подымались плечи... Ужасно!

Пѣвчіе размѣстились по порядку: басы назади, тенора на правомъ крылѣ, альты на лѣвомъ, дисканты впереди. Прокофьевъ, сѣдой, почтенный, строгой наружности старикъ, вынулъ камертонъ, куснулъ его зубами, подставилъ къ уху... еще разъ... погладилъ по головѣ гладко выстриженнаго маленькаго мальчика дискантa, нагнулся къ его уху и промычалъ ему нотку, потомъ оборотился къ басамъ...—соль-си-ре... си... потомъ громогласно сказалъ:

http://rcin.org.pl

«Покаянія отверзи ми двери». Хоръ шевельнулъ нотами и запѣлъ очень стройно. Изрѣдка слышалось только дребезжаніе старческаго голоса самого регента, но оно тотчасъ же покрывалось басами. Кончили. Басы откашлялись, тенора поправили волосы, альты завертѣли нотами, регентъ закусилъ камертонъ, опять послышалось — ля-до-ми... и торжественный концертъ Бортнянскаго «Кто взыдетъ на гору Господню» огласилъ не только залу, но и улицу, и близлежащіе переулки. Мальчишки съ улицы прислонились къ окнамъ и приплюснули къ стекламъ свои носы. Сильно подѣйствовала на душу матушки пропѣтая пѣснь. Она обтерла рукой увлажнившіеся слезами глаза и посмотрѣла на сына. Сынъ глубоко вздохнулъ и, покачавъ головою, сказалъ: да!

Иванъ Левонтьичъ взялъ у регента камертонъ, повертѣлъ его въ рукахъ и отнесся къ матушкѣ:

— Ѳекла Семеновна, вотъ рогулька, ничего не стоющая, а безъ нея никакъ невозможно.

— У всякаго дѣла свой струментъ есть,—замѣтила старуха.

Насладившись пѣніемъ, хозяинъ пригласилъ пѣвчихъ къ столу. Одинъ басъ закусилъ икрой, другой—мятнымъ пряникомъ, говоря, что «это очищаетъ», третій ничѣмъ не закусывалъ, говоря, что послѣ закуски вторую рюмку пить непріятно, «октава» привелъ всѣхъ въ изумленіе—ничего не пилъ, несмотря на всѣ увѣщанія.

— Это даже удивительно, — замѣтилъ Иванъ Левонтьичъ:—такой видный человѣкъ и не пьетъ!

— Прежде былъ подверженъ,—объяснила ему октава:—въ больницѣ разъ со второго этажа въ окошко выбросился. Докторъ больше не приказалъ.

Тенора выпили «легонькаго», т. е. портвейну и хересу; мальчикамъ были бабушкой отпущены моченыя яблоки.

Послѣ угощенія хоръ разбрелся: кто пѣть всенощную на храмовомъ праздникѣ, кто пѣть на свадьбѣ. Самъ Прокофьевъ остался съ широкими натурами и, вручивши свой камертонъ своему помощнику, сказалъ: «Не потеряй! Сорокъ лѣтъ я имъ орудую! Да скажи тамъ: завтра въ мѣдномъ ряду молебенъ... «Царю» и «Воспойте». Чтобы утромъ пораньше спѣвались. Я самъ буду. Къ Троицѣ Сыромятники къ «Взбранной воеводѣ» тоже приду».

Начался разговоръ о соборныхъ дьякопахъ, о пѣвчихъ,

http://rcin.org.pl

о томъ, что пѣвчимъ быть трудно и т. п. Наконецъ хозяинъ обратился къ гостямъ съ предложеніемъ:

— А что, господа, не на воздухъ ли намъ перейти?

Рѣшили, что на воздухъ лучше, и перешли. Тамъ ихъ ожидало новое удовольствіе. Ихъ встрѣчалъ пѣвецъ, отлично исполнявшій русскія пѣсни и романсы.

И пошло!..

Заложу я тройку борзыхъ
Сѣро-пѣгихъ лошадей
И помчусь я въ ночь морозну
Прямо къ Любушкѣ своей...

Золотое тогда время было для широкихъ натуръ, но и ему приближался конецъ.

«Правда и милость да царствуетъ въ судахъ!».

И вмѣсто квартальнаго и комиссара, съ которыми, совершивъ всякую «неправду», можно было «сдѣлаться»,— является умягчающій поврежденные нравы мировой судья; вмѣсто отеческаго внушенія генералъ-губернатора, распахнулись для широкихъ натуръ двери знаменитыхъ «Титовъ». Дрогнули широкія натуры, когда, на первыхъ порахъ, одну изъ нихъ, не взирая на ея общественное положеніе и почти неприкосновенность, за содѣянное ею въ трактирѣ буйство, мировой судья пригласилъ на новоселье въ «Титы».

— Ужъ теперь дѣло видимое, что прежніе порядки отошли,—заключили въ захолустьѣ.

— Ужъ если этакой тузъ не отвертѣлся, значитъ никакъ невозможно.

— Tempora mutantur,—со вздохомъ произнесъ Никодимъ Кипарисовъ, выходя изъ камеры мирового судьи.

— Ничего! Можно сказать, даже превосходнѣе,—замѣтилъ одинъ обыватель захолустья:—по крайней мѣрѣ теперича знаешь, что драться невозможно.

— А прежде не зналъ?

— Зналъ, да никакой тебѣ оставки въ этомъ не было, никто не препятствовалъ...

Очень скоро примѣнилось захолустье къ новымъ порядкамъ и сознало, что существовать стало легче. Комиссаръ потерялъ свой престижъ и не имѣлъ уже прежняго значенія въ купеческихъ домахъ, ни на похоронахъ, ни на свадьбѣ. Ужъ его не подводилъ хозяинъ подъ-руку къ закускѣ, съ упрашиваніемъ выкушать на доброе здоровье, а предлагалъ ему просто, мимоходомъ: «Ермилъ Николаевичъ,

http://rcin.org.pl

ты бы водки выпилъ. Настойка тамъ есть...» Праздничныя его вспоминанія тоже умалились. Давали обыватели по старой привычкѣ, но уже не въ прежнихъ размѣрахъ и съ видимымъ неудовольствіемъ. А одинъ купецъ сталъ даже надъ нимъ подтрунивать:

— Однако, у тебя, Ермилъ Николаевичъ, пузо-то подсыхать стало... при новыхъ-то порядкахъ... Какой ты прежде пузатый былъ—на удивленіе, а теперь ишь какъ тебя подвело...

— Да!—съ горькимъ вздохомъ произнесъ комиссаръ:—не нужны мы стали!..

— Ну, какъ вы съ вашимъ мировымъ?—скривши саркастическую улыбку, спрашиваетъ частный приставъ обывателя.

— Во все вникаетъ,—отвѣчаетъ обыватель.

— Вникаетъ? Ха, ха, ха... Вникаетъ! Это хорошо! Не получая ни отъ кого ни приказаній, ни предписаній, не рыская цѣлый день то съ рапортомъ на Тверской бульваръ, то на пожаръ, то въ нарядъ на гулянье—можно вникать.

— Очень вникаетъ! Намедни на фабрикѣ у нѣмца одному шпульнику руку шестерней оторвало—заплатить велѣлъ. Оно вѣдь, пожалуй, и справедливо. Опять же посовскіе фабричные на нищу жаловались. Самъ пріѣхалъ и сейчасъ: «стыдно, говоритъ, вамъ! Вы почетный гражданинъ, а фабричныхъ вашихъ хуже собакъ кормите». Тотъ было правъ свой распустилъ: «по какому праву? Я, говоритъ, ихъ три тысячи продовольствую...» Но между прочимъ, говорятъ, въ Титахъ сидѣть будетъ. Ужъ трехъ аблокатовъ приспособилъ...

— Такъ значитъ вы довольны.

— Коли и впередъ такъ дѣла пойдутъ—довольны.

— Ну, и слава Богу, коли довольны,—окончилъ иронически частный приставъ.

Впрочемъ, новые порядки неблагопріятно подѣйствовали на стариковъ и на среднее поколѣніе. Старикамъ не нравилось, что они уже больше не могли распоряжаться своимъ необузданнымъ характеромъ во всю мѣру, что въ лицѣ мирового въ примѣненіи этого характера они встрѣчали преноны; среднему поколѣнію казалось ужъ стыдно за какіенибудь пустяки, за трепку, напримѣръ, полового или маркера въ Волчьей долинѣ предстать предъ лицомъ нелицепріятнаго судьи. Молодое поколѣніе, въ которомъ еще не проявилась «тятенькина натура», осталось равнодушно. Да

http://rcin.org.pl

оно не было еще испорчено. Оно еще не вкусило сладости Волчьей долины, ренсковыхъ погребовъ и пріютъ Соболева переулка. Цѣломудріе его не было растлѣно общеніемъ съ арфистками и торбанистами. Предъ нимъ предстояло высшее эстетическое наслажденіе. И оно не замедлило явиться. Съ обнаженными чреслами показалась на сценѣ «La belle Hélène». Не только молодое и среднее поколѣнія, встрепенулись и старцы.

— Очень хорошо!

Старики созерцали женщинъ въ такомъ видѣ, но только въ Купавинѣ и то за большія деньги, и при закрытыхъ дверяхъ, а тутъ на сценѣ, и всего за полтора рубля.

— Превосходно!

И охватила опереткa все мое любезное отечество «даже до послѣднихъ земли». Гдѣ не было театровъ, она располагалась въ сараяхъ, строила наспѣхъ деревянные павильоны, эстрады въ садахъ и т. п. Появились опереточные антрепренеры изъ актеровъ, изъ проживинихся помѣщиковъ, былъ одинъ отставной унтеръ-офицеръ, одинъ лакей, три жида и т. п.

И на голосъ ласковой пери
Шелъ воинъ, купецъ и пастухъ.

Бросились въ ея объятія достойныя лучшей участи дѣвушки, повыскакивали со школьной скамьи недоучившіеся молодые люди, актеры всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ театровъ были «поверстаны» въ опереточные нѣвцы, даже слава и гордость русскаго театра, П. М. Садовскій, уступая не духу времени, а требованію начальства, долженъ былъ напялить на себя дурацкій костюмъ аркадскаго принца.

Драма посторонилась.

На помощь опереткѣ появился вдругъ куплетъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ онъ выскочилъ на сцену въ черномъ фракѣ и запѣлъ:

Денегъ въ Россіи нѣтъ—смѣло
Каждый готовъ произнесть.
Нѣтъ у насъ денегъ на дѣло—
На безобразіе есть!

— Браво!—закричали поврежденные нравы и задумались.

— А вѣдь правда, заговорили; на безобразіе у насъ сколько угодно!..

Ходятъ больные, какъ трупы,
Просятъ голодные ѣсть;
Нѣтъ у насъ денегъ...

http://rcin.org.pl

— Правда! Чудесно! — закричалъ Назаръ Ивановичъ, поглядывая на Ивана Назарыча:—расчесывай, расчесывай хорошенько!

И сталъ куплетъ расчесывать поврежденные нравы. И распространился тоже по всему лицу земли русской и засѣлъ не только въ театрѣ, но и въ клубахъ, и въ трактирахъ, даже на открытомъ воздухѣ. И полетѣлъ со своего пьедестала торбанистъ, услаждавшій отцовъ и дѣдовъ захолустныхъ обывателей и въ Ирбитѣ, и въ Нижнемъ, и въ Волчьей долинѣ, и во всѣхъ веселыхъ притонахъ государства россійскаго. Почтительно отошелъ въ сторону и далъ дорогу куплету веселый водевиль, много лѣтъ царившій на сценѣ.

http://rcin.org.pl

БѢЛАЯ ЗАЛА.

Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія, сборнымъ пунктомъ пріѣзжавшихъ въ Москву провинціальныхъ актеровъ была такъ называвшаяся Бѣлая зала, въ гостиницѣ купца Барсова, на площади Большого театра. Собирались въ ней актеры обыкновенно въ теченіе Великаго поста, получали здѣсь ангажементы и расходились до слѣдующаго поста по всему лицу россійскаго государства. Рѣдкій актеръ того времени, вступая на сцену, не переступалъ порога Бѣлой залы.

Вотъ что мы помнимъ, что мы видѣли въ этой Бѣлой залѣ.

На послѣднихъ дняхъ первой недѣли Великаго поста, входитъ въ залу солидный, высокій мужчина, лѣтъ шестидесяти, въ черномъ, наглухо застегнутомъ сюртукѣ. Это «благородный отецъ» изъ Ярославля.

Половой Гаврила, страстный любитель театра и преданнѣйшій слуга всѣхъ актеровъ, съ особенною радостію встрѣчаетъ пріѣзжаго гостя.

— Давно изволили пожаловать въ нашу столицу?

— Вчера, братецъ, утромъ. Былъ у Иверской. А сегодня къ своему угоднику и покровителю зашелъ. Обласкалъ, заплакалъ.

— Кто же это, Тимоѳей Николаевичъ?

— Михаилъ Семеновичъ *)... Кто же еще?

— Ахъ, а я и не домекнулъ... По зимѣ какъ-то уху у насъ кушали, съ какимъ-то профессоромъ. Чудесный старикъ... добрый, обходительный... Я, говоритъ, самъ крѣпостной былъ... понимаю ваше положеніе.

*) Щепкинъ.

http://rcin.org.pl

— Послѣ Павла Степановича *) два угодника у насъ осталось: Михаилъ Семеновичъ, да Провъ Михайловичъ **). И къ нему сейчасъ заходилъ: прилегъ, говорятъ, послѣ обѣда, отдыхаетъ. А у Сергѣя Васильевича ***) вчера былъ: сидитъ, на гитарѣ играетъ. Всѣхъ обошелъ... Живокини велѣлъ сегодня въ купеческій клубъ приходить.

— А гдѣ изволили остановиться?

— Въ Челышахъ, братецъ, гдѣ же больше-то...

— На что лучше, самое центральное мѣсто.

«Челышевскіе номера», на площади Большого театра, были обыкновеннымъ пристанищемъ заѣзжихъ въ Москву провинціальныхъ артистовъ. Удушливый, спертый воздухъ, полный микробовъ, видимыхъ невооруженнымъ глазомъ, отсутствіе какихъ-либо удобствъ, грязные неосвѣщенные коридоры, оборванная прислуга — составляли спеціальность этого актерскаго пріюта.

— А что, ужъ подъѣзжаютъ наши? Слетъ еще не начинался?

— Не предвидится, вы первые. Чѣмъ прикажете просить?

— А дай мнѣ, по обыкновенію, графинчикъ добраго, русскаго, бѣлаго, простого, очищеннаго вина, да пирогъ въ гривенникъ.

— Слушаю-съ.

Вотъ вошли еще два артиста — одинъ въ клѣтчатомъ, коротенькомъ пиджакѣ, въ красномъ галстукѣ; другой — въ полуфракѣ, съ гладкими свѣтлыми пуговицами, съ тщательно завитыми волосами. Первый — комикъ изъ Тулы, второй — первый любовникъ изъ Курска. Комикъ началъ съ водки, любовникъ сѣлъ на коньякъ.

На третьей недѣлѣ Бѣлая зала была ужъ полна пріѣзжими провинціальными сценическими дѣятелями. Съѣхались и антрепренеры: Борисъ Климычъ изъ Орла, Смальковъ изъ Нижняго, Васька Смирновъ изъ Ярославля, Григорьевъ изъ Тамбова, Херувимовъ изъ Екатеринбурга, Червончикъ изъ Тулы, директоръ симбирскаго театра — баринъ, прожившій солидное состояніе на любви къ театру. Звѣревъ изъ Севастополя и многіе другіе. Съѣхались они въ Москву обновлять свои труппы, заказывать костюмы, парики и т. п. Знаменитые того времени актеры всѣ на лицо: Милославскій изъ Казани, Рыбаковъ изъ Харькова, Чели-

*) Мочаловъ.
**) Садовскій.
***) Васильевъ.

http://rcin.org.pl

кинъ изъ Тамбова, Медынцевъ изъ Вологды, Яковлевъ изъ Ростова-на-Дону, Кириллъ Ермаковъ и др. Юркіе комики перебѣгаютъ отъ стола къ столу, любовники ведутъ бесѣду о московскихъ портныхъ, благородные отцы, по своему солидному положенію въ репертуарѣ, состоятъ при трагикахъ.

Вотъ одинъ комикъ, сидѣвшій за отдѣльнымъ столомъ съ директоромъ симбирскаго театра, вдругъ просіялъ—это онъ получилъ ангажементъ, или, на театральномъ жаргонѣ, «кончилъ». (Получить ангажементъ значитъ—«кончить». Я кончилъ въ Казань, я кончилъ въ Рыбинскъ и т. п.).

— Въ Симбирскъ? — спрашиваетъ его одинъ изъ товарищей.

— Въ Симбирскъ.

— Городъ хорошій. Я тамъ два сезона игралъ.

— Главное—дворянскій, — поддакиваетъ комикъ. — Настрадался ужъ я въ Ярославлѣ-то у Васьки Смирнова. Ты знаешь, онъ меня, съ моимъ-то ростомъ, заставилъ разъ Ляпунова играть.

— Что же, игралъ?

— Нѣтъ, жандармскій полковникъ заступился. Я, говоритъ, не позволю тебѣ безобразничать. А Юстиніана въ «Велизаріи» игралъ и, вмѣсто сандалій, резиновыя калоши надѣвалъ. То есть такой срамъ былъ — смерть! А ты посмотри, что это за антрепренеръ — баринъ, въ Шевалдышевой гостинницѣ остановился.

— А сколько?

— Семьдесятъ пять, два полубенефиса, парики его, двѣ пары лаковыхъ сапогъ, шляпа...

— Чего-жъ тебѣ еще!

— Ахъ, какъ я доволенъ! Гаврила, давай рябиновки. Губернаторъ, говорятъ, отличный человѣкъ; губернаторша почти изъ театра не выходитъ; откупщикъ тоже баринъ, на благородныхъ спектакляхъ Фамусова играетъ, за бенефисъ двадцать пять дастъ!.. То есть, какъ я доволенъ!..

Трагикъ Хрисанфъ пререкается съ однимъ изъ антрепренеровъ.

— Ну, какой ты антрепренеръ? Что ты понимаешь въ великомъ искусствѣ? Ты буфетъ въ театрѣ держалъ! Ну, что ты смыслишь?

Орловскій антрепренеръ въ тоскѣ: онъ не можетъ подыскать актера, который бы сыгралъ Любима Торцова въ комедіи «Бѣдность не порокъ», только что въ то время появившейся въ репертуарѣ.

http://rcin.org.pl

— Въ Коренной ярманкѣ купецъ собирается со всего свѣта, пьеса нравоучительная, купеческіе пороки выведены въ совершенствѣ... Хоть самъ играй!..

Ввязывается Смальковъ.

— Я въ Нижнемъ ставилъ. Некрасовъ игралъ чудесно!

— Какой же онъ Любимъ Торцовъ? Онъ маленькій, его отъ земли не видать!

— Толщину надѣвалъ... Отлично игралъ.

— Я тоже въ Рыбинскѣ ставилъ,—вмѣшивается Смирновъ.

— Это у себя въ курятникѣ-то?—возражаетъ Хрисанфъ:—Ты бы молчалъ лучше. Знаешь ли ты, что играть Любима Торцова...

— Что же въ немъ особеннаго? Обыкновенный пьяный купецъ...

— Особеннаго? Я съ тобой и разговаривать не хочу! Да я съ тебя полтораста Ляпуновыхъ за этого пьянаго купца не возьму. Вѣдь эту роль долженъ трагикъ играть, а онъ мальчишку нарядилъ. Понятіе!

— У насъ на югѣ эту пьесу не поймутъ, у насъ въ ходу больше помпезныя пьесы,—вступаетъ въ разговоръ содержатель севастопольскаго театра.

— Подите вы съ своимъ югомъ-то! У васъ Гамлетъ, въ сценѣ съ матерью, съ папироской вышелъ!

— Ну, что-жъ—пьяный былъ,—заступается содержатель.

— А король Лиръ звѣзды съ кавалерійскаго вальтрапа на себя надѣваетъ, тоже пьяный? Играйте вы тамъ своихъ «Багдадскихъ пирожниковъ», «Принцевъ съ хохломъ, горбомъ и бѣльмомъ»... Настоящій репертуаръ вамъ не по плечу. Да и многихъ онъ врасплохъ засталъ. Теперь не то! Теперь «Шире дорогу—Любимъ Торцовъ идетъ!» Налей мнѣ, Петръ Михайловичъ, рябиновки. Разозлилъ онъ меня! Вотъ ты,—обращаясь къ молодому актеру,—первогодочекъ, только-что начинаешь нашу скитальческую жизнь, вотъ ты и знай, у кого ты будешь въ лапахъ. Они всѣ здѣсь, эти губители талантовъ. Закались заранѣе. Да что у тебя: страсть къ театру, или тебѣ жрать нечего?

— Страсть, Хрисанфъ Николаевичъ.

— Ну, коли страсть—выдержишь; а если изъ-за куска хлѣба идешь—пропадешь. Кончилъ куда-нибудь?

— Въ Иркутскъ.

— Бывалъ тамъ. Ты, какъ пріѣдешь, сходи къ соборному протодьякону, отцу Іоанну—не знаю, живъ ли онъ—

http://rcin.org.pl

великій мнѣ другъ и пріятель, превосходно оду «Богъ» читалъ. Ты въ немъ найдешь второго отца и всю жизнь меня благодарить будешь. Явись къ нему и скажи: отъ Хрисанфа—и довольно! Эхъ, Петръ Михайловичъ! Тугія времена для театра приходятъ. Материки-актеры старѣютъ и умираютъ, столица ихъ тоже подбираетъ, репертуаръ идетъ новый, молодые люди не занимаются, да не отъ кого и поучиться-то. Вѣрь мнѣ, скоро жидъ полѣзетъ на сцену. Вонъ сидитъ съ Васькой Смирновымъ — это жидъ изъ аптеки, у аптекаря составлять мази учился, а теперь предстанетъ предъ рыбинской публикой. Талантливый шельма! Вчера Васька въ Челышахъ его экзаменовалъ—по-собачьи онъ ему лаялъ, ворону представлялъ, двѣ аріи на губахъ просвистѣлъ... Не знаю, какъ говорить будетъ, а эти жидовскія штуки дѣлаетъ чудесно! Купцы въ Рыбинскѣ затаскаютъ его по трактирамъ. Въ Ирбитской такому тоже молодцу одинъ шуйскій купецъ шубу соболью подарилъ. Сидитъ, бывало, компанія и онъ съ ними. Пьютъ. Придетъ ему фантазія: «ты бы, Абрамчикъ, полаялъ маленько, видишь, компанія скучать начинаетъ». Тотъ и начнетъ, ну, и долаялся до шубы. Разъ спросили его, какъ это ему Богъ такой талантъ открылъ? Въ острогѣ, говоритъ. Сидѣлъ онъ въ острогѣ въ секретной камерѣ. Отъ скуки, говоритъ, сталъ по вечерамъ прислушиваться къ собачьему лаю, сталъ подражать и достигъ въ этомъ искусствѣ до совершенства. Отъ собаки не отличить. Повѣрь мнѣ, милый человѣкъ, Петръ Михайловичъ, я-то ужъ не доживу, а ты увидишь—скоро актеры на сценѣ будутъ по-собачьи лаять, и пьесы такія для нихъ писать будутъ.

Смѣсь водки съ коньякомъ, лиссабонскимъ, гобарзакомъ и другими жидкостями разстроила нервы Хрисанфа: онъ впалъ въ меланхолію.

— Ступай, милушка, ступай на этотъ узкій путь,—говорилъ онъ только-что начинающему актеру, поглаживая его по головѣ.

— Хочу попробовать, Хрисанфъ Николаевичъ.

— Это, братъ, дѣло не пробуютъ. Въ это дѣло какъ окунешься, такъ на дно и пойдешь, ужъ не выплывешь. Тебѣ который годъ?

— Девятнадцатый.

— Въ тебѣ искорка есть, я это по глазамъ твоимъ вижу. Ты знаешь ли, гдѣ скрывается талантъ у актера?

— Гдѣ-съ?

http://rcin.org.pl

— Въ глазахъ! Посмотри когда-нибудь въ глаза Садовскому!.. А у Мочалова какіе глаза-то были! Я имѣлъ счастіе играть съ этимъ великимъ человѣкомъ въ Воронежѣ. Онъ игралъ Гамлета, а я—Гильденштерна.

«Сыграй мнѣ что-нибудь.

— Я не умѣю, принцъ».

Онъ уставилъ на меня глаза—все существо мое перевернулось. Лихорадка по всему тѣлу пробѣжала. Какъ кончилъ я сцену—не помню. Вышелъ за кулисы—меня не узнали.

— «Ты хочешь играть на душѣ моей, а не можешь сыграть на простой дудкѣ».

Губы у Хрисанфа затряслись и хлынули изъ глазъ слезы.

— Это былъ геній!

— А, говорятъ, Каратыгинъ выше его былъ.

— Ростомъ выше. Каратыгинъ! Конечно, талантливѣе всѣхъ насъ, грѣшныхъ, но до Мочалова ему гораздо дальше, чѣмъ намъ до него. Царство тебѣ небесное, великій артистъ!—Хрисанфъ перекрестился и немного подумавъ:—ну, Богъ тебя благословитъ! Можетъ, посчастливится, будешь знаменитымъ актеромъ, меня ужъ, разумѣется, тогда не будетъ, такъ ты меня тогда вспомни. Да, путь нашъ узкій, милый человѣкъ, и много на немъ погибло хорошихъ людей. Мельпомена-то бываетъ безсердечна: выведетъ тебя на сцену въ плащѣ Гамлета, а сведетъ съ нея четвертымъ казакомъ въ Скопинѣ Шуйскомъ. Старайся! Не свернись! Вышелъ на сцену—забудь весь міръ. Ты служишь великому искусству! Если ты понимаешь, что я тебѣ говорю, то продерешься чрезъ эту чушыгу, черезъ нашъ узкій путь,—окончилъ Хрисанфъ, восторженно хлопнувъ ладонью по столу.

Узкій путь! Имъ начинается исторія нашего театра. Впервые вступили на него праотцы наши, драматическіе художники—подъячишка Васька Мешалкинъ съ товарищи. «По твоему великаго государя указу,—вопятъ они царю Алексѣю Михайловичу:—отослали насъ, холопей твоихъ, въ нѣмецкую слободу для изученія комидійнаго дѣла къ магистру Ягану Готфрету, а твоего великаго государя жалованья корму намъ, холопемъ твоимъ, ничего не учинено, и нынѣ мы, холопи твои, по вся дни ходя къ нему, магистру, и учася у него, платьишкомъ ободрались и саноженками обносились, а пить-ѣсть нечего, и помрасмъ мы, холопи твои, голодною смертію. Пожалуй насъ, холопей

http://rcin.org.pl

своихъ: вели, государь, намъ свое великаго государя жалованье на пропитаніе поденный кормъ учинить, чтобъ намъ, холопемъ твоимъ, будучи у того комидійнаго дѣла, голодною смертію не умереть» *). Этимъ путемъ, при полномъ нравственномъ угнетеніи, достигалъ своего величія—слава и гордость русской сцены—Щепкинъ **). Этотъ путь прошелъ Садовскій, разыгрывая въ Лебедянп передъ пьянымъ трактирщикомъ пьесу за порцію щей и кусокъ говядины ***). На этомъ пути страдала знаменитая драматическая художница Косицкая, пока судьба не доставила ей случая поцѣловать ручку директора театровъ Гедеонова ****).

Хрисанфъ былъ прекрасный человѣкъ и прекрасный актеръ-трагикъ. Онъ имѣлъ слабость корчить изъ себя отставного военнаго человѣка: носилъ усы, вытягивалъ впередъ грудь, ходилъ военной поступью, въ разговорѣ намекалъ, что онъ принадлежалъ къ военному сословію, хотя по генеалогіи своей онъ къ этому сословію не принадлежалъ, а только родился въ бобруйской крѣпости отъ комиссаріатскаго чиновника и дѣтство провелъ среди военнаго элемента. Боковыя ложи театра онъ называлъ флангами, средпія и раекъ—центромъ, суфлерскую будку—амбразурой и т. п.

Онъ былъ поэтъ въ душѣ и въ возбужденномъ состояніи такъ правдоподобно разсказывалъ небывалыя съ нимъ происшествія, что всѣ его заслушивались. Онъ разсказывалъ, что дѣдъ его чуть не взялъ въ плѣнъ Наполеона; что онъ на льдинѣ, во время ледохода, проплылъ отъ Симбирска до Самары; что на Волгѣ, въ Жигуляхъ, отстрѣливался отъ разбойниковъ и двоихъ убилъ и т. п. Обыкновенно скромный относительно своихъ сценическихъ дарованій, въ возбужденномъ состояніи онъ начиналъ хвастаться.

— Вотъ какой со мной былъ случай,—начиналъ онъ:—пріѣхалъ я въ Нижній, вышелъ въ первый разъ въ своей коронной роли, въ Гамлетѣ. Ну, что ужъ тутъ говорить! Лѣвый и правый флангъ биткомъ, центръ—голова на головѣ; смотрю въ амбразуру—частный приставъ съ Мить-

*) П. О. Морозовъ. «Исторія русскаго театра», стр. 138.
**) Записки Щепкина.
***) Біографія Садовскаго. «Русскій Вѣстникъ», 1872 г., № 7, стр. 435.
****) Записки Косицкой. «Русская Старина», 1878 г., кн. I, II, IV.

http://rcin.org.pl

кой-суфлеромъ жену свою посадилъ. Только показался— залпъ со всѣхъ батарей... и пошло, и пошло!.. Офелію мнѣ дали какого-то заморыша, хоть и съ огонькомъ дѣвка, вице-губернатора потомъ гдѣ-то таки смазала... Прямо изъ губернскаго правленія подъ вѣнецъ свела. Какъ я своимъ шопоткомъ-то—здѣсь шепчу, а въ Таганкѣ слышно—

«Удались отъ людей!..»

Офелія моя скорчилась, дрожитъ, поблѣднѣла... Въ театрѣ шумъ... Жену соляного пристава вынесли... А ужъ какъ

«Оленя ранили стрѣлой!»—

губернаторъ высунулся изъ ложи и замеръ; полиціймейстеръ, кажется, ужъ, по должности своей, каменный человѣкъ—реветъ; Митька въ амбразурѣ книжку бросилъ и держитъ за плечи жену частнаго пристава; а публика... ужасъ! Чувствую—у меня-то у самого волосы на головѣ подымаются. Слава Богу, кончилъ! Во второй спектакль я поставилъ «Графиню Клару д'Обервиль», въ третій— «Велизарій»—отбою нѣтъ отъ публики. Послѣ пятаго спектакля узнаю, что во время Макарьевской ярманки я буду атакованъ: въ тылу у меня Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ, онъ въ то время въ Казани былъ, а съ фланга надвигается изъ Москвы Мочаловъ... Ну, думаю, съ двумя, пожалуй, не сладишь. Я къ Архипу Ивановичу—разойдемся, говорю. Нѣтъ, говоритъ:—Павелъ Степановичъ отказался: у васъ, говоритъ, тамъ Хрисанфъ, что я съ этимъ чортомъ буду дѣлать. Не поѣду. Кланяйтесь ему отъ Павла. Отступилъ безъ выстрѣла!

До шестой недѣли Великаго поста сдѣлки у содержателей театра съ актерами все продолжались. Звѣревъ накупилъ на Ильинкѣ подержанныхъ шляпъ и лаковыхъ сапогъ для любовниковъ, заказалъ полдюжины комическихъ париковъ, ангажировалъ двухъ комиковъ. Борисъ Климычъ «нанялъ» на Коренную ярмарку тамбовскаго трагика, сманилъ у Смалькова перваго любовника и у Смирнова комическую старуху, а Смальковъ перебилъ у него жидка, лающаго по-собачьи. Другіе содержатели тоже пополнили и измѣнили свои труппы. Кириллъ Ермаковъ, съ открытіемъ навигаціи, долженъ отплыть по Волгѣ въ Астрахань; Яковлевъ кончилъ въ Нижній и, прощаясь съ товарищами, восторженно говорилъ: «давно я лелѣялъ мысль сыграть Минина на мѣстѣ его родины. Тамъ я изучу Кремль, Со-

http://rcin.org.pl

борную площадь, на которой онъ говорилъ съ народомъ, и, можетъ, Богъ поможетъ показать Минина, какъ слѣдуетъ. Игрывали! *Самъ* *) хвалилъ когда-то, даже говорилъ: готовься ко мнѣ въ преемники»; Медынцевъ тронулся въ Кострому, съ предположеніемъ выступить для перваго дебюта въ роли Ивана Сусанина въ драмѣ «Костромскіе лѣса». На первыхъ любовниковъ былъ спросъ большой, и пріѣхавшіе всѣ почти ангажированы; со вторыми любовниками была заминка. Съ комиками, къ концу поста, стало тихо. Этимъ воспользовались Смирновъ и Червончикъ и они пошли за безцѣнокъ: одинъ комикъ, Лилеевъ—Обносковъ, съ своими париками, пошелъ къ Червончику за двадцать рублей и одну четверть бенефиса. Остался безъ приглашенія одинъ первый любовникъ, Райскій, за слишкомъ невыгодныя предложенія, которыя онъ дѣлалъ содержателямъ театровъ. По изящному костюму—онъ постоянно ходилъ во фракѣ и брюкахъ съ лампасами—по манерамъ и круто завитымъ волосамъ, онъ рѣзко выдѣлялся изъ массы актеровъ, посѣщавшихъ Бѣлую залу. Когда онъ, скрѣпя сердце, обратился съ предложеніемъ къ Борису Климычу, котораго онъ ненавидѣлъ и презиралъ за его грубость и невѣжество, тотъ сказалъ ему: «Намъ попроще надо». Никакія убѣжденія, что онъ играетъ роль Чацкаго не такъ, какъ другіе играютъ: послѣдній монологъ:

«Не образумишь! Виноватъ!»

весь, отъ начала до конца, какъ глубоко оскорбленный человѣкъ, говоритъ адскимъ шопотомъ и, нервно вскрикнувъ:

«Карету мнѣ, карету!»

въ дверяхъ падаетъ; что на роль Хлестакова онъ смотритъ совсѣмъ не такъ, какъ другіе: въ его исполненіи Хлестаковъ является изнѣженнымъ и избалованнымъ баричемъ, что онъ встрѣчаетъ Городничаго въ голубомъ шелковомъ халатѣ, а не въ жакеткѣ; показывалъ адресы, поднесенные ему разными городами съ выраженіемъ благодарности за доставленные восторги, за высокое художественное наслажденіе въ теченіе сезона; показывалъ серебряный портсигаръ, полученный отъ купцовъ въ Ельцѣ; показывалъ перстень съ жемчужиной, на футлярѣ котораго вытиснено золотыми буквами: «артисту Райскому слеза за пролитыя

*) Такъ онъ называлъ трагика Каратыгина.

http://rcin.org.pl

слезы отъ благодарной публики». Ничего не помогло! Борисъ Климычъ, дуя въ блюдечко съ чаемъ, говорилъ одно: «Не требуется, напрасно вы только себя безпокоите».

Какъ дѣлались соглашенія съ актрисами—неизвѣстно, потому что договоры съ ними содержателей театровъ происходили въ Челышахъ. Въ концѣ поста дѣлалось извѣстнымъ, что такая-то въ Полтаву, такая-то въ Курскъ. Червончикъ говорилъ, что онъ пригласилъ акрису на роли grande dame съ французскими фразами; Смальковъ—двухъ «субретокъ», изъ которыхъ одна съ танцами, а другая «съ голосочкомъ», можетъ играть «Материнское благословеніе». Борисъ Климычъ пригласилъ еще «бытовую старуху» и «молодого актерика на комильфотныя роли». Актеры Выходцовъ и Завидовъ рѣшили отправиться на свой страхъ, безъ приглашенія, первый—въ Аккерманъ, второй въ Рыбинскъ. Бѣлая зала все пустѣла и пустѣла. Заходили только несчастные суфлеры, самые необходимые и самые горькіе и многострадальные люди въ трупѣ, да актеръ Райскій. Сначала онъ ходилъ «при часахъ и при цѣпочкѣ», потомъ при однихъ часахъ, безъ цѣпочки, потомъ совсѣмъ безъ часовъ, наконецъ, и жемчужная слеза его скатилась гдѣ-то на Драчевкѣ, въ витрину Абрама Моисеевича Левинсона.

— Фортуны вамъ нѣтъ, Иванъ Степанычъ,—говорилъ ему Гаврила:—которые вотъ даже пьющіе, всѣ по мѣстамъ разошлись, а отъ васъ мы, окромя благородныхъ поступковъ, ничего не видали, а вы безъ мѣста остались.

— Ничего, Гаврила, выдержимъ!

— Вотъ этотъ хохлатенькій-то, въ клѣтчатомъ сюртучкѣ, по-собачьи-то лаялъ: за семь пироговъ не заплатилъ... слопать-то слопалъ, а денегъ не заплатилъ... Буфетчикъ съ меня вычелъ.

— Сколько?

— Семь гривенъ, да три подливки особенно, по гривенпику—рубль.

— А ты зачѣмъ подавалъ?

— Помилуйте, какъ же! Приходитъ человѣкъ съ полнымъ аппетитомъ, говоритъ, давай! Скушаетъ—за мной!

— Деньги небольшія. Вѣроятно, онъ забылъ. На, получи. Я плачу за него. Все-таки онъ товарищъ мнѣ по искусству.

— Именно, какъ вы есть благороднѣйшій человѣкъ, хоша и сами въ стѣсненномъ положеніи... Покорнѣйше благодаримъ... человѣкъ я бѣдный...

http://rcin.org.pl

— Поправимся... Прощай. Я, братецъ, никогда не унывалъ!

— Это ужъ послѣднее дѣло. Надо стараться, чтобы все въ лучшемъ видѣ...—окончилъ Гаврила, провожая гостя до лѣстницы.

Дѣла Райскаго, послѣ Святой недѣли, дѣйствительно поправились... Онъ дошелся кое-какъ до Харькова, втерся за ничтожную плату въ театръ, сошелся со студентами тамошняго университета, сталъ посѣщать ихъ бесѣды, на которыхъ ему открылся совершенно новый міръ. Молодые люди разъяснили ему, что такое Чацкій, что такое Хлестаковъ и вообще что такое драматическое искусство.

— Ну, скажите, пожалуйста,—наставлялъ его одинъ студентъ:—зачѣмъ вы въ Чацкомъ кричите монологи до самозабвенія, даже до одурѣнія?

— Для эфекту,—робко возражалъ Райскій.

— Развѣ сценическій эфектъ въ пеистовомъ крикѣ? А зачѣмъ вы пропускаете знаки препинанія въ монологахъ? Впрочемъ, вообще знаки препинанія для васъ больное мѣсто. Не дальше, какъ вчера, въ сценѣ у фонтана съ Мариной Мнишекъ, вамъ нужно было сказать:

«Царевичъ я. Довольно! Стыдно мнѣ
Предъ гордою полячкой унижаться...»

А вы прокричали:

«Царевичъ я. Довольно стыдно мнѣ
Предъ гордою полячкой унижаться...»

«Довольно стыдно мнѣ» не можетъ сказать царевичъ: это фраза гостиподворца.

— И мнѣ позвольте вамъ замѣтить,—вмѣшивается другой студентъ.—Зачѣмъ вы во всѣхъ роляхъ выходите съ завитыми волосами: Чацкій у васъ завитой, Хлестаковъ—завитой, Скопинъ-Шуйскій — завитой, Самозванецъ — завитой...

— А вотъ это ужъ совсѣмъ не хорошо талантливому артисту,—заключаетъ молодой адъюнктъ-профессоръ:—играя Полонія въ «Гамлетѣ», вы надѣваете красную куртку, съ гусарскимъ шитьемъ, накидываете сверху синій плащъ, подбитый краснымъ, въ видѣ мантіи, на головѣ у васъ голубая ермолка съ зеленой кисточкой, а на ногахъ ботфорты. Это ужасно не хорошо, неестественно и не вѣрно.

— Ну, такъ что же, господа, — воскликнулъ уничтоженный Райскій:—научите меня, какъ надо играть.

— Научить васъ, какъ *надо* играть — мы не можемъ, а

http://rcin.org.pl

вотъ какъ *не надо* играть—можемъ,— отвѣчалъ адъюнктъ.

Возвращаясь домой, Райскій предавался унынію, плакалъ, сознавалъ свое безсиліе и на другой день опять шелъ на бесѣду къ студентамъ. Бесѣды эти сильно подѣйствовали на его впечатлительную натуру! Онъ сталъ слушать совѣты, сталъ совершенствоваться. Не малую тоже услугу ему оказалъ одинъ богатый харьковскій помѣщикъ, страстный театралъ, гордившійся личнымъ знакомствомъ съ французскимъ актеромъ Алланъ, не признававшій Гоголя и Островскаго, предпочитавшій имъ Кукольника и Полевого и преклонявшійся предъ величіемъ трагика Каратыгина, котораго онъ называлъ «генералъ-адъютантомъ въ искусствѣ». Сидя въ театрѣ, высказывалъ рѣзко свои сужденія о пьесѣ и объ игрѣ актеровъ вслухъ, во время дѣйствія. Напримѣръ:

— Пора спускать занавѣсъ—ничего не выходитъ.

Или:

— Вотъ такъ Офелія! Это кислота какая-то...

Про актеровъ:

— Если бы былъ мой крѣпостной человѣкъ, я бы его... и т. д.

Актеры не обращали на его выходки вниманія, потому онъ былъ добрѣйшій человѣкъ и необыкновенный хлѣбосолъ. Драматическіе дѣятели находили у него роскошный обѣдъ безъ всякаго приглашенія.

— Очень радъ,—встрѣчалъ онъ гостя:—у меня сегодня супъ изъ хвостовъ, севрюга малосольная, спаржа пріѣхала, да каплунъ съ трюфелями... Не знаю, будете ли сыты... А вы вчера, мой дражайшій, прескверно играли. Извините! А ужъ какъ этотъ игралъ... вашъ товарищъ... Какъ его фамилія?

— Рубцовъ...

— Если бы онъ былъ мой крѣпостной человѣкъ, я бы ему такихъ рубцовъ... Чортъ знаетъ что!..

Въ это время подходитъ Рубцовъ.

— А, здравствуйте! Мы васъ, дражайшій, бранимъ. Вы вчера были отвратительны до невозможности! Если бы были мой... Помилуйте, такъ нельзя. Во второмъ дѣйствіи монологъ отлично прочитали... Хвалю!..

— Ваше превосходительство, это роль-то...

— Не оправданіе! Гёте сказалъ: нѣтъ дурныхъ ролей. Не оправданіе! Мнѣ покойный Алланъ говорилъ... вы понимаете по-французски?

http://rcin.org.pl

— Нѣтъ, ваше пр—ство.

— Жалко! Онъ мнѣ говорилъ...—Разговоръ перебиваетъ вошедшая актриса.

— Ахъ, Марья Ивановна, позвольте поцѣловать вашу ручку. Вы вчера заставили меня плакать. Если бы проѣзжала черезъ Харьковъ Арну Плесси...

— Что вы, ваше превосходительство...

— Нѣтъ ужъ, извините, я даромъ не хвалю. Вотъ они оба играли вчера скверно—я сказалъ прямо, что скверно. За столомъ его всегда можно было встрѣтить двухъ-трехъ человѣкъ изъ предержащихъ властей, нѣсколько проѣзжихъ черезъ Харьковъ помѣщиковъ, актрисъ, актеровъ и непремѣннаго гостя всѣхъ обѣдовъ, отставного пѣхотнаго маіора Нестеренко, который не признавалъ никакихъ винъ, кромѣ водки, и пилъ ее въ неограниченномъ количествѣ. Въ его діалогѣ были только три фразы: когда хозяинъ приглашалъ къ водкѣ, онъ говорилъ: «сердечная моя признательность вашему превосходительству»; вторая — «совершенно вѣрно изволите говорить, ваше превосходительство» и третья — «нда-съ! объ этомъ надо подумать».

Послѣ обѣда, гостепріимный хозяинъ, pour la bonne bouche, приглашалъ гостей въ кабинетъ, гдѣ ставились ликеры, шампанское, зельтерская вода, фрукты и т. п., и прочитывалъ что-либо изъ драматическихъ произведеній Кукольника или Полевого. Власти, нагипнотизированныя уже прежде чтеніемъ хозяина, поспѣшно удалялись; оставались только помѣщики, несчастные актеры и маіоръ Нестеренко.

Вводя всѣхъ въ кабинетъ, почтенный любитель драматическаго искусства говорилъ: — «ну-съ, господа, теперь позвольте мнѣ, старику, показать вамъ свое искусство... Мы вѣдь не учились ему, а только потерлись около моего друга Аллань, около Каратыгина—Мочалова не признаю, хоть и знакомъ съ нимъ былъ — и кое-что отъ драматическихъ вельможъ позаимствовали. Я вамъ сегодня прочту нѣсколько сценъ изъ «Скопина Шуйскаго», Нестора Васильевича Кукольника... На-дняхъ будетъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники... и давно пора... Патріотъ-поэтъ! Петька»!

Входитъ маленькій слуга—казачокъ.

— Принеси мнѣ маленькій кинжалъ... Весьма важный аксессуаръ въ сценѣ Лянунова съ Екатериной.

Петька принесъ небольшой кинжалъ. Всѣ усаживались

http://rcin.org.pl

по мѣстамъ; маіоръ не садился,—слушалъ стоя, заложивши палецъ за пуговицу военнаго сюртука.

— Ну-съ, я готовъ. Прочту сцену юродиваго съ Екатериной.

«Здравствуй, Катерина, пока Господь даетъ тебѣ здоровье...»

Начиналъ онъ протяжнымъ, заунывнымъ голосомъ, отъ звуковъ котораго, по третьему стиху, испустила пискливую ноту лежавшая подъ диваномъ собака.

— Петька! Сколько разъ я тебѣ говорилъ, чтобы кобеля убирать. Запорю! Ужасно нервный кобель... Извините...

«Здравствуй, Катерина, пока Господь даетъ тебѣ здоровье,
И веселись, пока съ тобой весельe...
Но прійдетъ часъ, его же знаетъ небо,
Восплачется весь міръ и сердце наше Богу обнажится...»

— Какіе превосходные стихи!

— Совершенно вѣрно, изволите говорить, ваше превосходительство.

Въ срединѣ длиннаго монолога чтецъ съ неудовольствіемъ обратился къ одному изъ слушавшихъ помѣщиковъ:

— Петръ Миронычъ, ты бы шелъ въ садъ. Ты привыкъ у себя на хуторѣ послѣ обѣда отдыхать.

— Я ничего, ваше превосходительство.

— Какъ ничего? Храпишь!..

— Это вамъ такъ показалось. Я слушаю съ великимъ удовольствіемъ.

Дойдя до сцены Ляпунова съ Екатериной, онъ вскакивалъ со стула, бросалъ книгу, схватывалъ кинжалъ и кричалъ, подражая трагику Каратыгину:

«Пей подъ ножомъ Прокопа Ляпунова,
Пей подъ анаѳемой святого царства!..»

— И эти стихи какой-то Островскій вложилъ въ уста пьяному купцу въ своей комедіи. И какъ это просмотрѣло третье отдѣленіе — недоумѣваю? Пьяному купцу, которыхъ мы встрѣчаемъ около виннаго погреба Костюрина. Я, разумѣется, написалъ объ этомъ въ Петербургъ.

Послѣ чтенія пили шампанское и шла бесѣда о драматическомъ искусствѣ. Говорилъ одинъ хозяинъ.

— Вотъ если вы мнѣ сдѣлаете честь, пожалуете ко мнѣ въ четвергъ, я вамъ прочту «Горе отъ ума» и разскажу

http://rcin.org.pl

вамъ кое-что, чего вы не слыхали. Вѣроятно, вы не знаете, что Фамусовъ списанъ съ моего дяди, Филатъ Матвѣича, извѣстнаго декабриста... Конечно, это между нами... А Репетиловъ... ну, да это до четверга.

Истомленные чтеніемъ гости, выпивши по нѣскольку бокаловъ шампанскаго, расходились.

Вотъ къ этому-то учителю и попалъ Райскій. Мучилъ онъ его чуть не каждодневно, въ продолженіе цѣлаго сезона, закармливалъ его роскошными обѣдами, называлъ его своимъ дорогимъ ученикомъ, дѣлалъ ему подарки и, окончательно научивъ его, какъ играть не надо, вселилъ въ него полное отвращеніе къ его прежнимъ сценическимъ пріемамъ. Райскій сдѣлался отличнымъ актеромъ.

Послѣ Святой недѣли, драматическихъ художниковъ больше не было видно въ Бѣлой залѣ; всѣ они двигались по предназначеннымъ имъ пунктамъ: кто плылъ по Волгѣ, кто переваливалъ Уральскій хребетъ, кто кочевалъ въ степи, направляясь къ южнымъ городамъ, кто стремился къ берегамъ Азовскаго и Чернаго морей, кого забрасывала судьба на конечный пунктъ россійскаго государства—на устье Сѣверной Двины. И все это двигалось, совершая какъ бы предопредѣленіе. Ничто не останавливало — ни дальность пути, ни скудость средствъ при передвиженіи, ни перспектива разныхъ сценическихъ неудачъ—равнодушіе публики, которую актеру часто приходится смѣшить «сквозь незримыя ей слезы», и другихъ случайностей. Впередъ, въ храмъ славы, въ храмъ искусства, въ храмъ восторговъ и самообольщенія, въ храмъ злобы и зависти! Впередъ, въ міръ сплетенъ, въ міръ нескончаемыхъ интригъ, въ міръ озлобленнаго самолюбія и коварства!

Теперь уже не существуетъ Бѣлой залы, не существуетъ и прежнихъ актеровъ; актеры новой формаціи собираются въ ресторанѣ «Ливорно».

http://rcin.org.pl

Оглавленіе

I ТОМА.

	стр.
Отъ издателя.	3
Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ. Очеркъ А. Ѳ. Кони.	7
Памяти И. Ѳ. Горбунова.— Т. И. Филиппова. . . .	108
Сцены изъ народнаго быта.	
Громомъ убило.	113
Лѣсъ.	115
Утопленникъ.	121
На рѣкѣ	128
На праздникѣ	138
Постоялый дворъ	144
На большой дорогѣ . . .	152
На почтовой станціи. . .	161
Безотвѣтный.	163
Сцены изъ купеческаго быта.	
Смотрины и сговоръ . . .	167
На ярмаркѣ	177
Самодуръ.	183
Просто—случай	222
Живемъ въ свое удовольствіе.	230
Жестокіе нравы.	237
Пана.	239
Сцены изъ городской жизни.	
Затменіе солнца	245
Воздухоплаватель	248
У пушки	251
Мастеровой	252
У квартальнаго надзирателя.	253
Развеселое житье	256
У мирового судьи. . . .	259
Домашнія сцены.	261
Визитъ.	267
Съ легкой руки.	272
Съ широкой масляницей! .	278
Сара Бернаръ	282
Общее собраніе общества прикосновенія къ чужой собственности.	288
Монологи.	
Спрятался мѣсяцъ за тучи.	295
Блонденъ	297
Травіата	298
Отъ мирового	300
Въ деньгахъ счастье. . .	302
Тостъ генерала Дитятина .	304
Очерки и разсказы.	
Изъ московскаго захолустья.	309
Петръ Петровичъ	328
Еще изъ московскаго захолустья:	
I. Комиссаръ	352
II. Широкія натуры . .	359
Бѣлая зала	369

ОПЕЧАТКИ:

На стр. 162 въ концѣ разсказа слѣдуетъ прибавить строку:

— Поди-жъ ты! Кажинный разъ на этомъ мѣстѣ!

На стр. 163 слѣдуетъ уничтожить 6-ю строку сверху.

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

F
24.107
1-2